

КЫРГСОЦ

КАПИТАЛИЗМ
РАНТЬЕ
И КОНТРДВИЖЕНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Балихар Сангера • Эльмира Сатыбалдиева

Балихар Сангера
Эльмира Сатыбалдиева

**Капитализм рантье
и контрдвижения
в Центральной Азии**

Бишкек
2023
Самиздат

В данной работе даётся объяснение и оценка современных экономических, политических, социальных и экологических кризисов в Центральной Азии через анализ присущей региону модели рентного капитализма и сопутствующих ему контрдвижений. За прошедшие три десятилетия наделённые достатком и властью граждане сумели значительно увеличить своё богатство и политические возможности — в ущерб социальному и экологическому благополучию других. Однако деятельность их не происходила в отсутствие всякого общественного контроля. Протестная активность на низовом уровне стала формой сопротивления пагубным и разрушительным последствиям подобной неолиберальной коммодификации.

Предлагая читателю теоретическую разработку вопросов моральной экономики и политики ренты со всей их назревшей необходимостью, данная работа строится на детальном анализе тематических исследований в области финансов, недвижимости и природных ресурсов, проведенных в Казахстане и Кыргызстане. Авторы демонстрируют существующие механизмы извлечения ренты, анализируют моральные доводы в их пользу, а также социальную борьбу против них.

Подчеркивается важность социально-классовых отношений, взаимоотношение государства, контрдвижений и глобального капитализма в деле понимания социально-экономической динамики в Центральной Азии. Книга представляет интерес для студентов и исследователей, интересующихся политэкономией, исследованиями в области развития, социологией, политологией и международными отношениями.

This book explains and evaluates today's economic, political, social and ecological crises through the lens of rentier capitalism and countermovements in Central Asia. Over the last three decades the rich and powerful have increased their wealth and political power to the detriment of social and environmental well-being. But their activities have not gone unchecked. Grassroots activism has resisted the harmful and damaging effects of the neoliberal commodification of things.

Providing a much-needed theorisation of the moral economy and politics of rent, this book offers in-depth case studies on finance, real estate and natural resources in Kazakhstan and Kyrgyzstan. The authors show the mechanisms of rent extraction, their moral justifications and legitimacy, and social struggles against them.

This book highlights the importance of class relations, state-countermovement interactions and global capitalism in understanding social and economic dynamics in Central Asia. It will be relevant to students and researchers interested in political economy, development studies, sociology, politics and international relations.

Rentier Capitalism and Its Discontents
Power, Morality and Resistance in Central Asia
Authors: Balihar Sanghera , Elmira Satybaldieva
eBook ISBN

978-3-030-76303-9

Published: 31 August 2021

Palgrave Macmillan Cham

Капитализм рантье и контрдвижения в Центральной Азии
Балихар Сангера и Эльмира Сатыбалдиева
Самиздат КЫРГСОЦ, Бишкек, 2023

Перевод: Олег Воронов

Редакторы: Арина Кисель, Владислав Подофёдов

Вёрстка: Анна Зорина

Дизайн обложки: Элдияр Султаналиев

На обложке использована фотография Владислава Ушакова

Координация: Бермет Борубаева

БЛАГОДАРНОСТИ

Существует парадокс. В настоящий момент мы переживаем тяжелый кризис, создающий множество проблем для сохранения социального наследия и продвижения эмансипационной политики. Имеют место вопиющие масштабы социального неравенства, задолженности, прекарности труда, экологических катастроф, политического популизма и государственного угнетения. И всё же, критическое и эмпирическое внимание к социальным силам, формирующим данный многомерный кризис, имеет ограниченный характер. Настоящая работа, применяющая точку зрения Юга, делает попытку пролить свет на то, как капитализм рантье внес свой вклад в разворачивающийся кризис.

Наш путь к этой книге начался в 2004 году в Американском университете в Центральной Азии, когда мы запустили наш первый проект по критической оценке рыночных реформ в Кыргызстане. Опыт и мнения различных социальных групп стали продуктивной отправной точкой в понимании неолиберальных преобразований, последовавших за распадом Советского Союза. В течение следующих 17 лет мы исследовали социальное неравенство и политическую ситуацию в Казахстане и Кыргызстане. Мы углубили свое понимание интересов и проблем людей, разобрались в сложных типах социальных и экономических взаимоотношений. Данная книга является результатом длительного исследования кредиторов, застройщиков, иностранных инвесторов, агентств по развитию, судей, юристов, государственных чиновников, заёмщиков, неформальных поселенцев, мелких торговцев, низовых активистов, местной элиты и оппозиционных лидеров.

Наше исследование стало возможным благодаря великодушию и открытости обычных людей, боровшихся с гнетом, порождаемым капитализмом рантье и с ним самим. Без их свидетельств и поддержки мы бы никогда не вдохновились на написание данной книги. Поэтому мы благодарны прежде всего нашим респондентам и участникам, уделившим нам так много своего времени и поделившимися своими личными историями о своей каждодневной борьбе.

Мы говорим большое спасибо нашим научным ассистентам, которые разделяли наш энтузиазм в отношении проекта, участвовали в длительных дискуссиях и поощряли нашу работу. Спасибо вам, Чынгыз, Адиль Родионов, Сабира Серикжанова, Расул Аваз уулу, Бурул Усманиева, Тимур Темиров, Салтанат Мидин кызы, Беназир Каныбек кызы, Нурлан Чойбеков, Кундуз Султанмуратова, Айгуль Муратова кызы и Гульмира Чурокова.

Мы хотели бы поблагодарить Британскую академию, Кентский университет и фонды «Открытое общество» за финансовую поддержку. Мы также благодарим Институт Кеннана при Центре Вудро Вильсона, Центр Дэвиса по изучению России и Евразии при Гарвардском университете и факультет социологии Бостонского университета за предоставленные нам исследовательские гранты и пространство для критических размышлений и анализа.

Мы хотим выразить признательность многим нашим друзьям и коллегам, которые способствовали развитию наших идей на разных этапах нашей работы. Нам помогли: Мехригуль Аблезова, Дэвид Абрамсон, Лора Адамс, Куат Акижанов, Маргарет Арчер, Гульзат Ботоева, Салли Каммингс, Бхавна Дейв, Джулия Эдер, Жанна Фо де ла Круа, Джулиан Го, Джо Хэнлон, Крис Ханн, Джон Хитершоу, Майкл Хадсон, Элиза Исабаева, Боб Джессоп, Азамат Джунисбай, Праджакти Калра, Дениз Кандийоти, Марлен Ларюэль, Морган Лю, Лорена Ломбардоцци, Филипп Лотхольц, Ник Мегоран, Винс Миллер, Дэвид Монтгомери, Эмиль Насритдинов, Кэт Оуэнс, Гюль Озкан, Себастьян Пейруз, Крис Пикванс, Симон Пирани, Уильям Померанц, Ларри Рэй, Мадлен Ривз, Мэтью Рожански, Ванесса Рюге, Ричард Саква, Сиддхарт (Монту) Саксена, Эндрю Сэйер, Стюарт Шилдс, Крис Шиллинг, Нгай-Линг Сум, Дэвид Шварцц, Йорг Вигратц, Иэн Уилкинсон, Юлия Юрченко и Синь Чжан.

Мы благодарны аудитории следующих высших учебных заведений, где данное исследование было представлено на разных стадиях разработки: Американский университет в Центральной Азии, Кембриджский университет, Восточно-китайский педагогический университет, Евразийский национальный университет, Университет Эксетер, Университет Джорджа Вашингтона, Университет Гиссена,

Гарвардский университет, КАЗГУУ, Университет Кента, КИМЭП, Королевский колледж Лондона, Лавальский университет, Открытый университет, Оксфордский университет, Сент-Эндрюсский университет, Уорикский университет, Государственный университет Вашингтона и Цюрихский университет.

Мы хотели бы выразить признательность Уиндхэму Боли, нашему редактору в Palgrave Macmillan, за его терпение и поддержку.

Особая благодарность нашим семьям за их любовь и поддержку.

Как авторы, мы несем ответственность за любые недочеты данной книги.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Глава 1. Вступление.....	29
ЧАСТЬ I: ТЕОРИЯ ИЗВЛЕЧЕНИЯ РЕНТЫ.....	49
Глава 2. Возвышение класса рантье и усиление социального неравенства.....	49
Глава 3. Моральная экономика, государство и социальные движения.....	68
ЧАСТЬ II: ОСПАРИВАЯ РЕЖИМ РАНТЬЕ И ЕГО ОПРАВДАНИЯ.....	87
Глава 4. Финансовые институты: проценты, власть, моральные обоснования.....	87
Глава 5. Строительство и недвижимость: ненадлежащая собственность, плутократия, криминогенная среда.....	115
Глава 6. Природные ресурсы: транснациональный капитал, конституционализм, экологический вред.....	162
ЧАСТЬ III: СОЦИАЛЬНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ РАНТЬЕ-РИЗМУ.....	195
Глава 7. Право на город: движение за землю и жильё.....	195
Глава 8. Противостоя власти денег: движения против долгов.....	237
Глава 9. Борьба против коммодификации добывающей промышленности: рабочие и экологические движения.....	279
ЧАСТЬ IV: ОЦЕНКА КАПИТАЛИЗМА РАНТЬЕ.....	317
Глава 10. Критическая дискуссия: неолиберализм, социальные страдания и сопротивление.....	317
Глава 11. Заключение.....	343
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ.....	353

ВВЕДЕНИЕ: НЕОЛИБЕРАЛЬНАЯ ТРАГЕДИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В середине 1980-х годов советские чиновники увидели необходимость в экономической открытости, что могло, как они надеялись, дать стране присущие Западу инновации и производительность. То было время, когда Маргарет Тэтчер и Рональд Рейган продвигали неолиберальную политику в угоду финансовому сектору, что привело к экономической поляризации в США, Британии и других странах, а также к обременению их издержками на содержание сектора рантье.

Советский Союз взял курс на приватизацию гораздо более радикальный, чем мог бы претерпеть социал-демократический Запад. В декабре 1990 года страна утвердила неолиберальный план, представленный ранее в Хьюстоне Международным валютным фондом (МВФ), Всемирным банком, Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и Европейским банком реконструкции и развития (ЕБРР). Согласно этому плану, вся собственность, ранее принадлежавшая государству, теперь переходила в частные руки. (The Economy of the USSR. A study undertaken to a request by the Houston Summit: Summary and Recommendations (Washington, DC: The World Bank, December 19, 1990)). Обещалось, что приватизаторы проявят интерес к строительству нового жилья, производству товаров потребления и, в целом, приведут к процветанию.

Советское руководство полагало, что полученные ими неолиберальные рекомендации касались того, как следовать по пути, по которому ранее развились передовые индустриальные страны, со всей присущей ему привлекательностью. На деле же данные рекомендации сводились к тому как открыть экономику страны, что давало возможность американским и другим иностранным инвесторам нажиться на бывших советских республиках. С этой целью создавались подконтрольные олигархии, подобные тем, что американская дипломатия устанавливала в Латинской Америке и других марионеточных государствах. Изоляция Советского Союза в период хо-

лодной войны уступила место превращению его республик в жертв финансовой и сырьевой эксплуатации со стороны западных банков и корпораций.

Результатом стал приход клептократии под вывеской «свободного рынка». Банковское дело, недвижимость, природные ресурсы и жилищно-коммунальные услуги были приватизированы. Новые владельцы начали управлять своими приобретениями, преследуя собственные интересы, пересекавшиеся с интересами иностранных инвесторов и банков. Как метко подмечал российский анекдот 1990-х гг. про последовавший кризис: «Всё, что партия говорила нам про коммунизм, было ложью; всё, что она говорила нам о капитализме, оказалось правдой!».

Владимир Путин однажды назвал разрушение Советского Союза величайшей трагедией конца двадцатого века. В 1991 году советские республики утвердили начало шоковой терапии, государство более не выступало в качестве инвестора, кредитора и регулятора. Всё это превратило ситуацию в классическую греческую трагедию, где недооценка развития событий привела к неизбежной катастрофе. Приватизация не положила конец переставшему функционировать планированию. Она лишь приватизировала социальную дисфункцию, столь же разрушительную для экономики и населения, как полномасштабное военное вторжение.

Всякая экономика управляется тем или иным классом. В отсутствие государственного управления планирование переходит к тем, кто контролирует банки, землю и связанные с ними источники обогащения и, прежде всего, предоставление кредитов. На сегодняшний день, спустя три десятилетия после начала постсоветского дефежа, концентрация в банковской сфере привела к долговому закабалению и обнищанию населения, сокращению продолжительности жизни и росту эмиграции.

В этой превосходно написанной, но душераздирающей книге описывается трагедия, вызванная постсоветским неолиберальным переделом Казахстана и Кыргызстана. Сангера и Сатыбалдиева описывают, как чиновники США, Всемирного банка и МВФ притворялись добрыми советчиками, желающими помочь республикам

перенять модель, благодаря которой западные экономики ранее достигли процветания. На деле же они оказывали давление на эти страны, заставляя действовать в интересах иностранных финансовых институтов и корпораций, а не собственного населения. Эти “помогающие” (а по факту, вгоняющие в долги) учреждения работали на благо западных банков и инвесторов, способствуя дележу и финансиализации постсоветской земли, недвижимости, нефти и природных богатств.

Советское планирование обеспечивало население жильём в качестве неотъемлемого права, наряду с доступом к образованию и базовой медицине. Не существовало рынка жилья и ипотечных долгов. Государственное финансирование жилищного строительства за счёт собственных кредитных средств позволяло держать плату за жильё на низком уровне. Была проблема перенаселенности, но, по крайней мере, семьи не влезали в долги ради жилья, образование или медпомощи. Такова одна из основных причин, по которой многие россияне и другие обитатели постсоветского пространства испытывают сегодня определенную ностальгию по советским временам, какими бы плохими они ни казались в 1991 году.

Последующих неурядиц и вовсе можно было избежать. У экономик постсоветских стран были все задатки, чтобы стать динамичными и состоятельными. Вскоре после распада Советского Союза пользователям жилых помещений были выданы свидетельства о праве собственности и они получили необремененную долгами недвижимость. Но если бы сохранился государственный контроль в отношении ренты и спекуляций, а строительство социального жилья финансировалось бы в достаточном объеме, людям не пришлось бы накапливать огромные долги, чтобы иметь в собственности дом, здания, землю. Это позволило бы минимизировать расходы на базовые потребности населения, что в свою очередь помогло бы постсоветским государствам развить низкокзатратное сельское хозяйство и промышленность.

Советские плановики не придавали особого значения тому, как движение ренты и выплаты по процентам вели к поляризации экономик стран Запада. Ввиду отсутствия таковых, они упустили из

виду огромное преимущество своей экономики по сравнению с западным финансовым капитализмом: свободу от земельной и монопольной ренты, отсутствие выплат по процентам и ростовщических финансовых практик. Именно эти источники обогащения посредством ренты в конечном итоге и привели к поляризации и обнищанию постсоветских экономик.

Постсоветские республики могли бы использовать механизмы своих центральных банков для финансирования реструктуризации, сохраняя кредитование в виде государственной услуги, как это было в советские времена. Это позволило бы освободить данные страны от зависимости со стороны иностранных банков, порожденной необходимостью брать кредиты на местные нужды. В условиях невыплат зарплат или отсутствия иных доходов после того, как валютный крах уничтожил внутренние сбережения, возникла острая необходимость в долговом финансировании в целях выживания. Банковские услуги, предоставляемые государством могли бы освободить экономику от необходимости занимать доллары или другую иностранную валюту, в особенности для приобретения жилья.

Национальные казначейства могли бы придать ценность этим деньгам, обложив налогом экономическую ренту, создаваемую в недвижимости, сельском хозяйстве и промышленности. В конце концов, таков был идеал классических экономистов. Взимание налога с арендной стоимости земли не позволило бы ей стать объектом спекуляций. Вместо этого доход от аренды доставался коммерческим банкам, которые финансировались западными банками, а не новому национальному центральному банку. Постсоветские налоговые системы обременяли рабочую силу и промышленность, в то время как владельцы недвижимости в основном не облагались налогами, что направляло экономику по линии рантье.

«Верховенство закона», поддерживаемое деньгами западных партнеров, позволяло менеджерам и политическим инсайдерам переписывать на свое имя государственные земли, нефтяные и минеральные ресурсы, коммунальные предприятия и заводы, а затем «обналичиваться» в твердой валюте, продавая множество (а часто и большинство) акций своих новых компаний западным гражданам.

Большая часть выручки в данном случае хранилась за границей, в результате чего местная экономика испытывала нужду в иностранных кредитах для своего функционирования.

Чтобы сделать подобный захват активов необратимым, неолиберальное верховенство закона и «гарантии по контракту» наделялись ролью юридических смиренных рубашек, дающих кредиторам право обращаться взыскание на имущество должников. Бесправные должники и арендаторы выселялись если они не были способны выплачивать ипотечный кредит или более высокую арендную ставку за жильё по мере его джентрификации. Как резюмируют Сангера и Сатыбалдиева: «Проводя неолиберальную финансовую политику, государства Центральной Азии переписали общественный договор и создали новую классовую зависимость между финансовой элитой и заёмщиками. Произошло установление “долговых государств” (Debtfare states), которые содействовали, оправдывали и нормализовывали неравные классовые отношения для обеспечения накопления капитала, движимого долговыми обязательствами. Они минимизировали надзор за финансовым сектором и устранили действенные меры предотвращения хищнического кредитования. Политическая элита узаконила неолиберальную трактовку долга как средства расширения возможностей». Результатом, однако, стало не расширение прав и возможностей населения а его маргинализация, загоняющая мелких собственников в долги и лишаящая их жилья.

Совершенно упускалась из виду концепция жилья и других базовых потребностей как неотъемлемых прав человека. «В Советском союзе существовал определенный набор имущественных прав, на которые могло рассчитывать население, и которые соблюдались и реализовывались государством», описывают авторы. «Данный набор прав включал право на землю и жильё, а также право на занятие и пользование их жильцами и их семьями. Рента, проценты и спекулятивные приобретения признавались “нетрудовыми доходами” и не разрешались».

После 1991 года, однако, жильё во всех бывших Советских республиках пришлось приобретать, беря кредиты. Таким образом произошел отказ от гарантируемой государством финансовой, налоговой

и жилищной самостоятельности в погоне за мечтой о повсеместном процветании в американском стиле, при отсутствии понимания того какой поляризующий эффект может иметь долговое финансирование. В отсутствие внутренних накоплений (уничтоженных гиперинфляцией), коммерческие банки получали средства для кредитования, занимая за рубежом. Долговые отношения в частном секторе внутри страны дополнились растущими долгами иностранным банкам.

Описывая, как амбициозные личности получали права собственности на первоклассное жильё, торговые центры и рынки перед вступлением на политический пост, авторы приводят список местных мэров, обогатившихся за счёт распродажи государственных земель и муниципальных активов. Права собственности, полученные на служебные жилые помещения становились средством выселения бывших сотрудников этих предприятий и давних жильцов. Происходила джентрификация недвижимости, подобная той, что имела место в американском «Ржавом поясе», с его масштабным закрытием заводов. Новые владельцы были вольны выжимать из полученного максимум, без каких-либо попыток обеспечить социальную защиту должникам или арендаторам, — практика, которая на Западе считается само собой разумеющейся.

Получение жилья после 1991 года требовало влезания в долги. В отличие от 5%-х ипотечных ставок на Западе, большая часть населения брала деньги в долг под процентные ставки от 25% до 50%. Это было подобно попытке купить дом, обратившись к микрокредитам в американском стиле. Выплатить их было практически невозможно. Более того, женщины и небогатые сельские жители, стекающиеся в города, вынуждены были полагаться на микрокредиты, процентная ставка по которым достигала 80% годовых.

Сангера и Сатыбалдиева отдельно выделяют Международную финансовую корпорацию Всемирного банка и Агентство США по международному развитию (USAID) за их усилия по узакониванию подобного ростовщичества, которое, по их самодовольным заявлениям, «расширяет возможности» женщин как заёмщиков. Реальность же состоит в том, отмечают они, что Международная финансовая корпорация и другие международные доноры обязали

эти микрофинансовые организации (МФО) стать в полной мере коммерческими, чтобы добиться высокой доходности на капитал. Средняя процентная ставка достигала 44%. В результате, как отмечает Сатыбалдиева в других статьях, произошла катастрофа:

Многие женщины, ранее работавшие на фабриках и в сельском хозяйстве, бывшие учителями и медицинскими работниками, были вынуждены заняться мелкой торговлей через спонсируемые Западом схемы микрокредитования...

Во-вторых, многие женщины брали деньги в долг, чтобы оплачивать такие услуги как здравоохранение и образование, которые раньше предоставлялись бесплатно. Государственное финансирование основных социальных услуг подверглось значительному сокращению, что привело не только к снижению заработной платы в государственном секторе, но и к приватизации и коммерциализации предметов первой необходимости, что позволило обеспеченным группам населения получить доступ к более качественным услугам, в то время как группы с низким уровнем дохода оказались их лишены... Проведенное в 2021 году исследование онлайн-заёмщиков микрокредитов в Казахстане показало, что 29% респондентов брали займы для оплаты неотложных расходов, 21% — для того, чтобы свести концы с концами, 16% — для погашения задолженности по банковским кредитам. Остальные использовали займы для оплаты лечения, коммунальных услуг, оплаты образования. Лишь незначительное меньшинство кредитов было связано с покупкой потребительских товаров. (Elmira Satybaldieva, 'The Debt Oppression in Central Asia,' Naked Capitalism, June 7, 2021.)

Чтобы принудить людей платить, местные кредиторы, связанные с микрокредитованием, мобилизовывали местных чиновников и старейшин, дабы пристыдить женщин за пропуск платежей. Доходило до прихода к семьям на похороны с требованием понести коллективную ответственность за долги умершего. Авторы сообщают, что речь идет об огромных суммах. «В период с 1995 по 2012 год микрокредитование позволило перевести до 125 миллиардов долларов из бедных общин Глобального Юга в финансовые центры Глобального Севера».

Именно женщины стали наиболее радикальными противницами неолиберальных реформ в западном стиле. В Бишкеке, столице и крупнейшем городе Кыргызстана «26 мая, 2016 года, около 700 человек, в большинстве своем женщины из села, провели акцию протеста перед посольством США, требуя амнистии долгов со стороны банков и МВФ, которые были созданы и поддерживаемы USAID и Международной финансовой корпорацией Всемирного банка. На плакатах, которые они держали было написано: “Оссуру FINCA”, “Долги убивают”, “Спасите от банков наши дома” и “Люди важнее прибыли”. То, что они сделали в тот день имело большое значение». Ответственность и вину за ситуацию, в которой они оказались, они возложили на западные финансовые институты, а не на собственные неудачи. Схожие протесты против долгового закабаления и соответствующее указание виновников имели место и в соседнем Казахстане.

Долговая нагрузка приобрела характер общенациональной проблемы отчасти из-за того, что покупатели домов и бизнесмены в типичной для себя манере соглашались деноминировать свои долги в доллары с тем, чтобы снизить непомерно высокие процентные ставки, устанавливаемые на займы в местной валюте. По мере долларизации экономики, курс местной валюты шел вниз как результат дефицита платежного баланса, возникшего из-за торговой зависимости и общего экономического дисбаланса. Стоимость обслуживания долгов в иностранной валюте росла пропорционально данному снижению обменного курса.

Бедность побуждала рабочую силу эмигрировать. Как ни странно, это помогло стабилизировать платежный баланс многих стран Центральной Азии. Денежные переводы от исхода трудовых мигрантов из Кыргызстана составляют около 30% его ВВП. Аналогичным образом, переводы таджикских трудовых мигрантов в России своим семьям на родину составляют более 30% ВВП страны.

Постсоветской Центральной Азии недостает основных реформ, практически повсеместно внедрявшихся на протяжении тысячелетий. Уже примерно в 2350 году до н.э. шумерский правитель Уруинимгина провозгласил реформу, которая не позволяла кредиторам

входить в дома должников и просто так забирать их имущество и животных. Начиная с Месопотамии и Египта и вплоть до римских времен права должников защищались путем требования наличия письменных записей для документирования всех требований кредиторов, существовало ограничение процентных ставок. Но западные советники не предпринимали никаких попыток создания подобного правопорядка в Центральной Азии. Тот уровень, который достигла их правовая система, как заключают Сангера и Сатыбалдиева, стоит ближе к варварству:

Стремясь освободить население от советской формы зависимости от социальных гарантий, архитекторы неолиберализма породили новые паразитические и эксплуататорские формы зависимости от рынка, где могущественный класс собственников присваивал и эксплуатировал в своих целях прибавочную стоимость, создаваемую другими. Компании с большим количеством активов и транснациональные корпорации становились богаче, отнимая средства у компаний с небольшими активами и рабочего класса посредством взимания процентов, ренты, дохода с капитала и низкой заработной платы. В результате массового перемещения богатств большая часть населения оказалась в состоянии закредитованности, бедности и страданий.

На международном уровне неолиберальное верховенство закона представляет собой сочинения корпоративных юристов, позволяющее судам по разрешению споров между инвесторами и государством (ISDS) блокировать всякие попытки правительств оштрафовать или взыскать средства с иностранных инвесторов за причиненный ими экологический и социальный ущерб. Глобальные нефтяные и горнодобывающие монополии выступают против правительств единым фронтом. Мобилизуя Всемирный банк, МВФ и Всемирную торговую организацию они оказывают давление на страны присутствия с целью принудить их соблюдать выгодные корпорациям правила, ограничивающие права правительств, и одновременно блокируя демократический надзор или влияние. На фоне существования этих судов и зачастую наивных (или замешпан-

ных на коррупции) контрактов, подписанных правительством, не предпринималось никаких попыток создать государственные регулирующие органы, суды или международные законы, чтобы дать постсоветским экономикам защиту, характерную для США и Европы.

В наибольшей степени западных инвесторов в Центральной Азии интересовали ее природные богатства. Авторы описывают, как советники США, Всемирного банка и НПО навязывали контракты в пользу интересов западных нефтяных и горнодобывающих компаний. Компания Chevron в свое время положила глаз на огромные запасы нефти в Тенгизском нефтяном месторождении в Казахстане. Казахстан в тот период хотел получить западный опыт в качестве подрядчика и миноритарного инвестора. Но Chevron хотел контроля, и чтобы правительство принимающей страны получало как можно меньше доходов от продажи собственной нефти.

В результате был заключен один из самых грабительских нефтяных контрактов в истории. Совсем не это рассчитывал получить Казахстан, но то была большая удача для Chevron. Контракт обещал, что правительство будет получать 80% от добычи, что соответствует обычным соглашениям о разделе продукции 80% на 20% для стран Европы и Ближнего Востока. Однако, как пишут авторы, в итоге Казахстану досталось лишь 2% доходов от проекта. Корпоративные юристы составили контракт, не позволяющий правительству Казахстана получать никакой прибыли вовсе, пока оно не понесет огромные расходы на самостоятельную разработку нефтяного месторождения (путем заимствования у МВФ) и достигнет долгосрочных производственных результатов. К этому времени почти четверть запасов нефти Тенгиза была бы выработана и продана.

Деятельность компании Chevron оказалась столь же катастрофичной в плане экологии, как и ранее в Эквадоре. Компания была оштрафована на 303 миллиона долларов за нарушение законов об охране окружающей среды, но под давлением президента Назарбаева штраф был отменен, с целью демонстрации всему миру насколько Казахстан «дружелюбен к инвесторам!» Когда народная оппозиция выступила с требованием справедливого контракта,

международные инвесторы и западные правительственные чиновники и их агенты в МВФ, Всемирном банке и USAID ответили, что пересмотр условий контракта нарушит верховенство закона и святость контрактных обязательств.

Кыргызстан аналогичным образом пострадал от иностранных золотодобывающих предприятий, загрязняющих окружающую среду. Последствия данных «факторов внешнего порядка» легли на принимающие страны, при этом иностранные инвесторы не понесли никакой платы за свое незаконное, безответственное и хищническое поведение. Если бы Запад действительно стремился помочь постсоветским государствам стать процветающими, его дипломаты поспособствовали бы тогда заключению справедливых соглашений об инвестициях в природные ресурсы, защите окружающей среды, безопасности работников и других мерах государственного регулирования. Вместо этого, заключают Сангера и Сатыбалдиева, «Режим неолиберальных правил инвестирования обязал правительства соблюдать соглашения, подписанные с транснациональными корпорациями... Если соглашения нарушаются, инвесторы считают себя вправе обратиться в международный арбитраж для возмещения ущерба со стороны принимающих государств... Верховенство закона... утверждает, что... государство не может посягать на права и свободы личности, а сфера частной собственности должна быть защищена от мажоритарной политики». Таким образом, неолиберализм не избавился от государственного планирования. Он установил господство корпораций над государством, заставляя правительства принимающих стран отдавать «приоритет интересам транснационального капитала над интересами собственного населения и сотрудничать с иностранными корпорациями в деле ограничения демократических голосов и ослабления сопротивления».

Некоторые завоеванные страны восстанавливаются подобно Германии и Японии после 1945 года. Однако завоевание бывших советских республик приняло форму разложения их экономической структуры путем установления клептократий. Судьба Центральной Азии и других постсоветских государств по-прежнему определяется тем, каким образом их земля, минеральные ресурсы

и государственные предприятия были приватизированы руками марионеточной клептократии в союзе с иностранным капиталом. Подобно грантам на пожалование земли, появившимся в результате нормандского завоевания и действий Испании в Новом Свете, постсоветский захват активов породил новую олигархию, наделенную полномочиями собирать земельную ренту и ренту от природных ресурсов для себя, а также для американских и других иностранных акционеров и кредиторов. Расширяющееся неравенство в распределении собственности и долговая зависимость с большой вероятностью будут блокировать развитие этих стран на многие десятилетия.

Обвинение, которое Тацит вложил в уста противника Рима, кельтского вождя Калгака две тысячи лет назад («И создав пустыню, они говорят, что принесли мир») вполне можно выдвинуть против западных неолибералов, навязывающих меры жесткой экономии, зависимость и долговую кабалу, и называющих захват власти рантье естественным и неотъемлемым верховенством закона. Непростая задача для Центральной Азии — определиться с реформами с учетом тех корыстных интересов, которые сложились за последние тридцать лет. Сопротивление реформам отвечает не только интересам рантье и их иностранным спонсорам, но и узкой прослойке «среднего класса», который далек от мысли об объединении с большинством для возврата государственного финансирования, а также налогообложения земельной и другой экономической ренты.

Экономическая устойчивость не может быть восстановлена без государственных расходов, однако бизнес-план рантье заключается в минимизации налогов путем сокращения государственных органов, особенно путем приватизации коммунальных услуг и других функций. Делается это для того, чтобы создать возможность взимания монопольной ренты, и противостоять налогообложению экономической ренты. Современная экономическая философия и академические программы на Западе поддерживают данную неолиберальную программу, отрицая существование непроизводственного дохода или богатства, основанного на ренте.

Однако лишь налог на ренту может возратить то, что в свое время присвоили инсайдеры. Вопрос состоит прежде всего в том, будет ли кредитная, банковская и налоговая система управляться во благо общества или же во имя выгоды отдельных лиц. Национальное казначейство или центральный банк должны быть наделены правом создавать деньги с тем, чтобы не зависеть от иностранных банков. Необходимо руководствоваться тем правилом, что ни одна экономика не должна занимать в иностранной валюте, которую она не получает, например, за счёт экспорта, позволяющего выплачивать долги в иностранной валюте. Нет необходимости полагаться на иностранные банки, предоставляющие доллары в долг с конвертацией их в национальную валюту. В подобных случаях центральный банк всё равно обязан создавать национальную валюту. Иностранный кредит нужен исключительно для покрытия дефицита торгового и платежного баланса, не для внутренних инвестиций или потребления.

Данные налоговые и финансовые реформы потерпели неудачу, поскольку установки классических экономистов были отвергнуты после Первой мировой войны. Сегодняшний мир нуждается в возврате к изначальному подходу, что освободит его от про-рантьерского пути, существующего уже не только в самом откровенном виде в постсоветских республиках, но и в Европе, и в наиболее постиндустриальной экономике мира, США.

Чтобы избежать иностранной зависимости, присущей неолиберализму и поддерживаемой американской дипломатией, Всемирным банком и МВФ, необходим альтернативный свод экономической теории, прежде всего, включающей отличие производственных и непроизводственных доходов и концепцию экономической ренты как превышения рыночной цены над внутренней стоимостью. Именно в этом заключалось стремление классической политической экономии XIX века — освободить рынки от класса рантье. Теория стоимости и теория цен являлись аналитическими инструментами для выделения экономической ренты как непроизводственного дохода. Данные концепции дают основу для управления смешанной государственно-частной эко-

номикой, государственных инвестиций и создания кредитов, а также для защиты отечественной рабочей силы, промышленности и сельского хозяйства. В деле создания теории для политического руководства, катастрофическое неолиберальное продвижение интересов рантье во всех постсоветских государствах дает наглядный урок того, чего следует избегать.

*Майкл Хадсон
Нью-Йорк, США
Июнь 2021*

ПРЕДИСЛОВИЕ: БУДНИЧНЫЕ КАТАСТРОФЫ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОГО КАПИТАЛИЗМА

В своей книге «Великая трансформация» экономический социолог и антрополог Карл Поланьи назвал промышленный капитализм XIX века «сатанинской мельницей». На обширном историческом материале он показал, что промышленная революция, хоть и привела к взрывному экономическому росту, оказала губительное влияние на общество: прежние моральные, традиционные и политические ограничения, сковывавшие капитализм, были разрушены, и люди оказались беззащитны перед рыночной стихией. Парадокс, как указывает Поланьи, заключается в том, что последовательное воплощение в жизнь идеи саморегулирующегося рынка привело бы к уничтожению общества и природы: «Подобный институт не мог бы просуществовать сколько-нибудь долго, не разрушив при этом человеческую и природную субстанцию общества; он бы физически уничтожил человека, а среду его обитания превратил в пустыню». Вскоре общество начало защищаться от brutальной, всеокрушающей энергии рынка, пытаясь заново сковать его моральными нормами и государственным регулированием. Это сочетание рыночной экспансии и попыток ее ограничить Поланьи назвал «двойным движением».

Книга Поланьи была опубликована в 1944 году. Дальнейший ход истории подтвердил его тезис, согласно которому «двойное движение» изначально противоречиво и две его стороны конфликтуют друг с другом. Устойчивая формула сосуществования рынка и его социально-политических ограничений так и не была найдена. Период «встроенного», ограниченного рынка в 1940-х – 1970-х годах сменился периодом «невстроенного» рынка начиная с 1980-х годов, когда бизнес взял реванш и сбросил с себя бремя высоких налогов, трудовых прав, социальных гарантий. Идеологией этого рыночного реванша стал неолиберализм: особое прочтение либеральной традиции, ставящее во главу угла экономические свободы, зачастую в ущерб политическим.

Именно на период «невстроенного» рынка и господства неоллиберализма приходится событие, имеющее всемирно-историческое значение: распад СССР. Преобладавшие в мире представления об экономике и экономической политике определили характер перехода к капитализму в постсоветских странах. Наряду с эндогенными (внутренними) политико-экономическими процессами в этих странах, неоллиберальные идеи сформировали постсоветский социальный порядок. Эти страны пережили свою «великую трансформацию», которая для их жителей обернулась глубоким кризисом всех сфер жизни общества. По сути, ни в одной из них этот кризис так и не преодолен. Их экономика, демография, государственные институты и сама социальная ткань до сих пор отмечены последствиями перехода к рыночным отношениям. Однако постсоветские общества на протяжении всего периода после распада СССР пытались выработать защитные механизмы от той специфической формы капитализма, которая в них сформировалась. Таким образом, концепция «двойного движения» Поляни применима и к постсоветскому миру. Именно этому сюжету посвящена книга Балихара Сангеры и Эльмиры Сатыбалдиевой.

Они показывают, что экономики постсоветской Центральной Азии строятся не на предпринимательском доходе, а на извлечении ренты в различных формах. Постсоветские предприниматели – это прежде всего ратье. Концепт рентного дохода объединяет множество измерений экономической жизни. К нему относится и коррупция (частное присвоение государственных ресурсов), и экстрактивизм (рента от эксплуатации природных ресурсов), и финансовализация (извлечение рентных доходов из различных финансовых инструментов, в том числе нацеленных на население), и сектор недвижимости (подразумевающий «вторичную эксплуатацию» населения на жилищном рынке). Уже по этому списку понятно, что львиная доля экономической активности в центральноазиатских (да и в целом постсоветских) странах приходится именно на извлечение ренты. Жертвой в данном случае является основная масса населения, страдающая от слабых, обескровленных коррупцией государственных институтов, тяжелых экологических последствий

экстрактивизма, кредитного ярма (в том числе в экстремальных формах микрофинансовых организаций) и нерегулируемого рынка недвижимости. Субъектами этой экономической практики являются как местные коррумпированные бизнесмены («олигархи»), так и иностранные инвесторы, что также подробно проанализировано в книге.

Неограниченное господство рыночных отношений представляется в неолиберальном дискурсе как нечто неизбежное и естественное. В 1991 году Лоуренс Саммерс, тогда главный экономист Всемирного банка, призвал: «Несите истину: законы экономики такие же, как законы инженерного дела. Везде действует один и тот же набор законов». Вскоре тщательное применение «законов экономики» в постсоветских странах, квинтэссенцией которых была неолиберальная шоковая терапия, привело к настоящей катастрофе в большинстве из них. Практически сразу международные эксперты и местные неолиберальные экономисты стали защищать свой проект: дело было не в нем самом, а в его реализации и многочисленных политических препятствиях. «Законы экономики», таким образом, не ставились под сомнение, хотя сформулированные на их основе практические рецепты повсюду терпели поражение. Вряд ли инженер, чьи здания обрушиваются одно за другим, сохранил бы работу (и, вероятно, свободу), оправдываясь тем, что не учел того или иного обстоятельства во время стройки. Саммерс, тем не менее, продолжил успешную карьеру, успев побывать и президентом Гарвардского университета, и участником нескольких президентских администраций в США.

Важная задача, которую выполняет книга Сангеры и Сатыбалдиевой, заключается в демонстрации того, что приравнение «законов экономики» к законам физики в неолиберальном дискурсе является осознанной риторической стратегией. Более того, голоса людей, пострадавших от тщательной реализации «законов экономики», столь же важны и заслуживают рассмотрения, сколь и голос главного экономиста Всемирного банка. Фрустрация и боль, которую выражают простые граждане центральноазиатских республик, являются не иллюзией, которая развеялась бы, если бы они тща-

тельнее изучали «законы экономики», и не следствием какого-то их личного изъяна, а социальным фактом, который заслуживает того, чтобы его учитывали при выработке экономической политики. Таким фактом являются слова Наргизы, продавщицы на рынке в Кыргызстане: «[Мне и моему партнеру] нужно платить за квартиру, и мы должны найти деньги... Мы пошли в ломбард и отдали им наши золотые серьги и кольца... Потом пошли в Nalyk Bank, очень плохой банк. Они вас там просто съедят. Люди дома теряли свои... Мы приходим на работу каждое утро в шесть часов. Кормим эти банки... Банки и владельцы рынков живут хорошо, а мы страдаем». Это и множество других свидетельств приведены в книге. Вместе они образуют контрнарратив, который ложится в основу низовых протестов и того самого «контрдвижения», о котором писал Пола-ньи. Построение капитализма в центральноазиатских республиках обернулось глубочайшей социальной травмой, с которой люди пытаются справиться с помощью индивидуальных и (к сожалению, куда реже) коллективных стратегий.

Книга Сангеры и Сатыбалдиевой – впечатляющее полотно экономических и социальных трансформаций в центральноазиатских странах. Это текст, проливающий свет на то, что реально происходит в этих обществах и что является слепым пятном для неоллиберальной, рыночной догматики, которая и по сей день сохраняет свое влияние. Тщательная фиксация драматического неравенства власти и ресурсов, фрустрации и страданий большинства сама по себе является важным вкладом в «контрдвижение» и самозащиту центральноазиатских обществ, о которых пишут авторы книги. Это анализ и свидетельство, которые остро необходимы сегодня.

*Илья Матвеев
Беркли, США
Август 2023 года*

ГЛАВА 1. ВСТУПЛЕНИЕ

Данная работа представляет собой критику постсоветского капитализма с точки зрения «моральной экономики». Освободив рынки от государственного регулирования, неолиберализм позволил могущественным экономическим субъектам присваивать доход в силу своих прав собственности. Последнее дало им возможность приобщиться к потоку доходов исключительно на основе контроля и владения существующими на тот момент дефицитными активами, включая денежный кредит, недвижимость и природные ресурсы (Sayer, 2015). Неолиберализм утвердил и расширил роль ренты и непроизводственных доходов в экономиках постсоветских стран. Присвоение доходов через проценты, ренту, дивиденды и прирост капитала было оправдано и нормализовано как часть системы «свободного рынка». Практики изыскания ренты вышли далеко за рамки эксплуатации природных ресурсов и неправомерных государственных или частных источников доходов.

Неолиберальный процесс маркетизации не просто обогатил класс собственников, но привел к лишению собственности других, неравенству и нанесению экономического ущерба. В Казахстане и Кыргызстане большинство населения колебалось между принятием несправедливых господствующих экономических отношений и желанием альтернативных механизмов, основанных на справедливости, достоинстве и материальном благополучии. Оценив влияние «свободных рынков» на свои жизни, многие из них потребовали государственного регулирования, социальной защиты и политических изменений. Активисты низовых и социальных движений стремились наилучшим образом осознать сложившуюся ситуацию. Они создавали альянсы с другими участниками, дабы оказать эффективное сопротивление государству и капиталу в неравной борьбе с последними.

В данной книге для анализа экономических и политических процессов в регионе также используется концепция двойного движения Карла Поланьи. После распада Советского Союза Казахстан и Кыргызстан провели масштабные рыночные реформы, так называемую

неолиберальную шоковую терапию. По указанию международных финансовых институтов и агентств по развитию, подверглись приватизации, либерализации и дерегуляции основные сектора экономики, включая нефтегазовый, горнодобывающий, финансовый и жилищный, сектор розничной торговли и строительства. Неолиберальная перестройка системы привела к коммодификации денег, земли и труда, создав практически неограниченные рынки для этих новосозданных фиктивных товаров.

Коммодификация денег, земли и труда породила социальные отношения неравенства, при которых богатые и наделенные властью получили возможность присваивать и эксплуатировать прибавочную стоимость, произведенную другими. Социальная исключенность и неравная включенность, возникшие в результате коммодификации стали источниками контрдвижений (Burawoy, 2015). Казахстан и Кыргызстан столкнулись с растущими проблемами задолженности, грабительских процентных ставок, выселения с земли, бездомности, низкой заработной платы, отсутствия гарантий занятости и разрушения окружающей среды. Подобная ситуация порождала сопротивление на местах и в масштабах всей страны. В то время как одни общественные движения призывали к социальной защите от губительных последствий коммодификации, другие выступали за жесткие ограничения на рынках фиктивных товаров и/или за декоммодификацию.

Очевидно, что практики изыскания ренты явились продуктом неолиберализирующих и противодействующих ей сил, и носили условный, не автоматический, и не неизбежный характер. Присвоение доходов зависело от внеэкономических институтов, обладавших полномочиями узаконивать, регулировать и способствовать изысканию ренты. В Казахстане и Кыргызстане судебная система, регулирующие органы и другие государственные учреждения превратились в важные площадки борьбы, где различные социальные силы соперничали по поводу прав, правил, норм и истолкования ситуации, касавшихся прав собственности и непроизводственных доходов. Хотя механизмы присвоения доходов возникли в силу мощных корыстных интересов, непроизводственные доходы

по-прежнему нуждались в моральном оправдании или, скорее, рационализации. Моральные требования и контртребования выдвигались относительно того, кто и что должен делать, получать и контролировать (Sayer, 2018).

Международные финансовые институты, агентства по развитию и западные страны-экспортеры капитала явились неолиберальными архитекторами режима, направленного на присвоение доходов (Soederberg, 2014). Они привязали Казахстан и Кыргызстан к системе «свободного рынка» с помощью фискальных, правовых и судебных механизмов, включая инвестиционные договоры и конституционные нормы. Их обоснования подобного режима были слабы, но после краха государственного социализма и отсутствия альтернативных экономических представлений многие люди приняли этот новый экономический порядок. В то время как одни занимались нормализацией деятельности «свободного рынка» как абсолютно естественного явления, другие его политизировали. Во многих случаях вину за социальные страдания возлагали на внешние силы, что приводило к коллективным общественным действиям по устранению несправедливости.

Политические режимы не были нейтральны по отношению к социальным силам, но отдавали предпочтение одним субъектам, стратегиям и действиям перед другими (Jessop, 2002). Зависимые от экспорта природных ресурсов, транснационального капитала и международных доноров, Казахстан и Кыргызстан были структурно ориентированы на глобальный капитал и интересы «свободного рынка». Политические режимы пытались заручиться согласием населения, оправдывая и представляя зарубежное приобретение природных ресурсов страны, финансовую либерализацию и неограниченные рынки как источники экономического развития, расширения возможностей, творчества и свободы. Столкнувшись, однако, с растущим недовольством населения по поводу социального неравенства, людских страданий и коррупции, данные режимы в конечном итоге прибегли к силе принуждения для насильственного подавления политической оппозиции и низовых движений.

Оценивая реально существующие экономические отношения и связанные с ними оправдания и последствия, авторы данной работы показывают, что практика непроизводительных доходов, основанная на отношениях власти и неравенства, имела слабую моральную защиту и приводила к пагубным последствиям. Помимо расширения непродуктивных и эксплуататорских форм капитала, усиления экономического неравенства и обострения социальных бедствий, изыскание ренты имело и другие пагубные последствия. Неолиберальный режим ограничивал демократические силы, подчиняя государственные и регулирующие органы сверхбогатым (Gill, 2008). В Казахстане и Кыргызстане возникла плутократия — власть богатых, где богатство конвертировалось в государственные должности, и наоборот. Чрезмерная добыча природных ресурсов привела к разрушению окружающей среды. Хищническое бурение скважин и проведение горных работ привели к загрязнению воздуха и рек, таянию горных ледников и ухудшению здоровья местного населения.

30 ЛЕТ СПУСТЯ — ВРЕМЯ КРИТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ

За три десятилетия неолиберальных изменений посткоммунистические страны претерпели масштабную трансформацию экономической системы (Myant & Drahokoupil, 2011). Казахстан и Кыргызстан стали одними из нескольких посткоммунистических стран, вышедших за рамки реализации стандартных реформ Вашингтонского консенсуса (Appel & Orenstein, 2018). Ими был внедрен ряд радикальных неолиберальных мер, включая плоскую шкалу налогообложения, низкий корпоративный налог, крайний монетаризм и дерегулирование финансовых рынков. Государства Центральной Азии находились в процессе «конкурентной подачи сигналов», стремясь доказать международным инвесторам и донорам свою открытость для глобального капитала.

В данной книге даётся критическая оценка неолиберальной системной трансформации, тема, которая в значительной степени опускалась в исследованиях по Центральной Азии. Авторы, пишущие о Центральной Азии, часто умалчивают о природе постсоветского капитализма и соответствующих классовых отношениях (см. также Ost, 2015). Западные СМИ склонны изображать данный ре-

гион «как теневой регион преступности, сомнительной репутации, авторитарного руководства, политической коррупции и зарождающегося упадка» (Stone, 2012: 175). Общественные науки, касающиеся этого региона, уделяют много внимания вопросам природных ресурсов, миграции, неформальной и неподзаконной экономики, политике, основанной на патронаже, существующим там нелиберальным режимам. Подобные работы рискуют стереотипизировать, патологизировать и экзотизировать регион (см. Koch, 2019). Лотгольц и др. (Lottholtz, 2020: 421) отмечают, что «авторитарные» и «нелиберальные» формулировки являются частью ориенталистского и западноцентричного мировоззрения, и отвлекают внимание от недовольства и насилия, присущих капиталистической современности».

Поланьи (1944) утверждает, что земля, деньги и труд никогда не предназначались для купли-продажи, поскольку их бесконтрольная коммерциализация уничтожает их подлинный характер. Неолиберальные исследователи размывают грань между производительными и непроизводительными формами дохода, дабы мистифицировать непроизводственные доходы. Изыскание ренты ставится под вопрос только тогда, когда политические деятели начинают использовать свои полномочия для изъятия доходов у экономических субъектов (Buchanan, 2008). Аналогичным образом, в постсоциалистической литературе изыскание ренты рассматривалось как незаконная или противоправная деятельность политических элит, включающая nepoтизм, патронаж, коррупцию и мошенничество (Cooley & Heathershaw, 2017; Engvall, 2014; McGlinchey, 2011; Mihalyi & Szelenyi, 2017, 2019; Peyrouse, 2012). Однако неолиберальные и постсоциалистические исследователи не уделяли внимания легальным формам присвоения в частном секторе, где изыскание ренты имеет большую распространенность, более несправедливый и пагубный характер (Maclean, 2017).

Неолиберальная коммодификация денег, земли, природных ресурсов и труда трансформировала экономику стран Центральной Азии. Для новой экономической системы стало характерно преобладание присвоения стоимости над её созданием, меновой

стоимости над потребительской. Формы присвоения дохода были разнообразны, имели широкое распространение и, в конечном счёте, рутинизированы. В то время как отдельные отрасли экономики, такие как банковское дело, недвижимость, природные ресурсы, розничная торговля и телекоммуникации процветали, обрабатывающая промышленность и сельское хозяйство переживали упадок (Pomfret, 2019). Прибыль от погони за рентой и спекулятивной деятельности создавала препятствия для промышленного и сельскохозяйственного производства, несмотря на то, что на последние приходилась значительная часть рабочих мест. В новой экономической системе рента и рантье доминировали до такой степени, что ее смело можно назвать «капитализмом рантье» (Christophers, 2020). Под рантье понимаются лица, присваивающие доход (ренту) на основе имеющихся в их собственности активов.

Маркетизация фиктивных товаров включала в себя насильственный процесс присвоения стоимости, лишения собственности, отчуждения и эксплуатации (Harvey, 2005). Она породила многочисленные источники социального неравенства и страданий в Центральной Азии. Богатые и влиятельные элиты получили доступ к непроизводственным доходам за счёт ростовщических процентных ставок, непомерной земельной и имущественной ренты, высоких доходов от недр и неоправданно высокой монопольной ренты. Большинство населения платило чрезмерно высокую цену за базовые товары и услуги, что приводило к обнищанию, страданиям и бедам.

Опираясь на идеи Поланьи о двойном движении, в данной книге указывается, что неолиберальной волне коммодификации противостояли низовые движения (Burawoy, 2015; Goodwin, 2018; Hann, 2016). Материалам по протестам в Центральной Азии, как правило, присуща тенденция игнорировать классовую напряженность как источник движения сопротивления. Более того, лишь в очень немногих исследованиях дается тщательный анализ таких движений. Казахстанские контрдвижения носили в основном оборонительный характер и были направлены на изменение формы, но не на преобразование самой рыночной практики. Так, например, ан-

ти-долговое движение боролось главным образом за перенос сроков выплат по долгам, прекращение злоупотреблений и облегчение долгового бремени. Деятельность движения в защиту неформальных поселений ограничивалась требованием легализации земли. В отличие от них, контрдвижения Кыргызстана носили более наступательный характер. Они были направлены на то, чтобы поставить под вопрос существующие процентные ставки, национализировать горнодобывающую промышленность и перераспределить землю в пользу бедных слоев населения и групп мигрантов.

Два движения, коммодификации и декоммодификации, развивались одновременно, и связанные с ними классовые силы боролись за доступ и контроль над государственными институтами и ресурсами. Хотя контрдвижения и добились некоторых уступок, они так и не смогли бросить вызов неолиберальному режиму прав собственности и внедрению на рынок фиктивных товаров. Государства Центральной Азии содействовали и отдавали приоритет присвоению доходов над промышленным производством, а интересы инвесторов ставили выше потребностей общества. Стратегический альянс класса богатых собственников и политических элит породил плутократические режимы. Кроме того, инструменты государственного принуждения использовались для сдерживания и подавления демократической оппозиции и сопротивления. Низовые движения зачастую были слишком раздроблены и слишком легко кооптировались, чтобы оказать эффективное сопротивление.

Класс финансистов и собственников («Хозяева Вселенной», нефеодалные владыки) будет продолжать сеять хаос и страдания в Центральной Азии, если неолиберальное экономическое мышление не будет подвергнуто критике и не будут предложены реальные ему альтернативы. Данная книга представляет собой один из многих шагов на пути к этой цели.

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЮГА

В этой книге рассматривается, каким образом классовые отношения в мире, связанные с собственностью и контролем над ограниченными активами, сыграли важную роль в создании не-

равномерного распределения богатства и власти. У класса рантье в Центральной Азии имеется гораздо больше общего с их собратьями на Западе, чем с собственными земляками. Аналогичным образом, центральноазиатские низовые активисты, выступающие против неолиберальной коммодификации вещей, имеют отношение к аналогичной борьбе и в других странах мира. Хотя в книге и анализируется неравноценный обмен между Глобальным Севером и Глобальным Югом, основное внимание уделяется вопросам господства и сопротивления ему в самих Казахстане и Кыргызстане.

Для отражения сложных сочетаний деятельности, событий, проблем и оценок в Центральной Азии использовалась точка зрения Глобального Юга (см. также Go, 2016). Дилеммы, противоречия, вред и страдания понимались и оценивались с классово-ориентированных позиций, в частности, с позиций местных рантье и низовых активистов. Это позволило избежать создания уничижительных отчётов с позиции Севера, где существует тенденция объяснять те или исходы с точки зрения стереотипированных идентичностей и культур или же приоритета интересов Первого мира (к примеру, безопасность и энергетика) над проблемами стран с низким уровнем дохода.

Хотя знание всегда носит социально обусловленный характер, это не означает, что социальная наука должна ограничиваться эпистемологическим релятивизмом или набором узких партикуляризованных (Go, 2016). В данной книге точка зрения Юга предполагает вычленение существенных признаков и отношений из многогранных конкретных социальных явлений. Подобный способ теоретизирования имел целью не только объяснить и дать оценку капитализму рантье и контрдвижениям в Центральной Азии, но и осветить, по возможности, аналогичные процессы и борьбу в других странах Глобального Юга и на Западе.

Мейнстримовая социальная наука склонна оперировать набором дуализмов, таких как универсализм/партикуляризм, объяснение/понимание, теория/данные, истина/мнение, объективное/субъективное, разум/эмоции, сознание/тело, факт/ценность, современность/традиция и так далее (см. Sayer, 1992, 2000, дискуссия о

критическом реализме и социальных науках). В каждом из этих дуализмов первый термин часто рассматривается как вышестоящий, хотя иногда встречается и обратная ситуация в случае некоторых постпозитивистских парадигм. Точка зрения Юга избегает подобных разрушительных дуализмов и признает наличие пространства между терминами. Она обращает внимание на эмоциональный интеллект, насыщенные этические описания, оценки, воплощения, онтологический реализм, стратифицированную онтологию, причинные механизмы и теоретически обоснованные наблюдения.

Точка зрения Юга нашла свое выражение в ретродуктивной стратегии исследования, не в индуктивной и дедуктивной, которые изучают явления снизу вверх и сверху вниз соответственно. Ретродукция стремится объяснить наблюдаемые закономерности и происходящие события в конкретных контекстах, постулируя материальные и дискурсивные причинные механизмы и условия (Sayer, 1992). Теоретический плюрализм или множественность теоретических углов зрения были необходимы здесь для анализа сложных конкретных событий. Конкретные теории, механизмы и концепции всегда носили условный характер, и для проверки их практической пригодности требовалась полевая работа. Данная точка зрения также была привержена оценочной рациональности, согласно которой существуют критерии, позволяющие судить о том, какие объяснения реальности работают лучше или хуже.

Кроме того, данная точка зрения использовала интенсивные исследования, которые в первую очередь сосредоточены на причинах происходящего в конкретных случаях, в отличие от экстенсивных исследований, направленных на выявление общих свойств и закономерностей (Sayer, 2000). Интенсивный подход отталкивается от конкретных лиц, прослеживая затем их ключевые каузальные связи и изучая их качественный и количественный характер. Критически исследуя деятельность местных рантье, данный подход охватывал как восходящие, так и нисходящие масштабы, освещая взаимосвязи между частным и целым, местным и национальным, Югом и Севером. Это позволяло выявить значимые связи и причинно-следственные группы на различных уровнях масштабирования.

ния. Причинно-следственные связи устанавливались не на основе дисциплинарной лояльности или дисциплинарного империализма, а на основе весомых аргументов.

ПЛАН И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Данная книга опирается на четыре тематических исследования, посвященных денежному кредитованию, земле, недвижимости и природным ресурсам в Казахстане и Кыргызстане. Выбор тем для исследования был продиктован их региональным значением и связью с источником непроизводственных доходов. Изучение этих тем позволяет получить критическое представление о том, каким образом эти вопиющие формы присвоения доходов создавались, оправдывались, продвигались и встречали сопротивление на постсоветском пространстве. В четырёх тематических исследованиях изучалось, как представители различных социальных групп истолковывали, де-/легитимизировали и проводили оценку состояния дефицитных активов. Общее число участников составило 241 человек, которые включали в себя богатых владельцев активов, арендаторов/пользователей из низшего среднего и рабочего класса, высокопоставленных государственных чиновников, судей, профессиональных посредников, представителей международных финансовых организаций, лидеров низовых движений и организаций-представителей гражданского общества.

Тематическое исследование кредита/задолженности

Первое тематическое исследование по теме финансов состояло из двух частей. В первой части был рассмотрен вопрос кредита/займа с точки зрения кредиторов и государственных чиновников. Для этого в 2016-2017 годах было проведено тридцать полуструктурированных интервью в Нур-Султане, Алматы и Бишкеке. Выборка состояла из двенадцати банков, двух микрокредитных организаций, одного ломбарда, девяти международных финансовых институтов, четырёх государственных министерств и ведомств, двух торговых ассоциаций. Авторы совместно с четырьмя ассистентами использовали для отбора респондентов целенаправленную выборку (Vroman,

2012). Интервью проводились на русском или английском языках, каждое интервью длилось в среднем 45 минут. Вопросы в интервью касались того, как финансовая элита, государственные и негосударственные субъекты оценивали кредитную практику, какие моральные дискурсы и нормы превалялись в их восприятии, какого рода экономическое давление влияло на их суждения.

Во второй части изучался опыт заёмщиков и их понимание проблемы задолженности в Кыргызстане. На начальном этапе была проведена фокус-группа с участием тринадцати общенациональных и региональных лидеров, принадлежащих к анти-долговому движению. Групповая дискуссия в составе пяти общенациональных лидеров и семи региональных прошла в Бишкеке в 2016 году. Десять участников фокус-группы являлись этническими кыргызскими женщинами в возрасте 50-60 лет, двое — этническими кыргызскими мужчинами. Обсуждение в фокус-группе проводилось на русском и кыргызском языках и продолжалось более двух с четвертью часов. Оно состояло из трех разделов. В первом разделе участникам было предложено рассказать о том, как зародилось и развивалось движение против долгов, каковы были его мотивы и цели. Во втором разделе участникам предлагалось обсудить стратегии, которые они применяли на протяжении многих лет. В третьем разделе участников попросили описать их взаимодействие с государственными и финансовыми институтами и элитами, а также то, как последние реагировали на выдвигаемые движением требования.

Кроме того, в рамках этой части исследования было проведено тридцать три полуструктурированных интервью с заёмщиками, из которых двадцать три были женщинами, десять — мужчинами. Интервью проходили в Бишкеке и Оше в 2016 году. Большинство интервьюируемых были привлечены через лидеров движения против долгов, другие пришли по рекомендациям. Большинство опрошенных принадлежали к низшему среднему и рабочему классу. Интервью, проводимые на русском или кыргызском языках, длились в среднем час и состояли из двух разделов. В первом разделе интервьюируемые описывали свои личные и экономические трудности,

связанные с долгами. Во втором разделе им предлагалось обсудить то, каким образом они пытались разрешить свои экономические затруднения.

Кабинетные исследования использовались для получения информации о том, как заёмщики в Казахстане понимают и реагируют на проблему задолженности. Местные газеты, онлайн-СМИ, специальные доклады и блоги активистов явились ключевыми источниками данных для изучения опыта и действий заёмщиков.

Тематическое исследование недвижимости

Второе тематическое исследование, на этот раз по недвижимости, состояло из двух частей. В первой части исследовалось, как застройщики и государственные чиновники подходили к вопросу городской недвижимости в Кыргызстане и ее развитию. Авторы и два ассистента привлекли одиннадцать участников, из которых шесть являлись директорами и топ-менеджерами компаний в сфере недвижимости и строительства, четыре — высокопоставленными чиновниками государственных министерств и ведомств, один — чиновником городского кенеша. Интервью проводились в Бишкеке и Оше в 2016 году на русском и английском языках и длились в среднем 45 минут. Вопросы интервью касались того, как застройщики и государственные органы понимают и определяют вид и формы городской недвижимости и жилищного строительства.

Вторая часть включала опыт арендаторов в Кыргызстане. Полуструктурированные интервью фокусировались на рыночных торговцах в качестве арендаторов на крупных частных рынках в Бишкеке и Оше, и были проведены в 2016 году. Выборка включала десять рыночных торговцев, семь женщин и трое мужчин, а также одну ассоциацию рыночных торговцев. Интервью проводились на русском или кыргызском языках, каждое длилось 30 минут. Торговцев просили указать на влияние арендной платы на их бизнес, а также обсудить их взаимодействие с владельцами рынков.

Сбор информации о городской недвижимости и опыте жилищного строительства в Казахстане осуществлялся с помощью кабинетных исследований. Основными источниками данных послужили сообщения местных онлайн-СМИ и документы государственных

органов и международных организаций. Некоторая информация была также взята из предыдущего исследовательского проекта по теме неформальных поселений, в ходе которого были проведены интервью с государственными чиновниками Казахстана и активистами неправительственных организаций (НПО).

Тематическое исследование земельного вопроса

Третье тематическое исследование, по вопросу о земле, состояло из двух частей. В первой части вопрос о земле рассматривался на основе опыта и взглядов неформальных поселенцев. Семьдесят пять полуструктурированных интервью были проведены с неформальными поселенцами в Нур-Султане, Алматы, Бишкеке и Оше в 2011 году. Интервьюируемые были представителями низшего среднего и рабочего класса, большинство из которых являлись неквалифицированными/полуквалифицированными трудовыми мигрантами, безработными и пенсионерами. Некоторые из них — менеджерами низшего звена в государственном секторе и мелкими рыночными торговцами. Авторы и четыре ассистента использовали для набора участников метод случайной выборки и выборку «снежного кома». Интервьюируемым предлагалось обсудить, как они переживали и справлялись с отсутствием права собственности и городской регистрации, как они взаимодействовали с городской администрацией, судами и НПО, а также какие моральные и правовые обязательства, по их мнению, государство имеет по отношению к ним. Интервью проводились на кыргызском, казахском или русском языках, каждое длилось около 30 минут.

Вторая часть включала мнения государственных чиновников, судей, адвокатов, НПО и международных организаций-доноров. На начальном этапе было проведено двадцать одно полуструктурированное интервью в Нур-Султане, Алматы, Бишкеке и Оше в 2011 году. Выборка включала высокопоставленных государственных чиновников, активистов НПО, независимых юристов и сотрудников международных организаций-доноров. Авторы и четыре ассистента использовали для отбора целенаправленную выборку. В интервью были представлены юридические и административные точки зрения на неформальные поселения. Активистами НПО объяснялась

суть судебных исков против государства. Интервью проводились на русском языке, каждое интервью длилось около часа.

В следующем году было проведено двадцать девять полуструктурированных интервью с судьями и адвокатами в Нур-Султане, Алматы, Бишкеке и Оше. Выборка включала шестнадцать судей Верховного суда, городских и старших судей в отставке, двенадцать известных и местных адвокатов и одного омбудсмена. Авторы совместно с четырьмя ассистентами использовали для набора участников целенаправленную выборку и выборку «снежного кома». Интервью проводились на русском языке, каждое длилось в среднем 45 минут. Вопросы интервью касались того, какую оценку судьи и юристы дают положению с землёй, правами собственности и неформальным поселениям. Интервьюируемым предлагалось обсудить, какой принцип законности лежит в основе их оценок, а также какие права и обязанности имеют неюридические специалисты, включая местные власти и владельцев собственности, а также незаконные поселенцы.

Тематическое исследование природных ресурсов

Четвертое тематическое исследование — по горнодобывающей промышленности — базировалось на нескольких источниках. Часть информации была получена в ходе месячной полевой работы одного из авторов в горном селе на юге Кыргызстана в 2008 году. Были изучены местные проблемы и разногласия, связанные с добычей полезных ископаемых. Также было проведено 17 полуструктурированных интервью. Выборка состояла из местных государственных чиновников, лидеров общины и местных жителей. Интервью проводились на кыргызском языке и были направлены на изучение того, как различные субъекты интерпретируют и оценивают горнодобывающую деятельность. Помимо этого, было проведено интервью с высокопоставленным государственным чиновником по поводу золотого рудника «Кумтор». В ходе интервью были рассмотрены ключевые вопросы, касающиеся иностранной собственности на рудники, контрактных прав и обязательств.

Кабинетные исследования дали значительный объем информации касательно природных ресурсов в Казахстане и Кыргызстане. Онлайн-сообщения СМИ, государственных органов и независи-

мых организаций содержали подробную информацию о спорах, соглашениях и жалобах. Они также предоставили информацию о недовольстве работников, забастовках и загрязнении окружающей среды в данном секторе.

Все интервью в рамках четырёх тематических исследований были записаны в цифровом формате, затем расшифрованы и переведены на английский язык. Всем участникам была обеспечена конфиденциальность, использовались псевдонимы. Авторы несколько раз перечитывали стенограммы, чтобы лучше понять, какие темы в них поднимаются (Silverman, 2011). В то время как некоторые первоначальные коды были получены из исследовательской программы авторов для каждого исследования, другие возникли из данных интервью. Таким образом, авторы смогли избежать того, чтобы их предубеждения исказили интерпретацию данных (Fletcher, 2017). Коды изменялись, исключались и дополнялись по мере того, как того требовали данные. Некоторые коды были перекодированы в теоретически обоснованные категории, что позволило добиться большей концептуальной ясности.

СОДЕРЖАНИЕ ДАННОЙ КНИГИ

Данная книга состоит из четырёх частей. Во второй главе первой части рассматривается значение и разнообразие видов присвоения доходов в Казахстане и Кыргызстане. Далее это увязывается с высокой концентрацией богатства в этих странах, экономическим неравенством и возникающими политическими и социальными проблемами. В третьей главе рассматриваются несколько теоретических идей, лежащих в основе данной работы, а также четыре тематические исследования. Взгляды с точки зрения моральной экономики и концепции двойного движения Поланьи представлены наряду с идеями, касающимися государства, судебной системы и нового конституционализма.

Вторая часть предлагает эмпирическое обсуждение моральных, правовых и политических аспектов неолиберального движения и его режима извлечения ренты в регионе. В ней исследуется марке-

тизация денег, городской недвижимости и природных ресурсов. В четвертой главе рассматриваются моральные претензии финансовой элиты на взимание процентов по кредитам. В пятой главе исследуется коммодификация объектов недвижимости и ее связь с политической властью и коррупцией. В шестой главе рассматривается, как правовые и судебные механизмы обеспечивают права иностранных инвесторов на владение и извлечение доходов в секторе природных ресурсов.

Третья часть представляет собой эмпирическое обсуждение моральных, классовых и гендерных аспектов контрдвижений региона. В ней исследуется вопрос того, каким образом низовые движения преследовали свои цели по декоммодификации фиктивных товаров. В седьмой главе исследуется развитие движений неформальных поселений, их напряженное и амбивалентное взаимодействие с политическими режимами. В восьмой главе рассматривается возникновение и развитие анти-долговых движений, а также их контрастирующие цели и стратегии в Казахстане и Кыргызстане. В девятой главе рассматривается возникновение экологических и рабочих движений в секторе природных ресурсов и их борьба против транснациональных корпораций и политических режимов.

В четвертой части в десятой главе критическому рассмотрению подвергаются ключевые темы книги: неолиберализм, рента, государство, класс и контрдвижения. В ней также дается критическая моральная оценка рантье́рству в регионе. В одиннадцатой главе рассматривается вопрос о том, что можно сделать для борьбы с присвоением доходов, а также для обеспечения общественного процветания.

ГЛАВА 2. ВОЗВЫШЕНИЕ КЛАССА РАНТЬЕ И УСИЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

В данной главе рассматриваются два ключевых аспекта неолиберализма: рантьерство и экономическое неравенство. В первой части настоящей главы приводятся сведения о различных формах ренты в Центральной Азии, а также об активах богатейших лиц Казахстана и Кыргызстана, содействовавших процессу извлечения ренты. Бизнес-элита при этом зачастую сливалась с политической элитой, создавая плутократию. Во второй части рассматривается природа неравенства доходов и богатств в регионе. В ней также исследуются тяготы и невзгоды населения, связанные с коммодификацией базовых товаров и услуг.

РАНТЬЕРИЗАЦИЯ ЭКОНОМИК СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Формы ренты и рантьерства в экономиках стран Центральной Азии

Рента и рантьеризм существуют в различных формах, и их разнообразие имеет решающее значение для понимания природы постсоветских экономик стран Центральной Азии. Здесь можно выделить несколько их основных форм (Christophers, 2019; Sayer, 2015; Tawney, 1921). Во-первых, это финансовая рента, которая может слагаться из доходов от процентов, дивидендов и прибыли от прироста капитала, получаемых от финансовых активов. Соответствующие рантье способны создавать и распределять кредитные деньги, а также приобретать финансовые активы (например, облигации и акции) на первичном и вторичном рынках. Здесь следует упомянуть, что различные международные финансовые акторы, включая Европейский банк реконструкции и развития, продвигали и способствовали росту банковского дела

и микрокредитования на постсоветском пространстве (Charman, 2007; Guseva, 2005; Ruziev & Dow, 2013).

Во-вторых, это земельная рента, которая может включать в себя арендную плату за землю и жильё, а также доходы от капитала, получаемые в связи с владением и контролем над землёй и недвижимостью (в частности, жилыми помещениями и офисными зданиями). Способность землевладельцев извлекать доход определяется дефицитом и привлекательностью земельной собственности. Права частной собственности в данном случае были увязаны друг с другом, дабы устранить регулятивный контроль над рентой и множественностью владений.

В-третьих, рента на природные ресурсы, предполагающая присвоение дохода от ресурсов природного происхождения, включая энергоносители (нефть, газ и уголь) и другие полезные ископаемые (металлические руды, камни, пески и соли). Владельцем природных ресурсов может выступать как государство, так и частная организация. Владелец вправе подписать договор аренды с несобственником, часто иностранным субъектом, получающим исключительное право на разработку и добычу ресурсов и, таким образом, на создание ренты в течение определенного периода времени. Само государство также может выступать в роли рантье. Казахстан, Туркменистан и Азербайджан часто называют государствами-рантье, поскольку те получают значительную ренту от природных ресурсов (Franke et al., 2009).

В-четвертых, это естественная монопольная рента, возникающая тогда, когда естественные монополии получают возможность устанавливать завышенные цены на свои товары, благодаря отсутствию конкуренции. Естественные монополии способны пользоваться своей властью на рынке для получения экономической ренты. В постсоветских странах приватизация коммунальных услуг, таких как газ, электричество, водоснабжение и стационарная телефонная связь, часто сопровождалась ростом цен (Appel & Orenstein, 2018). Вуден (Wooden, 2014) описывает, как повышение тарифов на электроэнергию вызвало протесты в Кыргызстане, которые привели в итоге к политическому восстанию 2010 года.

В-пятых, существует рента радиочастотного спектра, основанная на доходах от аудио- и телевидения, предоставления услуг мобильной телефонии и интернета. Радиочастотный спектр относится к диапазону частот электромагнитной энергии, которые могут быть использованы для различных видов связи (Christophers, 2019). Владение им часто уподобляют собственности на землю. Будучи владельцем радиочастотного спектра, государство лицензирует третьим лицам исключительные права на использование определенных частот для конкретных целей на тех или иных территориальных участках. Это позволяет лицензиатам получать доходы, являющиеся собой ренту, полученную от эксклюзивного коммерческого контроля над дефицитным активом.

Строительство и обслуживание сетей мобильной связи вполне может считаться второй по величине сферой привлечения прямых иностранных инвестиций в Центральной Азии после нефти и газа (Pomfret, 2019). Огромный потенциал извлечения экономической ренты означает, что иностранные инвесторы готовы тратить деньги и часто подкупать государственных чиновников для получения соответствующих лицензий.

В-шестых, рента от интеллектуальной собственности, предполагающая доход от патентов, торговых марок и авторских прав. Патенты занимают значительное место в фармацевтическом и биотехнологическом секторах, товарные знаки широко распространены в индустрии потребительских товаров, а авторское право — в развлекательном и издательском секторах (Christophers, 2019). Рента может возникать либо в результате эксплуатации интеллектуальной собственности ее владельцем, либо в результате лицензирования прав третьим лицам. Однако в постсоветских экономиках защита и обеспечение соблюдения прав интеллектуальной собственности, как правило, слабы, что приводит к незаконной и высокодоходной торговле контрафактной и пиратской продукцией.

В-седьмых, контрактная рента, возникающая, когда организации передают ту или иную деятельность на аутсорсинг, заключая контракты с другими компаниями на оказание услуг. Такие контракты становятся ценными активами для компаний предоставляющих ус-

луги, поскольку те гарантируют доход в течение четко определенного периода времени. Например, агентство Министерства обороны США в свое время заключило выгодные контракты с местными компаниями на поставку авиационного топлива на свою авиабазу в Кыргызстане (Toktomushev, 2015). Это дало политическому режиму и бизнес-элите возможность получения ренты и перекачки средств в налоговые гавани.

Восьмая по очереди, рента платформ или доходы, получаемые владельцами цифровых платформ, таких, например, как Google или Booking.com. Существует два вида доходов: реклама на платформах, а также сборы и комиссии, взимаемые с транзакций, инициированных через платформу. Дефицит связанный с платформами не является ни внутренне присущим (как например, земля), ни установленным государством (как например, радиочастотный спектр), скорее это особенность бизнеса — монополизировать определенный сектор, где в итоге существует только один Google и один Amazon. Хотя цифровые платформы и развиваются в Центральной Азии, они не развиты так, как в странах Глобального Севера. Западные и российские компании, такие как WhatsApp и Mail.ru, доминируют в экономике платформ.

Кристоферс (Christophers, 2019) утверждает, что, несмотря на различные формы ренты, стратегия рантье остается неизменной: приобретение и извлечение стоимости из дефицитных активов. Многие постсоветские олигархи захватили ценные активы и ресурсы, сделавшись рантье, в основном в результате приватизации, патронажа и коррупции (Mihalyi & Szelenyi, 2017). В своей выборке российских олигархов Брагинский (Braguinsky, 2009) проводит различие между «инсайдерами» и «аутсайдерами». Первые — это руководители советских предприятий до 1991 года, члены номенклатуры, а также родственники или близкие коллеги людей из первых двух групп. Вторые же не были связаны с прежней системой. Олигархи-инсайдеры изначально доминировали в крупных промышленных секторах, таких как добыча природных ресурсов и машиностроение. Почти половина из них сколотили себе состояние на контроле над нефтью, газом и минеральными ресурсами России, а

также на извлечении ренты из природных ресурсов. В отличие от них, олигархи-аутсайдеры сколотили свои состояния в сфере услуг, таких как банковское дело, производство потребительских товаров и СМИ. Почти половина из них получили свое состояние благодаря контролю над финансами и банковским делом, созданию собственных банков и инвестиционных компаний, и присвоению финансовой ренты.

Хотя природа рантьерства схожа во всех странах мира, в Центральной Азии и на более широком постсоветском пространстве она имеет некоторые особенности. Во-первых, во времена Советского Союза рантьерство в значительной степени отсутствовало (Marcuse, 1996). Неолиберальные реформы международных финансовых институтов помогли создать, узаконить и продвинуть рантьерство в постсоветских экономиках, как это будет показано в главах 4-6. Во-вторых, многие первые рантье занимали привилегированные политические и экономические позиции во времена Советского Союза (Braguinsky, 2009). Они использовали свои знания и власть, чтобы в короткие сроки, в некоторых случаях абсолютно бесцеремонно, заполучить ценные ресурсы и активы.

В-третьих, многие последующие приобретения отличались nepотизмом, кумовством, патронажем, мошеннической приватизацией, коррупцией, насилием и преступностью (McGlinchey, 2011). В некоторых случаях политические и деловые элиты занимались рейдерством, захватывая прибыльные предприятия с помощью коррумпированных сотрудников правоохранительных органов и судей. В Кыргызстане политические элиты также использовали запугивание и насилие для передачи прав собственности и контроля над ценными активами.

В-четвертых, Центральная Азия богата природными ресурсами, данный сектор является значительным источником ренты (Franke et al., 2009). Хотя в литературе по Центральной Азии этот вопрос почти не рассматривается, финансы и недвижимость стали ключевыми секторами для присвоения доходов, как будет показано в следующем подразделе.

Значение ренты в Казахстане и Кыргызстане

Кристоферс (Christophers, 2019) отмечает, что, хотя значимость ренты в экономике нельзя точно измерить, ее возможно оценить в достаточной степени, чтобы сформулировать некоторые выводы об относительной значимости ренты и класса рантье. Используя ряд открытых источников, в данном подразделе рассматривается природа и объемы ренты, связанные с богатейшими людьми в Казахстане и Кыргызстане.

Таблица 2.1 Топ-20 богатейших бизнесменов Казахстана

<i>Имя</i>	<i>Размер состояния (млн. \$)</i>	<i>Основные сектора экономики</i>
Владимир Ким	4500	Добыча ресурсов, банковское дело, финансы, телекоммуникации, интеллектуальная собственность
Булат Утемурастов	3400	Банковское дело, финансы, добыча ресурсов, телекоммуникации, недвижимость, франчайзинг фаст-фуда
Тимур Кулибаев	3100	Энергетика, банковское дело, финансы, недвижимость, торговые центры
Динара Кулибаева	3100	Недвижимость, торговые центры, энергетика, добыча ресурсов, банковское дело, образование
Алиджан Ибрагимов	2300	Добыча ресурсов, банковское дело, финансы, недвижимость
Рашиг Сарсенов	780	Банковское дело, финансы, страхование, энергетика
Кенес Ракишев	610	Банковское дело, финансы, добыча ресурсов, энергетика
Галимжан Есенов	545	Банковское дело, финансы, добыча ресурсов, страхование

<i>Имя</i>	<i>Размер состояния (млн. \$)</i>	<i>Основные сектора экономики</i>
Бахытбек Байсеитов	540	Банковское дело, финансы, энергетика
Нурлан Смагулов	525	Автосалоны, автосборочные заводы, торговые центры, недвижимость
Айдын Рахимбаев	485	Строительство, недвижимость, телекоммуникации
Александр Белович	480	Строительство и недвижимость
Кайрат Боранбаев	445	Недвижимость, торговые центры, франшизы фаст-фуда, фитнес-клубы, нефтехимическая промышленность, строительство
Данияр Абулгазин	430	Энергетика, торговые центры
Вячеслав Ким	415	Банковское дело, финансы, розничная торговля, информационные технологии
Еркин Татишев	412	Недвижимость, строительство, энергетика, добыча ресурсов, агро-бизнес
Александр Клебанов	390	Финансы и телекоммуникации
Семья Сейтжанович	360	Энергетика, строительство и гостиницы
Айгуль Буриева	350	Телекоммуникации
Серик Тульбасов	340	Строительство, недвижимость, торговые центры

Источник: Forbes Казахстан, 13 мая 2019, доступно по ссылке https://forbes.kz/leader/50_bogateysbih_biznesmenov_kazahstana_-_2019_1557664676/

В таблице 2.1 приведены данные о двадцати самых богатых бизнесменах Казахстана в 2018 году согласно рейтингу Forbes. В ней подробно описано их предполагаемое состояние, а также то, в каких секторах экономики функционируют их компании. Данные

были собраны из открытых источников и финансовых сведений, представленных каждым из них. Оценка общей стоимости их активов носила консервативный характер, то есть не была ниже оценочной величины. В список не были включены граждане других стран, обладающие значительным состоянием в Казахстане.

Непроизводственные доходы возникали двумя способами: акции компаний давали их владельцам право на дивиденды, прибыль и прирост капитала, компании же извлекали определенные формы ренты в зависимости от сектора экономики. Все, кроме одного из данного списка, были связаны с двумя или более формами ренты. Они владели несколькими компаниями, многие из них оперировали в нескольких секторах экономики.

Финансиализация экономики и дефицит земли сыграли важную роль для класса рантье (Hudson, 2014; Sayer, 2015). Из двадцати сверхбогатых десять извлекали доход через банковскую деятельность, в частности через создание и предоставление кредитных денег, о чем пойдет речь в четвертой главе. Аналогичное количество извлекало доход через заведование широким спектром финансовых активов и услуг. Десять бизнесменов имели компании, занимающиеся недвижимостью, и извлекали ренту через владение и контроль над жилой и коммерческой недвижимостью. Шесть застройщиков содействовали и принимали участие в рантьерской активности.

Учитывая изобилие природных ресурсов в Казахстане, энергетические и минеральные ресурсы стали значительными источниками ренты для состоятельных граждан (Franke et al., 2009). Восемь бизнесменов полностью или частично владели компаниями, имеющими лизинговые права на добычу и/или реализацию нефти и газа. Владение автозаправочными станциями позволило некоторым лицам в определенной степени контролировать местный рынок и получать квазимонопольную ренту. Семь человек из списка были вовлечены в горнодобывающий сектор.

Переход к рыночной экономике вызвал бурный рост розничной торговли и потребления в постсоветских странах. Торговые комплексы, центры розничной торговли и рынки стали значительным источником экономической ренты для их владельцев. Зачастую они

располагались в престижных местах, что давало владельцам монопольную власть над имеющимся пространством, а торговые объекты обычно сдавались в аренду компаниям и торговцам (Spector, 2017). Шесть человек из списка богатейших людей владели несколькими элитными торговыми центрами. Кроме того, три бизнесмена обладали определенной степенью локальной монопольной власти на конкретных розничных рынках — автомобилях и фаст-фуда.

Некоторые формы ренты приобрели большее значение в связи с технологическими изменениями и инновациями. Пяти богатейшим людям принадлежали телекоммуникационные компании, обладавшие эксклюзивными правами на предоставление услуг широкополосного доступа в Интернет и доступа к мобильным сетям. Коммерческий контроль над радиочастотным спектром позволял им извлекать соответствующую ренту.

В таблице 2.2 представлены данные о двадцати богатейших жителях Кыргызстана. Список был адаптирован на основе рейтинга 100 самых богатых людей страны, составленного в 2013 году. В таблице подробно описано их примерное состояние, а также то, в каких секторах экономики оперируют их компании. Данные были собраны из ряда открытых источников, включая газеты и медиаплатформы (к примеру, «Вечерний Бишкек», Kloop.kg, Sputnik.kg, Gezitter.org, Stan Radar и «Белый парус»). В список включены только граждане Кыргызстана.

Относительно данной таблицы есть четыре замечания. Во-первых, для Кыргызстана не существует актуального списка богатейших людей, аналогичного рейтингу Forbes 2018 в Казахстане. Хотя к имеющемуся здесь списку и следует относиться с определенной осторожностью, он дает некоторое представление о том, кто является богатейшими людьми в стране. Во-вторых, большинство людей из списка занимали государственные должности, и пытались скрыть своё истинное финансовое положение. Широко распространено мнение, что мошенничество, коррупция, хищения и другая незаконная и противоправная деятельность помогли им приобрести ценные активы и доходы (Cooley & Heathershaw, 2017; Engvall, 2014; McGlinchey, 2011). Имело место множество уголовных расследований, в некоторых случаях государство конфисковывало их активы

В-третьих, некоторые имена из рейтинга 2013 года были опущены, так как не имелось достаточной информации об их богатстве. В-четвертых, большинство людей из данного списка заявили о себе как о честных, трудолюбивых и небогатых людях. Их активы во многих случаях принадлежат либо членам их семей, либо холдинговым компаниям, которые обычно скрывают своих истинных владельцев (Cooley & Sharman, 2015). Благодаря тщательному изучению открытых источников удалось выяснить, какими активами обладают богатые люди и их близкие родственники. Имеющаяся таблица дает некоторые ценные представления о широком диапазоне ренты в стране. Все, кроме двух человек из списка богатейших людей, имели отношение к нескольким формам ренты.

Таблица 2.2 Топ-20 богатейших бизнесменов Кыргызстана

<i>Имя</i>	<i>Размер состояния (млн. \$)</i>	<i>Основные сектора экономики</i>
Омурбек Бабанов	1500	Банковское дело, энергетика, добыча ресурсов, строительство, недвижимость, торговые центры, фармацевтическая торговля
Аскар Салымбеков	1200-500	Розничные и оптовые рынки, торговые центры, недвижимость, розничная торговля, строительство, страхование
Алмазбек Атамбаев	600	Частный акционерный капитал, финансы, недвижимость
Нариман Тулеев	400-500	Банковское дело, недвижимость, торговые центры, розничная торговля, строительство, телекоммуникации, туризм
Чыныбай Турсунбеков	280-300	Банковское дело, недвижимость, пищевая промышленность, строительство, розничная торговля, производство алкоголя

<i>Имя</i>	<i>Размер состояния (млн. \$)</i>	<i>Основные сектора экономики</i>
Акылбек Жапаров	200-250	Недвижимость, сельское хозяйство, фермерство, гостиницы, рестораны, торговые центры
Турсунтай Салимов	200-250	Розничные рынки, рестораны, недвижимость, горнолыжный курорт, озничная торговля
Динара Исаева	200-250	Банковское дело, строительство, недвижимость, торговые центры, розничная торговля рынки, добыча ресурсов, туризм, авиакомпания
Иса Омуркулов	200-220	Торговые центры, недвижимость, общественное питание, розничная торговля
Осмонбек Артыкбаев	200-220	Строительство, розничная аптечная сеть, медицинские товары
Темир Сариев	200-210	Строительство, недвижимость, агробизнес, сельское хозяйство, торговля сырьевыми товарами, финансы, промышленность
Акматбек Келдибеков	180-200	Недвижимость, пансионаты, розничные рынки, телекоммуникации, транспорт услуги, сельское хозяйство
Аскарбек Шадиев*	180-200	Строительство, недвижимость, оптовая торговля
Семья Эгембердиевых	180-200	Производство и дистрибуция безалкогольных напитков, рестораны
Кубанычбек Жумалиев	150-170	Торговые центры, рынки, недвижимость, телекоммуникации, добыча ресурсов, энергетика, садоводство, компьютерный завод

<i>Имя</i>	<i>Размер состояния (млн. \$)</i>	<i>Основные сектора экономики</i>
Асирбеков Темирбек	100-120	Строительство, недвижимость, финансовый менеджмент
Александр Ниязов	100-120	Энергетика
Камчыбек Жолдошбаев	100-110	Торговые центры, энергетика, микрофинансирование, фармацевтическая торговля
Шарипа Садыбакасова	90-100	Банковское дело, недвижимость и оптовая торговля
Мелис Мырзакматов	90-100	Розничные рынки, торговые центры, рестораны, телекоммуникации, строительство и недвижимость

*Активы конфискованы государством

Источник: AImak.kg, 21 декабря 2013, доступно по ссылке http://aimak.kg/ru/novosti/politika_i_obshestvo/427-100-samyh-bogatyh-lyudey-kyrgyzstana.html

Для класса рантье как в Кыргызстане, так и в Казахстане, земля и деньги всегда были двумя основными инструментами обретения богатства без выполнения созидательной деятельности, как характеризовал это Тоуни (Tawney, 1921), говоря о британском классе рантье. Владение недвижимостью являлось наиболее популярным способом получения нетрудовых доходов. Шестнадцать богачей из списка имели значительное количество жилых квартир и другой недвижимости, которую сдавали в аренду или перепродавали. Кроме того, имелось десять застройщиков, занимавшихся добычей и спекулятивными инвестициями в сектор недвижимости, о чем будет рассказано в главе 5. Шесть человек присваивали доходы с процентов и другие платежи, связанные с владением и контролем над кредитными деньгами. Четыре человека из списка сверхбогатых извлекали доход через другие финансовые услуги, включая страхование.

Важными активами, дающими ренту, для одиннадцати богатых людей были торговые центры и рынки. Аскар Салымбеков владел

базаром «Дордой», одним из крупнейших розничных и оптовых рынков в Центральной Азии (Spector, 2017). Из этих одиннадцати человек некоторые единолично или частично владели розничными рынками, некоторые являлись крупными акционерами престижных торговых центров. Три человека из списка обладали определенной долей монопольной власти на фармацевтическом рынке благодаря владению розничными сетями и эксклюзивными лицензиями, что позволяло им извлекать экономическую ренту. Семья Эгембердиевых извлекала доход благодаря своему известному бренду «Шоро» и контролю над каналами распределения товаров на рынке безалкогольных напитков.

Господство иностранного капитала в секторе природных ресурсов и телекоммуникаций в Казахстане и Кыргызстане (Pomfret, 2019) говорит о том, что масштабы ренты, получаемой от природных ресурсов и радиочастотного спектра больше, чем показано в таблицах 2.1 и 2.2, где подробно описано только богатство местной элиты. Энергетика и полезные ископаемые, как видно, имели меньшее значение для класса рантье в Кыргызстане, чем в Казахстане. Энергетика была источником ренты для четырёх человек из данного списка богатых. Двое из них владели несколькими автозаправочными станциями, что давало им некоторую монопольную власть над пространством, особенно в Бишкеке.

Трое богатейших граждан извлекали ренту посредством полезных ископаемых. Один из них имел права аренды на золотой рудник. Учитывая, что около половины прямых иностранных инвестиций в стране направляется в горнодобывающий сектор, удивительно, что он не занимает более заметного места в таблице. Дело в том, что золотодобывающие компании использовали сложные финансовые схемы (например, акционерные компании), чтобы скрыть конечных бенефициаров (Doolot & Heathershaw, 2015).

Четыре человека владели компаниями с эксклюзивными правами на радио- и телевидение, а также на предоставление широкополосной мобильной связи. Один из крупнейших мобильных операторов, Megasom, принадлежал сыну бывшего президента Бакиева,

Максиму. После свержения Бакиева в ходе восстания 2010 года он был конфискован и национализирован государством.

Контрактная рента имела большое значение для двух богатейших жителей страны. Омурбек Бабанов имел эксклюзивные права на поставку авиационного топлива в аэропорт Манас и на авиабазу США (Toktomushev, 2015). Осмонбек Артыкбаев владел контрактом на поставку медицинских препаратов и оборудования в государственные больницы и клиники по всей стране. Данные контракты гарантировали доход в течение определенного периода времени и защищали Бабанова и Артыкбаева от конкуренции, тем самым позволяя им получать экономическую ренту.

Плутократия заняла господствующее положение на постсоветском политическом ландшафте. Класс рантье в значительной степени подчинил себе государство, политические элиты зачастую выступали проводниками интересов рантье (Braguinsky, 2009; Mihalyi & Szelenyi, 2017). Таблицы 2.1 и 2.2 демонстрируют переплетение экономических и политических структур, частью в результате nepoтизма, патронажа, мошенничества и коррупции (McGlinchey, 2011). В Кыргызстане несколько рантье занимали влиятельные политические позиции. Омурбек Бабанов и Алмазбек Атамбаев — бывшие премьер-министры. Атамбаев также был бывшим президентом. Нариман Тюлеев, Иса Омуркулов, Аскар Салымбеков, Мелис Мырзакматов и муж Динары Исаевой — бывшие мэры городов. Некоторые рантье были членами кабинета министров, другие — спикерами и членами парламента.

В Казахстане некоторые рантье, как оказалось, состояли в родстве или были близки к экс-президенту Нурсултану Назарбаеву. Динара Кулибаева — его вторая по возрасту дочь, Тимур Кулибаев — её муж. Владимир Ким был вхож во внутренний политический круг Назарбаева, Булат Утемуратов долгое время являлся главой администрации президента, то есть «номером два» в государственном аппарате (Peyrouse, 2012). Несколько рантье получили выгоду от покровительства со стороны Назарбаева: ресурсы и активы распределялись между ними на основе их лояльности президенту.

Продвигая неолиберализм и рантьерство, западные правительства и международные финансовые институты содействовали созданию и поддержанию постсоветского политического ландшафта (см. статью Cooley & Heathershaw, 2017 о противозаконной роли международных финансовых сетей в Центральной Азии). Одним из непреднамеренных последствий неолиберализма стало то, что в данном регионе, вопреки международным ожиданиям и надеждам, возобладало плутократическое правление, а не демократия (Hudson, 2014; Standing, 2016).

Хотя между Казахстаном и Кыргызстаном существует большое сходство в плане рантьерства и плутократии, имеются и некоторые различия. Во-первых, значение ренты от природных ресурсов менялось с течением времени, отчасти в ответ на экзогенные факторы, такие как глобальная рецессия и политическая нестабильность. В Казахстане общий объем ренты от природных ресурсов в процентах от валового внутреннего продукта (ВВП) составил 16% в 2017 году (World Bank, 2020a). На пике цен на энергоносители в 2008 году она достигла 33%. С тех пор, однако, этот показатель снизился, поскольку мировые цены начали падать.

В Кыргызстане общая рента от природных ресурсов в процентах от ВВП составила 8% в 2017 году (World Bank, 2020a). Её наивысшее значение составило 12% в 2011 году, что частично отразило рост цен на золото в начале кризиса 2007-2008 годов. Его стоимость начала снижаться из-за перебоев в работе крупных золотых приисков в результате экономической и политической неопределенности после политического восстания в стране в 2010 году. Денежные переводы мигрантов оказались более важными для экономического развития, чем рента от природных ресурсов. В 2018 году в Кыргызстане доля личных денежных переводов составила 33% ВВП, тогда как в Казахстане этот показатель был равен 0,35% (World Bank, 2020b).

Во-вторых, развитие закредитованности и долговой нагрузки домохозяйств в двух странах происходило по-разному. В бедном ресурсами Кыргызстане международные финансовые институты и агентства развития создавали и продвигали программы микрокредитования, направленные на снижение уровня бедности через рас-

ширение возможностей женщин, создание микропредприятий и развитие сельских районов. Однако проценты по микрокредитам оказывались намного выше, чем по банковским займам, и многие заёмщики сталкивались с высоким уровнем долговой нагрузки и удержанием имущества в счёт долга. Протесты против хищнического кредитования и финансовых злоупотреблений привели к тому, что правительство ограничило процентные ставки, о чём будет рассказано в главе 8. Крупнейшие микрофинансовые организации позднее преобразовались в коммерческие банки.

Богатый ресурсами Казахстан сумел привлечь немалое количество прямых иностранных инвестиций. Дешевый доступ к мировым кредитам привел к росту долларового кредитования в стране. Доступный кредит подпитывал мыльный пузырь на рынке недвижимости вплоть до финансового кризиса 2007-2008 годов, в результате которого многие держатели ипотечных кредитов оказались в затруднительном положении в плане выплат (Yessenova, 2010). Несколько строительных компаний и банков обанкротились, держатели ипотечных кредитов обратились к правительству с просьбой спасти их жильё. Правительство произвело вливание средств для стабилизации курса национальной валюты по отношению к доллару США, национализировало проблемные банки и оказало некоторую помощь строительному сектору.

В-третьих, в Кыргызстане и Казахстане после 1991 года имели место различные по своему характеру политические события. Кыргызстан пережил «тольпановую революцию» 2005 года и политическое восстание 2010 года, в результате которых действующие правительства были смещены силой. В обоих случаях гражданское общество сыграло решающую роль в свержении коррумпированных политических режимов, представители которых скопили значительные личные богатства (Cooley & Heathershaw, 2017; McGlinchey, 2011; Reeves, 2010). В свете подобных событий элиты Кыргызстана были склонны скрывать или занижать свои богатства и активы, опасаясь, что их состояния будут восприняты как результат коррупции или как незаслуженные. Тенденциям рантье́рства и плутократии в стране противостоят моральная критика и социальная активность.

В Казахстане между тем наблюдалась относительно стабильная политическая обстановка. Тем не менее, имели место несколько ожесточённых бунтов и столкновений, включая протест в Шаныраке в 2005 году по поводу неформальных поселений и прав на жильё; протест в Жанаозене в 2011 году по поводу профсоюзного представительство и прав рабочих. В обоих случаях протесты были подавлены с помощью государственного насилия, активисты были арестованы и отправлены в тюрьмы. Джунисбай (Junisbai, 2010) утверждает, что относительное экономическое процветание Казахстана повлияло на формирование определенного отношения к вопросу экономической справедливости. В его исследовании представители многих социальных группы полагали, что экономические возможности и результаты являются в целом честными и справедливыми, что снижает в свою очередь поддержку принципов эгалитаризма и экономической политики, направленной на перераспределение. В этом контексте казахстанская элита была менее щепетильна в вопросах приобретения богатства или власти, не опасаясь морального и социального контроля.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НЕРАВЕНСТВО

За пределами статистики по бедности

В Казахстане, по данным официальной статистики, уровень абсолютной бедности снизился с 47% в 2001 году до 8% в 2009 году (Roelen & Gassmann, 2014). Крайняя бедность, определяемая по минимальному уровню потребления продуктов питания, за тот же период снизилась с 16% до 1%. В 2012 году доля бедного населения составляла всего 3,8%. К 2018 году показатель бедности в Кыргызстане за период 2009-2018 годов снизился до 22,4%.

Хотя официальная статистика по бедности может иметь важное значение для привлечения правительств к ответственности, она также несет в себе серьезные ограничения (Lister, 2015). Правительства способны манипулировать категориями и показателями, дабы скрыть глубину экономического неблагополучия. Несмотря на заявления официальных лиц об обратном, в соответствии с меж-

дународной методологией более половины населения Казахстана проживает в бедности (Aliiev, 2015). Более того, статистика упускает из виду связанные с ней реляционные аспекты неравенства. Обнищание и обогащение, по существу, взаимосвязаны в рамках рентных отношений, предполагающих перенос дохода от бедного активами населения к богатому. Для понимания природы и динамики экономического неравенства необходимо выйти за рамки статистики уровня бедности и включить в анализ положение зажиточного населения.

Классовое неравенство нельзя оценивать исключительно на основе занятости и заработной платы, необходимо также принимать во внимание владение активами и прибыль с капитала (Adkins et al., 2019). Рантье́рство в Казахстане и Кыргызстане привело к высокой концентрации доходов и активов в распоряжении представителей элиты. Кроме того, классовое неравенство требует анализа широкого спектра рентных отношений, включая долговые отношения, которые охватили большую часть населения Центральной Азии. Многочисленные исследования показывают, как классовое неравенство негативно влияет на многие аспекты жизни общества — от психического здоровья, образования и продолжительности жизни до участия в политической жизни, насилия и преступности (Abdoubatova, 2020; Danilovich, 2010; El-Hodiri et al., 2015; Green, 2016; Hasanova, 2018; Kopeyeva, 2020; Kussainov, 2018; Mikhalev & Heinrich, 1999; Satybaldieva, 2015; Sharipova, 2015; Steimann, 2011; Ursulenko, 2010).

Данные по распределению доходов и богатства дают наглядную картину классового расслоения в Центральной Азии. Она характеризуется наличием небольшого числа богатых рантье на верхушке и большей части сельской и городской бедноты в нижней части. Средний класс, включающий специалистов и владельцев малого бизнеса, остается здесь малочисленным. Доходы, полученные 10% самых богатых граждан, в 29 раз превышали доходы 10% самых бедных жителей Казахстана (Sharipova, 2015). Только 3,5% взрослого населения имели доход свыше 10 000 долларов США в год (Kaztag, 2020). Более того, 162 человека (или 0,001% населения) владели

50% общего объема всего богатства страны (КРМГ, 2019). 50 богатейших бизнесменов владели 42% общего богатства взрослого населения.

В Кыргызстане коэффициент Джини по доходам колебался на уровне 40%, что является наибольшим показателем в Евразийском экономическом союзе (Hasanova, 2018). В Кыргызстане 75% бедного населения проживало в сельской местности. Их небольшой по размеру заработок состоял из денежных переводов, государственных пенсий и других видов социальной поддержки. Кроме того, в исследовании Штеймана (Steimann, 2011), посвященном сельским районам, указывается, что хотя богатые домохозяйства составляли не более 3% населения, им принадлежала значительная доля земельных участков и поголовья скота. Большинство же сельских домохозяйств практически не имели ни скота, ни сельскохозяйственной земли.

Бедность и вызываемые ей страдания

Официальные статистические данные касательно низких доходов недостаточны для понимания природы трудностей и невзгод бедных групп населения и рабочего класса. Они также не учитывают то, как воспринимается и переживается бедность в повседневной жизни. В частности, социальные тяготы и невзгоды не учитываются в официальных отчетах о неравенстве. Однако недавние исследования рисуют яркую картину многоплановой природы бедности в Центральной Азии.

В Казахстане разительным явилось региональное неравенство. В 2014 году валовой региональный продукт на человека в столице страны — Нур-Султане — составлял 12,701 долларов США (El-Nodiri et al., 2015). В густонаселенном регионе Южного Казахстана он составлял 2,985 долларов США. В Алматинской области почти 90% домохозяйств относились к категории малообеспеченных. Исследование по материальным лишениям показало, что 36,7% респондентов в Южном Казахстане, 28,1% в Мангистау и 23,9% в Атырау не могли позволить себе в полной мере еду, одежду или основные потребительские товары (Sakal, 2015).

Хотя Мангистауская область производила на тот момент около 70% всей добываемой в стране нефти, население её не получало выгоды от продажи. Основным бенефициаром являлся Нур-Султан, по причине того, что политический режим стремился превратить столицу в мегаполис для богатых и влиятельных людей с роскошными квартирами, торговыми центрами и финансовыми учреждениями. Местные же сообщества в нефтедобывающих регионах практически повсеместно сталкивались с низким уровнем предоставления социальных услуг, загрязнением воздуха и воды, деградацией земель (Ursulenko, 2010).

В Казахстане 47% населения проживает в сельской местности, большинство из них испытывает материальные трудности, особенно в отношении базовых коммунальных услуг. Только 24,2% сельского населения имели доступ к источникам водоснабжения, ещё меньшее число — 8,9% — было подключено к канализационной системе (Rolnik, 2011). 68% сельских домохозяйств испытывали недостаток энергоснабжения, а 77% не имели доступа к электричеству (Kerimray и др., 2017). Из-за высокой стоимости электроэнергии 40% сельских домохозяйств полагались на уголь и дрова в деле отопления и приготовления пищи в одной из самых холодных стран мира. Казахстан имеет один из самых высоких в мире показателей потребления угля на душу населения (Kerimray et al., 2017).

В Кыргызстане 64% населения проживает в сельской местности, и подавляющее большинство из них не имеет надлежащего водоснабжения. Из 1805 сельских населенных пунктов страны 595 сел не имели доступа к централизованной системе питьевого водоснабжения, а 390 не были подключены ни к одной водопроводной сети (Nunnally, 2017). Многие сельские домохозяйства не могли удовлетворить свои элементарные потребности в энергии (Liu & Pistorious, 2012). Энергетический кризис в стране привел к нестабильному электроснабжению в регионах, за пределами же столицы, Бишкека, перебои с электричеством являются обычным явлением.

Отсутствие социальной защиты и недостаточный доступ к программам первой необходимости усугубляли проблему бедности. Социальные программы Центральной Азии оказались неэффективны

в деле защиты необеспеченных домохозяйств, поскольку охват их был крайне ограничен, а пособия слишком малы (Grassmann, 2011). В 2008 году правительство Кыргызстана под влиянием международного донорского сообщества приняло закон о повышении порога дохода для получения социальной помощи, тем самым вызвав дальнейшее обнищание семей рабочего класса. В то время как советская модель распределения социальной помощи была направлена на снижение неравенства, пришедшая ей на смену неолиберальная система с ее схемами адресной помощи привела к коммодификации предметов первой необходимости и углублению неравенства.

В Казахстане и Кыргызстане маркетизация систем здравоохранения привела к снижению доступа малоимущих женщин к репродуктивному здравоохранению. Сравнительное исследование доступа к услугам репродуктивного здравоохранения в Казахстане и Беларуси показало, что женщины с низким уровнем дохода в Казахстане не способны позволить себе репродуктивное лечение и пребывание в больнице, в то время как в Беларуси низкий доход не является существенным препятствием для получения медицинских услуг такого рода (Danilovich, 2010). Из-за их недоступности и высокой стоимости большинство женщин в Кыргызстане не получали адекватного медицинского обслуживания, касающегося их репродуктивного здоровья (The Guardian, 2019). В стране наблюдается самый высокий уровень материнской смертности на постсоветском пространстве, причем 90% этих смертей, как было установлено, вполне можно было предотвратить.

Система дошкольного образования финансировалась государством крайне скудно и становилась всё более коммерциализированной. В итоге для многих семей трудящихся детские сады оказались либо недоступны, либо не по карману. В сельских районах Казахстана только 41% детей в возрасте пяти лет были зачислены в детские сады (Roelen & Gassmann, 2014). Хотя с поддержкой государства посещаемость детских садов выросла с 11% в 1995 году до 39% в 2011 году, достигнуто это было в основном за счёт посещения неполного дня (Habibov, 2014). В Кыргызстане в среднем только 23% детей младшего возраста посещали детские сады. В сельской

местности посещаемость составляла 16%. Только 17% детей из беднейших семей имели доступ к услугам по заботе за детьми.

В постсоветской системе среднего образования предпочтение отдавалось детям из более обеспеченных семей. В Казахстане создание сети селективных школ под названием «Назарбаев Интеллектуальные школы» (НИШы) пошло на пользу именно зажиточным семьям и их детям. Изначально эти школы были нацелены на предоставление бесплатного высококачественного образования детям из бедных семей (Kussainov, 2018). Но строгие критерии приема привели к тому, что в школы стали набирать детей из богатых семей, которые также могли платить за обучение от 5,800 до 10,600 долларов США в год. В 2017 году на НИШы приходилось почти 7% бюджета Министерства образования и науки, но обучалось в них всего 0,47% от общего числа учеников. По сути, налогоплательщики субсидировали образование привилегированных детей, многие из которых продолжили обучение за рубежом.

В Кыргызстане среднее образование приобрело товарный характер, став прибыльным бизнесом. В Бишкеке выросло число частных школ. В 2017 году насчитывалось 114 частных школ, которые, по словам их представителей, готовят учеников «на экспорт» (Abdoubaetova, 2020). Обе страны показали тенденцию «элитизации» в области среднего образования (Kussainov, 2018).

Основанное на классовом делении школьное образование не только способствовало воспроизводству социального неравенства в Центральной Азии, но и оказалось неспособно дать образование многим детям. В Казахстане результаты теста PISA в 2015 году показали, что половина 15-летних школьников в Атырауской, Южно-Казахстанской и Мангыстауской областях были «функционально неграмотны» в области естественных наук: ученики не могли выполнить задания первого уровня сложности (Koreyeva, 2020). В 2006 и 2009 годах Кыргызстан занимал низшие места в рейтинге PISA, после чего страна отказалась от участия в тестировании. Результаты 2009 года показали, что более 80% 15-летних школьников имели навыки чтения ниже базового ориентировочного значения.

За 30 лет неолиберализации бедные слои населения и представители рабочего класса столкнулись с многочисленными проблемами — от недостаточного уровня доходов и занятости до отсутствия доступного жилья, ухода за детьми, здравоохранения и образования. По мере того, как государственные институты социального обеспечения лишались легитимности и финансирования, политические режимы Центральной Азии узаконивали и продвигали рынок кредитования, как способ удовлетворения элементарных материальных потребностей. Советское государство всеобщего благосостояния сменили постсоветские «долговые государства». В Казахстане 46% домохозяйств использовали кредиты для оплаты базовых товаров и услуг, получивших свойства товара (Shedenova & Beimisheva, 2013). При этом, однако, многие семьи из рабочего класса и бедноты влезли в большие долги, что усугубляло их трудности и страдания. В ответ на подобную классовую несправедливость и социальные страдания начали возникать контравжения, пытающиеся деконструировать основные товары и услуги, а также восстановить человеческое достоинство и благополучие.

ГЛАВА 3. МОРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА, ГОСУДАРСТВО И СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ

В этой главе представлено теоретическое рассмотрение вопросов, лежащих в основе данной книги. Глава состоит из пяти разделов, каждый из которых посвящён определённому набору абстрактных идей. В первом разделе раскрывается понятие «моральная экономика» как объект исследования, так и как определенная точка зрения. В нём также рассматривается взаимосвязь морали и власти. Проводится важное различие между производственным и непроизводственным доходом. Во втором разделе раскрываются некоторые ключевые идеи теории двойного движения Поланы. Исследуется товаризация денег, земли и труда, её неприятие и общественный вред, а также сложные взаимоотношения государства и контрдвижений.

В третьем разделе рассматривается государство как площадка борьбы общественных сил. В нём также подчеркивается роль, которую государство играет в капиталистических обществах, в частности, его потакание интересам капитала. В четвёртом разделе в критическом ключе обсуждается природа неолиберального конституционализма и его акцент на верховенстве закона. Неолиберальные исследователи, критикуя изыскание ренты со стороны политических деятелей, показывают свою неспособность бросить вызов подобному явлению в частном секторе. В пятом разделе объясняется, как неолиберализм и захват регулирующих органов могут способствовать созданию криминогенной среды в экономических секторах. В нём также исследуется, как нормализуются и рутинизируются коррупция и махинации.

МОРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Понятие «моральная экономика» может подразумевать как объект исследования, так и подход к пониманию экономики (Sayer, 2000). В первом случае все экономические системы являются «моральными», поскольку моральные чувства, нормы, правила, права и дис-

курсы пронизывают экономические отношения и практики (Booth, 1994; Keat, 2000). Нравственные чувства, моральные добродетели и ценности, какими бы ограниченными или несовершенными они ни были, являются предварительными условиями экономических практик. Тем не менее, экономическая власть и давление могут усиливать, ослаблять или навязывать те или иные нормативные характеристики. Социальное неравенство может влиять на товарищеские чувства, моральные настроения и суждения о мотивах и действиях других людей (Smith, 1976 [1759]). Конкуренция на рынках способна ещё больше подчеркнуть личные интересы торговцев, а также их чувствительность к желаниям и потребностям покупателей.

Права, обычаи, ценности и убеждения играют важную роль в формировании и утверждении моральной экономики. Так, например, выплата долгов изображается как моральное и юридическое право, которое обязывает заёмщиков находиться в финансовом подчинении у банков (Hudson, 2015). От заёмщиков ожидается, что те будут нести личную этическую ответственность и выполнять данное банкам обещание по выплате долга, несмотря на личные трудности. Банки призывают заёмщиков к моральной ответственности, используя стыд, чувство вины и гордости для предотвращения неплатежей. «Безответственные» же должники считаются недостаточно морально устойчивыми и честными.

Во втором режиме моральная экономика изучает и оценивает моральное обоснование экономических отношений и институтов, в частности, отношений собственности. Она также изучает и оценивает влияние моральных норм на экономическую деятельность и их последствия для социального и экономического развития. Подход моральной экономики оценивает справедливость, законность и оправданность реально существующих экономических механизмов (Sayer, 2007). Признавая, что экономическая деятельность влияет на процветание человека, социальный анализ не может не учитывать нормативные аспекты.

Неолиберальный дискурс рассматривает рыночные отношения как формально равные и добровольные, а экономических субъектов — как лиц, делающих свободный выбор. В центре внима-

ния этого дискурса — свобода и выбор индивида, экономические отношения же сводятся к сделкам между отдельными индивидами, преследующими свои собственные интересы. Бедные и неимущие отделяются от своего социального положения, в котором они часто находятся вынужденно, имея скудный выбор. Данный дискурс служит тому, чтобы вынести их за рамки неравных социальных отношений и оправдать практику эксплуатации, в данном случае — с точки зрения индивидуальных прав и обязанностей.

Нормативные характеристики не просто упорядочивают и нормализуют экономическую деятельность, они оправдывают и рационализируют положения относительно того, кто и что должен делать, получать или контролировать (Sayer, 2018). Права и отношения собственности имеют особое значение, поскольку они узаконивают и деполитизируют присвоение доходов, основанное на владении и контроле над существующими дефицитными активами.

Экономика — сложный набор взаимоотношений между людьми и природой. Люди зависят от других людей и природы в плане экономического обеспечения своей жизни, но зависимость нередко может являться источником господства, эксплуатации и вреда. Хотя моральное оправдание и влияние в разных своих проявлениях могут определять основные черты экономических отношений, не стоит представлять, что последние являются результатом демократических моральных исканий. Часто власть играет важную роль в формировании экономических механизмов, а обоснования служат рационализации задним числом или являются легитимацией корыстных интересов (Sayer, 2015b). Это делает ещё более важной критическую оценку такого рода обоснований.

Бурдьё (Bourdieu, 2000) отмечает, что принятие и подчинение являются не столько результатом осознанного согласия или силы идей, сколько негласными и практичными убеждениями, становящимися самоочевидными и имеющими здравый смысл в условиях отсутствия альтернатив. Как только экономические практики приобретают устойчивый характер, нормативные вопросы об их характеристиках, как правило, забываются, начинает преобладать политика приспособления и закрепления (Sayer, 2015b). Таким образом экономические

практики приобретают регулярный и нормализованный характер. К примеру, право владельцев собственности на доход, несмотря на то, что они ничего не вкладывают в производство, в большинстве случаев никак не ставится под сомнение. Право владеть, спекулировать и распоряжаться прибылью натурализуется и деполитизируется по образцу работы «свободных рынков».

В периоды кризисов и недовольства, однако, вера людей в устоявшиеся институты и нормы может быть подорвана и найти наглядное выражение в протестах и социальных движениях. Во время таких кризисов наделенные властью группы предпринимают неустанные усилия, чтобы обеспечить необходимое признание доминирующих институтов и создать ощущение их легитимности (Fairclough & Fairclough, 2012). Они дают обоснования для соблюдения сложившихся практик, добиваются того, чтобы социальные отношения описывались легитимными способами, отгораживаются от вопросов о самой правомерности экономических институтов и делегитимизируют оппозицию и альтернативы существующему экономическому порядку. Их рассуждения в первую очередь служат рационализации их общественного положения и власти (Fairclough & Fairclough, 2012).

Отношение людей к миру — это отношение заботы. Им постоянно приходится отслеживать и оценивать, как обстоят дела с тем, что их волнует, и что делать дальше (Sayer, 2011). Но их способность оценивать экономические практики может быть ограничена экономическим давлением, направленным на выживание в конкурентной среде. Краткосрочные финансовые заботы могут иметь приоритет над долгосрочными социальными. Экономические отношения и практики имеют бесчисленные непредвиденные последствия, которые могут повлиять на благосостояние людей. Эти последствия могут быть классифицированы как положительные, отрицательные или ошибочные. Результаты открыты для этических оценок и регулирования на основе их этических результатов.

Хотя предполагаемые и непредвиденные последствия играют важную роль в оценке и оправдании существования экономических институтов, люди также могут ссылаться и на другие критерии, та-

кие как нужда, обездоленность и справедливость. Кроме того, для оценки экономических отношений можно рассматривать и экологические критерии (Sayer, 2015b). Важно проявлять заботу об окружающей среде, потому что от этого в конечном итоге зависит материальное благосостояние и процветание человека. Моральная экономика изучает, являются ли взаимоотношения людей с окружающей средой экологически устойчивыми или нет. В частности, она исследует то, как либеральные отношения собственности могут ухудшить состояние окружающей среды. Приватизация природных ресурсов способна привести к их чрезмерной добыче с разрушительными последствиями для местных экосистем. Алчное стремление собственников к накоплению богатства является экологически неустойчивым и угрожает будущему человечества.

О некоторых морально-экономических отличиях

Классическая политэкономия проводит важное морально-экономическое разграничение между производственным и непроизводственным доходом (Tawney, 1921). Производственный доход — это то, что получают наемные работники и самозанятые за вклад в производство товаров и услуг, которыми пользуются другие (Sayer, 2016). Непроизводственные доходы не зависят от вклада в производство новых товаров и услуг, а извлекаются на основе неравного владения и контроля над существующими дефицитными активами, включая деньги и землю. К примеру, банки могут получать производственный доход в силу наличия у них прав собственности, согласно которым они имеют право создавать и контролировать деньги, которых нет у других, но в которых те нуждаются. Петтифор (Pettifor, 2017) утверждает, что взимание процентов по ставке — это рента на деньги, позволяющая банкам получать огромные прибыли с капитала, извлекая ренту (процент) из долга.

С этим связано и другое различие — между собственностью и неправомерной собственностью (Hobson, 1937). Собственность сохраняется и оправдывается в связи с её потребительской ценностью, а также для содействия и защиты созидательной деятельности. В случае неправомерной собственности владельцы получают дефицитные активы для того, чтобы взимать с других людей плату. Они

получают доход не на основе какого-либо труда (производственный доход), а в силу того, что они наделены правом использовать имеющиеся дефицитные активы для получения платы от других (Sayer, 2015a). Такая форма дохода основана на активах и является непродуцственной, отражая власть владельцев над активами и отсутствие их вклада в производство новых товаров или услуг. Само по себе владение ими ничего не производит, но является источником нетрудовых доходов. Рента, проценты, прирост капитала, дивиденды и роялти являются непродуцственными доходами, поддерживающими бесфункциональных рантье и создающие огромные издержки.

В постсоциалистических экономиках значительная часть собственности не используется по назначению или ради личного удовольствия, но для получения прибыли или влияния (Mihalyi & Szelenyi, 2017). Представители класса собственников заинтересованы в пассивном владении с целью получения прибыли и не ограничены касательно того, сколько неправомерного имущества они могут иметь. Закон подтверждает их право владеть, распоряжаться и спекулировать (Marcuse, 1996). Если в прежние века защита собственности была узаконена для содействия и защиты созидательного труда, то теперь она защищает рантье от работы (Tawney, 1921). Неправомерная собственность — это не просто альтернатива труду, она дисфункциональна и несёт в себе вред.

Помимо индивидуальных рантье, существуют целые рантьерские организации, нанимающие людей для присвоения соответствующего дохода (Sayer, 2015a). Такие организации работают преимущественно в финансовом, страховом и имущественном секторах. Они занимаются получением непродуцственного дохода и поиском новых его источников. Помимо чистого рантьерства, физические лица и организации могут иметь как производственные, так и непродуцственные доходы, являясь, таким образом, частичными рантье.

ДВОЙНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Концепция двойного движения Поланьи вдохновила плодотворную и разнообразную исследовательскую деятельность в области изучения социальных и экономических изменений (Block, 2008; Burawoy, 2015; Hann, 2016). Неолиберальная экспансия глобального капитала и маркетизация товаров и услуг в странах с переходной экономикой и развивающихся странах привели к разрушительным социально-экономическим, политическим и экологическим последствиям (Sandbrook, 2011; Satgar & Williams, 2019; Silva, 2012). Ответом на это явились контрдвижения, направленные на защиту общества от рыночного хаоса путем государственного регулирования рынков и глобального капитала. Современную социальную борьбу нельзя понять только в национальных или местных рамках, поскольку процессы либерализации рынков и различные виды мобилизации (или контрдвижений) обусловлены глобальным контекстом (Block, 2008).

Концепция двойного движения Поланьи предлагает четыре варианта понимания современных общественных напряженностей и конфликтов. Во-первых, поланианская нормативная критика маркетизации опирается на концепцию Аристотеля о неестественном обмене (Clark, 2014). Рыночное общество превращает деньги, землю и труд в товары, где «процент есть цена за использование денег, образующая доход тех, кто может их ссудить; рента — цена за использование земли, образующая доход тех, кто сдаёт ее в аренду; заработная плата — цена за использование рабочей силы, образующая доход тех, кто её продаёт» (Polanyi, 1944: 112).

Деньги, земля и труд известны как фиктивные товары, поскольку не будучи произведенными для продажи, они тем не менее имеют цену. Здесь создается основа для критического анализа капитализма. Отношение к деньгам, природе и труду как к объектам, цена которых определяется рынком, может привести к долгам, отчуждению собственности, разрухе и неравному включению (Burawoy, 2015). Фиктивные товары не могут быть основой моральной экономики, потому что они посягают на саму жизнь, особенно на жизнь, заслуживающую того чтобы жить, «жизнь, в которой люди могут развивать свой

потенциал, достойно исполнять свои социальные роли и подтверждать свою ценность в ходе ритуалов жизни (рождение, половое созревание, брак, воспитание детей, юбилеи, общественные праздники, близкие дружеские отношения и смерть)» (Silva, 2012: 24).

Во-вторых, доминирующие мировые державы стимулируют экспансивный и глобальный характер капитализма с помощью идеологии, институциональных структур и насилия. Как и в случае с движением *laissez-faire* XIX века, неолиберальная волна коммодификации была реализована через делегитимацию предыдущих экономических систем, навязывание институционального рыночного процесса и, в конечном итоге, через насильственное лишение собственности и эксплуатацию (Harvey, 2005; Satgar & Williams, 2019). Социальные группы, выступающие за маркетизацию, зависят от мощных международных институтов и вызывают к их авторитету всякий раз, когда противостоящие им группы требуют мер социальной защиты. Прорыночное движение утверждает, что реформы необходимы для экономического развития, а международные правила не позволяют санкционировать требования о социальной защите (Block, 2008).

В-третьих, изречение Поланьи о том что «*laissez-faire* был спланирован» означает, что государству необходимо управлять спросом и предложением фиктивных товаров для обеспечения критически важных ресурсов для производственного процесса (Block, 2008). Так, частная собственность не была самодостаточной, а нуждалась в государственных институтах, таких как судебная система и полиция, для определения и обеспечения прав и обязанностей собственников. На неолиберальной волне маркетизации глобальные и национальные правовые и судебные механизмы (например, международные инвестиционные договоры и суды) часто продвигают и защищают права собственности в ущерб более широким общественным интересам (Schneiderman, 2008).

Государство играет центральную роль в двойном движении, поскольку оно способно создавать, поддерживать и регулировать рынки. Оно является ключевым местом социального противостояния, где политическая борьба ведётся за государственный контроль.

Регулирование никогда не бывает нейтральным, но представляет собой продукт неравенства социальных сил, вытекающего из природы воспроизводства капитала. Политические акторы согласовывают между собой противоречивые требования, отдавая предпочтение одним группам и интересам перед другими, создавая тем самым условия для функционирования и сдерживания рынка, а также противоборствующих сил в обществе.

В-четвертых, после столкновения с разрушительными рыночными силами общество отвечает защитными контрдвижениями, цель которых — вновь включить экономику в область социальных отношений. Так проявляются нормативные аспекты социальных движений. Социальные движения вырастают из недовольства людей миром неравенства и их стремления к более справедливому (Burawoy, 2015). Социальные движения оцениваются не только по их долговечности или преобразующей силе, но и по их тревогам и чаяниям.

Неолиберальная коммодификация угрожает широкому кругу социальных групп, включая средний класс, а также повышает значимость отдельных местностей, территориальных и производственных площадок как мест зарождения контрдвижений. Так например, коммодификация денег, земли, труда и базовых услуг (таких как образование и здравоохранение) может стать источником многочисленных низовых движений, объединяющих широкий круг протестующих — от сельских мигрантов, фермеров и пенсионеров до работников бюджетной сферы и городских ипотечных заёмщиков. Но само это разнообразие может привести к расхождению внутри и между социальными движениями, что препятствует формированию широкого контрдвижения, способного оказывать эффективное давление на государство.

Многие ученики Поланьи отмечают, что контрдвижения «сдерживаются какофонией голосов и расходящихся интересов» (Sandbrook, 2014: 12). В некоторых случаях движения не возникают. Это говорит о том, что реакция общества на действия рынка не является предопределенной. Сложность общественного отклика требует чуткого внимания к оборонительным устремлениям контрдвижений. Гудвин (2018) определяет декоммодификацию как

поэтапный процесс, который выделяет контравжения на одном из этапов. Оборонительные контравжения стремятся ограничить рыночные силы, наступательные — предотвратить их приход или обратить их вспять.

Декоммодификация и переключение — два различных в аналитическом отношении процесса (Goodwin, 2018). Контравжения едва ли ведут к экономическому переустройству. Сам Поланьи рассматривал переключение не как регулирование рынков, а как радикальное вытеснение капитализма социализмом. Интегрированная экономика будет успешной только в том случае, если она подчинит экономические процессы демократическому контролю со стороны общества, чего пока не удалось осуществить ни в одной стране.

Ряд исследователей наследия Поланьи анализируют сложное взаимодействие между контравжениями и государством (Block, 2008; Goodwin, 2018). В целом, социальные группы, которые ищут защиты от рыночных сил, находятся в менее выгодном экономическом и политическом положении по сравнению с прорыночными группами. Возможности влияния на государство могут возникнуть во время экономического кризиса, когда политические и экономические элиты испытывают ожесточённые разногласия по поводу его разрешения (Block, 2008). В зависимости от контекста и баланса социальных сил в конкретный момент, политические режимы могут реагировать ослаблением, нейтрализацией или подавлением общественных движений. Отношения между государством и контравжениями не являются односторонними, но имеют разнонаправленный характер (Goodwin, 2018).

ГОСУДАРСТВО КАК ПЛОЩАДКА ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Государство — не есть нечто, обладающее властью само по себе, оно представляет собой совокупность общественных сил, действующих внутри и посредством государственных институтов (Jessop, 2002). Оно опосредует и упорядочивает отношения власти в обществе. Государство — площадка социальной борьбы относительно институционализации и принудительного поддержания отношений

собственности, а также присвоения и распределения прибавочной стоимости, в частности, экономической ренты. В некоторых случаях, в зависимости от соотношения классовых сил в конкретный момент, государство способно содействовать развитию рантье́рства.

Андреуччи и др. (Andreucci et al, 2017) вводят понятие «захват стоимости», чтобы обозначить и политизировать процессы, в результате которых рента распределяется неравномерно между различными классами и фракциями классов. Захват стоимости включает в себя два связанных, но в аналитическом плане отличных друг от друга момента. Во-первых, это классовая борьба, которая разворачивается вокруг вопросов создания и регулирования прав собственности и правомочий, институционализирующих рентные отношения. Во-вторых, социальная напряженность и конфликты, возникающие в связи с присвоением и распределением прибавочной стоимости, создаваемой рентными отношениями.

Государство играет в этих процессах несколько ролей. Во-первых, государство устанавливает права собственности и соответствующие режимы, которые создают условия для захвата стоимости (Andreucci et al., 2017). Приватизация, дерегулирование и либерализация экономических секторов создали мощный класс рантье, способных свободно извлекать ренту без государственного контроля. Неолиберальный режим собственности оправдывает и узаконивает отношения ренты в экономике «свободного рынка» (Hudson, 2017).

Во-вторых, государство выступает в роли регулятора, устанавливая и обеспечивая распределение прав владения, условия их использования и так далее. Классовая борьба вокруг отношений собственности и ренты может заставить государство быть избирательным в вопросе того когда и по какому поводу претворять закон в жизнь. Государство формирует конкретные особенности захвата стоимости, т.е. указывает на то, кто присваивает ренту, а кто ее платит (Andreucci et al., 2017). В неолиберальном контексте слабого регулятивного надзора рантье действуют относительно свободно и без особых придирок в их отношении.

В-третьих, государство может выступать в качестве владельца собственности, контролирующего доступ к принадлежащим государству активам, их потребительную и меновую стоимость (Parenti, 2015). Хотя неолиберализм значительно сократил объём государственной собственности в странах с переходной экономикой, государство по-прежнему обладает значительными активами, где доступ к ним и потоки ренты имеют политические последствия. Народные протесты могут напрямую обращаться к государству-собственнику с требованиями пересмотреть контракты для получения большей или меньшей ренты. Государственные чиновники, стремящиеся к получению ренты, обычно вызывают общественный резонанс, если вскрываются факты получения незаконных доходов.

Рантьерство здесь не следует понимать исключительно как проявление дерегулирования, но как определенную роль государства в создании и поддержании рентных отношений. Рантье, под руководством финансистов и застройщиков, создавали институты и нормативы для создания и облегчения капитализма рантье (Standing, 2016). Новые права собственности устранили ограничения на спекуляции и непроизводственные доходы. Приватизация ценных активов создала влиятельный класс рантье. Международные правовые конвенции, инвестиционные договоры и арбитражные суды встали на защиту прав инвесторов от попыток государств и общественных движений изменить существующие договоры (Schneiderman, 2000).

Крупномасштабная и стремительная концентрация богатства в капиталистических странах и странах с переходной экономикой является как причиной, так и следствием перехода политической власти в руки богатых (Sayer, 2016). Поскольку правительства зависят от представителей класса капиталистов в обеспечении экономического роста, последние обладают структурной властью для формирования политики, отвечающей их интересам. Капиталисты и рантье обладают достатком, позволяющим осуществлять лоббирование, влиять на СМИ, осуществлять пожертвования на политические цели и внедряться в правительство (Standing, 2016).

У богатых людей имеется также и богатый политический капитал (Rothe & Kauzlarich, 2016). Их политическая власть может про-

являться по-разному. Они располагают существенными полномочиями по принятию решений и участию в работе государственных и регулирующих органов; обладают значительными возможностями по определению повестки дня и постановке вопросов на общественных площадках; способны оказывать сильное идеологическое и моральное влияние на интересы и идеи людей (Lukes, 2005).

Огромный политический капитал богатых граждан знаменует собой победу плутократии над демократией. Как отмечает Сайер (Sayer, 2016), демократии всё чаще оказываются в тени плутократии. Богатые получают возможность контролировать различные аспекты экономической жизни и играть доминирующую роль в политике, в результате чего их особые интересы, видение мира и моральные обоснования начинают ограничивать возможности демократии (MacLean 2017). Плутократический режим местных и национальных органов власти способен задавать порядок предоставления товаров и услуг в интересах элиты, связанной с рантье́рским капитализмом.

НОВЫЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ

Согласно неолиберализму, верховенство закона предлагает эффективный способ обеспечения правосудия. Оно защищает индивидуальные права и свободы, включая права частной собственности, и сдерживает возможности государства относительно принуждения (Gill, 2002). Институт частной собственности является необходимым условием существования свободы, и правила правосудия призваны предотвратить посягательства на частную собственность. Либералы утверждают, что право стоит превыше всего, то есть индивидуальные права не могут быть принесены в жертву общему благу (Sandel, 1984).

Верховенство закона также обращается к ключевой экономической проблеме, которая согласно ему заключается не в дефиците ресурсов и сопутствующем выборе, а скорее в определении наборов общеобязательных правил и процедур, способствующих созидательному рыночному процессу (Gill, 2002). В то время как ортодоксальная экономическая наука сосредоточена на том, как отдельные люди делают выбор в рамках ограничений, наложенных на

них извне, Бьюкенен (Buchanan, 1990) утверждает, что конституционная политэкономия изучает выбор между ограничениями. Аналитический сдвиг в сторону последней подразумевает, что нормы и институты могут управляться в интересах всех людей.

Конституционные нормы способны обеспечить стабильность ожиданий экономических субъектов, включая долгосрочных инвесторов. Хайек (Hayek, 1944:76) объясняет, что нормы «позволяют с достаточной уверенностью предвидеть, как власть будет использовать свои принудительные полномочия в данных обстоятельствах, и планировать свои индивидуальные дела на основе этого знания». При верховенстве закона правительства не имеют возможности осуществлять произвольные действия, чтобы подавить индивидуальные начинания. Формальные правила способствуют достижению индивидуальных целей людей, а также создают доверие и уверенность в экономике.

Хотя конституционные нормы могут быть созданы посредством демократических процедур, Бьюкенен (Buchanan, 2008) утверждает, что демократизация конституционной политики должна быть ограничена квази-постоянными нормами. Теория общественного выбора отвергает любое допущение того, что политические субъекты от природы доброжелательны. Скорее они представляются как люди, стремящиеся коллективно защитить свои частные интересы. В частности, правительство и другие государственные учреждения рассматриваются как стремящиеся к ренте монополии, которые увеличивают свои доходы и власть за счёт общества (Maclean, 2017). По мнению сторонников теории общественного выбора, квази-постоянные правила необходимы для того, чтобы предотвратить принятие будущими правительствами решений, которые могут привести к экономической неэффективности и несправедливости для населения.

Указывается на чрезвычайную важность того, что верховенство закона деполитизирует экономические институты, отделяя их от политического влияния избранных политиков и широкой ответственности (Gill, 2002). Многие центральные банки имеют независимость от политического контроля для обеспечения «здоровых» денег и макроэкономической стабильности. Торговые и инвести-

ционные соглашения защищают капитал от экспроприации и национализации. Транснациональные корпорации могут обращаться в международный арбитраж по поводу национальных законов, угрожающих их интересам. Если демократически избранные парламенты принимают законы в интересах общества, их законы и постановления, с высокой вероятностью, будут признаны «изъятием», что равносильно опосредованной экспроприации или национализации (Schneiderman, 2008).

Неолиберализм представляет богатых собственников и инвесторов как эксплуатируемое меньшинство, нуждающееся в защите от произвольных политических решений, таких как экспансионистская фискальная политика и строгие экологические нормы (Sayer, 2020). Ограничивая полномочия правительства, конституционные нормы закрепляют права и интересы владельцев собственности и оставляют не у дел уязвимые и бесправные группы населения. Неолиберальный конституционализм не просто устанавливает несоразмерное представительство класса собственников в государстве, он узаконивает и поощряет рантье́рство и непроизводительные доходы. Крупные обладатели непропорциональной собственности де-факто получают конституционное признание в рамках неолиберальных понятий свободы, справедливости и демократии.

Неолибералы игнорируют рентоориентированное поведение частных корпораций. Подразумевается, что корпорации функционируют в идеализированной модели конкурентных рынков, а не на реально существующих рынках, где монопольная власть и изыскание ренты — обычное явление (Sayer, 2020). Неолиберализм упускает моральное экономическое различие между непроизводительным доходом, основанным на господстве, и производительным доходом, основанным на продуктивном труде (Sayer, 2015a). Упускается из виду еще одно существенное различие между непроизводительными доходами и отчислениями, основанными на признании необходимого и демократически одобренного налогообложения.

В то время как рантье́рство частного сектора не подвергается сомнению, неолибералы порицают рантье́рство со стороны государства. Под стремлением к ренте понимается любое коллективное

действие избирателей, групп заинтересованных лиц и государственных чиновников, которое побуждает правительство к действиям по извлечению денег у участников экономической деятельности посредством налогов (Maclean, 2017). Предполагается, что в данном случае индивиды продвигают свои личные корыстные интересы, а не коллективные цели или общее благо. По сути, неолиберализм поощряет частное рантьерство, но ограничивает предполагаемое стремление к государственной ренте с помощью конституционных и недемократических механизмов (Sayer, 2020).

Несмотря на неолиберальные попытки подорвать его значение и власть, современное государство имеет решающее значение для накопления капитала (Jessop, 2002). По отношению к природе государство контролирует её потребительскую стоимость и передаёт капиталу её меновую стоимость, в основном ренту (Parenti, 2015). Социальная борьба вокруг отношений собственности и ренты может заставить государство избирательно подходить к тому, когда и в каких случаях применять закон. Государство формирует конкретные особенности присвоения стоимости.

СОЗДАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Томбс (Tombs, 2012: 177) отмечает: «Подобно тому, как государства создают и поддерживают рынки, они также могут создавать и поддерживать криминогенные рынки, то есть рынки, которые способствуют или облегчают создание общественного вреда и преступлений». То, что кажется отдельными корпоративными преступлениями (такими как незаконные выплаты, уклонение от уплаты налогов, манипулирование рынком, незаконная торговая практика и ущерб окружающей среде), лучше понимать как содействие им со стороны государства. Преступления не сводятся к недостаточно успешному государственному регулированию и правоприменению, но являются результатом договоренностей о регулировании. Эти договоренности представляют собой продукт борьбы между социальными классами, а также борьбы внутри корпоративных и государственных элит в конкретные моменты (Tombs & Whyte, 2009).

Неолиберальная идея «свободного рынка» не только способствовала развитию рантьерства, но и содействовала ослаблению государственного надзора, неэффективному правоприменению и почти полному иммунитету от судебного преследования (Hudson, 2015). Неолиберализм подорвал регулирующие возможности государства, представляя регулирование как «волокиту», «бюрократизм» и «бремя для бизнеса». Регулирующие органы при таком ходе событий, будут с большой вероятностью стремиться минимизировать «вмешательство» в соответствии с принципом *laissez-faire*.

Блэк (Black, 2010, 2011) объясняет, что мейнстрим неоклассической экономики часто отвергает призывы к широкому регулированию, утверждая, что рыночная дисциплина способна предотвращать корпоративные преступления. Снайдер (Snider, 2009: 182) цитирует Стеннинга и др. (Stenning et al., 1990: 12), указывая, что система регулирования, тем не менее, несет в себе «существенную веру в капитализм, настолько очевидную, что она остается... незамеченной». По мере роста моральной легитимности коммерческих организаций, надзор за ними ослабевал.

Регулирующие органы нельзя назвать нейтральными, они скорее выступают в качестве «структур неравного представительства» (Mahon, 1979: 154). В капиталистических странах и странах с переходной экономикой рантье и плутократы добились успеха в насаждении слабых режимов регулирования путем захвата государственных и регулирующих органов (Hudson, 2015). Захват регулирующих органов имеет место, когда регулирующие органы начинают продвигать интересы тех самых индустрий, которые им поручено регулировать. Богатые занимают доминирующее положение в политике регулирования с помощью формальных, скрытых и идеологических средств (Tombs & Whyte, 2009). Регулирующие органы, обычно подчиняющие себе лишь наименее могущественных, в то же время уязвимы для давления со стороны общественных движений.

В деле борьбы с преступлениями «белых воротничков» и преступлениями корпораций часто отсутствует политическая воля, регулирующим органам не хватает материальной, логистической и моральной поддержки, чтобы противостоять наделенным властью

элитам (Tombs & Whyte, 2020). Главная особенность регулирования заключается в необходимости воспроизводства условий, при которых капитал может воспроизводиться. Высокая степень контроля государства со стороны бизнес-элит обеспечивает отсутствие вмешательства местной демократической политики в вопросы регулирования, способной наложить ограничения на различные рискованные решения и извлечение прибыли (Shaxson & Christensen, 2013). Хотя некоторые случаи коррупции и мошенничества расследуются и контролируются или же политизируются, большинство из них считаются конвенциональными и не вызывают разбирательств.

Захват регулирующих органов секторами, лидирующими в деле извлечения ренты, может породить санкционированные законом коррупцию и мошенничество (Sayer, 2015a). В финансовой сфере надзорные органы обычно имеют в своем штате представителей банков, за которыми им полагается осуществлять надзор, что лишает их возможности обеспечить защиту регулятора (Hudson, 2015). Учитывая, что строительная отрасль поддерживает финансируемые правительством строительные программы, приносит доход и способствует экономическому росту, свою прибыльность и экономический успех она всегда совмещает с «бременем» регулирования (Tombs & Whyte, 2009).

Дерегулирование, ослабление надзора и фактическая декриминализация создают криминогенную среду в банковском секторе и секторе недвижимости (Black, 2011). Криминогенная среда имеет порочные стимулы для совершения широкомасштабных преступлений, или мошенничества в области контроля. Мошенничество в сфере контроля происходит, когда лицо, контролирующее, на первый взгляд, законопослушную корпорацию или государственное учреждение, использует это как орудие для совершения мошенничества. Криминогенная среда способствует широкому спектру коррупционных, и вместе с тем прибыльных видов деятельности, включая взяточничество и отмывание денег.

В то время как криминогенные структуры позволяют капиталистам, рантье и политикам приобретать огромное богатство и власть, они оказывают вредное и разрушительное воздействие на обще-

ство, к примеру, увеличивают социальное неравенство и загрязнение окружающей среды (Whyte & Wiegratz, 2016). Однако крупный ущерб, скорее всего, будет представлен как «незевение» или «несчастный случай», а не как вред, который возможно предотвратить и избежать (Tombs & Whyte, 2009). Чтобы обеспечить подотчетность и ответственность, важно признать и криминализировать наносимый обществу вред.

ЧАСТЬ II: ОСПАРИВАЯ РЕЖИМ РАНТЬЕ И ЕГО ОПРАВДАНИЯ

ГЛАВА 4. ФИНАНСОВЫЕ ИНСТИТУТЫ: ПРОЦЕНТЫ, ВЛАСТЬ, МОРАЛЬНЫЕ ОБОСНОВАНИЯ

В данной главе критически исследуется то, каким образом банки и микрофинансовые организации обосновывали свою кредитную практику и получение дохода от процентов в Казахстане и Кыргызстане. Мифы, нормы, дискурсы и обязательства кредиторов играли центральную роль в легитимизации и деполитизации неравноправных социальных отношений между кредиторами и заёмщиками. Финансовые отношения приобрели особое значение в неолиберальных экономиках, поскольку те вынесли рантьерство за пределы границ традиционных форм получения ренты в сфере недвижимости и природных ресурсов (Husdon, 2014). В главе также даётся оценка двум альтернативным формам предоставления кредитов (исламское финансовое дело и государственный фонд развития), цель которых — минимизация ростовщичества и финансирование продуктивных инвестиций.

Моральная точка зрения банкиров и финансистов редко исследуется в социальных науках (Ho, 2012; Pelkmans & Umetbaeva, 2018). Социальные науки либо избегают задаваться подобным вопросом, либо предполагают, что финансовая деятельность уже изначально определяется как аморальная или безнравственная, даже если социальные субъекты формулируют некие моральные требования, чтобы объяснить и оправдать её. Хо (Ho, 2012) отмечает, что в социальных науках отсутствуют критические описания реальных моральных дискурсов со стороны финансистов, а также того, как они осмысливают и легитимируют свою деятельность с точки зрения морали.

Настоящая глава вносит вклад в научную литературу о финансах и морали двумя способами. Во-первых, в ней представлены оцен-

ки кредитования от непосредственно вовлеченных лиц как явления справедливого или несправедливого, хорошего или плохого. Выходя за рамки обычного акцента на финансовом кризисе, иррациональности и мошенничестве (Appadurai, 2012; Jessop, 2015; Whyte & Wiegatz, 2016), в главе рассматриваются моральные оценки принимаемых как должное прав и практик, лежащих в основе долговых обязательств (Graeber, 2011; Hudson, 2018; Sayer, 2015). Подвергаются критическому рассмотрению моральные обоснования и рациональные объяснения базовых особенностей отношений кредитора и заёмщика, в частности, права собственности на деньги, а также действия, которые разрешено и предписывается совершать банкам и должникам. В ней даётся оценка того, как участники финансовой деятельности понимают моральное влияние на свою практику, и оценивают их последствия для общества.

Во-вторых, показывается, что властные полномочия имеют много общего с происхождением и поддержанием долга и мало общего с рациональным обсуждением его справедливости и легитимности (Hudson, 2014). Банки не просто создают кредитные деньги «из воздуха», а извлекают ренту, взимая за них соответствующую плату (Pettifor, 2017). Как только взимание процентов становится устойчивой практикой, их обоснованность не ставится под сомнение, оспаривается лишь их размер. Не имея иных подходящих вариантов, люди начинают относиться к этому как к чему-то привычному и не стоящему внимания. Тем не менее, хотя долг в значительной степени является продуктом отношений власти, вопросы справедливости, честности и благополучия должны быть подняты и рассмотрены, в противном случае оснований для его критики практически не остаётся (Sayer, 2016).

Данная глава состоит из четырёх разделов. В первом разделе кратко рассматривается, какую роль играют банки и микрофинансовые организации в современной экономике, особенности их развития в Казахстане и Кыргызстане. В разделе «Моральные оправдания практик кредитования» проводится анализ того, каким образом финансовые учреждения в нашем первом исследовании понимали и оценивали кредитные отношения и их результаты. В третьем раз-

деле предлагается критическая дискуссия по вопросу задолженности. Наконец, в заключении подводятся итоги и обобщаются основные выводы и идеи данной главы.

ФИНАНСОВЫЙ СЕКТОР В КАЗАХСТАНЕ И КЫРГЫЗСТАНЕ

Банки — важный компонент современного капитализма, поскольку они создают и контролируют символические деньги, которые по своей сути ничего не стоят и используются как средство окончательного расчёта по сделкам (Graziani, 1989). Они обладают подобной монопольной властью для создания и выполнения платежных обещаний, которые облегчают рыночные операции (Pettifor, 2017). Предоставление кредитов фирмам и домохозяйствам может создать производственный потенциал экономики, который впоследствии может быть использован для обслуживания долга (Keen, 2011). Однако, как объясняет Минский (Minsky, 1978), банки также несут ответственность за рост избыточной задолженности, спекуляцию активами и финансовую нестабильность.

Международные финансовые институты и донорские организации продвигали линию на финансовую либерализацию в качестве одного из эффективных способов борьбы с бедностью и стимулирования предпринимательской активности, следуя модели банка Грамин в Бангладеш (Bateman, 2010). На ранних этапах развития частных банковских услуг в странах с переходной экономикой деньги в местные банки и микрофинансовые организации поступали не за счёт накоплений домохозяйств, а за счёт инвестиций иностранных банков, международных финансовых организаций и западных агентств развития (Ruziev & Dow, 2013). Критерием кредитования для агентств развития являлись социальные задачи, такие как сокращение бедности и развитие сельских районов, также они ожидали возврата капитала.

Либерализация и дерегулирование банковского сектора в постсоветских странах в 1990-х годах преследовали цель повышения конкуренции и расширения возможностей выбора на рынке в надежде влить столь необходимые иностранные инвестиции в экономику стран, переживших распад Советского Союза (Ruziev &

Dow, 2013). В России и Центральной Азии увеличилось количество частных банков, микрофинансовых организаций и ломбардов. Они предоставляли кредиты не только представителям бизнеса и среднего класса, но и более подверженным риску и уязвимости представителям рабочего класса и бедным слоям населения (Guseva, 2005; Ruziev & Midmore, 2014).

В 1990-х и 2000-х годах американские и другие западные финансовые институты инвестировали в банковский и небанковский сектора Казахстана и Кыргызстана с целью финансирования быстрого роста кредитования, в значительной степени сосредоточенного в мелкой розничной торговле, недвижимости и сфере потребления. Казахстанские банки активно привлекали займы из-за рубежа через привлечение синдицированных кредитов, секьюритизацию и выпуск облигационных займов. К 2007 году они образовали внешний долг в размере 46 миллиардов долларов США, или 44% ВВП (International Monetary Fund, 2010). В 2000-х годах банковский сектор Казахстана занимал второе место в экономике по темпам роста после нефтяной промышленности (Asian Development Bank Institute, 2014). До мирового кризиса 2007-2008 годов банковский сектор состоял из частных финансовых учреждений (Orazalin, 2019). Наступивший кризис вызвал банкротство трёх крупных коммерческих банков. В связи с этим правительство направило средства в проблемные банки и рефинансировало кредиты для стабилизации сектора. В настоящее время данный сектор представлен коммерческими частными банками, государственными банками и банками с иностранным капиталом.

В 2002-2007 годах банковский сектор Кыргызстана активно развивался, среднегодовой рост активов и кредитов составлял 22% и 57%, или 40% в реальном выражении, соответственно (Asian Development Bank, 2011). Общий объём банковских активов увеличился с 7,9 млрд сомов в 2002 году до 178 млрд сомов в 2015 году (National Bank of the Kyrgyz Republic, 2016). Мировые и региональные финансисты извлекали выгоду из слабого регулирования процентных ставок и взыскания долгов, что позволило им добиться

высокой доходности капитала. В Кыргызстане средняя процентная ставка по микрофинансовым займам составляла около 34% в 2014 году (National Bank of the Kyrgyz Republic, 2014). В 2014 году в стране насчитывалось 24 коммерческих банка, из которых два контролировались государством, а остальные были либо частными, либо иностранными банками (International Finance Corporation, 2016). Шестнадцать коммерческих банков имели иностранный акционерный капитал, из них десять имели долю иностранного участия более 50%.

Большинство клиентов банка составляли представители среднего и рабочего класса. Значительная доля совокупного кредитного портфеля банка состояла из долларовых ипотечных кредитов, выдаваемых заёмщикам на покупку квартир (Ruziev & Majidov, 2013). В период жилищного пузыря 2001-2007 годов в Казахстане мечта среднего класса о собственном жилье давала банкам возможность извлекать ренту через ипотечные ставки. Однако выплаты по кредитам оказались непосильны для многих заёмщиков из-за завышенных цен на недвижимость и обесценивания национальной валюты по отношению к доллару, в особенности после мирового финансового кризиса 2007-2008 годов. В Казахстане и Кыргызстане растущие долги и случаи изъятия собственности вызвали волны протестов против банков и правительств, о чём будет рассказано в главе 8.

С другой стороны, сельские домохозяйства обычно занимали небольшие суммы (менее 1000 долларов США) у микрофинансовых организаций, взимавших более высокие процентные ставки, чем коммерческие банки (Angioloni et al., 2018). В 2000-х годах микрофинансирование являлось основным источником кредитования для сельских заёмщиков, особенно в Кыргызстане. Многие из них получали кредиты для начала предпринимательской деятельности, движимые надеждой стать успешными предпринимателями. Но высокие процентные ставки и барьеры для вхождения в бизнес означали, что большинство из них с трудом могли выжить и получить прибыль (Bateman, 2010).

МОРАЛЬНЫЕ ОПРАВДАНИЯ ПРАКТИК КРЕДИТОВАНИЯ

Социальная миссия и рыночная этика кредитования

Один из самых стойких мифов о микрозаймах заключается в том, что те служат социальной миссии служения малоимущим (Bateman, 2010). Международные агентства рассматривают микрозаймы как катализатор устойчивого экономического и социального развития «снизу». Они направляют кредиты местным банкам и микрофинансовым организациям, чтобы те предоставляли их бедным и обездоленным группам населения. Подразумевается, что это послужит созданию и расширению микропредприятий и самозанятости (например, трансграничной челночной торговли), а также поспособствует расширению гендерных прав и возможностей, укреплению солидарности общин.

Представители нескольких банков рассказали, каким образом доноры работали в партнерстве с ними для поддержки женских микропредприятий, сокращения бедности и развития сельских районов. Так, например, Татьяна, старший менеджер одного из банков Кыргызстана, объясняла:

У нас налажено партнерство с Азиатским банком развития, и это программа для женщин-предпринимателей... За всё время нашей работы мы сотрудничали с Международной финансовой корпорацией по специальным программам и начали работать с платформой социального кредитования KIVA... У большинства наших социальных инвесторов особые общественные цели. В нашем портфеле более 46% заёмщиков — женщины. Такова наша общественная задача.

Банк Татьяны получил значительный объём кредитов от международных агентств, включая Агентство США по международному развитию (USAID), предназначенных для конкретных уязвимых групп населения, в частности женщин-предпринимателей в сельской местности. Специальные программы кредитования определяли для банков критерии кредитования, отвечающие социальной миссии и ценностям доноров. В условиях патриархального уклада в

развивающихся странах предоставление женщинам возможностей для участия в предпринимательской деятельности является важной целью для доноров (Bateman, 2010). Микрозаймы способны повысить уверенность и деловые качества женщин, тем самым расширяя их возможности в обществе. Будучи проводниками социальных изменений, предполагается, что банки и микрофинансовые организации способны развивать культуру предпринимательства и бороться с гендерным неравенством.

Однако появляется всё больше свидетельств «смещения миссии» в секторе микрокредитования (Bateman, 2010). Коммерциализация отклоняет организации от их первоначальной миссии по снижению уровня бедности в сторону стратегии максимизации прибыли. В Кыргызстане три крупных микрофинансовых агентства-НПО, «Бай Тушум», «Гипса» и «Компаньон», были преобразованы в коммерческие частные банки (Hasanova, 2018). Их привлекла возможность расширить свой кредитный портфель за пределы микрозаймов, финансируемых донорами, и выйти на более прибыльные рынки, такие как потребительские кредиты для среднего класса. Некоторые участники исследования давали объяснение подобному противоречию между социальными и экономическими целями, как к примеру, Татьяна, чей банк раньше был микрофинансовым агентством-НПО:

Поскольку мы коммерческая организация, мы должны получать прибыль, но... также у нас есть и социальные задачи, у нас имеются специальные программы совместно с международными организациями... Конечно, мы должны быть прибыльными!

Организация Татьяны перестала быть исключительно инструментом реализации социальных целей для её доноров. Будучи коммерческим предприятием, ей требовалось получать прибыль. Социальная миссия отошла на второй план относительно максимизации прибыли. Как отмечает Сайер (Sayer, 2007), социальные и моральные ценности могут быть поставлены под угрозу или перечёркнуты экономическим давлением и экономическими интересами.

Рынки способны выступать в качестве благотворной силы, укрощающей необузданные нравы и освобождающей общество от традиционных уз для достижения материальных улучшений (Hirschman, 1982). Но в равной степени отношения и обычаи, основанные на культурных предписаниях, могут ограничивать благотворное влияние рынков. Несколько респондентов упоминали о том, как банки и микрофинансовые компании пытаются цивилизовать и дисциплинировать заёмщиков, противостоя культурным установкам и обычаям. Жылдыз, старший менеджер Международной финансовой корпорации, утверждает, что такие рыночные добродетели, как бережливость и пунктуальность, важны для финансового сектора, но их трудно привить кыргызскому населению:

Мы разработали календарь для [заёмщиков]... это учит их учитывать многие вопросы, такие как сезонность бизнеса, урожая и расходов. Наше главное послание — экономия, сказать людям, что им следует экономить... Знаете ли, кыргызы тратят много денег на свадьбы, похороны и рождение детей, потому что ими движут традиции... Такой вот менталитет, такая культурная особенность, мы же кочевники... Исторически у нас не было часов, мы не следим за временем, и поэтому кыргызы не дисциплинированы в деле погашения долгов, потому что это восходит к нашим истокам. Плюс культурные обычаи.

Жылдыз считает, что банковские операции затрудняются отсутствием дисциплины относительно вопросов времени и традиционными обязательствами в виде пышных церемоний жизненного цикла, в результате чего многие семьи испытывают трудности с накоплениями и погашением кредитов. Организация Жылдыз проводит образовательные и информационные кампании, в первую очередь в сельской местности, предупреждая людей об опасности расточительных и легкомысленных трат и пропагандируя такие рыночные добродетели, как бережливость и пунктуальность.

Большинство представителей финансовой элиты воспринимает банки и микрофинансовые компании как цивилизующих и морализирующих агентов. Кредиторы прикладывают всевозможные

усилия, чтобы воспитать и обучить заёмщиков трудолюбию, честности и дисциплине, дабы те не подрывали доверие к их кредитоспособности и к ним самим. В своем исследовании Пелкманс и Уметбаева (Pelkmans and Umetbaeva, 2018) также обнаружили, что неофициальные кредиторы рассматривали себя как первопроходцев, выполняющих цивилизаторскую миссию по усмирению хаотического пространства на границах капиталистической цивилизации.

Более того, либеральные рынки могут содействовать развитию моральных ценностей, включая формальное равенство, автономию и свободу (Booth, 1994). Участники рынка свободны от иерархических и предписывающих отношений, и формально могут получать доступ к ресурсам для реализации своих проектов. В нашем исследовании представители нескольких банков положительно оценили рыночный механизм предоставления кредитов, сравнив его с альтернативными механизмами, такими как исламский банкинг и ротационные сберегательно-кредитные ассоциации. Исламские ценности и соответствующие финансовые системы были охарактеризованы ими как противостоящие участию женщин в экономике, их свободе и равенству.

Наши женщины не носят паранджу. 55% наших сотрудников — женщины, 51% наших клиентов — женщины. Они работают или имеют свой бизнес... Женщины в Кыргызстане очень независимы, и традиционный ислам здесь не практикуется.

Эльнура, директор банка в Кыргызстане

Все банки работают по [рыночным принципам], и только один банк работает по принципам исламского финансирования... Исламские принципы нам не подходят. У нас нет таких фанатичных убеждений. Мы должны защищать ценности нашей страны и рынок.

Гульмира, директор банка в Кыргызстане

По мнению Эльнуры, рыночная система расширила свободу и автономию женщин. Гульмира оценила либеральные рынки как полезные для общества, исламские же принципы сочла вредными. Большинство участников оценили рыночное кредитование как справедливое, поскольку подавляющее большинство населения могло получить доступ к кредитам (see. Pettifor, 2017). Исламский банкинг был ограниченно представлен в Центральной Азии, и считалось, что он снижает экономическую самостоятельность женщин (ср. Votoeva, 2018; Hoggarth, 2016). Ротационные сберегательно-кредитные ассоциации в Центральной Азии были закрытыми организациями, поскольку их члены отбирались на основе высокого дохода и социального статуса (Kuehnast & Dudwick, 2002).

Однако рынки могут в равной степени подрывать моральные ценности, необходимые для их успеха (Hirschman, 1982). Погоня за прибылью может способствовать формированию культуры недобросовестности и коррупции (Wiegratz, 2016). Бейтман (Bateman, 2010: 55) отмечает, что конкурентное коммерческое давление может заставить денежных кредиторов «обманывать и оказывать давление на своих клиентов, чтобы заполучить новые виды бизнеса», называя это «очень серьёзным случаем “смещения миссии”». Несколько банков трактовали случаи халатности, нечестности или мошенничества как отклонение, совершенное несколькими малообразованными или жадными людьми, а не как широко распространенное и повседневное явление. Было принято считать, что рынки оказывают преимущественно цивилизующее и благотворное влияние на людей и общество.

В рамках расследования дела о злоупотреблениях несколько сотрудников филиала одного из банков Кыргызстана были обвинены в незаконных финансовых операциях. Они санкционировали выдачу кредитов ненадёжным заёмщикам, чьи заявки должны были быть отклонены из-за плохой кредитной истории. Осознав ущерб для своей репутации и бизнеса, банк попытался обвинить в мошенничестве младшего сотрудника и списать инцидент на аномалию. Как утверждала Асель, одна из директоров банка:

Имел место случай мошенничества с участием одного из наших сотрудников... Но заёмщики также должны нести ответственность за свои действия, потому что они подписали контракты, зная, что схема сотрудника была мошеннической... Случай подобного мошенничества выходил за рамки привычного... Банк пошёл на уступки заёмщикам, и их кредиты были продлены на 6-8 месяцев, а процентные ставки снижены с 32% до 18%.

Объясняя данное мошенничество, Асель ссылалась на проступок отдельного сотрудника и критиковала моральный облик заёмщиков. Нарратив Асель сохранял её веру в действенность и эффективность рынка и оправдывал пересмотр выплат по кредиту. Вигратц (Wiegratz, 2016) утверждает, что руководители предприятий, скорее всего, будут рассматривать мошенничество как проявление жадности, индивидуальной свободы и чрезмерных корыстных интересов, а не как нечто системное и распространённое в обществе, охваченном неолиберализмом. Эртурк и др. (Erturk et al., 2007) отмечают, что финансовые проблемы обычно объясняются отсутствием у участников рынка навыков, знаний и дисциплины, а не результатом экономического давления.

Неолиберальный идеал «свободного рынка» способен защитить интересы имеющегося экономического господства от призывов к регулированию и ослабить государственные регулирующие органы в пользу саморегулирования. Неолиберализм продвигает «свободные рынки» как способ облегчить ведение бизнеса, стимулировать творчество, предпринимательство и экономический рост. Большинство представителей финансовой элиты в нашем исследовании полагают, что кредиторы должны быть свободны в решении своих собственных вопросов. Хотя финансовые злоупотребления могут иметь место, добросовестность и порядочность рынка будут превалировать. Как отметил Максим, директор ассоциации микрофинансовых организаций в Кыргызстане:

Микрофинансовые организации знакомы с агрессивным маркетингом, угрозами, запугиванием и принуждением людей к выплате кредитов... Они нуждаются в саморегулировании своей деятель-

ности, не во внешних нормативных актах для контроля над ней. К добросовестной работе их могут мотивировать международные стандарты и признание со стороны международных агентств. Из также может мотивировать наша ассоциация, побуждая следовать лучшей практике. В регулировании со стороны Национального банка нет необходимости, вместо этого мы должны опираться на саморегулирование для обеспечения надлежащих практик их работы.

Максим признавал, что в секторе микрофинансов существуют проблемы хищнического кредитования и незаконных методов взыскания долгов, но полагал, что репутация рынка и свод правил побудят микрофинансовые организации изменить практику ведения бизнеса. Однако на деле дерегулирование и отказ от надзора породили криминогенную среду в данной отрасли (Black, 2011; Tombs, 2012). Предоставление кредиторам возможности самим регулировать свою деятельность не позволило справиться с финансовым мошенничеством и недобросовестной практикой, о чём будет рассказано в главе 8.

Вера Максима в «свободный рынок» и саморегулирование также предполагала необходимость существования рынков, свободных от государственного контроля, что позволяло бы кредиторам беспрепятственно извлекать ренту. Его ассоциация лоббировала в правительстве отмену нового закона, требовавшего от микрофинансовых организаций более высокого минимального стартового капитала и ограничивавшего ставки кредитования, превышающие базовую ставку центрального банка:

Последние два года мы боремся против нового закона, ужесточающего микрофинансовую деятельность. В частности, мы боремся против регулирования процентных ставок микрофинансовых учреждений, где процентные ставки были снижены до 15%. Мы боремся против Центрального банка, который пытается контролировать и регулировать данный сектор.

В результате долгой и упорной протестной кампании движения против ростовщических процентных ставок и других финансовых злоупотреблений, правительство Кыргызстана ограничило процент-

ные ставки. Банки и микрофинансовые организации восприняли это как ограничение их экономической практики, или, вернее сказать, деятельности, направленной на изыскание ренты. Как объясняет Хадсон (Hudson, 2014), сторонники неоллиберализма представляют свободный рынок как рынок, позволяющий рэнтье свободно присваивать доход без государственного регулирования. Такой подход полностью переворачивает идею классической политэкономии о том, что рынки должны быть свободными от присвоения доходов.

Культурные нормы и либеральные дискурсы кредитования

Культура и мораль финансового сектора могут дополнять, и не противоречить общепринятым культурным представлениям и нормам (Но, 2012). Финансовые представления о морали могут увязываться с более широкими культурными нарративами об экономике и обществе. Хотя деньги являются фиктивным товаром, большинство представителей финансовой элиты понимает их как часть общего нарратива касательно того, что товары могут приобретаться и продаваться с целью получения прибыли. Они подчеркивают, что кредитование отражает общую норму и указывает на приемлемость товарных обменов с целью получения прибыли. Алима, старший менеджер одного из казахстанских банков, в ответ на обвинения в том, что банки завышают стоимость кредитов, отметила, что им также необходимо привлекать финансовые средства:

Банки должны не только предоставлять кредиты, но и привлекать вклады. Разница между процентными ставками по кредитам и вкладам составляет доход банка. Также у банков есть дополнительные расходы. Это справедливо.

Алима отметила, что доход банков — это разница между привлечением денег и одалживанием их. Это отражает более широкую экономическую культуру торговли и обоснованность установки наценок на продукцию — для покрытия затрат плюс дополнительную наценку для получения прибыли. Татьяна сравнивала кредитование с другими формами купли-продажи, такими как торговля скотом:

Один человек покупает корову, потом продаёт. Затем другой человек перепродаёт её. Перепродажа очень распространена в нашей экономике, таков наш менталитет — покупать, продавать и перепродавать.

Денежное кредитование и торговля скотом служили здесь примерами обобщенной формы товарного обмена. Денежное кредитование рассматривалось как естественное и нормальное явление, неотличимое от других форм купли-продажи. С распадом Советского Союза права собственности были переоформлены, что позволило иметь право распоряжаться имуществом с прибылью (Marcuse, 1996). Это узаконило и обосновало спекуляцию и непроизводственные доходы (ренту, проценты и прирост капитала). Товарные обмены и связанная с этим передача прав собственности и денег получили широкое признание и практическое применение.

Международные финансовые институты провели ряд экономических и правовых реформ для того, чтобы «рынок», определяемый в узком смысле как рутинизированная купля-продажа в условиях конкуренции, стал устоявшимся экономическим институтом (Ferguson, 2009). Сайер (Sayer, 2016) утверждает, что, хотя влиятельные субъекты могут гарантировать, что их экономическая деятельность будет описываться в законодательных терминах, именно установленный порядок вещей в значительной степени обеспечивает её принятие. Как отмечает Бурдьё (Bourdieu, 2000), подчинение — не столько продукт сознательного согласия или силы идей, сколько негласное и практическое убеждение, которое становится само собой разумеющимся и приобретает характер здравого смысла в контексте приспособления и отсутствия альтернатив.

Хотя денежное кредитование может быть совместимо с неолиберальными культурными нормами относительно зарабатывания денег (Wiegratz, 2016), оно качественно отличается от большинства существующих форм экономической деятельности. Деньги не похожи на другие товары, которые производятся для продажи на рынке, и цены на которые уравниваются спросом и пред-

ложением. Притворство заключается в том, что деньги, земля и труд могут быть предметом саморегуляции, как если бы они были настоящими товарами. Поланьи (1944) утверждает, что если позволить рыночному механизму определять их распределение и цены, это приведёт к социальным страданиям и разрушению общества.

В то время как неоклассическая экономика рассматривает кредит как простую передачу покупательной способности от сберегателя к заёмщику, а банки — как простых посредников в этом процессе, Кин (Keen, 2011) утверждает, что банкам не нужны вклады, чтобы выдавать кредиты, поскольку выдавая кредит, они могут эндогенным образом создать новую покупательную способность (т.е. новые вклады) без сокращения покупательной способности вкладчиков. Согласно посткейнсианской теории, «банки создают деньги простым бухгалтерским способом: выдача кредита заёмщику создаёт и долг, и покупательную способность “из ничего”» (Keen, 2011: 155).

При кредитовании материальные ценности просто переходят от одного человека к другому, что даёт возможность кредиторам взимать проценты и не вносить никакого вклада в экономику. Никаких товаров или услуг при этом не производится. Доходы кредиторов являются экстрактивными, то есть они находятся в зависимости от заёмщиков, производящих товары и услуги и создающих излишки, часть которых выкачивается через выплату процентов. Представители нескольких банков описали, каким образом их доход был получен за счёт предпринимательской деятельности и труда других людей.

Предприниматели получают прибыль, небольшую её часть мы берём себе. Если предприниматель зарабатывает на тетради пять тенге [национальная валюта], и мы берём те же пять тенге, смысла брать кредит у него нет. Но прибыль наших клиентов вполне высокая, их прибыль больше, чем наша процентная ставка.

Дина, директор банка в Казахстане

Найти рынки [для своей продукции] — проблема клиентов. Для них найти рынок — самое главное... Они кормят нас, беря у нас кредиты... Я говорю им: «Мы существуем благодаря вам!». Честно говоря, то, сколько у нас прибыли — это всё благодаря исключительно нашим клиентам.

Медина, директор банка в Кыргызстане

Дина и Медина объясняют, как банки присваивают себе доходы предпринимателей и торговцев, не внося при этом никакого вклада или внося совершенно незначительный вклад в производство и распределение товаров и услуг. Наличие прав собственности даёт банкам и микрофинансовым компаниям право создавать и контролировать деньги и получать за них ренту — т.е. проценты по займам (Sayer, 2015). Их доход основан на властных полномочиях, а не исходит из соображений того, что может быть морально оправданным, «заслуженным» или «заработанным». В отличие от них, наёмные работники и самозанятые прямо или косвенно способствуют созданию товаров и услуг, которыми пользуются другие, и можно сказать, «зарабатывают» свой доход.

Дискурс свободы потребительского выбора и индивидуальной автономии занимает центральное место в либеральной апологетике «рынка». Рынки позволяют людям выносить суждения и принимать решения, не проявляя при этом доверчивость или преклонение перед авторитетом (O'Neill, 1998). Опираясь на данный дискурс, ряд опрошенных утверждал, что заёмщики должны нести ответственность за свой выбор.

Это их выбор. Никто не заставляет человека брать кредит. Заёмщик сам соглашается со всеми условиями. Поэтому совершенно несправедливо обвинять кого-то другого, когда он сам согласился со всеми условиями.

Алима

Делая акцент на свободном выборе и добровольности со стороны заёмщиков, Алима парирует обвинения в несправедливости кредитных договоров. Либеральный дискурс защищает рынок как

сферу добровольных договоров между свободными, равными и самостоятельными субъектами в отсутствие какого-либо принуждения (O'Neill, 1998). Кроме того, при переходе от советской командной экономики к рыночной либералы прославляли «рынок» за то, что полномочия по принятию решений перешли от центральных плановых органов к отдельным субъектам рынка. Патернализм и элитарность были отвергнуты в пользу рыночного выбора и автономии, которые позволили людям самим определять свою жизнь.

В абстрактном смысле рынки могут работать в соответствии с либеральными принципами равенства и свободы, но в конкретных ситуациях договаривающиеся стороны, скорее всего, будут неравны по своим возможностям, что может привести к эксплуатации и проявлению несправедливости (O'Neill, 1998). Некоторые из участников объясняли, что высокие процентные ставки и строгое исполнение обязательств отражают власть банков над заёмщиками в Центральной Азии.

Нурлан, старший менеджер регионального банка развития, отметил, что у заёмщиков Кыргызстана нет иного выбора, кроме как принять рыночные ставки:

Это хорошо для банков и плохо для людей. Банки зарабатывают деньги, люди теряют. У людей нет выбора, и практически все банки берут одинаково высокую процентную ставку. У людей нет выбора, они обращаются в микрокредитные организации, и те берут с них 60%, а может быть, и 90%. Это ужасно. Это грабёж.

Нурлан считает, что банки обладают властью на рынке, позволяющей им контролировать процентные ставки, и что они получают значительный доход, взимая проценты с долгов. Обладание деньгами со стороны банков и контроль над ними позволяет им пользоваться зависимостью заёмщиков и извлекать непроизводственный доход. Не будучи независимыми личностями или осуществляющими свободный выбор, заёмщики, как правило, действуют под принуждением в рамках отношений неравенства и зависимости.

Кредитование: мифы и святость

Современное понимание морали в отношении долга включает в себя принятие ответственности, выполнение своих обязательств перед другими и выплату долга (Graeber, 2011). Аморальность же здесь заключается в уклонении от ответственности, отказе от обязательств и невыплате долга. Финансовая элита полагает, что заёмщики должны выполнять свои договорные обещания, и угрожает судебными исками тем, кто этого не делает.

Правительство никогда не пойдет на списание кредитов. Это обязанность людей [выплачивать долг], их ответственность. Беря кредит они должны отвечать за свои поступки.

Жылдыз

Если [заёмщики] задерживают выплаты или не вносят платежи, мы обращаемся в суд. Мы следим за тем, чтобы они выплачивали свои долги.

Асель

Жылдыз и Асель полагают, что у заёмщиков должна присутствовать личная этика ответственности. Выплата долга считается моральным поведением (Graeber, 2011). В случае невыполнения заёмщиками своих обязательств, суды выносят решение против них, заставляя их выполнять условия договора. В случае нарушений контрактных обязательств судьи Центральной Азии, как правило, отстаивают права собственности влиятельных владельцев в ущерб нуждам и благополучию обездоленных групп (Sanghera, 2020). Верховенство закона и безопасность частной собственности используются в данном случае для продвижения принципа святости договоров и долговых требований (Hudson, 2017).

Но моральность относительно уплаты долгов не обязательно является торжеством справедливости, если влиятельные кредиторы обогащаются за счёт беднеющих должников, вынужденных сокра-

щать расходы на самое необходимое, мигрировать или, возможно, бунтовать (Hudson, 2017). Вместо трактовки уплаты долга как морального императива (т.е. указания на святости долговых претензий и обязанности возвращения долга), можно дать моральную оценку общим последствиям. Несколько собеседников признали негативное влияние обязательств по возврату долга на благосостояние людей. Так, например, Максим отмечает:

Заёмщики очень дисциплинированно выплачивают кредиты, поскольку у них особый менталитет и традиции, однако, при этом они идут на жертвы в плане продовольствия, образования и здоровья... Люди выплачивают кредиты вовремя, но сокращают расходы на товары первой необходимости. Это, очевидно, причиняет им огромные страдания.

Максим описывает, как заёмщики чувствуют себя обязанными выполнять свои обещания из-за угрозы судебного преследования. Вследствие сокращения расходов домохозяйств, вызванного необходимостью погашения кредитов, страдает благосостояние людей. Принятие на себя ответственности и выполнение своих обязательств в данном случае может принести вред и страдания для большинства населения (Graeber, 2011). Более того, поскольку выплаты по кредитам идут от тех, у кого меньше денег, к тем, у кого денег больше, чем им необходимо, может усугубиться социальное неравенство. Ставка по процентам представляет собой регрессивную, несправедливую и скрытую форму перераспределения доходов (Hudson, 2015; Kennedy, 1995; Tawney, 1921).

Кроме того, высокие процентные ставки могут сдерживать продуктивные инвестиции и оказывать дефляционное воздействие на экономику (Hudson, 2014). Для достижения устойчивого экономического роста предприятиям и домохозяйствам необходим кредит для покрытия временного дисбаланса между расходами и доходами, чтобы предотвратить сбои в цепочках производства и обмена (Sayer, 2015). Хотя кредит приносит пользу экономике, процентные ставки наносят ущерб. По мнению представителей ряда банков, высокая стоимость займов препятствует инвестициям в производственный капитал.

Некоторые из наших клиентов хотели построить кирпичные заводы и заводы по переработке сельскохозяйственной продукции, но доходность у них долгосрочная, а у нас довольно высокие процентные ставки, поэтому мы не были заинтересованы.

Медина

Медина понимает, что предприятиям невыгодно брать кредиты под высокие проценты для долгосрочных производственных инвестиций. Хадсон (Hudson, 2014) объясняет, что процентная ставка может вызвать дефляцию долга, поскольку выплаты по кредитам снижают совокупный спрос и производственный потенциал экономики. Чем выше процентная ставка, тем меньше благотворных последствий для населения.

Банки и экономисты неоклассического направления часто озвучивают популярный миф о том, что кредит — это передача денег вкладчика к заёмщику, а банки являются лишь посредниками в этом процессе (Keen, 2011; Pettifor, 2017). Здесь имеет место оправдание процентной ставки как вознаграждения за выдержку для вкладчиков и как доход для покрытия операционных расходов банков (Sayer, 2015). Представители нескольких банков, участвовавших в исследовании, рассказали о том, как депозиты вкладчиков становятся кредитами.

Бабушки и пенсионеры доверяют нам свои деньги... Они приходят сюда со своими немалыми деньгами, проработав всю жизнь, и хотят получить достойную пенсию... Если [заёмщик] не выплачивает кредит, мы можем продать залог и вернуть деньги бабушке... Мы должны выполнять свои обязательства перед этой бабушкой.

Медина

Медина характеризует банки как посредников между вкладчиками и заёмщиками. Они также несут моральное обязательство возвращать деньги с процентами вкладчикам, которые рассматриваются как уязвимые и нуждающиеся люди. Такое изображение вкладчиков как «достойной» группы помогает оправдать и деполи-

тизировать высокие процентные ставки и тактику запугивания по возврату долгов.

В действительности, агентства по развитию (например, Европейский банк реконструкции и развития и Российско-Кыргызский фонд развития), а также иностранные банки вложили значительные средства в финансовый сектор региона (Charman, 2007). К примеру, Жылдыз упоминает, что Международная финансовая корпорация, входящая в группу Всемирного банка, предоставляла прямое финансирование крупным банкам в Кыргызстане:

Мы инвестировали в коммерческие банки и микрофинансовые организации. Половина наших инвестиций была направлена в финансовый сектор. Среди наших клиентов KICB и DemirBank... Мы также инвестировали в компании «Бай Тушум», «Finca» и «Компаньон».

Международная финансовая корпорация предоставляла как капитал, так и техническую поддержку для создания и развития финансового сектора. Ошибочно мнение, что коммерческие банки ждут поступления вкладов обычных вкладчиков, чтобы выдавать кредиты. Они могут привлекать средства (часто деноминированные в долларах США) от институциональных и иностранных инвесторов. Они также имеют возможность создавать деньги путём электронного ввода денег на счёта заёмщиков, тем самым создавая как обязательства, так и активы в равном объёме (Keen, 2011). В создании денег банки ограничены только реалистичностью бизнес-плана заявителя.

В нашем исследовании банки и микрофинансовые компании использовали расхожие мифы, нормы и дискурсы, чтобы отвести критику от своей практики. Они уклонялись от критического рассмотрения того, каким образом получены и созданы деньги, как те «инвестируются» в экономику и как они «вознаграждаются» за контроль над этим процессом. Моральные представления кредиторов рационализировали и скрывали власть и господство кредиторов над деньгами, экономикой и населением.

Альтернативные методы предоставления кредита

Принимая во внимание, что взимание по процентам способствует экономическому неравенству, непроизводственным доходам и дефляции, неудивительно, что выдвигаются альтернативные системы предоставления кредитов, которые либо исключают ростовщичество, либо сводят его к минимуму. Некоторые из респондентов затронули тему исламского финансового дела и государственных развивающих программ кредитования в качестве альтернативных финансовых систем по отношению к господствующей ныне неолиберальной.

Исламское финансовое дело выступает с религиозной критикой ростовщичества (Lewis, 2007). В нём запрещено кредитование под проценты. Кроме того, поддерживается принцип распределения выгоды и убытков между кредиторами и заёмщиками, а также инвестирование на благо общества в соответствии с законами шарията. Саламат, директор ассоциации исламского финансирования в Кыргызстане, отметил, что прибыль от полезной деятельности является допустимой, но получение процентов греховно («харам»):

Прибыль сама по себе не греховна, это нормальная, необходимая вещь, без нее вся экономика потерпит крах. Вопрос в том, как именно человек получает прибыль: через проценты или посредством здоровых сделок, торговли или инвестиций? В трудах Карла Маркса и Энгельса процент — это расточительство, но я также скажу вам, что процент — это расточительство в исламе, по-кыргызски «суткорчулук», по-арабски «риба». Это запрещено не только в исламе, это запрещено во всех авраамических религиях, начиная с христианства, иудаизма, православного христианства, католичества, везде это запрещено.

Саламат выступает против ростовщичества, руководствуясь своей религией и верой в Коран как божественный авторитет. Он отмечает, что исламское финансовое дело не возражает против рыночных механизмов, стремления к прибыли или частной собственности. Когда деньги зарабатываются в результате полезной деятельности (включая производство и торговлю), прибыль является заслуженной и мо-

рально допустимой. Однако ростовщичество запрещено, поскольку деньги являются одновременно и средством и целью, и не создают ничего действительно полезного для повышения благосостояния людей (Tag El-Din & Hassan, 2007). Исламское финансовое дело рассматривает деньги лишь как средство обмена, и потому возможность получения прибыли за счёт операций с деньгами отсутствует.

Присутствие исламского финансирования и инвестиций в Центральной Азии довольно незначительно (Botoeva, 2018; Wolters, 2016). В настоящее время существует только два небольших банка, которые работают в соответствии с принципами исламского банкинга: «ЭкоИсламикБанк» в Кыргызстане и Al Hilal в Казахстане, предлагающий только корпоративные банковские услуги. В 2014 году исламский банкинг составлял всего 2% от всего банковского сектора по активам в Кыргызстане, в Казахстане же не было розничного присутствия (International Finance Corporation, 2016). Филиальная сеть «ЭкоИсламикБанка» невелика и сосредоточена в экономически важных областях, жители сельской местности не имеют легкого доступа к исламскому финансированию. Более того, несколько заёмщиков в исследовании сообщили, что банк не всегда работает в соответствии с исламскими принципами, устанавливая высокие ставки по кредитам, а также чрезмерные административные штрафы и штрафы за просрочку.

В то время как исламское финансовое дело опирается на божественный авторитет для ограничения ростовщичества и деятельности кредиторов, государственные банки развития способны прибегать к светской критике деятельности коммерческих кредиторов на основе критериев производственной эффективности и благосостояния человека (Stiglitz, 1994). В 2015 году Россия и Кыргызстан учредили Российско-Кыргызский фонд развития (РКФР) для модернизации экономики Кыргызстана после его вступления в Евразийский экономический союз. Одна из целей РКФР — инвестиции в производственные и экспортно-ориентированные отрасли, с тем чтобы экономика страны могла стать конкурентоспособной в рамках ЕАЭС и не страдала от высокого уровня безработицы.

РКФР функционирует по двум направлениям. Во-первых, он предоставляет крупные инвестиционные кредиты предприятиям на основе прямого финансирования. Во-вторых, предоставляет финансирование банкам и микрофинансовым организациям для кредитования малого и среднего бизнеса на льготных условиях (Russian-Kyrgyz Development Fund, 2015). Существует несколько приоритетных для него секторов, включая агробизнес, процентные ставки здесь ограничены. РКФР отличается от других международных финансовых институтов, поскольку признаёт важное различие между продуктивными и непродуктивными инвестициями, а также необходимость ограничения процентных ставок для заёмщиков.

Кроме того, РКФР критикует подход коммерческих банков к кредитованию по принципам «свободного рынка». Он сотрудничает с банками, предоставляя дешёвые кредиты при строгом условии, что кредит будет выдан на инвестиции в производственный сектор. Кредиторов, направляющих свои средства на торговые и производственные цели, РКФР подвергает санкциям. Кубан, высокопоставленный сотрудник РКФР, объясняет, что банки по-прежнему могут получать непроизводственные доходы, хотя и в гораздо меньшем объеме:

Некоторые банки имеют весьма лёгкий доступ к международным финансовым институтам и получают деньги под 5%, а отдают эти деньги под 20%, так что их маржа составляет 15%...Теперь мы пришли на рынок и... даём деньги под 1%, а [банки] берут дополнительные 4%, конечно, это уже не 15% маржи.

Хотя РКФР предлагает кредиты под 1% (что отражает его операционные расходы) и способствует снижению рыночных процентных ставок, банки и микрофинансовые компании по-прежнему могут получать из этого прибыль. РКФР предпринимает прагматичные меры по ограничению деятельности кредиторов, в противном случае корыстные элиты продолжают управлять банками в своих личных целях с пагубными экономическими и социальными последствиями.

КРИТИЧЕСКАЯ ДИСКУССИЯ О ДОЛГЕ

Чтобы отбить обвинения в ростовщичестве и хищническом кредитовании, финансовая элита формулирует особые моральные курсы, нормы и мифы. Что особенно важно, моральные трактовки и мифы в данном случае деполитизируют и нормализуют отношения неравенства между кредиторами и заёмщиками. Их представления о кредите игнорируют вопросы власти и класса, отделяя участников рынка от их социального контекста и наделяя их особыми индивидуальными правами и обязанностями. Сущность долга, однако, опровергает неолиберальную риторику о потребительском выборе, рыночной свободе и культуре предпринимательства.

Долг — это разновидность социальных отношений, предполагающих экономическое господство и зависимость (Sayer, 2016). Заёмщику необходимы деньги, которые находятся в собственности и под контролем кредиторов. Некоторые участники признавали, что кредиторы пользуются ситуацией зависимости заёмщиков, навязывая им обременительные контракты. У должников не остается выбора, кроме как соглашаться на непомерно высокие платежи и закладывать активы. Кроме того, на них ложится бóльшая часть возможных рисков. Выплаты по кредиту являлись фиксированными независимо от изменения личных или экономических обстоятельств, кредиторы же угрожали конфискацией и реализацией залога в случае невыполнения обязательств.

Доход кредиторов является непроизводственным, в том смысле, что они способны извлекать проценты с долга, не внося никакого вклада в создание материального богатства (Sayer, 2015; Tawney, 1921). Само по себе владение деньгами не создаёт никакого продукта, но власть, вкупе с непоколебимыми правами собственности и долговыми обязательствами позволяют присваивать доход (Hudson, 2017). Несколько респондентов описали, как кредиторы наживаются на труде, предпринимательской деятельности и жесткой экономии должников. Долговые отношения приобрели упорядоченный, нормализованный и приемлемый характер в условиях неравных возможностей, став частью привычного порядка вещей в отсутствие особого этического контроля (Bourdieu, 2000).

Процент с долга — поток чистого дохода от должников к кредиторам, от относительно бедных к относительно богатым (Kennedy, 1995). Хотя микрозаймы, финансируемые донорскими организациями, направлены на решение социальных задач, отношения задолженности подразумевают перевод денежных средств от бедных слоев населения к богатым. Некоторые участники исследования показывали, какие социальные страдания испытывают бедные семьи, из-за того, что расходы домохозяйств сокращаются для погашения долга. Будучи скрытым перераспределительным механизмом, взимание процентов усугубляет социальное неравенство и страдания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной главе было проведено критическое качественное исследование того, каким образом банки и микрофинансовые организации морально истолковывали и легитимизировали свою деятельность в качестве рантье. Высказанные ими моральные оценки служили оправданию и нормализации непомерно высоких процентных ставок и непроизводительных доходов, а также деполитизации социального неравенства и страданий (Hudson, 2017; Sayer, 2015).

Финансовая элита обычно понимала и оценивала отношения кредитора и заёмщика, прибегая к абстрактным либеральным рыночным принципам и этике тремя путями. Во-первых, многие участники исследования считали себя цивилизующими и морализирующими агентами, отстаивающими либеральные ценности равенства, автономии и свободы (Booth, 1994; Hirschman, 1982; Pelkmans & Umetbaeva, 2018). Рыночный механизм положительно оценивался и противопоставлялся альтернативным механизмам предоставления кредитов. Указывалось, что рынок позволяет населению получить официальный доступ к кредитам для реализации своих проектов. В отличие от этого, ротационные сберегательно-кредитные ассоциации предполагают иерархические и директивные отношения, исключая маргинализированные и бедные группы, а исламский банкинг, как считалось, снижает экономическую самостоятельность женщин.

Во-вторых, большинство представителей финансовой элиты превозносили кредитный рынок как площадку потребительского выбора и свободы (O'Neill, 1998). Группы среднего класса, как правило, воспринимали постсоветский переход к рыночной экономике как передачу полномочий по принятию решений от центральных властей к индивидуальным субъектам. Люди освободились от патерналистского контроля государственного планирования. Заёмщики описывались как лица, свободные в выборе, проявляющие личную свободу и чувство ответственности при получении кредита. Их договорные отношения с кредиторами были добровольными и консенсуальными. Утверждалось, что рыночные кредиты позволяют заёмщикам самим определять свою жизнь.

В-третьих, большинство участников отвергали идею списания долгов и выступали за святость контрактных обязательств и долговых требований (Hudson, 2017). Несмотря на негативные последствия для благосостояния их семей, от заёмщиков ожидалось, что те выполнят свои обязательства и выплатят долги (Graeber, 2011). Когда заёмщики отказывались от своего обещания вернуть долг, использование тактики запугивания и угроз при взыскании долга оправдывалось защитой верховенства закона. На суды возлагалась обязанность защищать имущественные права кредиторов на денежные средства и исправлять имевшие место нарушения договора (Weinrib, 2002).

Однако при критическом рассмотрении моральные доводы и обоснования финансовой элиты демонстрировали слабость. В их основе зачастую лежали мифы, ложные представления и заблуждения, касающиеся создания кредитных денег, денег как товара, «свободных рынков» и экономического индивидуализма (Keen, 2011; Polanyi, 1944). Они также не учитывали различия между производственными и непроизводственными доходами, а также продуктивными и непродуктивными инвестициями.

Неолиберальный режим прав частной собственности и соответствующая судебная система узаконили и обеспечили защиту неравенству в распределении власти и присвоении доходов (Marcuse, 1996; Sanghera, 2020). Фредерик Бастиа (Frederic Bastiat, 1996: 130)

следующим образом описывает, как присвоение материального богатства включает в себя правовые и моральные механизмы: «Когда грабёж становится образом жизни для группы людей, проживающих в обществе, эта группа со временем создаёт для себя правовую систему, которая санкционирует грабёж, и моральный кодекс, который его прославляет».

В настоящей главе также была критически рассмотрена роль финансовых институтов в становлении постсоветской экономики, где экономическая рента превратилась в значимую форму получения дохода наряду с получением дохода за счёт производства и создания материальных благ (Mihalyi & Szelenyi, 2017). Неолиберализм не просто способствовал приватизации и маркетизации постсоветских экономик, благодаря ему произошел пересмотр прав собственности, установилось неравное владение дефицитными активами и контроль над ними, возросла значимость ренты.

ГЛАВА 5. СТРОИТЕЛЬСТВО И НЕДВИЖИМОСТЬ: НЕНАДЛЕЖАЩАЯ СОБСТВЕННОСТЬ, ПЛУТОКРАТИЯ, КРИМИНОГЕННАЯ СРЕДА

В данной главе рассматривается, каким образом владельцы недвижимости и застройщики смогли приобрести богатство и политическую власть в Кыргызстане и Казахстане. Наряду с другими дефицитными активами, земля и недвижимость являлись ключевыми источниками экономического и политического капитала. Неравенство во владении и контроле над недвижимостью позволяло богатым элитам присваивать доходы просто в силу наличия у них прав собственности (Sayer, 2015). Бизнес-элиты и политические элиты вступали в жестокую и сопряжённую с криминальной активностью борьбу за контроль над прибыльной недвижимостью. Кроме того, новые проекты развития розничной торговли включали борьбу элит за специфику присвоения стоимости, т.е. по поводу того кому кому платит арендную плату (Andreucci et al., 2017). Богатые раньше стремились захватить государственные структуры через лоббирование, денежные пожертвования, СМИ и выборные должности (Standing, 2016). Размывание государственных и корпоративных интересов создало криминогенную среду, в которой преступления власть имущих и их пагубные последствия предстали характерными чертами неолиберализации (Rothe & Kauzlarich, 2016; Tombs, 2012).

В Советском союзе существовал определённый набор имущественных прав, на которые могло рассчитывать население, и которые соблюдались и реализовывались государством. Данный набор прав включал право на землю и жильё, а также право на занятие и пользование их жильцами и их семьями. Рента, проценты и спекулятивные приобретения признавались «нетрудовыми доходами» и не разрешались (Maggs, 1961). Маркузе (Marcuse, 1996: 136) отмечает: «То ответвление набора прав, касающихся права распоряжаться прибылью или права спекулировать, не существовала в советском законодательстве».

После распада Советского Союза переход к рыночной экономике расширил роль ренты и неправомерной собственности в постсоциалистических странах (Mihalyi & Szelenyi, 2017). Международные финансовые институты и доноры (такие как Международный валютный фонд и Всемирный банк) выступили с требованием реформ прав собственности в постсоциалистических странах. Конституции и законодательные акты обеспечили защиту частной собственности и распоряжение ей со стороны владельцев свободным от государственного контроля (Schneiderman, 2000). Приватизация жилья предоставила больше прав собственникам и ипотечным кредиторам, к примеру, право на выселение и изъятие имущества (Hatcher, 2015a). Право на жильё по-прежнему оставалось конституционным, но с прекращением государственных субсидий приобрело риторический характер.

Переоформление прав, позволившее владельцам собственности распоряжаться своими активами без государственных ограничений, объяснялось и оправдывалось международными финансовыми институтами как принцип работы «свободных рынков». Неолиберальный Вашингтонский консенсус не просто выступил против социалистических представлений касательно собственности и доходов, он перевернул классический либерализм, отдав предпочтение извлечению ренты, непроизводственным доходам и дерегулированию (Hudson, 2017).

Данная глава состоит из шести разделов. В разделе «Жильё в советское и постсоветское время» кратко рассматривается вопрос жилья как важнейшего на протяжении многих десятилетий социального вопроса в Центральной Азии. В разделах «Жильё и необоснованная собственность» и «Борьба относительно присвоения доходов в торговом и промышленном секторе», на основе нашего второго тематического исследования, анализируется как застройщики и государственные чиновники интерпретировали и определяли жилищную собственность, и как собственники боролись за контроль и извлечение ренты из объектов недвижимости. В разделе «Национальные, региональные и местные плутократические структуры» рассматривается природа плутократии, — власти бога-

тых, — в Кыргызстане и Казахстане. Раздел «Криминогенная среда в государственном и частном секторе» исследует преступления и правонарушения, связанные с землёй и недвижимостью. Наконец, раздел «Заключение» подводит итог основным выводам и положениям главы.

ЖИЛЬЁ В СОВЕТСКОЕ И ПОСТСОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

Жилищный вопрос являлся остро стоящей социальной проблемой в Советском Союзе. Несмотря на масштабные строительные кампании 1960-70-х годов, потребности и ожидания людей значительно превышали возможности жилищного фонда (Morton, 1980). В 1987 году 22,3% всех советских домохозяйств стояли в очереди на переселение (Andrusz, 1990a). Процент ожидающих нового жилья домохозяйств значительно различался в разных городах. В Москве он составлял 12%, в Алматы — 15%, во Фрунзе (Бишкеке) — 17%, в Киеве — 26% (Andrusz, 1990b). Период ожидания новой квартиры мог достигать десяти лет.

Более того, немало людей проживало скученно, в жилье ненадлежащего качества. Тот факт, что условия жизни улучшились в результате увеличения объёмов строительства, оказался неутешительным для тех, кто по-прежнему жил в неудовлетворительных условиях (Morton, 1980). В 1986 году среднее количество жилой площади на душу населения в городах составляло 14,3 квадратных метра (Andrusz, 1990b). В республиках Советского Союза наблюдались некоторые отличия. Средняя жилая площадь на душу населения в городах Эстонии составляла 17,8 квадратных метров, в России — 14,5, в Казахстане — 12,6, в Киргизии — 11,3.

Советская система предоставления жилья была довольно коррумпированной и несправедливой и была более эгалитарной в теории, чем на практике (Gentile & Sjoberg, 2013). Жильё использовалось для повышения производительности труда, а также для обеспечения политической поддержки и лояльности. Оно также было сильно стратифицировано (Szelenyi, 1987). Представители элитных профессий и номенклатуры часто получали квартиры гораздо лучшего качества. Система социальных привилегий и связей позволяла

власть имущим и влиятельным лицам обходить формальные правила и нормы распределения (Sharipova, 2015). Нехватка жилья стимулировала обход соответствующей очереди с помощью подкупа и влияния (Morton, 1980).

После распада Советского Союза государства передали ответственность за обеспечение жильём населения частному сектору. Ожидалось, что рыночные реформы позволят уменьшить нехватку жилплощади, поскольку люди получают право продавать, сдавать и снимать квартиры с целью получения прибыли (Sharipova, 2015). Ожидалось, что новые владельцы, недовольные своими квартирами, продадут их и купят лучшие. Предполагалась, что в результате шоковой терапии, с отменой контроля над ценами и арендной платой появятся застройщики, ипотечные кредиторы и агентства недвижимости, которые смогут удовлетворить потребности людей в жилье (Zavisca, 2008).

Хотя рыночная система позволила обеспечить потребителей более качественным жильём с большим разнообразием и выбором, она лишила доступа к нему большинство домохозяйств (Tsenkova, 2014). Советский дефицит жилья сменился постсоветским дефицитом доступного жилья. Появились новые виды жилищного неравенства и соответствующая расстановка сил (Zavisca, 2008). Государство и рынок продвигали и содействовали имущественным правам, интересам и предпочтениям элиты, однако, в значительной степени пренебрегали и злоупотребляли жилищными нуждами бедных слоев населения и мигрантов (Hatcher, 2015a).

Введение рыночной экономики косвенно уменьшило этническую сегрегацию по месту жительства в республиках Центральной Азии и странах Балтии (Gentile & Tammaru, 2006). Титульные этнические группы (такие как казахи и эстонцы) улучшили свои жилищные условия по сравнению с русскими. После обретения независимости улучшилось положение титульных этнических групп на рынке труда, особенно в сфере государственного управления, где знание титульных языков приобрело важное значение. Приобретая экономическую власть, титульные этнические группы получили жильё лучшего качества, чем во времена Советского Союза.

Рыночные реформы привели к неоднозначным результатам в столице Кыргызстана — Бишкеке. Рынок арендного жилья значительно вырос. Семьи, получившие более одного объекта недвижимости в ходе первоначальной программы приватизации, часто сдавали одну или несколько квартир в аренду (Hatcher, 2015a). Приобретение недвижимости в качестве инвестиций также способствовало росту числа арендного жилья. Арендная плата стала важным источником дохода для постсоветского класса собственников.

Застройщики в данном регионе сосредоточились на строительстве элитного жилья, ориентируясь на обеспеченные семьи. В 2010 году средняя цена продажи квадратного метра в Бишкеке составляла 800-1000 долларов США, что примерно в 6-8 раз превышало среднемесячную зарплату (Osеноv, 2011). В период с 2005 по 2011 год средняя цена квадратного метра новостроек в Казахстане выросла на 66% (Sharipova, 2015). Покупка просторной квартиры зачастую была недоступна для домохозяйств с низким и средним уровнем дохода, что вынуждало некоторые из них арендовать жильё или строить саманные дома в неформальных поселениях на окраинах города (Hatcher, 2017; Sanghera et al., 2012). Ответом на жилищное неравенство стало возникновение общественных движений за деконмодификацию земли и жилья, о чём пойдет речь в главе 7.

ЖИЛЬЁ КАК НЕНАДЛЕЖАЩАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

Взгляд застройщика на жильё

При капитализме предоставление тех или иных полезных продуктов и услуг не является главной целью, но являет собой обычный, хотя и не универсальный, побочный продукт погони за прибылью. Платежеспособный спрос, а не потребности, обычно определяет, какие товары будут произведены. В нашем исследовании большинство застройщиков обслуживали потребности и нужды богатых семей и семей из верхней части среднего класса, потому что прибыль там оказывалась выше, чем в случае семей из рабочего класса или нижней части среднего класса. Айбек, исполнительный директор строительной компании в Кыргызстане, объяснил, что большинство его многоквартирных комплексов ориентированы на покупателей из высшего сегмента рынка:

Рынок делится на четыре части: эконом-класс, комфорт-класс, бизнес-класс, делюкс или люкс, это премиум-класс. Мы строим комплексы комфорт-класса и премиум-класса, мы не строим бизнес-класс или эконом-класс. Первое и самое главное, что определяет премиум-класс — местоположение, второе — используемые материалы.

Удовлетворяя потребности состоятельных граждан, компания Айбека могла получать прибыль. У этих представителей элиты были деньги, чтобы платить за эксклюзивность, элегантность и экстравагантность, которые предоставляли им застройщики. Многоквартирные комплексы располагались в лучших местах города, например, рядом с природными заповедниками или в джентрифицированных, но зелёных районах столицы. Многие семьи из среднего и рабочего класса были финансово исключены из первичного рынка жилья и были вынуждены покупать или арендовать жильё на вторичном рынке (Sharipova, 2015). Некоторые прибегали к строительству собственных домов на окраинах города.

Хадсон (Hudson, 2014) указывает на недвижимость как на один из основных способов присвоения дохода. Раньше удерживают активы для материального обогащения, не для производственного или личного использования (Tawney, 1921). Застройщики полагали, что покупка и продажа роскошных квартир является эффективным способом получения прибыли от прироста капитала.

Многие потенциальные покупатели задумываются о приобретении новой квартиры, чтобы затем продать её в короткий срок. Продавая её, они легче и быстрее получают прибыль. Вы покупаете недвижимость, через два года продаете её и получаете 30% прибыли. Речь идёт о перепродаже... Лучше вложить 2 миллиона долларов за два года, получить 30% прибыли, и потом просто уйти.

*Эмиль, директор по маркетингу
строительной компании в Кыргызстане*

Инвестиции всегда оцениваются по тому, за какой срок они конвертируются в деньги, не так ли? Наша недвижимость — одна из лучших на вторичном рынке, то есть наши квартиры можно перепродать... Нет необходимости, чтобы инвесторы в них жили, поэтому они действуют на первичном рынке.

*Тимофей, старший менеджер
строительной компании в Кыргызстане*

Эмиль и Тимофей отметили, что перепродажа новых элитных квартир — прибыльный бизнес. Многие из них не использовались и не занимались жильцами до перепродажи. Казалось, что застройщики способствуют производству потребительской стоимости, но на самом деле они попадают в зависимость от класса рантье и обслуживают его интересы. Строя новые квартиры только для получения меновой стоимости, застройщики создают инструменты получения богатства и власти, расширяя источники присвоения дохода и сами действуют на манер рантье (Sayer, 2015).

В то время как собственность используется для содействия полезной работе, приносящей производственный доход, ненадлежащая собственность является альтернативой работе, принося непроизводственный доход (Tawney, 1921). Некоторые застройщики характеризовали инвестиции в недвижимость как пассивные, поскольку состоятельные покупатели могли зарабатывать деньги, практически не прилагая продуктивных усилий. Как отмечал Айбек:

Многие из наших покупателей приобретают новую квартиру, вторую или даже третью по счёту, как возможную инвестицию: для сдачи в аренду или на будущее детям... Это называется «ленивые» или «спящие» инвестиции. Они отличаются от активных инвестиций, когда у вас есть завод... постоянно работающее предприятие. Здесь вы просто вкладываете деньги в квартиры, как будто это вклад в банк.

Очень важно, что Айбек проводит здесь различие между двумя формами инвестиций с точки зрения труда. Состоятельные владельцы считаются «ленивыми» или «сонными» инвесторами. Они не ра-

ботают и не инвестируют в производство полезных товаров, а лишь покупают право на поток непроеизводственных доходов в виде ренты.

Застройщики способствовали тому, что в постсоветской Центральной Азии произошёл переход от жилья советского периода как формы собственности, которую владельцы использовали в личных целях, к форме ненадлежащей собственности. Данный сдвиг был подчеркнут ростом неформальных поселений на окраинах столицы. Многим семьям сельских мигрантов приходилось строить саманные дома, поскольку арендная плата за частные квартиры была слишком высока (Hatcher, 2015b).

Жильё, сдаваемое в аренду, позволяло более обеспеченным семьям удовлетворять свои потребности в материальной защищённости и благополучии за счёт владения собственностью. После распада Советского Союза социальное обеспечение в Центральной Азии значительно сократилось, большинство семей стали вынуждены заботиться о себе сами. В приведенной выше цитате из интервью, Айбек отметил, что именно стремление позаботиться о членах семьи нередко побуждает покупателей приобретать одну или две квартиры. Обретение ненадлежащего имущества и, следовательно, источника непроеизводственных доходов позволяло семьям удовлетворять свои потребности и поддерживать необходимый уровень жизни. Но такая неолиберальная форма материальной поддержки имеет тенденцию отдавать предпочтение обеспеченным и богатым активами людям за счёт менее удачливых и бедных активами, чей доход присваивается первыми через ренту.

После того, как основные экономические институты и отношения устоялись, нормативным вопросам стало уделяться меньше внимания, поскольку акцент сместился на нормализацию и принятие, а вопросы обоснованности трансформировались в вопросы приемлемого поведения (Sayer, 2016). Перепродажа и аренда квартир почти не испытывают нужды в моральных обсуждениях и оправданиях, поскольку они стали деполитизированы и натурализованы, начали рассматриваться как «жизненный факт». Бакыт, старший менеджер строительной компании в Кыргызстане, признавал, что новые квартиры часто являются просто имущественными активами:

Нам, конечно, не нравится [когда покупатели перепродают квартиры], но, с другой стороны, мы не можем запретить это, это инвестиции. Они — клиенты нашего бизнеса. Мы знаем, что в итоге кто-то получит жильё достойного качества. С экономической точки зрения нежелательно, чтобы квартира просто пустовала. А она может пустовать месяц-два, может год.

Бакыт хотел бы, чтобы квартиры использовались по назначению, а не как инструмент для заработка. Неиспользуемые и пустые квартиры расстраивают его. Однако он смирился с существующим порядком вещей. Застройщики экономически зависят от состоятельных покупателей, и их отношения были нормализованы без особого этического контроля. Принятие и подчинение — это негласное и практическое убеждение, которое становится само собой разумеющимся и приобретает характер здравого смысла в контексте приспособления и отсутствия альтернатив (Bourdieu, 2000).

Ненадлежащая собственность безфункциональна и порождает неравенство и напряжённость в обществе (Tawney, 1921). В то время как личное пользование может служить ограничением для индивидуального владения квартирами, способность рантье приобретать и удерживать жильё предстает неограниченной. Некоторые застройщики смирились и одобрили высокую концентрацию собственности на квартиры, а также нормализовали существование иностранных рантье.

Я знаю некоторых людей, у которых, может, тридцать квартир, может быть, пятьдесят... Если они так могут... почему нет? Если вы не украли эти деньги — это ваше право.

Айбек

Иностранные покупатели вкладывают сюда деньги... Если наша страна представляет для них коммерческую возможность заработать, то почему бы и нет! Так и должно быть!

Тимофей

Как подтвердили Айбек и Тимофей, ненадлежащая собственность не имеет практических границ, поэтому более обеспеченные люди могут накапливать имущество на основе своего экономического господства безотносительно потребностей и целей. Айбек деполитизировал ненадлежащую собственность, объясняя, что покупатели действуют в соответствии с законом. Как отмечал Маркузе (Marcuse, 1996), после распада Советского Союза права собственности были переоформлены, чтобы либерализовать и устранить государственный контроль над частной собственностью, узаконить спекуляции и непроизводственные доходы.

Более того, Тимофей оправдывает ненадлежащую собственность, отмечая, что покупатели реализуют культурную норму зарабатывания денег (Wiegatz, 2016). Он и другие застройщики выражали удовлетворение тем, что Центральная Азия предлагает богатым иностранным инвесторам возможности для инвестиций и зарабатывания денег на недвижимости. При взгляде на недвижимость как на товар, который можно купить и продать, манипуляции с жильём становились неотличимы от других форм обмена с целью получения прибыли. Рынок жилья характеризовался как открытый и свободный для всех. Любое ограничение торговли рассматривалось как урезание экономической свободы, свободы выбора и благосостояния. Однако при таких оценках упускались существенные различия между подлинными и фиктивными товарами, собственностью и ненадлежащей собственностью, продуктивными и непродуктивными инвестициями. «Инвесторы» зарабатывали деньги, опираясь на экономическую власть, исходящую от либеральных прав собственности на активы, что не было связано с какими-либо условиями, отчуждением или производством, касающимся потребительских ценностей.

Однако коммодификация объектов недвижимости привела к социальному неравенству и страданиям (Polanyi, 1944). Некоторые застройщики были озабочены осуществлением сделки по продаже недвижимости, не вызывая социального недовольства относительно неравенства активов. В определённых обстоятельствах они скрывали или утаивали все детали покупок своих состоятельных клиентов. Айбек описал случаи, когда состоятельные покупатели

регистрировали квартиры на имена своих родственников или друзей, чтобы скрыть своё обладание недвижимостью:

[Некоторые владельцы] регистрировали квартиры под разными именами... Если бы люди узнали, что у тех много квартир, конечно, это вызвало бы недовольство. Люди любят, знаете ли, завидовать богатым. Если бы они знали реальное положение дел, это вызвало бы скандал, шумиху. Поэтому мы держим в строжайшем секрете имена наших клиентов, у которых есть много квартир. Мы не говорим, кому, что и сколько принадлежит.

Будучи в курсе ситуации с высокой арендной платой и отсутствием доступного жилья, Айбек понимал, что публичная информация о концентрации собственности может вызвать недовольство и протесты. Его обвинения в том, что большинство людей проникнуто политикой классово-зависти служили для отвода аргументов и указаний на ненадлежащую собственность, неравенство и несправедливость. Занимаясь сокрытием фактов реального владения, Айбек являлся соучастником приобретений рантье, снижая для них риски и предотвращая общественный гнев по поводу процесса коммодификации. Профессиональные посредники (такие как юристы, бухгалтеры, брокеры, консультанты по уходу от налогов, банки и маркетологи) используют свои передовые знания и возможности для содействия активному рантьерству (Sayer, 2015). Будучи основными бенефициарами деятельности рантье, они охотно оказывают услуги по продвижению и защите интересов богатых.

Присвоение дохода через схемы государственной ипотеки

Современное государство играет важную роль в создании рентных отношений (Andreucci et al., 2017; Parenti, 2015). Оно находится в центре социальной борьбы относительно потребительской и меновой стоимости земли и собственности. Во время перехода к рыночной экономике политические режимы Центральной Азии изменили конституцию и законодательство, дабы переоформить права собственности. Эти изменения обе-

спечили защиту прав инвесторов на владение активами, свободными от государственного контроля, их право спекулировать и распоряжаться ими с прибылью. Нурлан, старший сотрудник городского управления делами архитектуры в Кыргызстане, объяснил, как городская недвижимость преобразовалась из советского социального жилья в частный рынок недвижимости, где экономические интересы инвесторов ставились выше потребностей других людей:

При советской системе общество было спланировано так, чтобы людям было комфортно жить и работать. Сейчас в городах основа — это только зарабатывание денег... У нас свободный рынок, капиталистическая страна. Деньги, которые дают инвесторы, должны быть возвращены, они делают это для людей не просто так... Их интересуют только деньги, о людях они не думают.

В странах с переходной экономикой права собственности подверглись либерализации и дерегулированию, с тем чтобы внедрить идеологию «свободного рынка». Как отмечает Нурлан, это значило, что инвесторы могли свободно получать доход, не обращая внимания на социальные нужды. Хадсон (Hudson, 2017) отмечает, что в то время как классическая политэкономия понимала под «свободным рынком» экономику свободную от экономической ренты, неолиберальные реформы же позволили инвесторам извлекать доход без государственного регулирования.

Финансализация ипотечного рынка, начало которой было положено в США, распространилась затем и на другие регионы мира (Aalbers, 2008). В 2010-х годах Казахстан и Кыргызстан создали правовую базу для обеспечения ипотечного долга ценными бумагами. Их государственные ипотечные программы стали ответом на нехватку доступного жилья и необходимость расширения доступа населения к дешевым ипотечным кредитам. Заёмщики получали доступ к субсидируемым государством кредитам либо на покупку квартир на первичном или вторичном рынках жилья, либо на строительство собственных домов (Auyezkhanuly et al., 2019). Улан, старший сотрудник государственного агентства стратегических исследований в Кыргызстане, объяснил,

что работники государственного сектора (такие как врачи, учителя и государственные служащие) были особенно заинтересованы в данной схеме для удовлетворения своих потребностей в жилье:

Мы не просто предоставляем квартиру работнику бюджетной сферы, мы даём ему возможность получить квартиру в личную собственность. Государственная ипотечная компания может выдать им кредит, и они смогут еёкупить... Это работает через рыночный механизм, а он более надёжен...

Учитывая, что постсоветские государства более не могли строить или гарантировать жильё для всех своих работников, были разработаны рыночные схемы, позволяющие им приобрести доступную квартиру. Данные схемы были направлены на решение жилищного кризиса, развивавшегося более двух десятилетий, что привело к подрыву легитимности и авторитета государства и правовой системы.

Чтобы получить кредит в государственных программах ипотечного кредитования, люди должны были соответствовать строгим критериям. Исключались люди с более чем одной квартирой или с записями о недавних сделках на рынке жилья. Кубан, высокопоставленный чиновник и один из архитекторов данной схемы из Министерства экономики Кыргызстана, отмечал следующее:

Мы установили требование, что это должен быть не второй или третий дом, а первый. Плюс мы требуем справку о том, что у человека не было сделок с недвижимостью в течение последних трёх лет... Делается это для того, чтобы некоторые люди не продавали свои квартиры, чтобы получить ещё одну. Также мы ограничили стоимость квартиры до 600 долларов США за квадратный метр и её площадь до 70 квадратных метров.

Кубан полагал, что принятая в его стране схема принесёт пользу семьям, желающим купить квартиры для личного пользования. Она была разработана для того, чтобы упредить рантьерскую активность, такую как покупка для сдачи в аренду или спекуляции не-

движимостью. С одной стороны, постсоветские государства узаконили и поддержали приобретение недвижимости рантье в качестве операции «свободного рынка», но с другой стороны, они стремятся сделать жильё доступным для менее обеспеченных слоев населения, чтобы предотвратить политический и социальный кризис. Как утверждает Джессоп (Jessop, 2002), государство в капиталистическом обществе неизбежно ставит перед собой противоречивые цели и проекты.

Финансализация ипотечного рынка облегчила присвоение доходов через финансовые отношения. Государственные ипотечные компании Казахстана и Кыргызстана были созданы для выдачи ипотечных кредитов, а также для сбора и продажи долгов инвесторам в виде ипотечных ценных бумаг. Это позволило государственным ипотечным компаниям получить доход для выдачи большего количества кредитов. Кубан был уверен, что инвесторы приобретут эти ценные бумаги, поскольку те представляют собой надёжную инвестицию:

Мы считаем, что ипотечные ценные бумаги будут хорошо продаваться. Потому что это облигации, гарантированные государством... Все покупают их в качестве инвестиций, чтобы диверсифицировать свой портфель. Они считаются безрисковыми... И это всё очень привлекательно для инвесторов, так как каждый месяц они будут получать стабильный гарантированный доход.

Кубан указал, что ипотечные ценные бумаги гарантированы государством, что даёт инвесторам право на поток безрисковых дивидендов. Инвесторы также имеют возможность продавать ценные бумаги на вторичном рынке для прироста капитала. В случае невыполнения обязательств заёмщики теряют свои дома, которые могут быть проданы или перезаложены. Критически важно то, что государственные ипотечные схемы позволяют переводить доходы от заёмщиков к инвесторам. В то время как государство и заёмщики несут риск убытков, инвесторы получают непроизводственный доход на основе простого владения активами, без необходимости работать и подвергаться рискам (Sayer, 2015). Социальные права и

гарантии, которыми пользовались семьи работников при советской системе, были заменены новыми договоренностями и отношениями, передавшими права и гарантии представителям класса рантье.

Государственные ипотечные компании сотрудничали с несколькими местными частными банками. Первые выступали в роли ипотечных кредиторов, а вторые — в роли обслуживающих ипотеку организаций. Кубан объяснил, что государственная ипотечная схема Кыргызстана управлялась через существующую сеть банковских филиалов, что значительно сокращало инфраструктурные затраты:

Коммерческие банки были выбраны в качестве партнеров для Государственной ипотечной компании... Было подсчитано, что коммерческие банки выгодно иметь в качестве обслуживающих кредиты организаций, поскольку те имеют филиалы по всей стране... Банки получают 5% комиссионных. Это очень много! Мы встретились, обсудили это, и они нас убедили.

Банки-партнеры обладали значительными возможностями, позволяющими эффективно управлять процессом обработки кредитов, включая отслеживание платежей, отправку уведомлений с напоминаниями и подачу документов на обращение взыскания. Они использовали свою инфраструктурную монопольную власть для взимания большой комиссии, присваивая таким образом доход, потому что могли, а не потому, что заслуживали его (Hudson, 2014). Более высокие банковские комиссии означали более высокие проценты и платежи по ипотеке, которые ложились на плечи заёмщиков. Принимая условия обслуживания банков, государства Центральной Азии создали, узаконили и нормализовали присвоение дохода заёмщиков со стороны банков. Они способствовали присвоению и распределению ренты в пользу собственников земли и жилья, инвесторов и банков (Andreucci et al., 2017).

Когда были запущены государственные ипотечные программы, они были ориентированы на семьи из среднего класса, поскольку у них, как предполагалось, имелись достаточные сбережения для

внесения первоначального взноса. Эрмек Камбаралиев, чиновник государственной ипотечной компании Кыргызстана, высказался на круглом столе следующим образом: «Богатые граждане могут купить жильё премиум-класса. У бедных людей вообще нет денег, мы на них не ориентируемся. Мы ориентируемся на средний класс, у них есть какие-то сбережения» (Central Asian News Service, 2016). Данные схемы были ориентированы на группы профессионалов, такие как учителя, врачи и социальные работники.

Также считалось, что владение жильём со стороны среднего класса будет способствовать социальной и политической стабильности. Как объяснял Азат, старший менеджер «Жилстройсбербанка» в Казахстане:

Ключевая роль банка — помочь людям обзавестись собственным жильём и поспособствовать стабильности в стране. Наша роль заключается в содействии формированию среднего класса... Наличие собственного жилья часто рассматривается как важный атрибут среднего класса... Одной из характеристик среднего класса является умение планировать свою жизнь, и наш банк учит людей развивать присущую ему дисциплину.

Государственный банк, где работает Азат отвечает за руководство государственной ипотечной программой Казахстана и увеличение числа семей среднего класса, владеющих собственным жильём. Он полагал, что данная схема привлечёт людей такие экономические добродетели, как рациональность и дисциплинированность, дабы они были способны вносить ежемесячные платежи для приобретения жилья в собственность. Ипотечный долг способен выступать как инструмент политического и экономического контроля, делающий средний класс, владеющий собственностью, самостоятельными, ответственными и дисциплинированными гражданами. Его представители вполне вероятно могут отказаться от прав на социальное обеспечение и социальную солидарность в пользу рыночной свободы и индивидуального выбора, укрепляя тем самым неолиберализм в стране.

Однако многие представители среднего класса жаловались на то, что условия данных схем были слишком жёсткими (Sharipova, 2015;

The Times of Central Asia, 2017). В Кыргызстане политики высказывали опасения, что работники государственного сектора не могут позволить себе процентные ставки в 10-12%, и что общая сумма выплат по кредиту будет вдвое больше первоначального займа. Нургазы Нишпанов, оппозиционный парламентарий, утверждал, что зарплаты учителя недостаточно для выплаты ипотеки, и что 25 000 учителей отчаянно нуждаются в жилье (Central Asian News Service, 2017).

В Казахстане многие люди, получившие жильё по государственным программам, затем сдавали свои квартиры в аренду (Sharipova, 2015). Относительно обеспеченные семьи использовали субсидирование государством процентных ставок как возможность покупки дополнительных квартир, чтобы сдавать их в аренду семьям менее обеспеченным. Последние не могли собрать необходимый первоначальный взнос или не имели достаточного регулярного дохода, чтобы иметь право на участие в программе доступного жилья. Финансализация ипотечного рынка в значительной степени закрепила существующее экономическое неравенство.

В Казахстане и Кыргызстане доступность жилья остается довольно ограниченной, что отражает низкий уровень доходов населения и высокую стоимость коммерческого и субсидируемого ипотечного кредитования. В свете требований доступного жилья и улучшения финансирования, исходящих со стороны общественных движений, правительства не так давно снизили процентные ставки, тем самым уменьшив степень присвоение стоимости инвесторами и банками. Государство способно представлять объектом общественной борьбы касательно того, кто получает ренту, кто её платит, а порядок регулирования с его стороны зависит от классового баланса в конкретные периоды (Andreucci et al., 2017).

Общество с высоким уровнем неравенства подвержено политической нестабильности и волнениям. За годы независимости в Кыргызстане произошло три политических восстания в 2005, 2010 и 2020 годах. Важную роль в разворачивании этих восстаний сыграли милиция и силы безопасности. Чтобы сохранить политическую власть, государство пыталось укрепить свой социальный контракт с

милицией и военными. В обмен на дополнительные ресурсы, включая бесплатные квартиры, от полицейских и военных ожидалось проявление лояльности к государству.

К 2016 году было построено около 800 государственных квартир для сотрудников правоохранительных органов и военных, планировалось построить ещё 1000 новых (The Times of Central Asia, 2016). Государство, как собственник имущества, использовало свои активы в стратегических и политических целях. Оно контролировало то, какие слои населения были исключены из арендных отношений, тем самым формируя особую специфические особенности присвоения стоимости (Andreucci et al., 2017).

БОРЬБА В КОММЕРЧЕСКОМ И ПРОМЫШЛЕННОМ СЕКТОРАХ ПО ВОПРОСУ ПРИСВОЕНИЯ ДОХОДА

После распада Советского Союза здания и городские пространства были приватизированы, став объектами недвижимости, приносящими доход. Развитие розничной торговли, в частности, предоставило владельцам значительные возможности для получения непроизводственных доходов. В 1989 году в Казахстане и Кыргызстане насчитывалось около 400 и 100 рынков соответственно, к 2005 году их число возросло до 950 и 400 соответственно (Spector, 2006, 2008). Рынки строились на пустующих или неиспользуемых землях, территориях заводов и складов советской эпохи, автостоянках. В то время как некоторые торговые центры были переоборудованы из фабрик и складов, другие были специально построены так, чтобы представлять привлекательность современного, упорядоченного и цивилизованного мира потребления в противовес традиционным базарам (Karrar, 2020).

Некоторые владельцы имели в собственности значительную коммерческую недвижимость. Так, Аскар Салымбеков входит в десятку богатейших людей Кыргызстана и является многолетним членом парламента (Central Asia and Caspian Intelligence, 2008). Его семейная компания, корпорация «Дордой», почти единолично владеет рынком «Дордой» — одним из крупнейших розничных и оптовых рынков в Центральной Азии, расположенным за пределами

Бишкека. Она управляет двадцатью различными рынками, включая высокорентабельный рынок автозапчастей, розничный рынок «Аламедин» и оптовый рынок «Дордой Азия», специализирующийся на бытовой технике, канцелярских товарах, коврах и повседневных гигиенических товарах. Корпорация «Дордой» также владеет другими предприятиями, приносящими ренту, включая розничный банк и торговые центры.

Представители деловых и политических элит подчас вступали в жестокую и связанную с криминалом борьбу за право собственности и контроля над прибыльными торговыми объектами, приносящими ренту (McGlinchey, 2011). Базар Кара-Суу — один из крупнейших рынков Центральной Азии, расположенный на юге Кыргызстана. В 2000 году Баяман Эркинбаев, печально известный криминальный бизнесмен, ставший парламентарием, захватил контроль над рынком и соответствующим потоком ренты. Базарбай, бизнесмен из села Беш-Кошкон, расположенного недалеко от базара Кара-Суу, объяснял ситуацию следующим образом:

Было около четырнадцати человек, которые имели законные права на части этого рынка. Баямана всё это не волновало, он заявил, что является единственным владельцем и сделал так, чтобы все остальные замолчали!

Эркинбаев использовал насилие и запугивание, чтобы стать единственным владельцем базара Кара-Суу. В 2005 году многие торговцы рынка вышли на демонстрацию против резкого повышения лицензионных сборов, требуя от Эркинбаева отказаться от контроля над рынком (International Crisis Group, 2005). После непродолжительной борьбы за власть новым владельцем стал Абдалим Джунусов, конкурирующий предприниматель. Но через несколько месяцев на него было совершено покушение, в котором обвинили связанных с Эркинбаевым. Последний вскоре восстановил свой контроль над рынком, но через пару недель был застрелен.

После его убийства базар Кара-Суу был разделён между Беш-Кошконским сельсоветом (айыл окмоту) и двенадцатью частными владельцами. Рынок приносил значительный доход сельско-

му совету. Его бюджет вырос с 7 миллионов сомов в 2005 году до 200 миллионов в 2008 году (Satybaldieva, 2011). Совет профинансировал амбициозную программу расходов на социальную и материальную инфраструктуру, на восстановление местных школ, спортивных центров и детских садов, улучшение дорог, электроснабжения и тротуаров. В отличие от частной собственности на дефицитные активы, государственная собственность способна приносить существенную выгоду населению.

В некоторых случаях новые проекты развития розничной торговли включали борьбу элит за характер присвоения стоимости, т.е. касательно того, кто кому платит арендную плату (Andreucci et al., 2017). В Казахстане городской совет Алматы стремился к цивилизованным, гигиеничным и современным формам розничной торговли. Были построены новые торговые центры, супермаркеты и крупные магазины, а некоторые рынки были либо закрыты, либо перестроены. Количество рынков в городе сократилось с 83 в 1999 году до 71 шесть лет спустя (Spector, 2008). Но городская реконструкция не просто пыталась создать современный облик города, она изменила рентные отношения в пользу некоторых групп экономической и политической элиты. В частности, рынок Баян Аул был закрыт, а торговцы были переведены на новые рыночные площади с другими владельцами.

На пике своего развития рынок Баян Аул имел около 1000 грузовых контейнеров, из которых рыночные торговцы продавали запчасти для автомобилей, в удачные дни здесь продавалось около 200-300 автомобилей (Spector, 2008). В 2005 году городской совет приказал закрыть рынок за нарушение санитарных норм. Торговцы данного рынка выразили протест и попытались оспорить решение о закрытии через суд. Несмотря на проигрыш в суде, большинство торговцев отказывалось уходить в течение года, пока не явилась полиция для их принудительного удаления. Для этой операции было задействовано более тысячи полицейских, что привело к ожесточенным столкновениям и нанесению серьезных травм. Торговцы часто подвергались жестокому нападению, пока большинство из них не переехали на новые рынки или не прекратили свою деятельность.

Новый автомобильный рынок, Барис III, представлял собой огромный комплекс с ресторанами, гостиницами и другими удобствами для покупателей. Владельцами и инвесторами Барис III являлись высокопоставленные государственные чиновники и члены их семей, включая нескольких губернаторов областей и брата тогдашнего президента Назарбаева, Болота Назарбаева (Spector, 2008). Новый рынок запчастей, рынок «Жибек Жолу», также принадлежал высокопоставленным представителям правящей элиты. Местные органы власти, суды и элита использовали правовые, судебные и принудительные меры для перераспределения между собой коммерческой недвижимости, приносящей ренту. Развитие розничной торговли не просто способствовало извлечению ренты, оно поддерживало плутократический контроль над богатством и властью.

Снос и реконструкция торговых объектов нередко усиливали хищническую власть арендодателей над арендаторами. Например, в 2010-х годах произошло несколько пожаров на рынке «Барахолка» в Алматы. Эти пожары (случайные или преднамеренные) поставили под угрозу жизни торговцев, уничтожили их складские запасы и разрушили их бизнес (Karrar, 2020). Пожары помогли очистить старый рынок от беспорядочно расположенных грузовых контейнеров для строительства современного многоэтажного торгового центра, имевшего больше объектов для аренды. В то время как городской совет объяснил данный переход облагораживанием городского ландшафта, модернизация розничной торговли увеличила возможности собственников по извлечению ренты. Создание чистой и упорядоченной розничной торговли было сопряжено с отчуждением социального пространства и насилием.

Неолиберальная коммодификация торговой недвижимости породила нерегулируемые рынки, на которых арендаторы были вынуждены платить чрезмерную плату всесильным богатым владельцам. В наших интервью с рыночными торговцами в Бишкеке и Оше те рассказали, что владельцы могли легко заменить торговцев, испытывающих трудности с высокой арендной платой, на новых.

Если владельцы рынка не получают свои деньги, они просто выгоняют торговцев и пишут на их прилавках «Сдаётся в аренду». Другие приходят и берут... Недавно владелец пришёл ко мне и сказал: «Не хочешь платить за аренду, заберу все твои вещи и выпшвырну на улицу!».

Наргиза, женщина-торговец на рынке «Дордой», Кыргызстан

Конечно, арендная плата высокая... У нас нет выбора! Хозяин говорит: «Не нравится, уходите и идите в другое место».

Джамиля, женщина-торговец на базаре Кара-Суу, Кыргызстан

Наргиза и Джамиля полагали, что у рыночных торговцев недостаточно власти, чтобы договориться о более низкой арендной плате, поэтому они либо мирились со своим положением, либо уходили. Многие торговцы считали ассоциации рыночных торговцев неэффективными для борьбы за интересы своих членов, отчасти потому, что лидеры этих ассоциаций были кооптированы для управления и администрирования рыночных площадок. Торговцы смирились с высокой арендной платой и отсутствием возможности повлиять на ситуацию, стремясь извлечь максимум из сложившейся негативной ситуации.

В отсутствие солидарности и коллективных действий рыночные торговцы приватизировали и индивидуализировали свои проблемы. В некоторых случаях они брали кредиты для оплаты высокой арендной платы, что усугубляло их экономическое положение. Как объясняла Наргиза:

[Мне и моему партнёру] нужно платить за квартиру, и мы должны найти деньги... Мы пошли в ломбард и отдали им наши золотые серьги и кольца... Потом пошли в Nalyk Bank, очень плохой банк. Они вас там просто съедят. Люди дома теряли свои... Мы приходим на работу каждое утро в шесть часов. Кормим эти банки... Банки и владельцы рынков живут хорошо, а мы страдаем.

Из-за низкой торговой активности Наргиза и её партнёр были вынуждены занимать деньги в банке и закладывать свои драгоценности, чтобы оплачивать аренду. В то время как Наргиза и другие

торговцы шли на жертвы, рано вставали на работу и подвергались рискам, владельцы рынка и банки присваивали их доход без каких-либо усилий или рисков для себя.

Процесс развития индустриальной собственности обычно сопровождался острой борьбой между классами — рантие и теми, кто были связаны с производством. После 1991 по мере распада сектора легкой промышленности Кыргызстан пережил деиндустриализацию. Фабрики, склады и другие промышленные здания были переданы бывшим советским директорам. Некоторые из этих зданий стали ценными активами, поскольку находились в центре Бишкека и были подключены к энергосистеме (Spector & Votoeva, 2017). В то время как в крупных районах города часто происходили отключения электричества, эти здания получали бесперебойные потоки электроэнергии, что делало их весьма востребованными для бизнеса. Владельцы зданий воспользовались своей монопольной властью, установив высокую арендную плату.

Некоторые мелкие и средние производители одежды брали в аренду дорогостоящие помещения, расположенные в зданиях советской эпохи, чтобы получить доступ к ресурсам, включая стабильное электроснабжение, необходимое для производства (Spector & Votoeva, 2017). В то время как производители использовали собственность как вспомогательное средство для продуктивной работы, владельцы имущества проявляли праздность и бездействие, будучи полностью лишёнными творческого духа (см. Tawney, 1921). Последние частично присваивали прибавочную стоимость, создаваемую первыми, на одном лишь основании права частной собственности. Данные владельцы часто являлись высокопоставленными государственными чиновниками или же были тесно связаны с политическим режимом.

Владельцы подрывали продуктивный потенциал производителей двояким образом. Во-первых, получая значительную арендную плату, они лишали производителей столь необходимых инвестиций для модернизации производства, что огра-

ничивало производственные возможности швейного сектора и его международную конкурентоспособность. Во-вторых, они не осуществляли ремонт и реконструкцию обветшавших зданий. Не имея возможности оказать давление на влиятельных владельцев, производители часто сами проводили ремонт помещений за свой счёт. Они были рассержены и озлоблены тем, что владельцы устанавливали высокую арендную плату, не прилагая никаких усилий для ремонта зданий (Spector & Botoeva, 2017).

Эффект неолиберального режима частной собственности заключался в передаче материальных богатств от созидающих производителей к бесфункциональным владельцам, а также к снижению конкурентоспособности промышленности. В случае с швейной промышленностью Бишкека многие мелкие и средние производители мечтали открыть цеха в более дешёвых районах города. Но отсутствие надежного электричества в других местах означало, что они были вынуждены смириться с существующими условиями эксплуатации.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ, РЕГИОНАЛЬНЫЕ И МЕСТНЫЕ ПЛУТОКРАТИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ

Богатство политиков в Кыргызстане

Захват государства со стороны богачей являлся существенной особенностью постсоветского политического ландшафта (Braguinsky, 2009; Mihalyi & Szelenyi, 2017). Экономическая и политическая элиты слились воедино и превратились в плутократов, в условиях, когда экономический капитал конвертировался в политический, и наоборот. Выборные должности превратились для богатых в излюбленный путь к политическому господству. Приходя в политику, бизнес-элита стремилась узаконить своё богатство, избежать возможного судебного преследования, повлиять на текущую политику и накопить дополнительные состояния с помощью законных и незаконных методов (Cooley & Heathershaw, 2017).

Политическая элита часто выступала в качестве проводников интересов рантье, владея и контролируя ценные активы. В Кыр-

гызстане двадцать самых богатых людей были вовлечены в различные формы рантьерской активности, о чём говорилось в Главе 2. Как правило, они извлекали ренту, будучи полными или частичными владельцами многочисленных компаний, работающих в различных секторах экономики, включая банковское дело, недвижимость, полезные ископаемые и мобильную телефонию. Все они, за исключением двух человек, занимали высокие политические должности. Омурбек Бабанов и Алмазбек Атамбаев были бывшими премьер-министрами. Атамбаев также был бывшим президентом. Нариман Тулеев, Иса Омуркулов, Аскар Салымбеков, Мелис Мырзакматов и муж Динары Исаевой в прошлом были мэрами городов.

Используя ряд открытых источников, можно определить масштабы рантьерства среди парламентариев Кыргызстана и депутатов городского совета Бишкека. Таблица 5.1 показывает характер и глубину деловых интересов парламентариев в 2015 году по данным агентства бизнес новостей «Газабек». Она основана на выборке 71 из 120 парламентариев. Информация о деловых интересах парламентариев, включающая сведения об их имуществе, а также активах и компаниях, переданных в доверительное управление, была предоставлена Государственной кадровой службой, Министерством юстиции, Национальным банком Кыргызстана и официальным сайтом парламента.

Извлечение ренты, а значит и непроизводственных доходов, происходило двумя путями: акции компаний давали владельцам право на дивиденды, прибыль и прирост капитала, сами компании извлекали конкретные формы ренты (например, земельную ренту, проценты, сборы и комиссионные) в зависимости от сектора экономики. Из 71 парламентария 41 имел деловые интересы в двух или более секторах. Большинство политиков, занимающихся бизнесом, были связаны с несколькими формами ренты.

Таблица 5.1 Владение и контроль над активами по экономическим секторами в 2015 году у членов Парламента

Недвижимость и земля-30	Туризм-4 Финансы-6	Воздушный транспорт-3 Реклама и консалтинг-2
Строительство-13	Производство и машиностроение-4	Оптовая торговля и коммерция-16
Гостиницы-2	Спорт-5	Транспорт-3
Энергетика-5	Частный акционерный капитал-12	Безопасность-3
Строительные материалы-6	Сельское хозяйство и рыболовство-8	Предприниматели-4
Рестораны и кафе-3	Больницы и образование-2	Продукты питания и напитки-5
Добыча ресурсов-1	Торговые центры и рынки-4	Другие-4
Мебель-2		

Источник: Tazabek Business News, 20 июля 2015, доступно по ссылке: <http://www.tazabek.kg/news/732021/?embed&pack=one>

Во-первых, это земельная рента, включающая в себя арендную плату за землю и жильё, а также прирост капитала, основанный на владении и контроле над землёй и недвижимостью. Тридцать парламентариев имели в собственности жилые квартиры, офисные здания и земельные участки, которые сдавали в аренду или перепродавали. Тринадцать политиков-бизнесменов содействовали деятельности рантье через застройку и жилищное строительство.

Во-вторых, это финансовая рента в виде процентов, дивидендов и прироста капитала, полученного от финансовых активов. Шесть парламентариев получали проценты и другие платежи на основе владения и контроля над кредитными деньгами через банки и микрофинансовые организации. Для двенадцати политиков прибыль и прирост капитала извлекались через частный акционерный капитал.

В-третьих, это природная рента, подразумевающая получение дохода на основе ресурсов природного происхождения. Шесть бизнес-политиков полностью или частично владели компаниями,

которые имели права аренды на добычу и/или распределение энергоносителей и других полезных ископаемых, включая нефть, газ, уголь и золото. Контроль над торговлей топливом позволял некоторым политикам получать монопольную ренту на местном уровне.

В-четвертых, это натуральная монопольная рента, возникающая когда монополии получают возможность устанавливать завышенные цены на свои товары, будучи свободными от конкуренции (Christophers, 2019). Четыре парламентария получали ренту на основе владения торговыми центрами и рынками. Два политика-бизнесмена владели гостиницами, что позволяло извлекать ренту на основе определенной степени пространственной монопольной власти. Владение и контроль над аэропортами и авиакомпаниями страны позволял трём лицам получать экономическую ренту. Шестнадцать политиков имели бизнес интересы в розничной и оптовой торговле, а благодаря владению розничными сетями и эксклюзивными лицензиями обладали определенной степенью монопольной власти в отношении конкретных товаров.

Таблица 5.2 Занятость депутатов городского совета Бишкека по секторам экономики в 2016 году

Строительство-14	Юридические услуги-3	Топливо и минералы-4
СМИ-1	Коммунальные услуги-3	Оптовая торговля-1
Машиностроение-1	Образование-1	Неизвестно-2
Инженерные изыскания-3	Финансы-1	Предприниматели-3
Фармацевтика-1	Продукты питания и напитки-1	Транспорт-2
Спорт и благотворительные организации-3	Муниципальные компании-1	

Источник: Akipress News, 26 декабря 2016, доступно по ссылке: <http://kg.akipress.org/news:1353644&f=cp>

В таблице 5.2 представлены данные о характере и масштабах осуществления основной профессиональной деятельности депутатами горсовета Бишкека по секторам экономики в 2016 году. Данные были сформированы с использованием различных открытых

источников, включая информационное агентство «Акипресс». Из 45 депутатов городского совета все, кроме пяти, оказались директорами компаний, большинство из которых работали в частном секторе. Многие из них также полностью или частично владели своими компаниями и имели разнообразные бизнес-интересы. Остальные члены совета включали одного топ-менеджера, одного высокопоставленного профсоюзного работника, консультанта и двух человек с неизвестными профессиями.

Подобно парламентариям, большинство членов совета было задействовано во множестве форм рантьерства. Во-первых, значительное меньшинство компаний, им принадлежащих, являлись важнейшей составляющей экосистемы рантье. Четырнадцать членов совета были директорами и владельцами строительных компаний, многие из которых занимались развитием и управлением недвижимостью. Как уже упоминалось ранее, квартиры часто служили для владельцев земли инструментом приобретения богатств без применения созидательного труда. Не будучи сами рантье, строительные компании играли роль посредников, активно им помогая (Sayer, 2015).

Некоторые члены совета были бенефициарами рантьеризации местной экономики. Три из них были директорами и владельцами инженерно-геодезических компаний, которые играли важную роль в проектировании, планировании и мониторинге строительных проектов, включая жилые комплексы. Некоторые компании извлекали выгоду из торговли активами посредством завышения цен. Два члена совета являлись директорами и владельцами юридических фирм, ещё один — юридическим консультантом. Как юристы, они выступали в качестве посредников на рынке недвижимости.

Во-вторых, ещё одна значительная группа принадлежащих членам совета компаний представляла собой организации-рантье. Пять членов совета владели и контролировали микрофинансовую организацию, газовую компанию, две угольные компании и горнодобывающую фирму, получая таким образом финансовую и природную ренты. Один советник был директором телерадиовещательной компании, которая извлекала соответствующую ренту на основе исключительных прав на использование определенных частот элек-

тромагнитной энергии для связи (Christophers, 2019).

Естественная монополия рента имела существенное значение для трёх, принадлежащих членам совета, компаний, обладавших определённой степенью монопольной власти на местах. Одна компания владела и контролировала городской аэропорт. Другая фирма обладала эксклюзивными лицензиями на производство ряда фирменных природных вод и безалкогольных напитков. Компания третьего члена совета управляла региональной аптечной сетью.

В Бишкеке сформировался плутократический режим местного самоуправления с преобладающим влиянием строительного сектора. В 2018 году мэром Бишкека был избран Азиз Суракматов. Он и его семья владели несколькими строительными компаниями и обладали значительной недвижимостью (Sputnik, 2019). Из четырнадцати членов совета, владевших строительными компаниями, двенадцать входили в коалиционное большинство в совете, составляя там почти половину коалиции (24.kg, 2020).

Коалиция членов совета, в которой преобладали представители строительной отрасли, пользовалась большим влиянием, что вызвало обвинения в захвате государства и регулирующих органов (24.kg, 2020). Участники её заседали в ключевых стратегических комитетах. Четыре из них входили в комитеты по муниципальной собственности, земельным вопросам, градостроительству и архитектуре; четыре — по бюджету и финансам; три — по ЖКХ, ТЭК, транспорту, связи и инвестициям; два — по социальным вопросам; один — по местному самоуправлению и работе с общественными организациями.

Данная коалиция была ответственна за проталкивание правил конфискации частной собственности в целях городского развития и строительства (24.kg, 2020). Этот закон был принят без обсуждения в полном составе, поскольку коалиция посчитала, что уже рассмотрела этот вопрос. Некоторые жители Бишкека и активисты опасались, что многоквартирные дома советского периода, старые дома и магазины низкого ценового сегмента, находящиеся в престижных местах будут изъяты для строительства роскошных квартир для богатых, что приведет к социальной чистке (24.kg, 2019).

Богатство политиков в Казахстане

Политическая элита Казахстана зачастую была связана с интересами бизнеса и рантье, иногда опосредованно, через семейный бизнес. Используя ряд открытых источников, можно установить степень предпринимательской активности политиков — губернаторов областей (акимов) и кандидатов в нижнюю палату двухпалатного парламента (Мажилиса). В таблице 5.3 показаны характер и масштабы семейных компаний губернаторов регионов в 2019 году по данным новостного онлайн-агентства Baige News. Такими семейными компаниями часто управляют их супруги, дети, братья и сестры. Таблица основана на выборке, включающей двенадцать из четырнадцати областей и три муниципалитета: Нур-Султана, Алматы и Шымкента.

Таблица 5.3 Семейные компании губернаторов регионов по секторам экономики в 2019 году

Строительство-4	Аренда и лизинг оборудования и машин-2	Мода-2
Медиа-1	Газ-2	Предприниматель-1
Грузоперевозки и транспорт-2	Туризм-1	Банковское дело-1
Недвижимость-2	Геологическая разведка-1	Парикмахерское дело-1
Сельское хозяйство и пищевая переработка-5	Финансовый менеджмент-3	

Источник: Baige News, 26 декабря 2019, доступно по ссылке https://baigenews.kz/news/dela_semeynye-_kto_est_kto_sredi_rodstvennikov_akimov_v_kazakhstane/

Несмотря на то, что информация о богатстве региональных губернаторов труднодоступна, таблица даёт адекватное представление о спектре секторов экономики, в которых они оперируют. Рантьерство имело существенные масштабы в случае десяти из пятнадцати губернаторов, что было обусловлено участием их семейных компаний в строительстве жилых и нежилых помещений, аренде и управлении недвижимостью, разведке, разработке и добыче газа, управлении финансовыми инвестициями, банковском деле, аренде

автомобилей, лизинге оборудования и машин. Данные компании были либо организациями-рантье, либо помогали другим присваивать доход. Недвижимость, финансовые активы и природные ресурсы являлись здесь основными инструментами для приобретения богатства.

Для трех региональных губернаторов сельское хозяйство, фермерство и пищевая промышленность являлись значительными источниками семейного дохода. Семейный бизнес ещё одного губернатора был связан исключительно с грузоперевозками и транспортом. В одном случае определить характер предпринимательской деятельности губернатора не удалось.

Бизнес-элита часто стремится конвертировать свое богатство в политическую власть и получить доступ к ресурсам и возможностям государства. Представители её активно участвуют в национальных и местных выборах, выдвигаясь в качестве кандидатов в национальный парламент и областные советы. В таблице 5.4 показан род экономических занятий кандидатов в зависимости от принадлежности к политической партии на парламентских выборах 2021 года по данным Forbes Kazakhstan. Она основана на выборке, включающей 293 из 312 кандидатов, претендовавших на 98 мест (в среднем три кандидата на каждое место в Мажлисе).

Нур Отан — доминирующая политическая партия, связанная с бывшим президентом Нурсултаном Назарбаевым и нынешним президентом Касым-Жомартом Токаевым. На всеобщих выборах 2021 года она набрала более 71% голосов и получила 76 из 98 мест. От неё шло больше всего кандидатов, участвовавших во всеобщих выборах. Многие из кандидатов были действующими парламентариями, членами советов или заслуженными членами партии. Немало действующих парламентариев владели компаниями, работающими в различных секторах экономики, включая финансы, недвижимость, природные ресурсы, СМИ и сельское хозяйство (Inform Buro, 2017). Владельцы и директора предприятий составляли около 25% списка кандидатов от данной партии. Специалисты и высокопоставленные государственные чиновники также составляли значительную часть списка партии.

Таблица 5.4 Экономическая занятость кандидатов на парламентских выборах 2021 года по политическим партиям

	<i>Нур Отан</i>	<i>Народная партия Казахстан</i>	<i>Ак Жол</i>	<i>Адал</i>
Владельцы бизнеса и директора	31	13	21	3
Учёные, вра- чи, преподава- тели, учителя, художники	18	27	3	2
Журналисты, издатели, вещательные компании	3	6	1	2
Спортсмены	1	6	-	1
Высшие госу- дарственные чиновники	16	12	-	-
Парламента- рии, члены советов, чле- ны политиче- ских партий	42	23	7	3
Должностные лица торго- вых ассоциа- ций	4	4	2	3
Должностные лица неторго- вых ассоциа- ции	8	15	1	1

	<i>Нур Отан</i>	<i>Народная партия Казахстан</i>	<i>Ак Жол</i>	<i>Адал</i>
Работники частного сектора	-	9	3	1
Другие	3	-	-	-
Итого	126	113	38	16

Источник: Forbes Kazakhstan, 10 декабря 2020, доступно по ссылке: https://forbes.kz/process/tri_cheloveka_na_mandat_kto_ballotiruetsya_v_majilismenyi_polnyiy_sписок_kandidatov/

Народная партия Казахстана ранее носила название Коммунистической народной партии Казахстана. Её доля в общем количестве полученных на всеобщих выборах голосов составила более 9%, она получила 10 мест. Её кандидатский список отражал более широкий срез общества, чем у любой другой партии. В списке кандидатов присутствовало больше представителей некоммерческих организаций, работников частного сектора, спортсменов и специалистов, баллотировавшихся на государственные должности. Доля владельцев и директоров предприятий (около 12%) была самой низкой среди всех партий. Некоторые парламентарии от данной партии имели бизнес-компании, занимающиеся кредитованием, добычей полезных ископаемых, рекламой, СМИ и распространением товаров (Azattyq Ryhy, 2020a).

Ак Жол считается партией, выступающей за интересы бизнеса. Её доля в общем количестве голосов составила около 11% (12 мест в Мажилисе). Более 55% её кандидатов являлись владельцами и директорами предприятий. Большинство действующих её депутатов имели значительные бизнес-интересы в областях, касающихся пищевой промышленности, бизнес-консалтинга, юридических услуг, оптовой торговли, лизинги сельскохозяйственной техники, недвижимости, ремонта машин и транспорта (Azattyq Ryhy, 2020b).

Адал — небольшая партия, в основном представляющая интересы среднего класса. Она не смогла завоевать ни одного места на всеобщих выборах. Её список кандидатов состоял из владельцев бизнеса, ученых, журналистов и представителей торговых ассоциаций.

Таблицы 5.3 и 5.4 показывают характер и степень распространения плутократии в Казахстане. Хотя некоторые политики использовали свое влияние и связи, чтобы обогатиться, многие из них уже были вполне состоятельными и до занятия государственной должности. После вступления в должность большинство предприятий передавались в доверительное управление или переходили к членам семьи. Многие из компаний плутократов принадлежали к экосистеме рантье, являясь либо рантьерскими организациями, либо выступая в качестве посредников. Некоторые владельцы бизнеса и директора, стремящиеся быть избранными, также были вовлечены в рантьерскую активность, обычно оперируя в таких ключевых секторах экономики, как финансы, недвижимость и природные ресурсы.

Данные таблицы также демонстрируют, что законодательные и государственные структуры Казахстана всегда были далеки от нейтральности, будучи сформированы социальными силами, отдающими предпочтение определенным экономическим и политическим интересам перед другими (Jessop, 2002). Интересы рантье и бизнеса играли важную роль в государственном управлении и в жизни политических партий страны. Хотя государство и являлось площадкой противостояния социальных сил, где происходила предвыборная и законодательная борьба по вопросам целей и стратегии государства, результаты неизменно благоприятствовали интересам рантье и капитала, а не общественному процветанию. Именно в этом контексте многие обездоленные и маргинальные группы рассматривали официальные политические институты и процессы как не отвечающие их интересам и потребностям, и именно поэтому некоторые из них участвовали в конфронтационных формах политической активности, о чём пойдет речь в третьей части данной книги.

КРИМИНОГЕННАЯ СРЕДА В ГОСУДАРСТВЕННОМ И ЧАСТНОМ СЕКТОРЕ

Преступления в офисе мэра Бишкека и в секторе строительства

Неолиберализм не только способствовал развитию рантьерства и плутократии, но и содействовал слабому регулированию, росту криминогенной среды и коррупции (Hudson, 2015; Tombs & Whyte, 2009). Демократии, действующие в тени плутократии, склонны подрывать регулятивные полномочия государства, в результате чего преступления «белых воротничков» и корпоративные преступления приобретают рутинный и эндемичный характер.

Из ряда открытых источников, включая газеты и медиа-платформы (e.g. Kloop, Sputnik, 24.kg, Azattyk, Kaktus Media), была собрана информация о мошеннических и коррупционных действиях мэров Бишкека. В таблице 5.5 показано состояние и политические позиции последних девяти мэров Бишкека, а также обозначены обвинения в коррупции, выдвинутые против них. Туда не включен Балбак Тулобаев, назначенный исполняющим обязанности мэра после восстания в октябре 2020 года.

До того, как занять пост мэра, все девять человек обладали значительным состоянием. Согласно рейтингу 100 богатейших жителей Кыргызстана за 2013 год, три бывших мэра, Аскарбек Салымбеков, Нариман Тюлеев и Иса Омуркулов, входили в первую двадцатку, как и тогдашняя жена Данияра Усенова. Обычным делом является переоформление активов на близких членов семьи с целью сокрытия богатства.

Подобно парламентариям и депутатам Бишкекского городского совета, данные мэры были вовлечены в рантьерскую деятельность. Восемь из них владели значительными активами в нескольких секторах экономики, получая две или более формы ренты. Восемь мэров получали ренту от недвижимости и земли. Четверо присваивали доход на основе финансовых активов. Четверо получали ренту на основе полного или частичного владения торговыми центрами и рынками. Четыре мэра владели строительными компаниями, кос-

венно способствуя созданию ненадлежащей собственности для богатых. Шесть были вовлечены в оптовую и розничную торговлю, извлекая экономическую ренту на основе брендовых товаров и контроля над каналами сбыта.

Большинство мэров сумели накопить политический капитал для дальнейшего развития своей собственной политической карьеры. Трое из них вошли в парламент. По всей видимости, они надеялись таким образом получить депутатский иммунитет, однако Нариман Тюлеев был привлечен к ответственности за коррупцию после политического восстания 2010 года. Три мэра стали министрами правительства. Арстанбек Ногоев и Данияр Усенов были привлечены к ответственности за злоупотребление властью, и отправились в политическое изгнание, чтобы избежать тюремного заключения, заняв политические и корпоративные должности в России и Беларуси.

Преступления «белых воротничков», государственные и корпоративные преступления не следует рассматривать как отдельные и маргинальные явления, гораздо вернее понимать их как результат захвата государства богатыми и определенными социальными силами (Tombs, 2012). В мэрии Бишкека сформировалась криминогенная культура, отчасти обусловленная ее значительными полномочиями по приватизации муниципальных земель, выдаче разрешений на планирование и заключению муниципальных контрактов. Из девяти последних мэров Бишкека семеро были обвинены в коррупции, мошенничестве или злоупотреблении властью.

Таблица 5.5 Богатство мэров Бишкека, государственные должности, обвинения в коррупции

<i>Мэры Бишкека</i>	<i>Основные активы по секторам экономики</i>	<i>Ключевые политические позиции</i>	<i>Коррупционные обвинения</i>
Медетбек Керимкулов, август 1999 - март 2005	Недвижимость и земля	Заместитель премьер-министра	Подозревался в незаконной приватизации муниципальной земли; обвинение не предъявлялось

<i>Мэры Бишкека</i>	<i>Основные активы по секторам экономики</i>	<i>Ключевые политические позиции</i>	<i>Коррупционные обвинения</i>
Аскарбек Салымбеков, апрель-август 2005 г.	Розничная и оптовая торговля, рынки, торговые центры, недвижимость, строительство и страхование	Парламентарий	Неизвестно
Арстанбек Ногоев, Август 2005-ноябрь 2007	Финансы, оптовая и розничная торговля, общественное питание и агробизнес	Министр сельского хозяйства; заместитель председателя правительства Пензенской области, Россия; вице-мэр г. Кашира, Россия	Осуждён заочно за коррупцию, растрату и незаконной приватизации государственной собственности и муниципальной земли
Данияр Усенов, ноябрь 2007 - июль 2008	Банковская деятельность, агробизнес, туризм, химия, мебель, недвижимость, частный акционерный капитал, реклама и безопасность	Парламентарий; премьер-министр; директор «Белорусской национальной биотехнологической корпорации», Беларусь	Осуждён заочно за коррупцию, растрату, незаконную приватизацию муниципальной земли, соучастие в убийстве и покушении на убийство; имущество конфисковано
Нариман Тулеев, июль 2008 - апрель 2010	Банковское дело, недвижимость, торговые центры, розничная торговля, строительство, телекоммуникации и туризм	Парламентарий	Осуждён за коррупцию, отмывание денег и незаконную приватизацию муниципальной земли; приговорён к тюремному сроку, имущество конфисковано

<i>Мэры Бишкека</i>	<i>Основные активы по секторам экономики</i>	<i>Ключевые политические позиции</i>	<i>Коррупционные обвинения</i>
Иса Омуркулов, апрель 2010 - декабрь 2013	Торговые центры, недвижимость, общественное питание, розничная торговля и животноводство	Парламентарий; помощник вице-президента, первого вице-премьер-министра	Оправдан по обвинению в незаконной приватизации муниципальной земли
Кубанычбек Кулматов, январь 2014-февраль 2016	Недвижимость, земля, строительство, гостиницы, инженерные изыскания, оптовая торговля, туризм, рестораны и салоны красоты	Советник президента	Осуждён за коррупцию и растрату; оштрафован
Албек Ибраимов, февраль 2016 - июль 2018	Недвижимость, земля, банковское дело, фермерские хозяйства, сельское хозяйство и торговля	Заместитель руководителя аппарата президента	Осужден за коррупцию, государственную растрату и незаконную приватизацию государственной собственности; заключён в тюрьму, имущество конфисковано
Азиз Суракматов, Август 2018 - октябрь 2020	Строительство, недвижимость, агентство недвижимости, юридическая компания, мебель, благоустройство домов, оптовая торговля, продукты питания, производство, бизнес консалтинг, торговые центры и охрана	Парламентарий	Обвинялся в строительстве без разрешения и аренде земли без договора, плохом качестве работ, финансовых нарушениях, конфликте интересов

Источник: адаптировано из Stan Radar, 27 августа 2016 года, доступно по ссылке: <https://stanradar.com/news/full/21936-10-eks-merov-bishkeka-kakim-biznesom-vladejut-byvshie-gradonachalniki.btm>

Случай со вторым по величине Парком им. Ататюрка, расположенным в центре Бишкека стал наиболее ярким примером злоупотребления служебным положением (Клоор, 2019а). Хотя земельный кодекс страны позволяет предоставлять небольшие участки неиспользуемой государственной земли нуждающимся и уязвимым лицам, в период с 2000 по 2010 год было приватизировано и роздано богатым и влиятельным гражданам более ста участков первоклассной земли (Клоор, 2019б). Более того, в 2002 году государство объявило данный парк историческим местом, что должно было предположительно остановить любое строительство частного жилья в его пределах.

Тем не менее, земельные участки были тайно распределены среди богатых и влиятельных людей в нарушение многочисленных законов и нормативных актов. Большинство владельцев продавали свои новоприобретенные земли, чтобы быстро получить прибыль, и таким образом заработать непроизводственные доходы. В скандале с Парком им. Ататюрка были замешаны четыре мэра. Хотя трое из них были арестованы и осуждены за коррупцию и злоупотребление служебным положением, только один был осуждён за нарушения, связанные с парком.

В 2000 году мэр Керимкулов начал раздавать земельные участки в Парке им. Ататюрка, главным образом представителям политической и социальной элиты. Было приватизировано более семьдесят участков, но обвинения ему так и не были предъявлены (Клоор, 2019б). В 2005 году мэр Ногоев передал в собственность два земельных участка, один из них — бизнесмену. Позже, будучи министром сельского хозяйства, он попытался незаконно продать национальный ипподром. В 2014 году ему было предъявлено соответствующее обвинение, но он сумел бежать из страны до начала судебного процесса. Заочно осуждён за коррупцию и растрату.

В 2007-2008 годах мэр Усенов незаконно выделил одиннадцать гектаров парковой территории состоятельным лицам для строи-

тельства частных апартаментов (Клоор, 2019b). Позже, будучи премьер-министром, он был замешан в государственных хищениях, что в конечном итоге привело к свержению правительства в 2010 году. Бежал из страны и был заочно осуждён за присвоение имущества Парка им. Ата-Тюрка, а также за соучастие в убийстве, покушении на убийство и злоупотребление служебным положением во время востания 2010 года.

Мэр Тюлеев был последним, кто был замешан в присвоении имущества Парка им. Ата-Тюрка, начатого его предшественниками. Он приватизировал и передал в собственность иным лицам двадцать один земельный участок, включая землю под строительство гостиницы (Клоор, 2019c). После 2010 года вошёл в парламент. Однако в 2012 году был арестован за мошенничество, совершённое во время его пребывания на посту мэра. Обвинения не были связаны с Парком им. Ата-Тюрка. Осуждён на одиннадцать лет.

Земельные участки в других парках Бишкека также незаконно предоставлялись представителям элиты. По данным парламентской комиссии, богатые и высокопоставленные лица незаконно приобрели более половины Карагачевой рощи, самого большого парка в Бишкеке, также относящегося к памятнику истории и культуры (Клоор, 2019c)

Других мэров также обвиняли в присвоении и растрате (Sputnik, 2018). Мэр Омуркулов привлекался к ответственности за то, что перекроил границы Парка Победы в центре Бишкека в угоду существующим незаконным постройкам и разрешил возведение новых. Ушел с поста мэра и был оправдан в 2014 году. После ухода с поста мэра Кулматов был обвинен в растрате государственных средств, суть которой заключалась в переадресации китайских грантов на сумму 2 миллиона долларов США. Был осуждён и оштрафован. Находясь на своем посту, мэр Ибраимов был обвинён в растрате и незаконном распределении муниципальной земли. Был осуждён и приговорён к тюремному заключению.

Судебное преследование за коррупцию в Кыргызстане зачастую носит политизированный характер (Aidar, 2018; The Diplomat, 2018). Конкретные лица становятся объектом преследования из-за

политической целесообразности, а не из-за стремления к справедливости. К примеру, Данияр Усенов был привлечён к ответственности, поскольку, будучи премьер-министром, он был весьма близок к президенту Бакиеву и частично отвечал за развертывание вооруженных сил для подавления протестов во время восстания 2010 года. Аресты Кубанычбека Кулматова и Албека Ибраимова были частью острого разрыва отношений между экс-президентом Атамбаевым и действующим президентом Жээнбековым.

Захват регулирующих органов бизнес-элитой способен ограничить попытки местных властей осуществлять регулирование и контроль мероприятий, связанных рисками и получением прибыли (Shaxson & Christensen, 2013). Регулирование часто негативно оценивается как «бремя для бизнеса» (Snider, 2009). В качестве оправдания минимизации регулирования приводятся такие аргументы, как простота ведения бизнеса, экономический рост и увеличение занятости, а также государственная коррупция.

При поддержке Международной финансовой корпорации Кыргызстан почти вдвое сократил количество проверок бизнеса — с 21 000 в 2011 году до 13 500 в 2012 году (International Finance Corporation, 2013). На тот момент министр экономики Темир Сариев, входивший в двадцатку богатейших людей Кыргызстана, отмечал: «Мы видим положительный эффект. В 2012 году количество проверок сократилось на 45%. Меньше проверок означает меньше коррупции, что помогает создать лучшие условия для бизнеса» (International Finance Corporation, 2013). Было упразднено более семидесяти двух видов лицензий, количество государственных служащих сократилось на 15% (Transparency International, 2013).

Государственные и регулирующие органы провели ряд реформ для облегчения ведения бизнеса в стране. Для облегчения процесса получения разрешений на строительство была введена система утверждения и контроля строительства на основе оценки рисков, проектам с низким уровнем риска было разрешено проводить внутренний строительный контроль, а также был упрощен порядок подключения к коммунальным сетям (World Bank, 2014). Для регистрации собственности требования по проведению геодезической

съёмки и нотариальному заверению были указаны как необязательные. Налоговое бремя на предприятия было облегчено за счёт снижения ставок по нескольким налогам. Были смягчены требования, связанные с увольнением по сокращению штата и переводом работников на другую работу.

Строительный сектор в Кыргызстане обладал значительной экономической и политической властью, чтобы настаивать на минимальном регулировании и принуждении к исполнению законодательства, а также возможностью нарушать существующие правила и нормы (см. также Tombs & Whyte, 2020). Данный сектор был значительной частью экономики, обеспечив, к примеру, 9,7% валового внутреннего продукта в 2019 году (Sabar, 2020). Как показывают таблицы 5.1, 5.2 и 5.5, у него присутствовали тесные отношения с центральными и местными органами власти. Помимо сильных корыстных интересов, неолиберальная идея «свободного рынка» служила оправданию минимального «вмешательства» государства в этот сектор.

Согласно отчётам Всемирного банка «Ведение бизнеса», Кыргызстан сократил время, стоимость и количество процедур, связанных с получением разрешений на строительство. На примере строительства склада указывалось, что время получения разрешений на строительство сократилось с 332 дней в 2008 году до 155 дней в 2015 году, а количество процедур снизилось с 22 до 10 за тот же период (World Bank, 2009, 2014). Показатель Кыргызстана по лёгкости получения разрешений на строительство был выше, чем средний показатель по Европе и Центральной Азии.

Однако дерегулирование и отказ от надзора создали криминогенную и неблагоприятную среду в строительном секторе (Tombs & Whyte, 2009). Данный сектор критиковали за нарушение строительных норм и общего законодательства, некорректные продажи клиентам, взяточничество, коррупцию, незаконную трудовую практику и нанесение ущерба окружающей среде (Gazabek, 2019). В 2014 году было известно о 235 случаях незаконного строительства в столице — самая консервативная оценка, предоставленная мэрией Бишкека (Eurasianet, 2014).

Одним из таких незаконных проектов был жилой комплекс в центре Бишкека (Azattyk, 2014). Строительство его началось, не-

смотря на протесты местных жителей. Строительная компания была оштрафована на мизерную сумму в 160 долларов США за уничтожение зелёных насаждений. Государственное инспекционное агентство приказало компании прекратить строительство. Однако владелец компании, достаточно влиятельный человек в прошлом, отказался, и работы были продолжены.

Строительный сектор представляет собой довольно опасную сферу занятости, именно с ним было связано большое количество смертельных травм (Akipress, 2016). За первые девять месяцев 2016 года на строительных площадках Кыргызстана произошло 94 инцидента, в результате которых погибли 48 человек и 68 получили серьёзные травмы. Из-за реформ, благоволивших бизнесу, Государственной инспекции по экологической и технической безопасности не хватало ресурсов для мониторинга и судебного расследования нарушений и инцидентов в области охраны труда. С 2012 года число штатных инспекторов труда сократилось с 62 до 23 (Solidarity Center, 2019).

Официальная статистика нарушений и инцидентов в области охраны труда имеет тенденцию к занижению масштабов нарушений и количества несчастных случаев, поскольку рабочие места в неформальном секторе исключены из официальной статистики. Более 70% работников работают неформально, в результате чего они не имеют достаточной защиты со стороны профсоюзов и трудового законодательства (Equal Times, 2017).

Преступления в мэрии Алматы и жилищном секторе

Как и в мэрии Бишкека, рантиерство в секторе недвижимости создало криминогенную среду в мэрии Алматы. Масштабы государственной коррупции в Алматы были более существенными, чем в Бишкеке, так как возможностей для извлечения ренты там представлялось гораздо больше. Этот город — финансовый и деловой центр Казахстана, и, соответственно, цены на землю и недвижимость там достаточно высоки.

В период с 2004 по 2008 год государственная компания «Алматыжер» действовала, как представляется, от имени Алматинского городского совета с целью изъятия ряда земельных участков в по-

рядке отчуждения. Юридическим основанием для её действий была доверенность от мэра Имангали Тасмагамбетова, который и выдал данный документ. Однако мэр Тасмагамбетов действовал самостоятельно, без полномочий и поддержки городского совета. Этошло вразрез с Земельным кодексом, требовавшим, чтобы городской совет коллективно принимал решение и санкционировал конфискацию имущества (Kazakhstan Today, 2008). Произошли сотни незаконных принудительных выселений, поскольку «Алматыжер» конфисковал недвижимость и земельные участки без одобрения городского совета. К 2006 году «Алматыджер» провёл конфискацию 810 зданий в городе.

Мэр Тасмагамбетов злоупотребил своим служебным положением, дав указание «Алматыжеру» конфисковывать и продавать недвижимость частным застройщикам и строительным компаниям. Сергей Уткин, алматинский адвокат, отмечал: «Все решения о конфискации Тасмагамбетов принимал в одностороннем порядке, и это серьезное преступление. У “Алматыжера” не было законных полномочий на конфискацию земли» (Kn.kz, 2008).

Мэр Тасмагамбетов и «Алматыжер» действовали в интересах частных застройщиков и строительных компаний, получавших выгодные активы по сниженной цене. Уткин объяснял, что криминальный характер конфискаций ставил интересы бизнеса выше общественных нужд (Kn.kz, 2008):

Самое главное нарушение заключается в том, что земля изымалась не для государственных нужд, а для частных строительных компаний. Мы видели контракты, которые [Тасмагамбетов] подписывал с частными строительными компаниями. Он вступил с ними в договорные отношения. В договоре говорилось, что мэр изымает у граждан земельные участки под видом государственных нужд, а затем передает их частным компаниям, чтобы они могли сделать на этом деньги.

Уткин установил, что под предлогом реализации государственного права на отчуждение земли происходила незаконная передача земли богатым и влиятельным группам рантье. На суде над «Алма-

тыинвестстроем», — одной из строительных компаний, которая приобрела один из таких земельных участков, — её директор Дмитриенко сказал: «Вы представляете, сколько мне пришлось дать [в качестве взятки], чтобы получить эту землю?» (Кп.kz, 2008). Предполагалось, что мэру и высокопоставленным чиновникам «Алматыжера» давали взятки за продажу выгодных объектов частным компаниям. Мэра Тасмагамбетова так и не привлекли к ответственности за злоупотребление служебным положением. Вместо этого его перевели в Нур-Султан, где тот стал мэром города.

Рантьерство в жилищном секторе Казахстана также создало криминогенную среду. Характер и масштабы коррупции и мошенничества в этом секторе стали очевидны после финансового кризиса 2008 года, когда лопнул пузырь спекулятивной недвижимости. К примеру, в Нур-Султане строительная компания «Азбука жилья», принадлежащая Ерканату Тайжанову, бывшему парламентарии, оказалась неспособна построить восемь жилых комплексов в 2008 году. Тайжанов обманул около 2100 дольщиков, ежемесячно вносивших деньги за строящиеся квартиры. Тогда он скрылся из страны с более чем 40 миллиардами казахстанских тенге (более 100 миллионов долларов США). В настоящее время он проживает в Австрии и ожидает экстрадиции. В другом случае Амангельды Ермегияев, который в своё время был заместителем председателя правящей политической партии «Нур Отан», учредил несколько строительных компаний, таких как «Алматы Курылыс» и «Серт». В 2009 году его компании не смогли построить жилые комплексы, обманув около 800 дольщиков, заплативших за недостроенные квартиры (Today, 2009).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной главе было рассмотрено, каким образом рантьерство в сфере недвижимости соотносилось с ненадлежащей собственностью, вопросами морали, плутократией, криминогенностью и другими негативными проявлениями. Неолиберализм способствовал созданию и развитию рантьерства в секторе недвижимости, где застройщики и богатые владельцы рассматривали жилые, торговые и

промышленные объекты как инструменты для приобретения богатства, а не для содействия производительному труду, т.е. приобретали ненадлежащую собственность (Tawney, 1921). При этом застройщики истолковывали и оправдывали непроизводственные доходы следуя неолиберальной идеологии «свободного рынка» (Hudson, 2018). Они игнорировали жизненно важные морально-экономические различия между созданием материального богатства и извлечением ренты, а также истинными и фиктивными товарами. Богатые рантье часто рассматривались как те, кто лишь следует культурной норме зарабатывания денег, обычной практике покупки и продажи товаров, соблюдая при этом закон.

Рантьерство способствовало возникновению плутократических структур на всех уровнях государства. Государства превратились в площадки для противостояния социальных сил, где класс рантье конкурировал за доступ к государственной власти и ресурсам (Jessop, 2002). Зажиточные граждане доминировали в политике и захватывали государство через выборные должности. Многие избранные политики были частью экосистемы рантье — их семейные предприятия работали как рантьерские организации, или же как соответствующие бенефициары или посредники. В Кыргызстане возник плутократический режим местного управления с доминированием строительного сектора в Бишкеке. Большинство региональных губернаторов в Казахстане проявляли рантьерские и бизнес интересы.

Государства Центральной Азии сыграли решающую роль в дерегулировании и облегчении отношений собственности и ренты. Режимы регулирования, ориентированные на бизнес, способствовали созданию и поддержанию криминогенной среды в частном и государственном секторах (Tombs & Whyte, 2009). Неолиберальная идеология при этом оправдывала сокращение государственных лицензий, проверок и персонала. Происходившее в строительном секторе де-факто было декриминализовано, что позволяло незаконной практике оставаться практически незамеченной и безнаказанной. Класс рантье время от времени вступал в жестокую и связанную с криминальной активностью

борьбу за владение и контроль над прибыльными активами. Коррупция со стороны плутократов стала обычным и широко распространенным явлением. В частности, несколько богатых мэров Бишкека незаконно приватизировали и раздавали дефицитные муниципальные земли, что позволяло новым владельцам извлекать значительную ренту.

Рантьерство и криминогенная среда породили широкий спектр негативных общественных явлений (Sayer, 2015; Tombs, 2012). В нашем исследовании, посвященном истории развития сектора недвижимости, описывается потеря зелёных насаждений в результате незаконной застройки; смертельные травмы на строительных площадках из-за отсутствия правил техники безопасности; случайные или преднамеренные пожары на рынках, ставившие под угрозу жизни людей и разрушавшие их бизнес; озлобленные и раздражённые производители, платившие чрезмерную арендную плату за ветхие здания; попавшие в ловушку рыночные торговцы, которые брали кредиты, чтобы оплатить высокую арендную плату. Коррупция, незаконные практики и нанесение социального вреда явились следствием ослабленных режимов регулирования, навязанных главным образом классом зажиточных собственников в угоду своим интересам, что создавало сложности по привлечению их к ответственности.

В контексте неравенства в области отношений власти и из-за отсутствия альтернатив, организовать оппозицию и сопротивление высокой арендной плате оказалось затруднительно. Государственные чиновники, застройщики и арендаторы отстаивали, принимали и деполитизировали рантьерство, представляя его как часть естественного порядка вещей. Тем не менее, в ответ на общественный вред, причиняемый неолиберальной маркетизацией постсоветской экономики, возникли низовые движения, о которых пойдет речь в третьей части книги.

ГЛАВА 6. ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ: ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ, КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ, ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ВРЕД

В настоящей главе исследуется вопрос касающийся того, как неолиберальные реформы способствовали закреплению прав иностранных инвесторов на ценные природные ресурсы в Казахстане и Кыргызстане. Возникшие правовые и судебные механизмы управления расширили, углубили и закрепили права частной собственности, позволив транснациональным корпорациям уверенно и гарантированно добывать ресурсы и получать ренту (Gill, 2008; Schneiderman, 2008). Давая инвесторам привилегированные права и возможности представительства, национальные экономики всё более изолировались от демократического влияния общества и ответственности перед ним. Процесс создания правовых и судебных механизмов, призванных подчинить государство рыночным силам и ценностям, получил название «нового конституционализма» (Gill, 2008).

Конституционные аспекты, касавшиеся экономики не просто способствовали продвижению власти и свободе капитала, они часто не допускали того, чтобы будущие правительства могли отказаться или аннулировать свои обязательства перед неолиберальным режимом накопления капитала. Правовые и судебные механизмы при этом имели тенденцию консервировать механизмы распределения богатства и создавать привилегии при текущем порядке (Schneiderman, 2008). Верховенство закона обеспечивало моральную основу для оправдания и нормализации богатств и власти инвесторов. Согласно ему, все равны перед законом, государство не может нарушать права и свободы личности, а сфера частной собственности должна быть защищена от мажоритарной политики (Gill, 2002).

Международные инвестиционные правила и процедуры (такие как многосторонние инвестиционные соглашения и двусторон-

ние инвестиционные договоры) являются мощными механизмами, имеющими квазиконституционный статус (Schneiderman, 2008). Они дисциплинируют принимающие государства по отношению к транснациональному капиталу, создавая стабильный и благоприятный инвестиционный климат, при котором права частной собственности и потоки прибыли защищены и гарантированы. Неолиберальный режим инвестиционных правил обязывает правительства соблюдать соглашения, подписанные с транснациональными корпорациями, гарантируя тем самым верховенство закона и неприкосновенность контрактов. Если соглашения нарушаются, инвесторы считают себя вправе обратиться в международный арбитраж с иском к принимающим государствам о возмещении ущерба.

По мнению международных финансовых институтов, инвестиционные договоры могут решить проблему отсутствия эффективных структур управления в странах Глобального Юга, которые характеризуется слабым верховенством закона, коррупцией, низкой прозрачностью и политической нестабильностью (Appel, 2019). Инвестиционные нормы выполняют для инвестиционного сообщества функцию сигнализирования и указывают на то, что внутренняя экономическая политика благоприятствует глобальному капиталу и что транснациональные корпорации получают «справедливое и равноправное» обращение (Schneiderman, 2000). Глобальный рост двусторонних инвестиционных договоров был феноменальным. Насчитывается более 2850 двусторонних инвестиционных договоров, большинство из которых были подписаны в 1990-х и начале 2000-х годов (Transnational Institute, 2017).

Однако привилегированный статус иностранных инвесторов предстает проблематичным по трем причинам. Во-первых, оно способно ограничить демократическое принятие решений и привести к росту концентрации богатства и власти в обществе у отдельных лиц (Gill, 2008). Адам Смит (1776: Book 5, Chapter 1, Part 2) отмечал, что «гражданское правительство, созданное будто бы с целью защиты собственности, на деле становится средством защиты богатых от бедных, защиты тех, кто обладает собственностью, от тех, кто её лишён».

Во-вторых, частные корпорации, работающие в секторе природных ресурсов, получают способность разgrabлять землю с постоянно возрастающей скоростью, способствуя глобальному потеплению, загрязнению и разрушению окружающей среды (Sayer, 2015). В-третьих, поскольку природные ресурсы уже существуют, инвесторы получают доход, основанный на власти и привилегиях, то есть приватизируют скудные ресурсы, которыми природа наделила общество в качестве всеобщего достояния. Они не создают ничего полезного с нуля, что обычно оправдывает собственность, а извлекают прибыль из бесплатных даров природы. Как отмечает Тоуни (Tawney, 1921: 80), «собственность — не есть кража, но большая часть краж становится собственностью».

Настоящая глава состоит из пяти разделов. В первом разделе кратко рассматривается развитие производственных соглашений и инвестиционных договоров в Центральной Азии. В разделе «Инвестиционные споры в Центральной Азии» исследуется природа споров между инвесторами и государством в регионе, а также решения по ним международных судов. В третьем разделе рассматриваются два примера крупных иностранных инвестиций в нефтяные месторождения в Казахстане. В разделе «Доминирование иностранных инвесторов в золотодобывающем секторе Кыргызстана» анализируется пример крупного иностранного золотодобывающего предприятия в Кыргызстане. Наконец, в заключении подводятся основные итоги главы

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ СОГЛАШЕНИЯ И ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ДОГОВОРЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

После распада Советского Союза странам Центральной Азии, обладающим богатыми природными ресурсами, не хватало технических знаний для их эффективного использования (Pomfret, 2011). Если существующие нефтегазовые месторождения и залежи полезных ископаемых продолжали эксплуатироваться, в том числе на экспорт, при ограниченном иностранном участии, то новые объекты требовали партнёрства с транснациональными корпорациями, обладающими передовыми технологиями. Государства Централь-

ной Азии заключали соглашения о разделе продукции (СРП) с иностранными инвесторами, с тем чтобы привлечь капитал и специалистов для разработки энергетических и минеральных ресурсов.

СРП стали популярной формой контрактов на поставку энергоносителей и полезных ископаемых в Центральной Азии и других богатых ресурсами регионах (Appel, 2019; International Institute for Environment and Development, 2012). Хотя их популярность несколько снизилась, крупные нефтегазовые месторождения и шахты по-прежнему разрабатываются в рамках таких соглашений. Если традиционные концессионные соглашения колониальной эпохи вели к отказу от национального суверенитета над ресурсами в пользу иностранных компаний, то СРП предусматривают раздел добытых ресурсов между сторонами и оставляют право собственности на не извлеченные ресурсы за принимающими государствами. Контракты часто заключаются на 25-30 лет, хотя некоторые могут иметь и более длинные сроки.

Как правило, СРП предоставляют транснациональным компаниям права на разведку, разработку и добычу ресурсов. Иностранные инвесторы берут на себя большую часть первоначальных капитальных затрат и текущих эксплуатационных расходов, после чего доходы распределяются в оговоренных пропорциях (Pomfret, 2011). Прибыль, налоги, бонусы и роялти рассчитываются на основе объема производства, в течение срока действия контракта они могут меняться. Компании часто несут большие затраты и риски, связанные с разведкой и разработкой месторождений и шахт. Контрактные споры регулируются международными договорами и арбитражными судами, с тем, чтобы принимающие государства шли на уступки в области своего суверенитета.

Контракты центральноазиатских государств с крупными западными компаниями заключались в обстановке неолиберальной глобализации. Целый ряд двусторонних, региональных и многосторонних соглашений способствовал продвижению и защите прямых иностранных инвестиций, породивших ранее сеть взаимосвязанных правил (и структур, обеспечивающих их реализацию), которые существенно ограничивали полномочия государства (Schneiderman,

2008). Под руководством Международного валютного фонда, Всемирного банка, Всемирной торговой организации и других неолиберальных институтов были внедрены новые конституционные нормы, призванные отделить политику от экономики и максимизировать господство глобального капитала (Gill, 2008).

После обретения независимости Казахстан и Кыргызстан придерживались более неолиберальной экономической повестки, чем их соседи. Они заключили 51 и 37 двусторонних инвестиционных договоров, и имеют 12 и 9 договоров с инвестиционными положениями, соответственно, включая Договор к Энергетической хартии (UNCTAD, 2020a). В течение двух десятилетий после обретения независимости другие страны Центральной Азии имели ограниченное иностранное участие в своей экономике (Pomfret, 2011). Тем не менее, Узбекистан, Туркменистан и Таджикистан заключили 55, 28 и 39 двусторонних инвестиционных договоров и имеют 5, 7 и 7 договоров с инвестиционными положениями, соответственно.

Двусторонние инвестиционные договоры включают положения о допущении и содействии созданию благоприятных для иностранных инвестиций условий, защите от экспроприации и национализации, а также механизмы урегулирования или судебного рассмотрения споров. Инвестиционные договоры считаются необходимыми, поскольку у государств Центральной Азии присутствуют серьезные проблемы с верховенством закона, контролем коррупции и прозрачностью (Muminov, 2019). В отсутствие международных правовых и судебных гарантий государственная коррупция и изыскание ренты способны стать причиной произвольного и непоследовательного применения национальных законов.

Авторами типовых инвестиционных договоров и производственных соглашений выступали государства-экспортеры капитала и транснациональные корпорации, а подписывались они странами с переходной экономикой и развивающимися странами в условиях неравных переговорных возможностей (Appel, 2019; Schneiderman, 2014). В первое десятилетие после обретения независимости позиции энергетических и горнодобывающих корпораций оказались сильнее позиций государств Центральной Азии, что привело к за-

ключению соглашений, весьма благоприятных для иностранных инвесторов (Orazgaliyev, 2018). Хотя правительства существенно укрепили своё относительное положение, транснациональным корпорациям удалось сохранить первоначальное доминирование, отражённое в собственности и контроле над энергетическими и горнодобывающими проектами, а также в деле сопротивления государственному вмешательству.

Хотя инвестиционные соглашения были подписаны в надежде привлечь и защитить иностранные инвестиции, риски и затраты, связанные с их подписанием, оказались недооценёнными. Государства Центральной Азии отказались от своего суверенного права на регулирование в интересах общества и окружающей среды (Crude Accountability, 2013; Transnational Institute, 2017). Иностранные инвесторы имели способность в угоду себе интерпретировать нечетко сформулированные защитные положения договоров (такие как право на справедливое и равноправное обращение, стабильный инвестиционный климат и соблюдение законных ожиданий инвесторов), чтобы помешать правительствам принять демократически одобренное законодательство, угрожающее текущим или будущим прибылям корпораций.

Целью инвестиционных соглашений является деполитизация споров между инвесторами и государством (Schneiderman, 2001). Споры рассматриваются и разрешаются в международных арбитражных судах, а не при посредничестве межгосударственных дипломатических отношений. Однако этот процесс необъективно обращается в пользу инвесторов. Только иностранные инвесторы имеют право обращаться в суд для принудительного исполнения контрактов и передавать споры в обязательный арбитраж. Более того, они могут передавать споры в юрисдикции с наиболее выгодными условиями защиты инвестиционных договоров. Многие споры между инвесторами и государствами Центральной Азии рассматривались в арбитражных судах неолиберальных институтов и государств-экспортеров капитала, таких как Международный центр по урегулированию инвестиционных споров Всемирного банка и Арбитражный институт Торговой палаты Стокгольма.

У арбитражных судов имеется заинтересованность в принятии решений в пользу инвесторов, ведь судьи в данном случае — коммерческие юристы по инвестициям, получающие коммерческие гонорары в каждом конкретном случае. Инвесторы не всегда способны выиграть, поскольку в противном случае государства могут выйти из данной процедуры, что приведёт к краху системы (Schneiderman, 2015). Однако в большинстве случаев они всё же выигрывают, иногда со значительными суммами. Дорогие судебные иски приводят к сокращению средств на государственные программы. Для малых экономик последствия этого могут быть весьма разрушительными. В 2014 году против Кыргызстана было открыто восемь незавершенных инвестиционных споров на сумму 925 миллионов долларов США, что вдвое превышало годовой бюджет образования или почти в пять раз годовой бюджет системы здравоохранения (Transnational Institute, 2017).

ИНВЕСТИЦИОННЫЕ СПОРЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Богатейшие запасы природных ресурсов Центральной Азии открывают перед правительствами и транснациональными корпорациями возможности для рантьерской активности (Franke et al., 2009). Казахстан, Туркменистан и Узбекистан обладают значительными запасами углеводородов и полезных ископаемых. С 2008 по 2016 год на Казахстан приходилось 70% прямых иностранных инвестиций в Центральную Азию, на Узбекистан и Туркменистан — 16% и 8% соответственно (Samruk Kazyna, 2018). В 2015-2016 годах нефтегазовая промышленность Казахстана получила 17% мировых инвестиций в этот сектор. Исторически сложилось так, что сектор природных ресурсов занимает ведущее место в притоке прямых иностранных инвестиций, за ним следуют финансовые услуги, розничная торговля и связь (Pomfret, 2019).

Социальная напряженность и конфликты могут возникать по поводу присвоения и распределения прибавочной стоимости, создаваемой рентными отношениями (Andreucci et al., 2017). Противодействие захвату ренты или стоимости иностранными инвесторами способно легитимизировать попытки государства изменить

специфику рентных отношений. Однако иностранные инвесторы имеют возможность сослаться на защитные положения инвестиционных договоров, предотвращая прямую или косвенную экспроприацию. В таблице 6.1 показано количество зарегистрированных международных инвестиционных споров по секторам экономики в Центральной Азии. На сегодняшний день в регионе имеет место 57 споров, что составляет около 5,5% от общего числа таковых в мире. Это число представляется заниженным, поскольку не учитывает споры, о которых не известно общественности.

Таблица 6.1 Количество известных инвестиционных споров по секторам экономики в Центральной Азии

	<i>Казахстан</i>	<i>Кыргызстан</i>	<i>Узбекистан</i>	<i>Туркменистан</i>	<i>Таджикистан</i>	<i>Общее</i>
Нефть и газ	8	1	1		1	11
Полезные ископаемые	3	4	2			9
Финансы и банковское дело	2	4				6
Недвижимость и гостиницы	1	4				6
Строительство	1		1	8		10
Телекоммуникации	1	1		2		4
Розничная торговля (торговые центры)			1			1
Сельское хозяйство			3	2	1	6
Производство	1					1

	<i>Казахстан</i>	<i>Кыргызстан</i>	<i>Узбекистан</i>	<i>Туркменистан</i>	<i>Таджикистан</i>	<i>Общее</i>
Электроэнергия	1	1		1		3
Транспорт	1					1
Общее	19	15	8	13	2	57

Источник: адаптировано из UNCTAD (2020b), доступно по ссылке: <https://investmentpolicy.unctad.org/investment-dispute-settlement>

Больше всего споров пришлось на Казахстан и Кыргызстан — 19 и 15, соответственно. Многие из них возникали в секторе природных ресурсов: девять — в нефтегазовой отрасли, семь — в горнодобывающей. В Узбекистане и Таджикистане в данном секторе были зафиксированы 3 и 1 спор, соответственно. Социальная борьба и разногласия по поводу отношений собственности и ренты неудивительны, учитывая прибыльный потенциал ренты от природных ресурсов. По мере роста цен на сырьевые товары в конце 1990-х годов правительства начали получать больше влияния, добиваясь улучшения условий СРП, которые они подписали несколькими годами ранее (Orazgaliyev, 2018).

Кроме того, конфликты возникали из-за других значимых форм ренты, включая финансовую, земельную и ренту на радиочастотный спектр. В финансовом секторе, сфере недвижимости и телекоммуникационном секторе региона было открыто шесть, пять и четыре инвестиционных спора соответственно, большинство из них — в Кыргызстане. После политического восстания в стране в 2010 году новое правительство приняло меры против банков, имевших тесные связи с предыдущим режимом.

Другие споры касались присвоения и распределения естественно-монопольной и контрактной ренты в секторах розничной торговли, транспорта, строительства и электроэнергетики. В Туркменистане существовало восемь инвестиционных споров, связанных со строительными проектами. Претензии инвесторов возникли в связи с расторжением правительством договоров на строительство, невыплатой гонораров и премий, незаконной экспроприацией проектов истцов и притеснением их работников.

Принимающие государства играют ключевую содействующую и регулирующую роль в установлении, изменении и обеспечении соблюдения арендных и имущественных отношений с иностранными инвесторами (Parenti, 2015). Когда правительства в одностороннем порядке изменяют или расторгают производственные соглашения и контракты, транснациональные корпорации часто добиваются компенсации в международных судах. В таблице 6.2 представлены виды исков, предъявляемых иностранными инвесторами к государствам Центральной Азии.

Тридцать один инвестиционный спор был связан с регулятивными изъятиями, которые включали прямое изъятие или национализацию конкретных компаний и постепенную или «ползучую» экспроприацию путём принудительного отчуждения акций, чрезмерного и произвольного налогообложения и вмешательства в процесс управления (UNCTAD, 2020b). В Кыргызстане тяжбы по поводу национализации и «ползучей» экспроприации происходили в секторах экономики, связанных с извлечением ренты: четыре в банковской сфере, три в горнодобывающей, четыре в сфере недвижимости и один в телекоммуникационной. В Казахстане иски о фактах изъятия со стороны регулирующих органов также касались рентоизвлекающих секторов: четыре в нефтегазовой отрасли, один в горнодобывающей, два в банковской, один в транспортной (аэропорт) и один в электроэнергетике.

Таблица 6.2 Виды исков инвесторов в инвестиционных спорах в Центральной Азии

	<i>Казахстан</i>	<i>Кыргызстан</i>	<i>Узбекистан</i>	<i>Туркменистан</i>	<i>Таджикистан</i>	<i>Общее</i>
Прямые изъятия и поэтапная экспроприация	9	12	5	5		31

Неправо- мерные рас- торжения контрактов и удержа- ние разре- шений	9	2	1	4	1	17
Вмеша- тельство с взысканием оплаты	1	1	2	3	1	8
Недостаток равного и справед- ливого отношения				1		1
Общее	19	15	8	13	2	57

Источник: адаптировано из UNCTAD (2020b), доступно по ссылке: <https://investmentpolicy.unctad.org/investment-dispute-settlement>

Было семнадцать споров, связанных с неправомерным расторжением соглашений, аннулированием лицензий и отказом в выдаче разрешений. Из них девять были связаны с рентными секторами экономики Казахстана: из них четыре в нефтегазовой отрасли, два в горнодобывающей, один в телекоммуникационной, один в сфере недвижимости и один в фармацевтической. Было зарегистрировано восемь инвестиционных споров, связанных с вмешательством в процесс возврата платежей в различных секторах экономики в Центральной Азии.

В условиях неолиберализма судебная система становится важной площадкой борьбы за владение и контроль над существующими активами и возможность извлечения экономической ренты (Sanghera & Satybaldieva, 2020). Благодаря ей, происходит легитимация юридического процесса как беспристрастного и рационального применения правовых доктрин, признанных универсальными и логичными (Bourdieu, 1987). Конфликты тем самым нейтрализуются и

деполитизируются. В таблице 6.3 представлены решения международных судов по инвестиционным спорам в Центральной Азии.

Риторика нейтральности и универсальности судебной системы скрывает её идеологический неолиберальный уклон в сторону транснационального капитала (Bourdieu, 1987). Международные суды удовлетворили требования инвесторов в шестнадцати спорах. Из них тринадцать были вынесены в ключевых для рантье секторах: семь в секторе природных ресурсов, один в финансово-банковской сфере, четыре в сфере недвижимости и один в сфере телекоммуникаций. Вынося эти решения, арбитражные суды посылали транснациональным корпорациям и принимающим государствам четкий сигнал о неприкосновенности частной собственности. Они не просто гарантировали права инвесторов, они узаконивали рантьерство.

Таблица 6.3 Решения международных трибуналов по инвестиционным спорам в Центральной Азии

	<i>Казахстан</i>	<i>Кыргызстан</i>	<i>Узбекистан</i>	<i>Туркменистан</i>	<i>Таджикистан</i>	<i>Общее</i>
Решено в пользу инвестора	6	6	2	2		16
Решено в пользу государства	5		3	3		11
Улажено	1	3		2		6
Решено в пользу ни одной из сторон или прекращено	1	2		1	1	
На рассмотрении	6	4	3	5	1	19
Общее	19	15	13		2	57

Источник: адаптировано из UNCTAD (2020b), доступно по ссылке: <https://investmentpolicy.unctad.org/investment-dispute-settlement>

Несмотря на то, что рассмотрение дел в таких судах, как правило, складывалось в пользу инвесторов, последние не всегда выигрывали (Schneiderman, 2015). Принимающие государства одержали верх в одиннадцати случаях, из них пять — в крупных рантьерских секторах. Три из пяти исков были отклонены по причине несоответствия истцов квалификационным критериям, установленным международными инвестиционными договорами, а не по причине одобрения ими вмешательства государства. В деле *Caratube* против Казахстана (2008) истец не соответствовал критериям инвестора (Shmatenko, 2013). В деле *KT Asia* против Казахстана (2009), пакет акций истца не был квалифицирован как инвестиция (Lexology, 2014). В деле *Metal-Tech* против Узбекистана (2010) пакет акций истца не был квалифицирован как инвестиция из-за коррупционной составляющей (CIS Arbitration Forum, 2013).

В решениях, вынесенных в пользу инвесторов, суды обязывали правительства выплатить компенсацию инвесторам. На сегодняшний день общая сумма, присуждённая им в Центральной Азии, составила 879,8 млн долларов США, из которых 673,3 млн долларов США было присуждено выплатить со стороны Казахстана, а 167,7 млн долларов США — со стороны Кыргызстана. Эти решения означали сокращение государственных бюджетов на образование, здравоохранение и другие социальные сферы. В случае таких малых экономик, как Кыргызстан, они оказали серьёзное влияние на общественное развитие и благосостояние.

ПРАВА И ВОЗМОЖНОСТИ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТОРОВ В НЕФТЯНОМ СЕКТОРЕ КАЗАХСТАНА

Неравноправные нефтяные контракты

После распада Советского Союза Казахстан прошёл через полосу политических потрясений и экономического упадка. Страна отчаянно нуждалась в иностранном капитале и технических знаниях для разработки богатых природных ресурсов. В столь сложных и нестабильных условиях правительство заключило ряд СРП с влиятельными транснациональными корпорациями (Palazuelos &

Fernandez, 2012). Тем самым оно поставило себя в зависимость от инвесторов и ограничило свои будущие интервенции (Gill, 2008).

Обширные запасы углеводородов Казахстана привлекли крупные нефтяные компании, включая американские Chevron и ExxonMobil и европейские BG Group, Royal Dutch Shell, Total и Eni. В 1979 году было открыто Тенгизское наземное месторождение, которое, по некоторым оценкам, содержит девять миллиардов баррелей извлекаемой легкой нефти. Оно стало крупнейшим после открытия месторождения Прадхо-Бей на Аляске в 1968 году (Yessenova, 2015). В 2000 году было открыто морское месторождение Капаган, извлекаемые запасы которого оценивались в тринадцать миллиардов баррелей. Это было второе по величине нефтяное месторождение в мире после месторождения Гавар в Саудовской Аравии (Friends of the Earth Europe, 2007).

В 1991 году Казахстан первоначально предложил компании Chevron контракт на техническое обслуживание Тенгизского месторождения. Контракт исключал участие компании Chevron в проекте, позволяя государству претендовать на всю сверхприбыль и сохранять за собой полный контроль (Yessenova, 2015). Компания Chevron отклонила это предложение и предложила заключить СПП. Находясь в слабой переговорной позиции, правительство подписало нефтяной контракт с Chevron. Согласно ему 80% добываемого отводилось государству, оставшиеся 20% — компании Chevron. Казалось, что государство заключило привлекательную сделку, которая могла способствовать развитию нефтяного сектора страны и приносить пользу населению. Но условия договора оказались выгодны Chevron. Приобретение месторождений Тенгиз и Королевское увеличило запасы нефти данной американской компании на 50% всего за один день.

Компания Chevron заплатила 800 миллионов долларов США за 45%-ную долю в Тенгизском месторождении. 400 миллионов долларов США предназначались для покрытия производственных затрат, вторая же половина предназначалась для выплаты государству, как только «Тенгизшевройл» станет прибыльным предприятием (Yessenova, 2015). Порог рентабельности «Тенгизшевройла» увязы-

вался с валовым производством в двадцать три миллиона тонн в год. Доля государства в добыче в размере 80% установилась только после того, как «Тенгизшевройл» стал прибыльным, что произошло в 2008 году, через пятнадцать лет после подписания контракта. До того момента Chevron оставлял долю государства себе.

Государству полагался бонус по подписанию контракта в размере 450 миллионов долларов США (Yessenova, 2015). Однако 420 миллионов долларов США из этой суммы полагалось выплатить лишь после строительства государством специального трубопровода для транспортировки тенгизской нефти в российский порт на Чёрном море. Это означало, что при подписании контракта в 1992 году Chevron заплатил государству 30 миллионов долларов США за активы стоимостью 1,66 миллиарда долларов США, при этом даты получения доли государства в добыче и бонуса не были чётко обозначены. После подписания контракта государству было законодательно запрещено расторгать или изменять контракт по Тенгизу.

Кроме того, государство взяло на себя издержки по сопровождению контракта. Государство выплатило все долги советской компании, которая отвечала за разработку Тенгизского нефтяного месторождения, в размере 40 миллионов долларов США (Yessenova 2015). Государство обязалось увеличить производственные мощности Тенгиза на сумму более 200 миллионов долларов США к моменту вступления «Тенгизшевройл» ими во владение в 1993 году. Для выполнения этих обязательств государство перераспределило средства из депрессивных секторов экономики и заняло деньги у Международного валютного фонда. В период широко распространенных экономических и социальных неурядиц цена использования ограниченных ресурсов для развития углеводородного сектора оказалась довольно высока.

В 1997 году Казахстан и международный консорциум, в который входили Royal Dutch Shell, ExxonMobil, Total и Eni, подписали СРП по Кашагану. Контракт не содержал традиционных норм, предусматривающих выплату государству роялти (обычно около 15%) или установление лимита в 40-60% на то, сколько добытой нефти способно покрыть затраты инвестора, обеспечивая тем самым государ-

ству определенный доход (Friends of the Earth Europe, 2007). СРП по Кашагану не предусматривало никаких роялти и устанавливало предел возмещения затрат на уровне 80%.

Более того, государство практически не получало бы никаких доходов до тех пор, пока консорциум не достиг здоровой нормы прибыли и валового объёма производства. Согласно условиям контракта, 90% прибыли отчислялось консорциуму до тех пор, пока его внутренняя норма прибыли не достигала 17,5%, поступления превышали расходы в соотношении 1.4:1 или добыча превышала три миллиарда баррелей, что составляло около 23% от извлекаемых запасов (Friends of the Earth Europe, 2007). Пока проект находился в стадии разработки, государство получало лишь 2% доходов от проекта, а консорциум забирал 98%.

СРП предоставляет консорциуму право пересматривать положения договора в чрезвычайных обстоятельствах, вызывающих у него экономические трудности. Государство не имеет соответствующего права пересматривать условия контракта, дабы обеспечить себе адекватные доходы (Friends of the Earth Europe, 2007). Контракт служит эффективному обеспечению прибыли консорциума от введения экономических, правовых и политических изменений за счёт местных сообществ, трудящихся и населения в целом (Appel, 2019). Консорциум обладает правовой стабильностью и экономической гибкостью, поскольку никакие новые законы или нормативные акты не имеют возможности сделать проект менее прибыльным, а условия контракта обеспечивают получение консорциумом большей части доходов.

Международные финансовые институты продвигали и финансировали проект Кашаган. С 2003 по 2006 год Европейский банк реконструкции и развития предоставлял кредиты на строительство искусственных островов и морской опорной базы для нефтедобычи. Помимо практически прямого финансирования, банк финансировал инфраструктурные проекты по улучшению доступа к дорогам и модернизации регионального аэропорта, выгодные в первую очередь нефтяной промышленности (Friends of the Earth Europe, 2007). В 2005 году Японский банк для международного сотрудниче-

ства и крупнейшие японские частные банки совместно финансировали частную компанию, имеющую долю в консорциуме. Потребности Японии в энергии и безопасность мотивировали её участие.

Борьба относительно контрактов

Во втором десятилетии после обретения независимости Казахстан испытал значительный экономический рост, связанный с увеличением экспорта нефти, что совпало с высокими ценами на нефть. Доходы от экспорта нефти составляли большую часть бюджета страны, что делало государство зависимым от транснациональных энергетических корпораций в плане экономической и политической стабильности (Orazgaliyev, 2018). В 2001 году правительство признало необходимость восстановления баланса интересов между государством и транснациональными компаниями. Государство начало стремиться изменить соотношение сил и утвердить свой суверенитет над природными ресурсами.

Правительство пересмотрело законодательство, чтобы усилить свой контроль над нефтедобывающим сектором. Закон предусматривал, что «Казмунайгаз», национальная нефтяная компания, будет иметь не менее 50% доли во всех новых проектах по разработке нефтяных месторождений (Orazgaliyev, 2018). Государство также получало возможность реализовать приоритетное право на любые нефтяные активы, выставленные на продажу в стране. В 2004-2005 годах в Налоговый кодекс были внесены поправки, специально направленные против энергетических корпораций. Выплаты роялти увеличились с 0,5% до 2-6%, налог на доходы от продажи нефти вырос с 65% до 85%, налог на сверхприбыль подскочил с 0-30% до 15-60%, был введен плавающий рентный налог на экспорт нефти.

Однако новый Налоговый кодекс распространялся исключительно на новые контракты, заключенные с января 2004 года. Для существующих контрактов, к примеру, подписанных с «Тенгизшевройл» и Кашаганским нефтяным консорциумом, налоговый режим оставался неизменным. Государство не просто признало положения о налоговой стабильности в существующих СРП, оно было лишено (согласно инвестиционным договорам) возможности отменить или аннулировать обязательства перед иностранными инвесторами

(Schneiderman, 2008). Юридические и судебные механизмы часто фиксировали неравные права собственности и соглашения о производстве и аренде, тем самым конституируя неравенство и рантьерство в интересах транснационального капитала.

Законодательные изменения в Казахстане вызвали всеобщее возмущение западных инвесторов, которые расценили данное усиление государственного контроля как посягательство на их экономические права и свободы (Ostrowski, 2010). Новые правила воспринимались как противоречащие Конституции, Гражданскому кодексу и другим законам Казахстана. Некоторые иностранные компании прибегли к поддержке правительств своих стран, чтобы оказать давление на Казахстан с целью отмены новых мер. В 2002 году послы США, Канады и нескольких стран ЕС направили совместное письмо в правительство с протестом против этих мер и просьбой отменить их.

Некоторые из появившихся тогда рисков для иностранных инвесторов потребовали дипломатического вмешательства на самом высоком уровне. В 2007 году государство предупредило итальянскую энергетическую компанию Eni о последствиях задержек на нефтяном месторождении Кашаган. Вскоре после этого премьер-министр Италии Романо Проди посетил Нур-Султан, чтобы восстановить доверие (Orazgaliyev, 2018). В 2010 году между государством и компанией «Тенгизшевройл» разгорелся спор из-за незаконной добычи нефти с неверной глубины, оцениваемой в 1,4 млрд долларов США. Специальный посланник США по евразийской энергетике немедленно прибыл в командировку, чтобы погасить данный конфликт с премьер-министром Казахстана (Crude Accountability, 2013).

СРП позволяют правительству вмешиваться и расторгать контракты в обстоятельствах, когда нефтедобыча угрожает здоровью и безопасности людей. В некоторой степени Казахстан использовал экологические проблемы для укрепления своей доли в нефтяном секторе, повышения роли Казмунайгаза как акционера, получения большего дохода от добычи и экспорта нефти (Palazuelos & Fernandez, 2012). В 2007 году компания Eni объявила

о четырёхлетнем перерыве в добыче, а также о росте затрат на месторождении Кашаган. Правительство было возмущено столь длительной задержкой поступлений от проекта. Деятельность консорциума была приостановлена на три месяца под предлогом экологических нарушений. После длительных переговоров консорциум согласился предоставить «Казмунайгазу» бóльшую долю в проекте, увеличив её с 8,33% до 16,81%.

Хотя Казахстан увеличил свои доходы и контроль в нефтяном секторе, иностранные инвесторы находятся там в более благоприятном положении по сравнению со своими коллегами в других странах мира. По оценкам, правительство Казахстана, «Казмунайгаз» и местные общины получают 60% долгосрочной совокупной прибыли от крупных нефтяных месторождений, а транснациональные корпорации — 40% (Palazuelos & Fernandez, 2012). В странах Ближнего Востока и Европы национальная доля гораздо выше, в Норвегии же соотношение составляет 80-20% в пользу государства. Чистая прибыль компании Chevron от её доли в «Тенгизшевройл» с 1998 по 2012 год превысила 27 миллиардов долларов США (Crude Accountability, 2013).

Используя положения о стабильности в существующих СРП, крупные транснациональные корпорации успешно противостояли попыткам государства ввести более высокие налоги. Технологические особенности разработки нефтяных месторождений подразумевают, что заменить международные нефтяные компании не представляется возможным. Однако геополитическая конкуренция за казахстанский нефтяной сектор усилилась. Первоначально западные транснациональные корпорации в основном получили доступ и контроль над месторождениями углеводородов, но позже китайские и российские компании попытались увеличить свою долю. Это геополитическое соперничество позволило Казахстану иметь альтернативы западным компаниям и заключать более выгодные контракты, чем в 1990-е годы (Palazuelos & Fernandez, 2012).

Вред окружающей среде

Неолиберализм порождает экологический вред: всевозрастающее изъятие природных ресурсов, криминогенную обстановку в

добывающих отраслях, ущерб местным экосистемам и благосостоянию местного населения, а также увеличение выбросов углекислого газа от ископаемого топлива, что ведёт к глобальному потеплению (Sayer, 2015). Условия СРП предоставляют транснациональным корпорациям и правительствам сильные стимулы для ускорения разработки нефтяных месторождений (International Institute for Environment and Development, 2012). Стремясь к увеличению налоговых поступлений, правительства подталкивают корпорации к быстрому достижению больших доходов и пороговых значений рентабельности. При этом разрушение экологии и здоровья часто становится рутинизированными и конвенционализированными (Tombs & Whyte, 2009).

По данным правительства, «Тенгизшевройл» является одним из ведущих экологических нарушителей в нефтегазовом секторе. Поскольку «Тенгизшевройл» стремится к увеличению добычи и доходов, лимиты на выбросы регулярно превышаются. С 2008 по 2013 год в компании было зафиксировано 720 случаев превышения установленных лимитов выбросов (Crude Accountability, 2013). С 1993 по 2011 год она выбросила в атмосферу более миллиона тонн вредных веществ, нанеся непоправимый ущерб окружающей среде и здоровью людей в регионе. Имеющее место открытое хранение большого количества серы также способно привести к кислотным дождям над Европой. «Тенгизшевройл» регулярно получает штрафы за загрязнение окружающей среды.

Нефть, добываемая на Кашагане, отличается повышенным содержанием серы и других токсичных веществ, таких как тиолы. Разработку нефти на Кашагане многими связывалась с имевшим место резким сокращением биоразнообразия Северного Каспия. После того, как в 1999 году началась первая разведка на шельфе, морские животные, включая тюленей, стали гибнуть в значительных количествах. Многие перелетные птицы гибли, испытывая трудности с дыханием из-за высокой концентрации сероводорода в воздухе (Friends of the Earth Europe, 2007).

Местные рыболовецкие общины сообщали о сокращении запаса рыбы, особенно осетровых, а также о кожных заболеваниях у

рыбы. Это оказало серьёзное влияние на местную экономику, где в рыбной промышленности занято множество людей. Кроме того, медицинские специалисты отмечали, что ухудшение здоровья местного населения в целом связано именно с нефтяной промышленностью и её выбросами сильнодействующих ядовитых химических веществ. Люди часто жаловались на сердечно-сосудистые и респираторные заболевания, кожные болезни, анемию, лейкомию, высокий уровень преждевременных родов и мертворожденных детей. Тысячи жителей окрестных деревень были вынуждены переселиться из-за химических выбросов.

Однако дерегулирование и захват регулирующих органов позволили частным корпорациям избежать контроля и ответственности за причинение вреда окружающей среде (Tombs, 2012). Не имея соответствующих государственных станций мониторинга, государственные органы полагались на «Тенгизшевройл» и международный нефтяной консорциум, работающий на Кашагане, в предоставлении им информации о воздействии на окружающую среду и местное население. Собственные измерения корпорации и результаты стороннего экологического мониторинга часто были неточны и ненадежны.

Подрядчики «Тенгизшевройла» признавали, что результатами их исследований часто манипулировали, чтобы не показать превышения максимально допустимых норм (Crude Accountability, 2013). К 2007 году станции мониторинга международного консорциума работали лишь на половину своей мощности, регистрируя лишь два из девяти основных загрязняющих веществ, выбрасываемых в атмосферу (Friends of the Earth Europe, 2007). Они также отказались допустить независимый мониторинг в этом районе. С помощью мошенничества, обмана и преднамеренного пренебрежения нефтяные корпорации успешно вели переговоры о повышении лимитов выбросов и снижении штрафов.

Транснациональные корпорации обладают значительным политическим капиталом для минимизации и уклонения от ответственности за создание вредных загрязняющих веществ (Rothe &

Kauzlarich, 2016). В 2007 году компания «Тенгизшевройл» нарушила экологическое законодательство касательно хранения серы и была оштрафована на 303 миллиона долларов США (Crude Accountability, 2013). Компания использовала свои связи с президентом Казахстана Назарбаевым, чтобы аннулировать данный штраф. В 2009 году парламент Казахстана определил, что сера оказывает незначительное влияние на окружающую среду. Решение проблемы, связанной с серой было поручено квазиученому совету, сотрудники которого получали зарплату от «Тенгизшевройла».

Когда правительство объявило трехмесячный мораторий на реализацию Капаганского проекта в связи с экологическими нарушениями, международный консорциум получил политическую поддержку от премьер-министра Италии. Более того, Европейская комиссия публично поддержала европейских членов консорциума, несмотря на их несоблюдение базовых экологических норм (Friends of the Earth Europe, 2007). Тем не менее, консорциум не имел достаточного влияния на политический режим Казахстана, что привело к частичной продаже акций в пользу национальной нефтяной компании для разрешения спора.

Симбиоз государства и корпорации, саморегулирование и криминогенные характеристики способствовали хищническому и разрушительному извлечению ренты. С 2002 по 2010 год компания «Тенгизшевройл» бурит нефтяные скважины на неразрешённой глубине. Это значительно снизило себестоимость добычи, но привело к сильному падению внутрипластового давления, в результате чего половина тенгизской нефти оказалась неизвлекаемой. Компания использовала своё дипломатическое и политическое влияние на правительство, чтобы внести изменения в СРП и включить в разработку новые глубины, сделав ранее незаконную добычу допустимой. Несмотря на высокую рентабельность, чрезмерная добыча сделала Тенгиз предрасположенным к землетрясениям. Сейсмическая станция, которая регистрировала изменения, была демонтирована после прихода «Тенгизшевройла», что ограничило сбор данных о воздействии компании на окружающую среду (Crude Accountability, 2013).

ДОМИНИРОВАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТОРОВ В ЗОЛОТОДОБЫВАЮЩЕМ СЕКТОРЕ КЫРГЫЗСТАНА

Присвоение ренты

Советские геологи хорошо знали, что Киргизия богата минеральными ресурсами, в том числе золотом, но полагали, что их добыча слишком дорогостоящая и экологически вредная. После обретения независимости Кыргызстан стремился привлечь иностранные инвестиции для разведки и разработки своих месторождений полезных ископаемых. С помощью международных финансовых институтов Кыргызстан и другие страны с переходной экономикой установили либеральный режим прав собственности и утвердили повестку верховенства права, демонстрируя политику привлечения иностранных инвестиций (Appel & Orenstein, 2018). Иностранные инвесторы оказались в выигрышном положении по сравнению со слабыми постсоветскими странами (Orazgaliyev, 2018).

В 1994 году канадская урановая корпорация Cameco подписала с Кыргызстаном СРП на эксплуатацию крупнейшего в стране золотого рудника Кумтор. В соответствии с СРП было создано совместное предприятие «Кумтор Голд Компани», где государству и корпорации принадлежало две трети и одна треть соответственно. Типичным для СРП образом, компания Cameco начисляла себе доходы до тех пор, пока её первоначальные затраты не были возмещены, затем доходы с государством делились более равномерно.

Компания Cameco присваивала доход двумя способами. Во-первых, после капитализации золотого рудника Кумтор на фондовой бирже Торонто, Cameco получила непроизводственный доход от продажи своей доли. В 2004 году Cameco создала новую компанию, Centerra, в которой Cameco и государство владели двумя третями и одной третью соответственно. Через пять лет Cameco продала свою долю, когда стоимость акций Centerra возросла вдвое. Компания получила от продажи около 821 миллиона долларов США (Proactive Investors, 2009).

Во-вторых, компания Самесо добывала золото в больших количествах. С момента начала добычи на руднике в 1997 году, к 2019 году было добыто более 12,6 млн унций золота. Компании Самесо и Centerra выиграли от бума мировых цен на золото, которые выросли с 260 долларов США за унцию в июле 2001 года до 2000 долларов США в августе 2020 года. С 1997 по 2009 год чистая прибыль компании Самесо составила 727 миллионов долларов США (Pomfret, 2011). С 2015 по 2019 год Centerra получила существенный денежный приток в размере 1,11 миллиарда долларов США от Кумтора в результате роста цен на золото, увеличения объемов добычи и снижения затрат.

В заключённом между ними СРП приоритетным являлось возмещение первоначальных затрат компании Самесо. На ранних стадиях проекта правительство не получало больших доходов, что вызывало общественное недовольство в отношении инвесторов и подозрения в государственной коррупции. Правительство отчаянно пыталось увеличить поступления в государственный бюджет. Вскоре после первичного размещения акций Centerra правительство продало половину своей доли, чтобы изыскать средства на социальные расходы. Позже правительство получило большой доход от проекта. Но оно могло бы получить гораздо больше доходов, если бы договорилось о лучших условиях при первоначальном СРП. В период с 1997 по 2009 год чистый доход от золоторудного месторождения Кумтор составил 543 миллиона долларов США, или около 20% доходов государства за этот период (Pomfret, 2018). Государство рассматривало золотой рудник Кумтор как способ финансирования важных социальных расходов, а не как актив для простого накопления богатства.

Конфликты из-за прибавочной стоимости

Относительно распределения ренты могут возникать социальные конфликты того или иного рода. Несмотря на существенный вклад в валовой внутренний продукт, иностранные инвесторы, как правило, вносят очень незначительный вклад в доходы государства, особенно в начале реализации проекта. Противодействие захвату стоимости иностранными инвесторами может привести к

легитимизации действий государства по изменению условий СРП. Однако иностранные инвесторы могут ссылаться на защитные положения инвестиционных договоров, чтобы предотвратить прямую или косвенную экспроприацию (Schneiderman, 2008). Более того, любая попытка пересмотреть СРП вызывает к себе внимание международных инвестиционных договоров, которые угрожают правительствам дорогостоящими судебными и арбитражными исками. Инвестиционные договоры могут иметь эффект ограничения демократических обсуждений в пользу небольших изменений СРП.

В 2004 году компания Cameco и государство Кыргызстана реструктурировали совместное предприятие, создав компанию Centerra. Доля государства снизилась с 67% до 30% в обмен на увеличение платежей в бюджет (Gullette & Kalybekova, 2014). Затем правительство продало половину своей доли, чтобы собрать деньги на социальные программы. Непрозрачный характер переговоров и платежей разозлил общественность, что способствовало свержению президента Акаева в ходе Тюльпановой революции 2005 года. Чтобы снять социальную напряженность, президент Бакиев оказал давление на Centerra, заставив подписать новое соглашение, согласно которому доля государства увеличилась бы с 15% до более чем 30%. В 2008 году районный суд Бишкека аннулировал лицензию компании на добычу полезных ископаемых, а правительство приостановило обслуживание её банковского счёта (Pomfret, 2011).

Когда Centerra пригрозила государству обращением в международный арбитражный суд, Верховный суд восстановил её лицензию. В конце концов, в 2009 году было заключено новое соглашение, согласно которому доля государства в компании Centerra увеличилась до 33%, а налог начинал взиматься по единой ставке 14%, заменив собой шесть отдельных пошлин. Но финансовое положение Кумтора вновь стало источником разногласий, добавившись к другим скандалам, которые подорвали легитимность правительства. В 2010 году президент Бакиев был отстранён от власти в результате народных протестов.

Новые разногласия вокруг Кумтора вызвали протесты по всей стране. Протестующие, а также оппозиционные парламентарии потребовали усиления контроля над Кумтором или же его национализации, а также более эффективного государственного вмешательства для решения проблем социального неравенства (Gullette & Kalubekova, 2014). Хотя новое правительство при президенте Атамбаеве признало, что существующее с Centerra распределение акций является несправедливым, оно предпочло вмешаться весьма ограниченно.

Правительство утверждало, что экспроприация поставит под угрозу инвестиционный климат в стране и войдет в противоречие с международными договорами, защищающим права иностранных инвесторов. В опросе, проведенном Гуллетт и Калубековой (2014) среди представителей государственных органов, профессиональных организаций и международных аналитических центров, большинство респондентов посчитали национализацию дорогостоящей и рискованной стратегией, связанной с длительными судебными процессами, международным арбитражем, крупными компенсационными выплатами и производственными потерями.

Тем не менее, правительство использовало общественные настроения, чтобы договориться с Centerra об изменении соглашения 2009 года. Правительство не стремилось национализировать рудник, но лишь хотело получить больший контроль над ним. В 2014 году правительство решило обменять 32,7% акций Centerra на 50% акций «Кумтор Голд Компани». Но его попытка заключить новый договор привела к обострению отношений с Centerra. Правительство пригрозило отозвать лицензию компании. Суд оштрафовал Centerra на 98 миллионов долларов США за отходы, связанные с шахтой, затем последовал государственный иск на 230 миллионов долларов США (Pomfret, 2018). Силы безопасности провели рейд по офисам компании с целью конфискации документов. В ответ на ползучую экспроприацию, включая штрафы, пени, притеснения персонала и вмешательство в управление компанией, Centerra предприняла собственные судебные действия, включая международный арбитраж.

В 2019 году Centerra и правительство достигли соглашения, которое положило конец взаимным искам, сняло претензии относительно экологии и остановило судебные разбирательства. Компания Centerra согласилась выплатить 50 миллионов долларов США в фонд экологического развития для борьбы с загрязнением окружающей среды, вызванным работой шахты, и производить ежегодные взносы в размере одного миллиона долларов США в данный фонд (Azattyk, 2019). Она также согласилась выделить 10 миллионов долларов США в фонд поддержки лечения рака и 10 миллионов долларов США в фонд регионального развития с дополнительными ежегодными взносами.

Соглашение 2019 года закрепило и расширило возможности Centerra по извлечению ренты из рудника. Положения СРП о стабильности и инвестиционные договоры позволили Centerra предотвратить прямую и ползучую экспроприацию и прекращение действия лицензии. Налоговая ставка не изменилась по сравнению со сделкой 2009 года, а ожидаемый срок эксплуатации рудника был продлён с 2021 до 2026 года. Но после восстания в октябре 2020 года новое правительство захватило контроль над рудником Кумтор, ссылаясь в качестве обоснования на ущерб окружающей среде и налоговые нарушения. В мае 2021 года Centerra подала иск в международный арбитраж против правительства. Дело находится на рассмотрении.

Ущерб окружающей среде

Неолиберализм продвигает точку зрения, что природные ресурсы являются разновидностью собственности, и владельцы могут извлекать ресурсы без ограничений (Sayer, 2015). Извлечение ренты в данном случае превалирует над интересами местных сообществ и заботой об окружающей среде. Чтобы облегчить ведение бизнеса в стране, неолиберальные реформы могут ослабить возможности регулирующих органов по мониторингу и расследованию экологических нарушений (Tombs & Whyte, 2009). Более того, захват регулирующих органов корпорациями может ограничить попытки регулирования и контроля за принятием рисков и получением прибыли (Shaxson & Christensen, 2013). Попытки ввести новые эколо-

гические нормы могут быть затруднены угрозами иностранных инвесторов обратиться в международный арбитраж, если изменения нарушат положения СРП (Schneiderman, 2008).

Золотой рудник Кумтор разрабатывался в легко разрушаемых условиях вечной мерзлоты и вблизи ледников, которые питают пресной водой крупные реки (Bankwatch Network, 2013). Горячая пустая порода, залегающая на руднике поверх льда, угрожает ледниковой среде, вызывая ускоренное таяние ледников. Отработанные химикаты смываются вниз по течению, влияя на качество питьевой воды и поголовье рыбы в реках.

На Кумторе регулирующие органы не могут проводить внеплановые проверки, а также не имеют достаточных возможностей (таких как персонал и лаборатории) для осуществления надлежащего надзора за мониторингом качества воды, проводимого на объекте. Им также не хватает государственного финансирования на охрану окружающей среды и политической поддержки для осуществления независимого и компетентного надзора (UNDP, 2010).

Часто экологический ущерб представлял собой не «стихийные бедствия», «стечение обстоятельств» или «несчастный случай», а являлся результатом нормативно-правового регулирования, которое главным образом благоприятствовало корпоративным интересам (Tombs, 2012). Несколько аварий на Кумторе стали результатом плохого саморегулирования и отсутствия государственных регулирующих и контролирующих органов. К примеру, в 1998 году грузовик с 1762 килограммами цианида натрия упал в реку. Компания Самесо не сразу проинформировала жителей деревни, расположенной ниже по течению, о потенциальном вреде для здоровья. Через несколько недель после разлива более чем несколькими сотням человек потребовалась медицинская помощь, около ста были госпитализированы (Radio Free Europe/Radio Liberty, 1998).

Действия компании Centerra указывают на отсутствие экологического самоконтроля и отчётности. Компания контролирует поток информации об окружающей среде для общественности и регулирующих органов. Она оплачивает и руководит сбором и распространением технических отчетов по гидрогеологии, качеству воды, водным

ресурсам, геохимическим, металлургическим испытаниям и так далее. Однако значительное количество таких подробных технических отчетов недоступны для регулирующих органов (Bankwatch Network, 2013). Технические отчёты часто составляются только на английском языке и не переводятся ни на кыргызский, ни на русский.

Информация из независимого источника не была доступна для оценки воздействия владельца шахты на окружающую среду. После утечки в 1998 году компания Самесо преуменьшала масштабы отравления цианидом. Она также отказала неправительственным организациям в доступе на территорию рудника для выяснения последствий аварии и оказания помощи местному сообществу. Неспособность компании наладить с местным населением коммуникацию по вопросу защиты окружающей среды, разработать и распространить свой план реагирования на чрезвычайные ситуации, а также установить сотрудничество с независимыми экспертами для мониторинга экологических проблем усилила сопротивление местного населения горнодобывающей промышленности (Bankwatch Network, 2013).

Система мониторинга окружающей среды и биоразнообразия в Кыргызстане не отвечает современным требованиям, существующим в Северной Америке и Европе (UNDP, 2010). Она не обеспечивает минимизацию или смягчение воздействия на окружающую среду. Существующие наказания за экологические нарушения оказались неэффективны для изменения текущей модели поведения. На Кумторе хвосты шахты (т.е. химически загрязненные остатки) привели к расширению естественного озера из-за таяния ледника. Чрезмерная добыча дестабилизировала естественную дамбу озера. Если она прорвется, то химические отходы будут смыты вниз по течению с катастрофическими последствиями (Bankwatch Network, 2013).

Во время летней эксплуатации рудника около пяти миллионов кубических метров сточных вод из хвостов подвергаются обработке и сбрасываются в реки. Компания Centerra не публикует данные о качестве сбрасываемых вод. Однако реки загрязняются, что негативно сказывается на популяции рыб. Хотя местные жители получили ограниченную компенсацию за загрязнение окружающей среды,

государственная коррупция и незаконное присвоение средств усугубили проблемы слабой системы регулирования и мониторинга.

Местное население встревожено быстрым сокращением горных ледников на Кумторе. В прошлом эти ледники имели 700 миллионов кубических метров ледяной массы, но сейчас осталось лишь 200 миллионов кубических метров (Bankwatch Network, 2016). Centerra отрицает свою причастность, возлагая вину за исчезновение ледников на изменение климата. Однако экологические группы подчеркивают, что взрывы на шахтах компании Centerra, складирование пустой породы поверх льда и раскопки ледниковых массивов ускорили темпы таяния.

В 2015 году группы гражданского общества оказали давление на правительство с целью внесения изменений в Водный кодекс страны, которые бы ограничили практику Centerra по перемещению льда. Однако компания утверждала, что запрет приведет к досрочному закрытию рудника, а положения СРП 2009 года освобождают Centerra от новых правил, которые могут повредить её деятельности и прибыльности. Любые ограничения были бы в данном случае оспорены в международном арбитраже.

Правительство рассматривает золотой рудник Кумтор в первую очередь как стратегически важное экономическое предприятие, которое обеспечивает отчисления в налоговые и региональные фонды. Недавние поправки к Водному кодексу благоприятствуют компании Centerra. Компании было разрешено перемещать лед, несмотря на то, что это полностью уничтожит некоторые ледники. Кроме того, она защищена от будущих судебных исков за нанесение ущерба окружающей среде (OpenDemocracy, 2018).

Иностранные инвесторы способны задействовать политический и символический капитал, отрицая и уклоняясь от ответственности за нанесение ущерба окружающей среде (Rothe & Kauzlarich, 2016). Среди крупнейших международных государственных инвесторов Кумтора — принадлежащие ЕС Европейский банк реконструкции и развития и Международная финансовая корпорация, входящая в группу Всемирного банка. Чтобы отвлечь внимание от противоречий, связанных с Кумтором, Европейский банк реконструкции и развития и Международная

финансовая корпорация участвуют в проектах по защите снежных барсов в окрестностях рудника (Bankwatch Network, 2013). Они также ограждали Centerra от обвинений в нанесении ущерба окружающей среде.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей главе рассматривалось, как создавались правовые и судебные механизмы управления (такие как инвестиционные договоры, СРП и международные арбитражи) для обеспечения и защиты прав инвесторов и транснационального капитала (Schneiderman, 2008). Отношения собственности и ренты в секторе природных ресурсов интерпретировались таким образом, чтобы облегчить присвоение непроизводственных доходов и стоимости и упредить посягательства государства на частную собственность. В главе оцениваются последствия рантье́рства для благосостояния людей и окружающей среды. Выгодный инвесторам режим регулирования, как правило, ограничивал местную демократию и приводил к экологическим преступлениям и ущербу (Gill, 2008; Tombs, 2012).

Транснациональные корпорации рассматривали природные ресурсы как разновидность собственности, что привело к чрезмерной и хищнической добыче. Руководствуясь экономическими соображениями, такими как существующий порог рентабельности и размер отчислений в государственный бюджет, иностранные владельцы жадно устремились к непроизводственным доходам. Их действия поставили под угрозу жизнь людей, биоразнообразие и хрупкие местные экосистемы, поскольку процветание человека и устойчивое развитие были для них вторичны относительно извлечения дохода.

Неолиберальные представления касательно справедливости, свободы и демократии помогали поддерживать выгодные контракты американских и европейских инвесторов в Центральной Азии, не позволяя принимающим государствам отказаться от обязательств перед инвесторами (Schneiderman, 2008). Тематические исследования показывают, каким образом инвесторы мобилизовали значительный политический и символический капитал для защиты

неприкосновенности контрактов и верховенства закона. Когда СРП оказывались под угрозой или нарушались, они начинали утверждать, что экономическая свобода и справедливость находятся под угрозой, и считали оправданным обращение Казахстана и Кыргызстана в международный арбитраж.

На конкретных примерах рассматривалось, как неолиберальный конституционализм оправдывает, нормализует и упорядочивает неравные отношения между странами-экспортерами и странами-импортерами капитала, а также иностранными инвесторами и принимающими государствами (Gill, 2008). Транснациональные корпорации использовали положения о стабильности в СРП, запреты инвестиционных договоров на прямую и ползучую экспроприацию и угрозы международного арбитража для противодействия попыткам государства заключить более справедливые соглашения о разделе ренты или ограничить бурение и добычу полезных ископаемых из-за опасений за состояние окружающей среды (Orazgaliyev, 2018).

Но неолиберальный конституционализм не просто установил и поддержал неравное представительство и власть, он легитимизировал и нормализовал ренту от природных ресурсов и непроизводственные доходы. Хотя популярность СРП снизилась, тематические исследования показали, что крупные нефтяные месторождения и шахты по-прежнему разрабатывались в рамках таких соглашений (Orazgaliyev, 2018; Pomfret, 2018). Находясь под защитой международных инвестиционных договоров транснациональные корпорации занимались чрезмерной добычей полезных ископаемых. Их дипломатические, финансовые и политические связи часто защищали их от регулирования присущей им хищнической практики. Большинство споров между инвесторами и государством касались секторов, извлекающих ренту, и многие арбитражные суды выносили решения в пользу инвестора.

Государство можно рассматривать как совокупность социальных сил, действующих внутри государственных институтов и через них, так что различные государственные проекты конкурируют за стратегическое доминирование и избранность (Jessop, 2002). В тематиче-

ских исследованиях рассматривалось, как после обретения независимости Казахстан и Кыргызстан установили верховенство закона в виде правового и судебного режима, ставящего в привилегированное положение транснациональных инвесторов, при этом ограничивая действия парламентариев, регулирующих органов, местных властей и организаций гражданского общества (BankwatchNetwork, 2013; Crude Accountability, 2013). Соблюдая неолиберальный режим инвестиционных норм, правительства нередко прибегали к ограничениям в отношении местных демократических сил.

Государственное управление осуществлялось в тени иерархии (Jessop, 2002). В то время как принимающие государства формировали специфику захвата стоимости, более мощные государства (т.е. страны-экспортеры капитала) структурировали международные правила и институты таким образом, чтобы те соответствовали потребностям их экономического развития (Schneiderman, 2008). Казахстан и Кыргызстан способствовали созданию транснационального режима для поощрения и обеспечения безопасности иностранных инвестиций, вместе с тем им с трудом удавалось усовершенствовать свои фискальные и налоговые режимы или защитить хрупкие местные экосистемы. Они оказались неспособны осуществить перерегулирование крупных транснациональных корпораций. Режим инвестиционных правил чаще всего подрывал их политическую легитимность и авторитет, иногда заставляя предстать непривлекательными для иностранных инвестиций.

ЧАСТЬ III: СОЦИАЛЬНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ РАНТЬЕРИЗМУ

ГЛАВА 7. ПРАВО НА ГОРОД: ДВИЖЕНИЕ ЗА ЗЕМЛЮ И ЖИЛЬЁ

В настоящей главе рассматривается опыт борьбы сельских мигрантов и не имеющих собственности групп населения за землю и жильё в Казахстане и Кыргызстане. Объединившись, они заявили о своём праве на город, сопротивляясь попыткам государственной и бизнес-элиты выселить и маргинализировать их. От имевшего место неолиберального городского развития выиграли главным образом богатые и влиятельные группы, приватизировав и коммодифицировав недвижимость для извлечения ренты, а также построив роскошные торговые и жилые объекты для удовлетворения своих желаний и потребностей (Harvey, 2013). Однако неолиберализм также породил и неформальные поселения, давшие бедным жителям альтернативу неподъёмному домовладению и аренде (Davis, 2004).

По мере того, как земля становилась всё более дефицитной и дорогостоящей, неформальные поселения становились всё более желанными целями городской застройки. Жители неформальных поселений требовали государственной защиты от массовых выселений, апеллируя к моральным нормам и традициям для обоснования своих представлений о земле и жильё, своей потребности в них. Организовавшись в низовые движения они противостояли неолиберальной коммодификации земли и её негативным последствиям, ухудшающим благосостояние людей. Отсутствие собственности, изоляция, разного рода несправедливости и страдания мотивировали и стимулировали движения за землю и жильё (Burawoy, 2015). Постсоветские политические режимы имели сложные отношения с подобными общественными движениями, подчас принимая и терпимо относясь к ним, но гораздо чаще стремясь ослабить их и подавить (Goodwin, 2018).

Данная глава состоит из шести разделов. В первом разделе рассматривается появление и развитие неформальных поселений в Казахстане и Кыргызстане. Раздел «Возвращая себе город» опирается на наше четвертое тематическое исследование, в котором рассматривалось, каким образом неформальные поселенцы, государственные чиновники и НПО интерпретируют вопросы неформальных поселений и борьбы за жильё и землю. Неолиберальная природа городского развития обсуждается в третьем разделе. В разделе «Государственные репрессии против протестов неформальных поселенцев в Казахстане» анализируется развитие движений за жильё и движение неформальных поселенцев в Казахстане, а также ответная реакция на них государства. В пятом разделе рассматривается вопрос взаимодействия движения за жильё и движения неформальных поселенцев с правящими и оппозиционными элитами в Кыргызстане. Наконец, в заключении обобщаются основные выводы и идеи главы.

СЕЛЬСКАЯ МИГРАЦИЯ И НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ

Корни борьбы за землю и жильё в Казахстане и Кыргызстане лежат в многочисленных неолиберальных установках, включающих приватизацию сельскохозяйственного сектора, отсутствие экономического развития в регионах и на селе, присвоение элитой городской недвижимости и финансиализацию жилищной сферы. Приватизация и раздробление сельского хозяйства ускорили миграцию рабочей силы в города, вызванной низкой производительностью сельского хозяйства¹ и сельской безработицей. Вклад сельского хозяйства в валовой внутренний продукт (ВВП) Казахстана снизился с 34% в 1990 году до 4% в 2014 году (Bizhanova, 2018). В Кыргызстане сельскохозяйственный сектор сократился с доли 43,9% в ВВП в 1996 году до 15,9% в 2015 году (Mogilevskii et

¹Высокие затраты вынудили многие домохозяйства отказаться от ведения сельского хозяйства (Mogilevskii et al., 2017; Steimann, 2011). В приватизированной сельскохозяйственной системе фермеры не способны в индивидуальном порядке разрешить проблемы ирригационных систем, колебаний рыночных цен, эрозии почвы, неразвитой переработки продуктов питания, слабых институтов сертификации и маркетинга.

al., 2017). Несмотря на это, доля сельского населения остается значительной в Казахстане² и Кыргызстане, составляя примерно 47% и 64% соответственно.

Меры по развитию и инвестиционная политика оказали негативное влияние на сельскохозяйственный и региональный экономический рост. Инвестиции в сельское хозяйство колебались между 0,5 и 2% ВВП (Bizhanova, 2018). Действующая региональная политика Казахстана предполагает направление большей части государственных средств в «динамично развивающиеся города и регионы», так называемые «полюса роста»³. В 2018 году средства на региональное развитие сократились с 513,3 млрд тенге до 101,7 млрд тенге (Turganbayev & Diener, 2018). Харви (Harvey, 2013) отмечает, что направление средств в так называемые «предпринимательские полюса роста» является вариантом «нисходящей» экономики, пропагандируемой Всемирным банком, где полагают, что такого рода инвестиции принесут пользу обществу в долгосрочной перспективе.

Широко распространённая в сёлах бедность привела к росту внутренней и внешней миграции. Доля сельского населения во внутренней и внешней миграции в Кыргызстане на протяжении последних 20 лет составляла 60% и 40% соответственно (Fryer et al., 2014). В Казахстане в период с 2000 по 2010 год в межрегиональную миграцию было вовлечено в среднем 138 750 человек в год (Aldashev, 2011). Миграция к «полюсам роста» в качестве стратегии выживания отражает аналогичные миграционные тенденции в других развивающихся странах за последние 30 лет.

В крупных городах мигранты сталкивались с широким рядом проблем: недоступность жилья, социальная изоляция, нестабильная занятость и отсутствие доступа к общественным благам из-за неиме-

²Доля сельского населения выше в южных регионах Казахстана, и составляет 77% в Алматинской области, 62% в Туркестанской и 58% в Жамбылской, особенно отличающиеся своей неразвитостью и бедностью.

³Экономические территории Казахстана делятся на города первого уровня (Нур-Султан, Алматы, Шымкент и Актобе); города второго уровня (областные центры, Семей и Туркестан) и города третьего уровня (малые города и моногорода).

ния у них вида на жительство, т.н. прописки⁴ (Sanghera et al., 2012). Нехватка доступного городского жилья вынуждала тысячи сельских мигрантов захватывать землю или покупать дешёвые свободные участки. Дефицит, существовавший в советский период, усугубился после отказа государства от предоставления бесплатного жилья и после внедрения ипотечной жилищной политики, что косвенно привело к росту цен на жильё (Rolnik, 2011).

Представителей высшего и среднего классов постсоветская жилищная политика поставила в привилегированное положение. Финансализация жилья привела к тому, что цены на квартиры и дома в Нур-Султане выросли в три раза, в Алматы — в четыре раза, в период с 2001 по 2015 год (Seitz, 2020). Жильё для многих местных жителей оказалось менее доступным, чем в престижных городах, таких как Сан-Франциско и Ванкувер. В 1991 году казахстанское государство построило 6,1 миллиона квадратных метров государственного жилья, к 1999 году — только 1,1 миллиона квадратных метров (Pchelyanskaia, 2016). Рынок доступной аренды жилья в Казахстане отсутствует.

После 1991 года в Кыргызстане система государственного жилья прекратила своё существование. В 2010 году только 2,7% новых квартир было построено за счёт государственных средств, в отличие от более чем 1 миллиона квадратных метров жилья, возводимого ежегодно в 1970-е годы (Sanghera & Satybaldieva, 2020). Программы доступного жилья в обеих странах, основанные на льготной ипотеке, были рассчитаны главным образом на работников бюджетной сферы, относящихся к среднему классу (Sharipova, 2015).

В результате неолиберального развития классовое неравенство проявило себя в пространственном отношении. Алматы, Нур-Султан, Бишкек и Ош — внутренне разделённые города. На окраинах этих городов находятся неразвитые поселения, недавно легализованные или неформальные, в центрах городов — сверкающие бизнес-офисы, современные торговые центры и элитные жилые

⁴Без городской регистрации мигранты не имеют адекватного доступа к социальным услугам. В 2019 году в Нур-Султане и Алматы ужесточили правила городской регистрации, ограничив регистрацию по месту жительства 15 квадратными метрами на человека.

комплексы. Продолжающаяся классовая борьба между сельскими мигрантами и классовым союзом в виде банков, строительных компаний и государственной элиты сконцентрировалось на самом городе. Каждый город имеет свою особенную историю непрекращающегося и по сей день сопротивления, которое является частью общего классового противостояния.

За последние 10-13 лет в Алматы насчитывалось 29 неформальных поселений⁵ с населением 700 000 человек, то есть примерно треть от двухмиллионного населения (Yessenova, 2010). Вероятно, в Алматы находятся самые крупные неформальные поселения в Центральной Азии. Жители неформальных поселений вели судебную борьбу с местными властями, которые прибегли к жёстким мерам по ликвидации данных объектов. Постоянные столкновения с городской администрацией превратили неформальные поселения в места непрерывной низовой борьбы за собственную легитимность.

Зауреш Батгалова, ведущая активистка движения за право на жильё, считает, что неформальные поселенцы в Нур-Султане составляют около 15% от миллионного населения города. Поселения Ондирис, Кирпичный и Треугольник, возникшие в начале 2000-х годов, столкнулись с угрозой выселения. Коянды, возникший в конце 1990-х — начале 2000-х годов в результате репатриации этнических казахов (оралманов), был единственным легализованным поселением в городе (Sanghera et al., 2012). В 2008 году государство санкционировало его легализацию, поскольку ситуация с оралманами стала тогда политическим позором для правительства. Будучи этническими казахами, они получали приглашения вернуться на историческую родину, но прибыв туда, обнаруживали, что им отказывают в полных юридических правах. Городская администрация Нур-Султана неоднократно пыталась свести на нет существование неформальных поселений, расположенных на окраинах города. Было проведено их сегрегирование путём возведения двухметровых стен с изображениями предстоящих строительных проектов в данных районах (Koch, 2014; Osmonova, 2016).

⁵Шанырак разделён на девять подрайонов. Есть и другие крупные населенные пункты, такие как Айгерим, Бакай, Ульжан, Курилишпы, Трудовик, Акбулак, Думан, Ужет и Карасуу.

В Бишкеке, согласно докладу Омбудсмена (2017), насчитывалось 47 самовольно созданных поселений с населением 223 258 человек, что составляло около 28% населения города. Из них двадцать поселений были созданы до 2000 года, девять — с 2000 по 2005 год и восемнадцать — с 2005 по 2010 год. В отличие от ситуации в Казахстане, большинство бишкекских поселков были легализованы. По данным городской администрации, в 2017 году около 6382 домов по-прежнему числились как самовольные постройки. Из них 3598 домов будут узаконены в ближайшее время, однако остальные дома не подлежат легализации, поскольку возведены они были в опасных зонах (т.е. на территориях под высоковольтными линиями, под газопроводами или вблизи кладбищ и свалок). Однако в большей мере борьба жителей касалась требований улучшения базовой инфраструктуры и условий жизни, а не легализации.

Из-за нехватки земли в городе Ош и его окрестностях сельские мигранты не могли её занять, вместо этого захватывая летние лагеря, заброшенные или недостроенные здания. По оценкам городской администрации, в 2013 году в городе насчитывалось более 100 000 сельских мигрантов, из которых только 42 000 имели необходимые документы для постановки в официальную очередь на получение жилья. Помимо нехватки земли и жилья, существовала проблема выселения некоторых жителей из рабочих общежитий советских времён. Новые владельцы приватизировали здания и поднимали плату за жильё. Выселенные жильцы, сельские мигранты и неимущие объединились, выступив с требованием земли, жилья и социальной защиты.

ВОЗВРАЩАЯ СЕБЕ ГОРОД

В своей фундаментальной работе о неформальных поселениях Гонконга Сمارт (Smart, 2001) утверждает, что весьма важно понять, как те оправдываются и легитимизируются. Существует очевидное противоречие между тем, как неформальные поселенцы и законы о собственности концептуально воспринимают землю. Сангера и Сатыбалдиева (2012) указывают, что неформальные поселенцы выступают против дискурса «захвата земли», который криминализиру-

ет и демонизирует их. Данный дискурс представляет собой форму «классового отчуждения», уменьшающую сочувствие и сострадание к ним. В нашем исследовании показано, что захват земли, как правило, не являлся спонтанным, иррациональным или интуитивным действием, вернее было бы сказать, что неформальные поселенцы были мотивированы моральными требованиями насущной необходимости, соблюдения своих базовых прав и справедливого отношения.

Сельские мигранты приводили веские доводы в пользу прав на свои места обитания (Mitchell, 2003). Они апеллировали к конституционным правам и правам человека, традиционной практике землепользования, моральным требованиям справедливости, упоминали продуктивность земли и право на жизнеобеспечение. Кроме того, поскольку земля является фиктивным товаром, существует потребность в институциональных и нормативных формах защиты для ограничения погони за экономической выгодой и обеспечения процветания для всех (Polanyi, 1944). Однако их попытки встроить рынок в социальные отношения, выходящие за пределы текущих правовых понятий, касающихся равенства и справедливости встретили противодействие со стороны мощного классового союза государственной и бизнес-элиты.

В Казахстане и Кыргызстане сельские мигранты отстаивали свое право на землю на основании необходимости иметь место для приёма пищи, отдыха и сна (Sanghera et al., 2012). Они также подчёркивали, что большинство занятых земельных участков ранее простаивали, являлись бесхозными и не использовались продуктивно. В Алматы и Нур-Султане некоторые неформальные поселения были построены на болотах и пустырях. В Бишкеке несколько поселений (например, Ак-Жар и Алтын-Казык) занимали пустыри или территории, подверженные наводнениям. Некоторые поселения выросли вокруг рынков, таких как «Дордой» в Бишкеке или базар «Барахолка» в Алматы, где работало много мигрантов. Неформальные поселенцы превратили пустующие и заброшенные земли в кварталы, где умещались тысячи людей.

Продуктивное использование земли сельскими мигрантами для жилья и удовлетворения человеческих потребностей противопоставлялось использованию земли зажиточной элитой для удовлетворения своих тривиальных потребностей в роскоши. Зауре, алматинский лидер движения неформальных поселенцев Курлиши, объясняла, каким образом элита использовала огромные участки земли для показного досуга, в то время как многие местные жители отчаянно нуждались в земле:

Вот, например, на возвышенности в городе есть гольф-клуб, занимает около 100 гектаров. Правильно ли используется эта земля? Гольф — это даже не спорт! Казахскому народу он неинтересен. Поэтому, когда [государственные чиновники] говорят, что нет земли под социальное жильё, мы спрашиваем: почему под гольф отведено 100 гектаров? Это несправедливость! Это нарушение закона! Это толкает нас на действия против государства!

Для Зауре земля для жилья, служащего удовлетворению потребностей многих людей, стояла выше, чем земля для гольфа, воспринимаемого как чуждое и элитарное занятие. Учитывая нехватку в городе земли под жильё, она считала выделение и использование земли для развлечения богатых — абсурдным, несправедливым и преступным. Такая несправедливость отражает тенденцию господства прав частной собственности и превалирование их над коллективными правами (Harvey, 2013). Митчелл (Mitchell, 2003) утверждает, что основой существования города со справедливым отношением к жителям является потребительская стоимость земли, а не её меновая стоимость. Когда государство утверждает, что прибыль и рента стоят выше потребностей в жилье, тогда бездомные граждане чувствуют свой протест оправданным. Человеческие потребности и страдания накладывают ограничения на приватизацию земли, поскольку без доступа к ней бедные и не имеющие собственности люди не имеют возможности спать, отдыхать, справлять нужду или мыться. В обществе, где вся земля приватизирована, им не остается ничего кроме как умереть.

Многие неформальные поселенцы также заявляли о своём праве на город, ссылаясь на конституционные основания. К примеру, многие сельские мигранты в Бишкеке узаконили свои земельные владения на основании Конституции Кыргызстана, обязывающей государство предоставлять населению жильё (Sanghera & Satybaldieva, 2012). Указанное в Конституции право на жильё оставалось неизменным, несмотря на несколько имевших место правок. Конституция также закрепляет права граждан на другие базовые блага, такие как образование и медицина, фундаментальные для успешного развития человеческого потенциала. Хотя государство обязано защищать частную собственность согласно Конституции, неформальные поселенцы и активисты считают, что обеспечение права на жильё является более важной задачей. Белек, лидер алматинского комитета неформального поселения Бакай, так обосновывал своё требование земли и жилья, ссылаясь на свои конституционные права:

Я имею право на свою долю земли, потому что наша Конституция гарантирует 10 акров земли каждому гражданину. Казахстан богат землёй и занимает девятое место в мире по ее количеству. Конечно, у государства есть возможность обеспечить своих граждан землёй, и оно обязано это сделать.

Белек объяснял, что долг государства — предоставить ему и другим земельные участки. Он полагал, что в Казахстане нет недостатка в земле, и что государство обязано исполнить свой долг. При ссылках на Конституцию, захват земли и устройство поселений рассматривалось как акт правомерного сопротивления (Sanghera & Satybaldieva, 2012).

Нередко для противостояния неолиберальным рыночным нормам использовались традиционные нормы и ценности. После трёх десятилетий существования рыночных законов многие неформальные поселенцы начали признавать, что такая система выгодна лишь богатому классу собственников. Белек утверждал, что права частной собственности на землю чужды казахским традициям:

Всё, что написано в законе, нацелено против нас. Почему я должен уважать законы, которые не защищают мои интересы? Эти законы даже не отражают наши традиции. Мы — кочевники, рождённые для свободы и передвижений. Кочевники селились там, где им было нужно. Насколько я знаю, я живу так, как жили мои предки... Вот, к примеру, [президент] Назарбаев часто говорит, что демократия — не казахская традиция, что у нас свой путь. Но когда речь заходит о правах людей на землю, государство вдруг начинает утверждать о правах собственности! Но права собственности тоже не являются казахской традицией!

Белек объяснял, что традиционные права, обычаи и обязанности Казахстана ставят во главу угла коллективное и общественное использование земли. Он выступил против приватизированных, индивидуализированных и монетизированных аспектов прав собственности. Культурная составляющая способствовала продвижению представления о превосходстве потребительской ценности земли над её меновой стоимостью, а также необходимости реструктурировать экономические отношения таким образом, чтобы защитить людей и общество от вредных последствий рыночной коммодификации (Polanyi, 1944).

Митчелл (Mitchell, 2003) утверждает, что право людей на город должно быть отделено от права на собственность и увязано с правом на проживание в нём. Многие сельские мигранты опирались на культурные дискурсы, чтобы подорвать господствующий режим прав частной собственности и утвердить своё коллективное право на землю с целью изменить город. Как отмечает Харви (Harvey, 2013: 4), «вопрос касающийся того, какой город мы хотим, не может быть отделён от вопроса о том, какими людьми мы хотим быть, к каким социальным отношениям мы стремимся, какие взаимоотношения с природой мы одобряем, какой образ жизни мы для себя ищем, какими эстетическими ценностями обладаем».

НЕОЛИБЕРАЛЬНОЕ ГОРОДСКОЕ РАЗВИТИЕ

Постсоветские изменения в городах были отмечены утратой общественных пространств и коммодификацией городской земли (Frohlich, 2020; Nasritdinov & Schroder, 2017). Столичные го-

рода Центральной Азии создавались элитами для элит. Вместо того чтобы стать результатом творчества, в создании которого поучаствовали все граждане, столичные города превратились в места накопления капитала посредством урбанизации (Harvey, 2013; Lefebvre, 1996; Mitchell, 2003). Поляризация власти политизировала городское пространство и активизировала борьбу за жильё.

К середине 2000-х годов власти в Казахстане потеряли терпение в отношении неформальных поселений, неолиберальная городская политика начала реализовываться в полной мере. Нефтяной бум и рост финансового сектора способствовали разработке новых генеральных планов для Нур-Султана и Алматы. Эти города предполагалось сделать конкурентоспособными региональными инвестиционными центрами, населёнными предприимчивыми жителями. Особое место отводилось Нур-Султану как квинтэссенции элитарного проекта президента Нурсултана Назарбаева. В 2019 году город был переименован в его честь в знак признания особой роли в становлении столицы.

Президент Назарбаев не пожалел средств на превращение столицы в символ капиталистического развития страны. К 2007 году стоимость строительных проектов в Нур-Султане оценивалась примерно в 40 миллиардов долларов США (Laszczkowski, 2011). За короткое время в городе были возведены различные вычурные здания, спроектированные известными иностранными архитекторами, такими как Кисё Куракава и Норман Фостер. Город превратился в шикарную игровую площадку для богатых, а не в место для совместного проживания людей (Gawecki, 2013). Иностранные гости характеризовали город как утопический, похожий на Диснейленд и овеянный аурой мании величия (Gawecki, 2013; Koch, 2012; Laszczkowski, 2011).

В список дорогостоящих сооружений вошли: башня «Байтерек» высотой 97 метров с изображением правой руки Назарбаева, стоимостью 6 миллионов долларов США; стеклянная пирамида «Дворца мира и согласия» высотой 77 метров стоимостью 75 миллионов долларов США; концертный зал, напоминающий

нагромождение стеклянных осколков, стоимостью 175 миллионов долларов США; торговый центр «Хан Шатыр» высотой 150 метров⁶, по форме напоминающий юрту, стоимостью 520 миллионов долларов США (Millar, 2016). Развитие города стало определять общественное пространство в терминах деполитизированного потребления (Frohlich, 2020). В период с 2005 по 2010 год государство выделило лишь 331,3 млн долларов США на строительство доступного социального жилья (Rolnik, 2011).

В 2017 году на строительство футуристического города, связанного с проводившимся в Нур-Султане ЭКСПО-2017, было потрачено 3-5 миллиардов долларов США. Группа архитекторов из Чикаго спроектировала 28 зданий на площади 426 акров с восьмизэтажным глобусом, возвышающимся над территорией. К практически незастроенному участку должна была быть подведена линия метро, запущенная в том же году, с предполагаемой стоимостью еще 2 миллиарда долларов США (в два раза больше, чем было затрачено в Алматы на строительство 8,5-километровой линии метро). Многие простые люди высмеивали государство за его траты миллиардов на очередной престижный проект, в то время как в 2016 году на промышленное развитие страны было выделено всего 46,3 млрд тенге (около 104 млн долларов США) (Fatyanova, 2017).

Спекулятивные инвестиции подпитывали рынок недвижимости со свойственным ему неравенством. В то время как богатые извлекали выгоду из строительства мегапроектов в городских анклавах, бедные слои населения и рабочий класс исключались из процесса и игнорировались (Rolnik, 2011). Кох (Koch, 2014: 440) отмечает, что городская форма Нур-Султана была уникальной в своём использовании эстетики и красоты «в качестве тонкого, но очень эффективного механизма отчуждения». Столица отчуждала небогатых людей, чувствовавших там себя «не в своей тарелке» (Laszczkowski, 2011; Osmonova, 2016). Городское

⁶Площадь данного торгового центра равна десяти футбольным полям, а на верхнем этаже находится пляж с морской водой, песком и пальмами, привезенными с Мальдивских островов. Андреа Бочелли, известный оперный певец, дал концерт на церемонии открытия, среди гостей были президенты и главы девяти государств (Koch, 2012).

развитие патологизировало деревенские и советские кварталы как устаревшие и антисанитарные пространства (Gawecki, 2013; Koch, 2014).

Вдохновлённые преобразованиями Нур-Султана, элиты Алматы попытались соперничать с ним в городском развитии, превратив город в постиндустриальную финансовую столицу Центральной Азии. Мэр Алматы Имангали Тасмагамбетов⁷, главный архитектор нового генерального плана города, отмечал, что в городе уже находятся штаб-квартиры тридцати трёх известных банков, и что на него приходится около 70% всех банковских операций в стране. Генеральный план предусматривал строительство 80 коммерческих зданий общей площадью 3 миллиона квадратных метров. Кроме того, с 2006 по 2010 год город выделил 496 гектаров под строительство элитного жилья.

Строительный бум, последовавший в Нур-Султане и Алматы, был инициирован классовым союзом финансистов, застройщиков и политической элиты. По некоторым оценкам, 70% всех кредитов западных банков (которые к 2007 году составили 46 миллиардов долларов США) были связаны с сектором элитной недвижимости (Seitz, 2020). Есенова (Yessenova, 2010) отмечает, что 95% всех сделок с жильём финансировались в долг под процентные ставки в 15-20%. Пузырь на рынке недвижимости рос в геометрической прогрессии⁸, земля в городе и его окрестностях дорожала. Сейтц (Seitz, 2020) утверждает, что такие события рискуют привести к так называемому феномену «суперзвездного города», где жизнь похожа на «владение пугающим предметом роскоши». Харви (Harvey, 2013) отмечает, что потоки избыточного капитала способствуют строительству новых городов для высшего класса, переопределяя сущность городов, а также то, кто в них имеет возможность жить, а кто нет.

⁷За время нахождения на посту мэра Алматы (2004-2008) и Нур-Султана (2008-2014) Имангали Тасмагамбетов заслужил репутацию агрессивного сторонника неоллиберальных городских преобразований.

⁸В Алматы с 2002 по 2006 год цены на квадратный метр выросли в 14 раз — с 250 до 3600 долларов США (Yessenova, 2010).

Капиталистические преобразования в Бишкеке и Оше были более скромны по двум основным причинам. Во-первых, элитам Кыргызстана не хватало капитала и амбиций для создания утопических или современных городов. Страдая от отключений электроэнергии и плохих дорог, Кыргызстан отдавал приоритет инфраструктурным проектам, которые часто финансировались международными донорами. Во-вторых, экономика не привлекала крупные кредитные потоки с Запада в сектор недвижимости. Большинство крупных строительных компаний были созданы отечественной элитой, доступ к западным финансовым институтам у неё отсутствовал. Два политических восстания в 2005 и 2010 годах привели к спаду в секторе элитной недвижимости, который начал развиваться лишь в 2012 году. В 2020 году Илья Варламов, известный архитектор-урбанист, оценил Бишкек как город, «застрявший далеко в 90-х», и где нет ничего нового, чем можно было бы похвастаться или гордиться.

Однако отсутствие в случае Бишкека феномена «города-суперзвезды» позволило сельским мигрантам свободней использовать пространство для социального взаимодействия. Они активно претендовали на общественные пространства, такие как площадь Ала-Тоо, Кыргызская филармония и Дворец спорта Бишкека, способствуя тем самым разнообразию городской культуры (Nasritdinov & Schroder, 2017). Тем не менее, коммерциализация центров Бишкека и Оша привела к строительству торговых центров, бизнес-центров, элитных жилых домов и тойкана (больших ресторанов).

Неолиберальная городская политика создала криминогенную среду в местных органах власти. Помимо всего прочего, это привело к значительной потере парковых зон и общественных пространств. В Кыргызстане четыре мэра Бишкека незаконно передали совокупно более трети Парка им. Ата-Тюрка обеспеченным представителям элиты. В 2002 году статус Парка им. Ата-Тюрка был повышен до категории особо охраняемого памятника истории и культуры, дабы упредить дальнейшее присвоение земли элитой. Однако это не остановило незаконную раздачу парковых

земель (Jumagulov & Li, 2019). С 2000 по 2008 год Бишкекский городской совет разрешил передать около 200 земельных участков среди богатых представителей элиты. Сооронбай Жээнбеков, — экс-президент Кыргызстана, — получил участок парковой зоны в 2003 году, будучи депутатом парламента. Как отметил один из бишкекских активистов: «все, кто получил землю в парке Ата-тюрка, уже имели жильё. Председатель Верховного суда, генеральный прокурор и другие бездомными не были» (Jumagulov & Li, 2019).

Парламентский комитет рекомендовал провести расследование по факту незаконного распределения земельных участков в Парке им. Ата-тюрка. Однако прокуратура возбудила лишь три дела, вскоре закрытые из-за истечения сроков давности. Никто не был привлечен к ответственности за данную нелегальную раздачу, никакой компенсации совету выплачено не было.

В Алматы представители элиты незаконно присвоили землю в Национальном парке Медеу, где растут исчезающие тьянь-шаньские сосны, обитают редкие животные и находятся многолетние яблоневые сады (Yesenova, 2010). Против общественного призыва расследовать незаконное присвоение выступил мэр Имагали Тасмагамбетов. Он владел четырёхэтажным домом в Медеу, который оценивался более чем в миллион долларов США.

В 2006 году государство приняло закон об амнистии, который предоставил элите, захватившей землю, право легализовать свои особняки и другие тайные активы, гарантируя владельцам полную анонимность. Взамен элита была обязана компенсировать государству часть общей стоимости украденного и сокрытого имущества. На практике многомиллионные особняки легализовывались без особых затрат, поскольку владельцам разрешалось самостоятельно назначать стоимость своей собственности, которая сильно занижалась. Это позволило им минимизировать компенсации государству. Есенова (Yesenova, 2010: 31) отмечает, что «вполне возможно, что владельцы многоэтажных особняков заявили лишь 1% от стоимости своей недвижимости». Валерий, юрист из Алматы, описал закон об амнистии как отмывание денег для богатых.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ РЕПРЕССИИ ПРОТИВ ПРОТЕСТОВ НЕФОРМАЛЬНЫХ ПОСЕЛЕНЦЕВ В КАЗАХСТАНЕ

Противодействие массовым выселениям в Алматы

На пике строительного бума и спекулятивных инвестиций в Алматы государственная и деловая элита города вступила в конфликт с неформальными поселенцами. Государственная политика перешла от терпимого отношения к районам с проживающим там бедным населением и неформальным поселениям к их ликвидации. В 2006 году городской совет опираясь на право собственности, обязал жителей покинуть свои поселения. Мэр Тасмагамбетов заключил контракт с компанией «Алматыджер» на передачу зданий и земель в городе и его окрестностях, предназначенных для принудительного отчуждения. В 2005-2006 годах компания «Алматыджер» продала земли поселений Бакай и Шанырак компании «Инвестгруп» и другим восьми застройщикам и инвесторам (Yessenova, 2010). В планы одного из них входило строительство аквапарка.

Многие неформальные поселенцы пытались легализовать свои дома, используя закон об амнистии 2006 года, который узаконил владения богатых представителей элиты. Однако их заявления были отклонены. Данный закон не был предназначен для легализации земельных участков, захваченных бедными мигрантами. Первый снос произошёл 21 февраля 2006 года в поселении Бакай, далее затронув поселения Айгерим и Шанырак. Специальные силы полиции, судебные исполнители и техника для сноса прибыли в неформальные поселения без всякого предупреждения и не имея при себе судебного постановления. Не давая никаких объяснений, полицейские, вооруженные резиновыми пулями, шумовыми гранатами и дубинками, выламывали двери, выбрасывали вещи на улицу, и позволяли бульдозерам ровнять дома с землёй. Когда некоторые строители отказывались сносить дома, милиция и судебные исполнители сами взялись за кувалды, чтобы разрушить постройки. Валерий был свидетелем этих сносов и характеризовал действия государства как незаконные и бездушные:

Государственные чиновники не соблюдали тогда законы о выселении. Судебные исполнители должны были проверить, обжаловали ли люди судебные решения и есть ли у них альтернативное жильё. Но никто даже не разговаривал с людьми! Было видно, что они торопились. У них не было намерения говорить, слушать или вести переговоры. Они держали за руки бабушек, которые рыдали и умоляли: «Пожалуйста, не делайте этого!».

Валерий был шокирован тем, как чиновники издевались и жестоко обращались с жителями, в частности, с уязвимыми группами населения. Жители Бакая и Шанырака дали отпор. Люди бросали камни в полицию, ложились перед бульдозерами и забирались на крыши своих домов. Их сопротивление заставило полицию отступить, но ненадолго. В период с февраля по июль 2006 года жители Бакая и Шанырака столкнулись с восемью попытками выселения. Каждый раз разрушались всё новые дома, а жители получали травмы — переломы носов, ног, сотрясения и другие.

Поначалу выселения застигали жителей врасплох, но затем они начали мобилизовывать ресурсы для защиты своих домов. Иного выбора, кроме как выступать против репрессивной политической структуры у них не было. Последняя ограничивала их возможности по взаимодействию с официальными институтами с тем, чтобы выдвигать требования или просить о представительстве, а также проводить мирные акции протеста и демонстрации. Некоторые ведущие оппозиционные организации, такие как «Азат» и «Алга», а также большая часть городского населения из среднего класса практически не солидаризировались с борьбой сквоттеров, либо опасаясь политических репрессий, либо не сочувствуя их делу. Неформальные поселенцы в значительной степени полагались на собственные ресурсы в борьбе с государственной властью. Они получили некоторую поддержку со стороны небольших левых и националистических политических движений, таких как «Социалистическое сопротивление в Казахстане» и «Казак мемлекети» (Казахское государство).

Жители образовали систему коллективной самообороны, возведя баррикады и наблюдательные пункты, создав силовые груп-

пы и группы гражданской обороны. Кроме того, они пытались привлечь внимание парламентариев и широкой общественности к имевшим место жестоким выселениям. В марте 2006 года многие поселенцы участвовали в голодовках и блокировании дорог. В мае 2006 года некоторые местные активисты и лидеры политических движений, таких как Жер Ана (Мать-Земля) и «Казак мемлекетъ», приехали в Нур-Султан, чтобы показать парламентариям фильм о выселении и «сценах сражений» в Бакае. После просмотра около сорока парламентариев подписали письмо с требованием отложить на время снос домов. Дочь президента Дарига Назарбаева создала комиссию по расследованию инцидента. Но комиссия не смогла провести расследование, так как её члены разъехались на летние каникулы.

Через неделю после показа фильма мэр Тасмагамбетов распорядился о срочном массовом сносе домов. 7 июля 2006 года в Бакае за один день было снесено 500 построек. Неделю спустя более 1000 представителей специальных вооруженных сил прибыли рано утром в Шанырак, чтобы выполнить ту же работу, но столкнулись с упорным сопротивлением. Жители яростно защищали свои дома, забрасывая полицию камнями и бутылками с зажигательной смесью. К 14:00 они одержали верх в конфликте и взяли в заложники четырёх полицейских. Спецназ пообещал полностью уйти в обмен на выдачу заложников.

Но получив подкрепление спецназовцы отказались от переговоров и предприняли новую атаку. Возмущенные столь несговорчивой позицией, жители подожгли 24-летнего офицера полиции, который позже скончался. В течение нескольких дней после трагического инцидента полиция арестовала 108 жителей Шанырака, включая организаторов и активистов. Четверо активистов получили длительные тюремные сроки. Государство обвинило их в произошедшем, выделив Арона Атабека в качестве главного «террориста».

Мэр Тасмагамбетов не испытывал симпатий к протестующим и жителям Шанырака. Он презрительно отозвался об их целях и тактике, назвав убийство молодого полицейского абсолютно безнрав-

ственным поступком. Захват земли с их стороны он назвал безответственным и преступным (Torebaeva & Ivanov, 2006):

В городе есть два социальных слоя. Один — стоит в очереди на жильё, копит на ипотеку и каждый день ходит на работу. Иногда им даже приходится работать в трёх или четырёх местах [чтобы накопить на ипотеку]. А есть социальная прослойка, которая нарушает все законы и предъявляет претензии через агрессивное иждивенчество, говоря: «Эй, я казах, я возьму эту землю силой!».

Отсутствие трудовой этики и дисциплины у неформальных поселенцев он противопоставил упорядоченному и добросовестному поведению большинства городских жителей — терпеливых и упорно трудившихся, чтобы получить жильё. Средства массовой информации и большая часть городского населения, принадлежащего к среднему классу, характеризовали неформальных поселенцев в пренебрежительных терминах, таких как «захватчики», «грабители» и «варвары» (see Schroder, 2010).

Решительное сопротивление Шанырака остановило массовые сносы в Алматы и предотвратило аналогичные меры в Нур-Султане. События в Шаныраке стали предупреждением государству о том, что маргинальные группы способны противостоять его власти и репрессиям. Но результат был достигнут ценой немалой боли и потерь. Митчелл (Mitchell, 2003) указывает, что право на город не даётся автоматически, а вырастает из социальной борьбы и насилия, которые часто являются единственным способом быть услышанным. После такого переломного момента государство осознало, что уничтожить неформальные поселения оно просто так не способно, и вместо этого разработало планы для более утончённых форм лишения собственности и исключения. Глобальный кредитный кризис 2007-2008 годов также помог ослабить социальную и политическую напряженность, поскольку застройщики более не могли финансировать свои проекты. Неформальных поселенцев оставили в покое до тех пор, пока экономические условия для застройщиков не улучшились.

Неформальные поселенцы Алматы на одолженном времени

В 2008 году государство начало проводить политику включения, пообещав легализовать неформальные поселения. Смена политики отчасти объяснялась противодействием правоцентристских политических партий, которые начали поддерживать неформальные поселения после событий в Шаныраке. Аман, местный государственный чиновник, объяснил изменение тактики в отношении поселений:

Мы почитали эти брошюры оппозиционных партий, где они призывали своих членов использовать гнев жителей Шанырака и Бакая в качестве оружия. Это риск для нас. Мы [государство] знаем, что хочет сделать оппозиция. Поэтому мы научились справляться с риском путем легализации без применения силы. Мы перестали гоняться за людьми с бульдозерами.

Аман опасался, что неформальные поселения станут рассадником оппозиционных сил, которые будут способны вызвать вызов государству и подорвать его легитимность. Но оппозиционные партии никогда не использовали гнев жителей в своих целях. Главным образом они ориентировались на группы среднего класса как на свой основной электорат и избегали противостояния с политическим режимом. Тем не менее, страх перед радикализацией жителей на фоне цветных революций в постсоветских странах вынудил государство занять, казалось бы, компромиссную позицию.

В 2008 году акимат города Алматы создал новый район Алатау для легализации неформальных поселенцев Шанырака и Бакая, которые были представлены государственными чиновниками как «жертвы переходного периода». Однако 23 декабря 2008 года администрация Алатау объявила, что легализует только 189 домов. После протеста жителей администрация увеличила эту цифру до 1600. Летом 2009 года, спустя три года после событий в Шаныраке, администрация возобновила снос домов, разрушив пять построек в микрорайоне Шанырак-2. Возобновление сноса мобилизовало неформальных поселенцев на объединение 18 микрорайонов

Алатауского района и создание движения в защиту неформальных поселений, официально названного «Народным комитетом по защите конституционных прав на землю и жильё». Продолжающаяся репрессивная тактика государства усилила восприятие неформальными поселенцами несправедливости и активизировала их политическую мобилизацию.

Данное общественное движение провело собственную учетную инвентаризацию и включило в список 8487 домов без документов. В нашем интервью с Зауре, лидером движения, она объяснила, что в эти цифры не вошли земельные участки бывшего колхоза имени Кирова и микрорайона Айгерим-1. По её оценкам, в 2011 году насчитывалось не менее 10 000 незарегистрированных земельных участков. Жители Шанырака утверждали, что городская администрация намеренно занижает количество домов без документов, чтобы минимизировать проблему сноса жилья.

Деятельность движения была ограничена строгими законами о протестах и мирных общественных собраниях. Проведение пикетов и протестов в общественных местах приобрело значительные ограничения. Не имея возможности протестовать, активисты движения попытались пристыдить государство, объявив, что они собираются подать заявление на получение статуса беженцев в посольство США. Активисты утверждали, что правительство, Конституция, земельные кодексы и другие нормативные акты не смогли отнестись к ним как к гражданам в сколько-нибудь значимом смысле.

К 2011 году многие ведущие лидеры оппозиции находились в изгнании, были мертвы или оставили политику. Независимые политические организации практически отсутствовали. Многие из них пересмотрели свою прежнюю антиправительственную риторику и были кооптированы правительством (Niyazbekov, 2018). Движение в защиту неформальных поселений имело связь только с проправительственной НПО «Шанырак», которая первоначально предлагала им некоторую юридическую и адвокатскую поддержку.

Государство использовало и другие средства, чтобы подавить поселенческое движение. Городская администрация решила предложить неформальным жителям договоры аренды, вместо выдачи

сертификатов для легализации их домов. НПО «Шанырак», получившая от Совета Европы около 2,8 млн. евро на поддержку программы легализации, выступала за заключение договоров аренды как лучшего выхода для жителей. Зауре раскритиковала роль этой НПО и поставила под сомнение мотивацию ее директора:

Позже мы узнали, что Кожаметов [директор НПО «Шанырак»] инициировал заключение этих договоров аренды для жителей. Он давил на нас, чтобы мы согласились на эти договоры, и работал над тем, чтобы ослабить наше движение. Он раскалывал нас. Мы отказались сотрудничать с его НПО. Он просто делал деньги на наших проблемах.

Зауре критично отзывалась о некоторых правозащитных организациях, таких как НПО «Шанырак», которая тесно сотрудничала с государством для легализации поселений. Позже она объяснила, что договоры аренды создавали лишь иллюзию законности и защищенности, поскольку государство могло вернуть себе землю после истечения срока аренды. К неформальным поселениям относились как к «занятым местам», с которыми мирились «до поры до времени», пока не настанет черед следующей спекулятивной сделки по продаже земли (Smart, 2001; Yessenova, 2010).

Многие жители, отказавшиеся подписывать договоры аренды, получали угрозы от Комитета национальной безопасности и прокуратуры. Силы безопасности оказывали давление на некоторых поселенцев, чтобы заставить их отступить. К примеру, Тилек, житель поселка Бакай, подписал договор аренды, но его беспокоили условия договора:

Мои обстоятельства вынудили меня согласиться на это. В договоре сказано, что государство имеет право забрать землю в любой момент без компенсации. После стольких лет я по-прежнему не имею права на свою землю. Сейчас я арендую землю на 10 лет.

Не имея адекватных альтернатив и столкнувшись с угрозами, Тилек подписал контракт. Однако он понимал, что находится в шатком и уязвимом положении. Он выиграл немного времени, но не имел представления, что будет дальше.

В 2012 году члены движения, отказавшиеся подписывать договоры аренды, обратились в суд, чтобы отстоять своё право на землю. Судебный процесс с их участием был вызывающим актом независимой гражданской позиции. Их действия против государства способствовали развитию чувства солидарности. Активисты движения изучали и исследовали земельные кодексы и судебные архивы, чтобы обнаружить и использовать те или иные лазейки. Используя свой опыт бывшего государственного служащего, Зауре удалось получить доступ к архивным документам, что помогло движению выиграть несколько судебных исков:

Город был в неведении относительно своих собственных решений. Например, только жителям поселка Акбулак Земельный департамент выдал 23 официальных земельных акта. Одной из причин было то, что их дома сносились девять раз. Это была настоящая война. Более ранние решения могут быть более убедительными [для суда]. Так, мы подготовили 25 больших папок с апелляциями.

Судебные процессы оказались эффективной формой противостояния. На момент интервью движение поселенцев полностью легализовало 3600 домов и работало над апелляциями ещё по 1500 делам. Зауре объяснила, что юридические действия привели к определенным успехам, потому что жители коллективно отстаивали свои права и отказывались отступать. Официальные документы на право собственности стали важной победой, поскольку неформальные жители уже определялись не как преступники, а как граждане (Yessenova, 2010). В документах признавались их права, включая право на строительство дома и место для воспитания семьи, что обеспечивало определенную степень безопасности и материальной стабильности.

Когда рыночная стоимость земли вновь начала расти, городская администрация Алматы отложила программу легализации и начала привлекать инвесторов для развития мест поселения. Аман признал, что развитие недвижимости в Шаныраке и Бакае могло привести к новым массовым выселениям:

Мы знаем, что люди недовольны нашими договорами аренды. И да, когда инвестор придет в район, людей могут выселить, но они получают компенсацию. Они смогут купить что-то в другом районе. Наш план на будущее — снести эти дома и построить новые. Мы хотим улучшить ситуацию. Африканские трущобы здесь никому не нужны.

Аман признавал, что недавно легализованных жителей могут удалить со своих нынешних мест и переселить на городские окраины. Для бедных жителей будущее в городе не предусмотрено. Неформальные поселения пренебрежительно назывались «африканскими трущобами», чтобы администрация могла оправдать их снос в погоне за экономическим развитием, цивилизацией и современностью (see also Karrar, 2020). С 2006 года государство согласилось переселить лишь 200 семей, находившихся в опасных зонах. Движение жителей знало о планах городской администрации по развитию города и безуспешно лоббировало введение моратория на продажу земли частным застройщикам в их микрорайонах. После нескольких лет социальной борьбы и юридических споров Зауре пришла к выводу, что только отмена частной собственности может помочь простым людям противостоять хищническому союзу государственных элит, финансистов и застройщиков. Но для этого требовался радикальный активизм, которого в стране не было.

Протесты против джентрификации в Нур-Султане

В Нур-Султане начиная с 2005 года многие сельские мигранты столкнулись с угрозой выселения, после того как их неформальные поселения были проданы многочисленным частным застройщикам. Как и в Алматы, городская администрация использовала своё право собственности для выселения многих семей. Однако после событий в Шаныраке администрация Нур-Султана избегала принудительных массовых сносов, вместо этого выселяя жителей по одиночке. Администрация отказывалась предоставить данные о количестве принудительных сносов и количестве людей, оказавшихся в результате бездомными (Rolnik, 2011).

В 2005 году жители поселений Ондирис и Кирпичный обратились к Зауреш Батталовой, в то время депутату парламента, с просьбой помочь им отстоять свои жилищные права. Под руководством Батталовой была создана общественная организация «За достойное жильё!», целью которой стало прекращение выселений. Используя юридические ресурсы, жители Ондириса и Кирпичного подали в суд на городскую администрацию за несоблюдение прав на надлежащее жильё в соответствии с международным законодательством. Соответствующий закон был ратифицирован в Казахстане, и обязывал государство гарантировать адекватную компенсацию или альтернативное жильё семьям, оставшимся без крова в результате сноса (Rolnik, 2011).

В 2007 году жители Ондириса и Кирпичного выиграли суд против городской администрации, последняя согласилась предложить альтернативное жильё семьям, пострадавшим от сносов. Однако в 2008 году Имангали Тасмагамбетов переехал из Алматы, став мэром Нур-Султана, и данное решение суда он признавать отказался. Его назначение затормозило прогресс в решении вопроса об альтернативном жильё. Вопиющим образом игнорируя решение суда, в декабре 2008 года земли Ондириса и Кирпичного были официально проданы четырнадцатью коммерческим застройщикам. С 2008 года частные застройщики пытались выселить жителей Ондириса и Кирпичного. Администрация города переложила ответственность за выплату компенсаций и предоставление альтернативного жилья на частных застройщиков, которые пренебрегли этим вопросом. Исчерпав судебные-юридические возможности, Батталова полагала, что дальнейшие тяжбы бесполезны, поскольку суды трактуют жильё, землю и другую собственность как рыночные товары, а не как часть прав человека или как общественные блага, требующие социального регулирования и защиты (see also Sanghera, 2020).

Помимо этого городская администрация выселила сотни семей, имевших дачи в районах Слободка и Полянка. Большинство выселенных семей не являлись неформальными поселенцами, поскольку имели законные документы на собственность. После включения Слободки и Полянки в состав территории города

стоимость земли там возросла, став особенно привлекательной для строительства элитного жилья (в народе такие районы называли Рублевкой или Тенговкой). Городские власти принудительно выселяли семьи с минимальными компенсациями, последние зачастую были не в состоянии приобрести приемлемое для себя жильё.

Сопrotивление выселениям в Слободке и Полянке имело фрагментарный и спорадический характер, что заставило эксперта одного НПО отметить, что выселяемые семьи там были более дисциплинированы и менее агрессивны, чем жители Шанырака. Основную роль играли женщины, проводившие небольшие акции протеста. Некоторые протестующие стояли перед своими домами с портретом президента Назарбаева. Другие забирались на строительные краны и оставались там в течение нескольких дней без еды и воды. Данные протесты оказались не способны остановить выселения (Glushkova, 2013).

Хотя городской администрации в целом удалось подавить сопротивление неформальных поселенцев и дачников, она оказалась не готова к народной кампании за жильё, развернувшейся после гибели пяти сестер в возрасте от 3 месяцев до 13 лет в феврале 2019 года. Пять сестер скончались в результате пожара в помещении площадью тридцать квадратных метров, расположенного на окраине Нур-Султана. Случившаяся трагедия вызвала широкие протесты принудительно маргинализированных групп населения против бедственных жилищных условий. На следующий день после похорон многочисленные матери и пожилые женщины начали протест, сопровождавшийся занятием мэрий городов по всей стране, и требованием предоставить им достойное жильё. Канагат Шуменова, одинокая мать двоих детей, помогала организовывать протесты матерей в Нур-Султане, проходившие почти каждые две недели, до тех пор пока общенациональный локдаун из-за COVID-19 не вынудил их остановиться.

Администрация города отмахнулась от критики, призвав протестующих принять участие в государственной жилищной программе. Канагат, 25 лет проработавшая следователем в полиции, объяс-

няла, что её месячной пенсии в 13 000 тенге (30 долларов США) не хватает на депозит или ежемесячные выплаты по ипотеке в рамках данной программы⁹. Запущенная в начале 2010-х годов для разрешения жилищного кризиса, эта опирающаяся на ипотеку модель оказалась недоступной для бедных семей. Батталова так описывала отсутствие в стране программы социального жилья:

Программ социального жилья в Казахстане нет. Всё строительство ориентировано на элитное жильё, жильё эконом-класса не строит никто. Это всё коммерческие проекты, приносящие компаниям высокую прибыль. Социальное жильё строить сегодня не хочет никто. Причина проста. Земля в центральной части Нур-Султана дорогая. Социальное жильё можно строить только на окраинах, где нет инфраструктуры. Никто не хочет строить там коммуникации, потому что слишком дорого. Строительные компании стараются использовать уже существующую инфраструктуру: центральное отопление, систему водоснабжения, электричество.

Батталова делилась наблюдениями касательно того, как коммерческое развитие недвижимости обслуживало нужды элиты и её стремление к роскошному жилью, игнорируя базовые потребности людей в крыше над головой. Застройщикам было невыгодно строить социальное жильё без государственных инвестиций в материальную инфраструктуру.

Данная доминирующая модель финансирования жилищного строительства привела к снижению темпов строительства доступного жилья (Auezkhanuly et al., 2019). В исследовании Шариповой (Sharipova, 2015), посвящённом жилищному вопросу в Казахстане, большинство респондентов посчитало, что жильё стало менее доступным после 1991 года. Частный сектор показал свою неспособность разрешить вопрос социального жилья. Испол-

⁹Государственный жилищный фонд Казахстана сократился с 7,8 миллиона квадратных метров в 2004 году до 6,4 миллиона квадратных метров в 2008 году. В этот период государство выделило около одного миллиарда долларов США на строительство ипотечного жилья для приоритетных целевых групп, таких как работники бюджетной сферы среднего класса (Rolnik, 2011).

зую данные по семнадцати странам с 1920 по 2013 гг., Коль (Kohl, 2018) утверждает, что предоставление ипотечных кредитов домохозяйствам не привело к повышению уровня домовладения. Увеличение ипотечного долга лишь способствовало росту цен на активы, что лишь затруднило приобретение жилья в собственность (Hudson, 2014). Исторически сложилось так, что именно государственные программы показывали себя лучше в деле строительства доступного жилья.

В настоящее время более 6 из 8,4 миллиона экономически активного населения Казахстана не могут позволить себе купить дом по различным государственным жилищным программам. Многие привилегированные государственные служащие приобретали государственное жильё и затем сдавали его в аренду другим группам населения, отчаянно в нём нуждавшимся (Rolnik, 2011; Sharipova, 2015). При этом первые становились рантье, получая непроизводственные доходы. В 2016 году в очереди на социальное жильё стояло около 2,3 миллиона человек. Это число продолжает расти (Auyezkhanuly et al., 2019).

В 2018 году городская администрация Нур-Султана образовала Байконурский район, состоявший из 19 населенных пунктов, включая Ондыры, Кирпичный и 12 дачных поселков в Коянды. В 2019 году в Байконурском районе проживало более 233 300 человек. План градостроительного развития района предполагал снос нежелательных и хаотичных неформальных домов, строительство нового элитного жилья и современных бизнес-центров. Управление архитектуры и градостроительства поставило на первое место снос домов у старого рынка и в жилых микрорайонах Коктал, Чубары, Юго-Восток, Ондирис и Казгородок, поскольку те эстетически не соответствуют статусу столицы. В плане развития города не указывалось, куда и как будут переселяться семьи из этих районов. Пришествие цивилизации и модернизация города неизменно означали, что богатые и влиятельные группы получали ценные активы, в то время как неимущие социальные группы лишались собственности, насильственно перемещались и игнорировались (Karrar, 2020).

НИЗОВЫЕ ДВИЖЕНИЯ ЗА ЗЕМЕЛЬНЫЕ И ЖИЛИЩНЫЕ ПРАВА В КЫРГЫЗСТАНЕ

Борьба за жильё в Оше и Тюльпановая революция

Кризис вокруг городского жилья в Кыргызстане вызвал низовое сопротивление в Оше и Бишкеке, ставшее затем составным элементом политического восстания 2005 года. Неформальные поселения Бишкека, первоначально возникшие в результате «тихого захвата» (Bayat, 2000), удвоились в размерах в результате Тюльпановой революции 2005 года. Истоки Тюльпановой революции можно частично проследить на примере жилищного кризиса и социальной борьбы в Оше. Оппозиция 15-летнему правлению президента Акаева сформировалась на юге Кыргызстана. Многие протестующие относились к сельским мигрантам, присоединившимся к восстанию из-за нехватки достойного жилья.

Ош, будучи вторым по величине городом Кыргызстана, являлся притягательным местом для многих сельских мигрантов из соседних регионов. Из-за нехватки городской земли многие из них снимали комнаты в полуразрушенных общежитиях, на дачах в близлежащих районах, а также комнаты в кварталах этнического узбекского меньшинства¹⁰.

В начале 2000-х годов жильцы общежитий советской эпохи, получили распоряжения о выселении от новых владельцев, совсем недавно вступивших в права владения. Во времена Советского Союза общежития принадлежали различным государственным организациям, которые нередко размещали там своих работников до тех пор, пока государство не выдавало им постоянное жильё. В 1997 году Алимбек Саралаев приватизировал строительную компанию «Кыргызкурулуш», получив вместе с ней бесплатно и шесть общежитий с условием дальнейшего расселения работников этой компании. Но вскоре после приватизации жильцам сообщили о резком повышении квартплаты. Владелец хотел использовать арендную плату для выплаты процентов по крупному банковскому кредиту.

¹⁰Жилищные проблемы в городе также получили этническое измерение, так как этническое узбекское меньшинство составляло почти половину городского населения.

Более 640 семей, проживающих в общежитиях, были выселены из-за их несогласия с повышением арендной платы. В другом случае сотни бывших работников текстильной промышленности проживали в общежитиях, принадлежащих фабрике, с 1970-х годов. После приватизации общежитий новый владелец распорядился выселить жильцов, включая тех, кто имел документы на право собственности на свои комнаты.

Группа пожилых женщин выступила в качестве главных противников массовых выселений. Тамара, вышедшая на пенсию работница текстильной фабрики, организовала жильцов общежития, чтобы те подали в суд на новых владельцев за незаконное выселение и призвали администрацию города Ош отменить приватизацию. Лидерки протеста вместе с сельскими мигрантами провели два года в судебных баталиях, проиграв дела в районном и областном судах. Областной суд вынес решение в пользу владельцев, что усилило чувство несправедливости среди жителей. Работавший с ними адвокат советовал им не доводить дело до Верховного суда в Бишкеке, так как судья областного суда сказал им ранее, что законодательная база отдаёт привилегии правам частной собственности, и что у них практически нет шансов на победу (см. Sanghera, 2020).

В ходе двухлетнего судебного противостояния у жителей общежитий сформировалась коллективная идентичность, связанная с местом проживания, появилось осознание своих прав, связанных с собственностью. Они узнали о процессе приватизации общежитий и о том, как бизнес-элита ущемляет их жилищные права. Фролич (Frohlich, 2020: 189) отмечал, что социальное взаимодействие протестующих способно «запустить коллективный процесс формирования смыслов относительно разделяемых ими недовольств», что находит своё выражение в инакомыслии и протесте.

Лишение собственности и попытка изоляции политизировали жителей общежитий, сподвигнув их на радикальные действия и оккупацию пространств. После проигрыша в суде Тамара организовала 83 семьи на занятие заброшенного государственного здания:

Я проработал на заводе более 20 лет, но так и не получила жилья. Многие кыргызстанцы, работавшие на заводе, остались ни с чем. Как и я... В 2004 году мы проникли в это заброшенное здание и заняли там комнаты. Затем мы начали пикетировать мэрию, требуя жилья.

Тамара была рассержена и расстроена тем, насколько нечестной и несправедливой оказалась ситуация для неё и других людей в связи с распоряжениями о выселении и отсутствием социального жилья. Для решения этих проблем она мобилизовала ещё больше пострадавших семей. Другие лидерки привлекли мигрантов, которым не хватало нормального жилья, расширив таким образом движение. Активистки сформулировали свои требования касательно жилья и выступили за политику перераспределения, основанную на моральных ценностях касающихся того, как следует обществу относиться к бедным кыргызстанцам.

В 2004-2005 годах активистки организовывали многочисленные акции протеста, включая голодовки и сидячие забастовки, отстаивая свои жилищные права. Они нередко врываются в офисы высокопоставленных официальных лиц, включая мэра города и губернатора области, блокировали главные дороги, привлекая внимание к своему вопросу и добиваясь выхода на государственных чиновников. В отличие от Казахстана, Кыргызстан имеет более открытую политическую структуру, допускающую инакомыслие в общественном пространстве. Лидерки протеста даже возвели кыргызскую юрту на городской площади в качестве места встречи.

Кроме того, полицейские не хотели бить, толкать или оттаскивать протестующих, большинством которых были пожилые женщины, опасаясь реакции общественности. Тактика активистов включала в себя сидячие забастовки, оккупацию и пикетирование, целью которых было заставить политическую элиту понять их претензии. Как объяснила Жаркын, одна из лидерок протеста:

Мы заняли кабинет губернатора и не давали ему спать. Когда захватили его кабинет, то сказали ему: «Теперь вы такой же, как мы, обычный человек! Теперь понимаете, откуда мы взяли?»». И мы продолжали возвращаться. Они не могли от нас избавиться. Устав от этого, они начали вести с нами переговоры.

Жаркын полагала, что высокопоставленные представители власти не испытывали эмоций от рассказов о несправедливости и страданиях и были вынуждены пойти на переговоры только благодаря настойчивости и особой тактике движения. Местные государственные чиновники, не способные решить вопрос с жильём, были вынуждены предоставить субсидии на аренду жилья целевым группам, которые ранее их не получали. Однако данная мера была весьма ограниченной уступкой, поскольку воспользовалось ей лишь незначительное меньшинство семей.

В начале 2005 года оппозиционные элиты начали привлекать к себе недовольные режимом президента Акаева социальные группы. Как вспоминает Тамара, некоторые из них обратились к пожилым активисткам, узнав об их тактике конфронтации в отношении высокопоставленных государственных чиновников:

Так наше наступление на мэра быстро стало известным в Оше. После этого к нам стали обращаться разные люди. В 2005 году я поставила свою юрту в центре, пекла хлеб и продавала кумыз (кобылье молоко) из юрты. Однажды Баяман¹¹ и его люди пришли в мою юрту и попросили меня создать женскую группу для предстоящего восстания. В те дни Баяман и Текебаев¹² часто приходили в мою юрту... Моя жилищная ситуация заставила меня принять активное участие в революции 2005 года. Я всем сердцем участвовала в революции.

Местные лидерки согласились поддержать оппозиционных лидеров, понимая и надеясь, что последние решат их проблемы с жильём. Оппозиционные лидеры Кыргызстана использовали городское недовольство и встроили его в свою более широкую политическую борьбу. Местные протестующие заставили мэра города и

¹¹Баяман Эркинбаев представлял собой скандально известного кыргызского нувориша, приватизировавшего базар Кара-суу и контролировавшего торговлю наркотиками на юге Кыргызстана. Также был депутатом парламента в течение трех сроков. Убит после Тюльпановой революции 2005 года.

¹²Омурбек Текебаев являлся лидером политической партии «Ата Мекен» и депутатом парламента. Являл собой одну из ведущих оппозиционных фигур в период правления президентов Акаева и Бакиева.

губернатора области покинуть свои кабинеты в преддверии Тюльпановой революции в марте 2005 года.

Энергичное участие этих пожилых женщин в политическом восстании было мотивировано их озабоченностью по поводу жилья и социальной справедливости в целом, не какой-либо близостью или преданным отношением к оппозиционным силам.

Когда режим президента Акаева был свергнут, и к власти пришла новая правящая элита, новый президент не выполнил своего обещания предоставить людям больше жилья и земли в Оше. Тамара объясняла: «После революции я встречалась с [президентом] Бакиевым в Белом доме не менее шести раз. Но он не решил нашу жилищную проблему». Хотя президент Бакиев явно признал легитимность позиции Тамары, приняв её и побеседовав с ней шесть раз, он не захотел выделить необходимые ресурсы для выполнения их соглашения.

Требование земли и легализации неформальных поселенцев в Бишкеке

Тюльпановая революция 2005 года побудила тысячи сельских мигрантов, живущих в стеснённых и ветхих условиях, захватить землю на окраине Бишкека. Они действовали решительно, чувствуя, что окно возможностей скоро закроется. В течение нескольких дней, разбившись на группы, они разделили земельные участки, быстро заложили фундаменты и начали требовать легализации. Одна из таких групп была создана в Келечеке 50-летней сельской мигранткой Канькей.

После закрытия ртутного завода в Кадамжайском районе Баткенской области Канькей в 1995 году переехала в Бишкек. В течение десяти лет она снимала комнату возле рынка «Дордой», где продавала хлеб. Она быстро приняла меры, когда услышала, что люди занимают землю: «11 апреля мы, женщины, собрались и пришли в Келечек. Мы даже не знали, как измерить одну сотку [100 квадратных метров]. Каждый человек в моей группе получил по тринадцать шагов земли».

Калыс, ещё одна сельская мигрантка, так описала настроение своей группы: «Никто не заботился о нас все эти пятнадцать лет,

так что теперь мы позаботились о себе сами!». Сельские мигранты Бишкека воспользовались восстанием, чтобы перераспределить ресурсы и добиться некоторой справедливости. В нашем исследовании многие неформальные поселенцы утверждали, что Тюльпановая революция была их революцией, и они заслужили небольшой земельный участок после стольких лет лишений. Хэтчер (Hatcher, 2017: 186) отмечает, что протестующие были рассержены тем, что «эффект “просачивания благ сверху вниз” после многих лет шоковой терапии затронул только политическую элиту», и теперь «народ тоже хочет получить свою долю». Временное правительство не имело морального права осуждать захват земель, когда само только что захватило власть. Было широко известно, что оппозиционные элиты обещали дать сельским мигрантам землю вокруг Бишкека в обмен на поддержку в свержении президента Акаева.

Захват земли сельскими мигрантами вызвал возмущение среди среднего класса Бишкека. 10 апреля 2005 года около 3000-5000 жителей Бишкека и Чуйской области устроили митинг на центральной площади Ала-Тоо, требуя введения моратория на раздачу земли. После демонстрации городские жители, принадлежащие к среднему классу сформировали комитет «За стабильность и верховенство закона», чтобы предотвратить дальнейшую раздачу земли вокруг Бишкека. В ответ сельские мигранты создали свой собственный комитет «Координационный совет» и инициативные низовые группы (такие как Ай Булак, Ынтымак, Асанбай, Каарман, Тынчтык, Жашпасын, Дил Нур, Мурас Ордо, Совмин, Мурас, Рухий Мурас, Ордо Джер, Джыгач, Белый Сокол, Жетиген, Бакай Ордо, Дунуйо кому), чтобы оказать давление на государство с целью добиться от него выполнения обещаний касательно земли. Бишкекским и чуйским государственным чиновникам приходилось лавировать между этими двумя противоборствующими социальными группами.

Летом и осенью 2005 года между этими двумя группами произошли столкновения в Лебединовке (рядом с микрорайоном Тунгуч) и Кок-Джаре. В Лебединовке жители протестовали против разрешения на выделение пятидесяти гектаров пахотных земель под

индивидуальное жилищное строительство для сельских мигрантов. В Кок-Джаре противостояние между его жителями и претендентами на землю, количеством примерно в 1500, продолжалось два дня, в результате чего пострадали представители обеих сторон. Жители Кок-Джара противостояли попыткам мигрантов захватить землю, окружив поле конными всадниками.

В течение лета и осени 2005 года сельские мигранты часто проводили акции протеста перед зданием городской администрации, требуя от властей выполнить своё обещание о выделении земли и ускорить процесс распределения. Административные проволочки были встречены новыми захватами земель. Так, в сентябре 2005 года около 500 человек, представляющие низовые инициативные группы «Асанбай» и «Алтын Казык», заняли тридцать шесть гектаров земли напротив посольства США. Но в октябре 2005 года городская администрация объявила, что выделение земли под индивидуальное жилищное строительство окончено, и что будущие жилищные требования будут удовлетворяться только за счёт строительства многоэтажного жилья. Правительство задним числом узаконило большинство поселений. Затем оно обратилось к Всемирному банку с просьбой оказать поддержку в деле улучшения инфраструктуры в новых поселениях.

Некоторые из неформальных поселений после 2005 года (например, Келечек и Ак Жар) столкнулись с противодействием со стороны богатых собственников, приватизировавших землю, на которой располагались данные поселения, для коммерческих целей, таких как рынки. Райкан Алканов¹³, входящий в число 100 богатейших граждан Кыргызстана, претендовал на право собственности на землю в Келечеке. На протяжении пяти лет он препятствовал легализации поселка Келечек. Несколько раз сотрудники правоохранительных органов угрожали и выселяли некоторых неформальных поселенцев. Но жители не поддались на запугивания, и Келечек в итоге был легализован. Остается неясным, получил ли Алканов ещё один земельный участок или денежную компенсацию за уступку своих прав Келечеку.

¹³Райкан Алканов является владельцем рынка «Алканов и Ко», прилегающего к авторынку «Дордой».

В Ак Жаре около 4000 домохозяйств оказали сопротивление Арслану Малиеву, бывшему депутату, который в 1997 году приватизировал 134,5 га сельхозугодий. Судебный спор длился шесть лет, и в феврале 2011 года Верховный суд вынес решение в пользу государства, сославшись на неиспользование Малиевым земли в сельскохозяйственных целях и неуплату им земельного налога с 1997 по 2005 год. Решение суда опиралось на технические аспекты прав частной собственности, нисколько не оспаривая саму частную собственность (Hatcher, 2017). В то время как государство запрещало раздачу земли сельским мигрантам, Бишкекский городской совет незаконно санкционировал раздачу земельных участков в Парке им. Ататюрка богатой элите вплоть до 2010 года.

После борьбы за легализацию жители новых поселений требовали улучшения инфраструктуры: электричества, асфальтированных дорог и канализации. В Казахстане неформальные поселенцы, лишённые базовой инфраструктуры, не обращались к властям с просьбой об улучшении их поселений. Казахстанские сельские мигранты были готовы самостоятельно улучшать инфраструктуру, лишь бы государство легализовало их земельные участки. Но в Бишкеке улучшение жилищных условий жители воспринимали как «настоящую легализацию». Инфраструктура была важна для их благополучия и признания в качестве полноправных граждан.

Борьба за землю в Оше и Бишкеке после восстания 2010 года

В апреле 2010 года режим президента Бакиева был свергнут в результате жестокого восстания, в результате которого 87 человек были убиты и более 1000 получили огнестрельные ранения. Политический конфликт привел к этническому конфликту между кыргызским большинством и узбекским меньшинством пару месяцев спустя в Оше, унёсшим сотни жизней. Город стал местом отчаянной борьбы за власть между временным правительством и мэром-популистом Мелисом Мырзакматовым. Первый стремился мобилизовать поддержку кыргызского большинства для предстоящих парламентских и президентских выборов.

Несколько пожилых лидеров воспользовались раздробленностью элиты и слабой государственной легитимностью, чтобы

выступить с требованием жилья. Они успешно договорились о предоставлении ресурсов с временным правительством, которое чувствовало себя виноватым и напуганным в ситуации, лишь недавно затихших конфликтов и предстоящих выборов. Через несколько месяцев после трагических событий в городе они встретились с исполняющим обязанности премьер-министра Атамбаевым. Его запоздалое появление усугубило недостаточную легитимность временного правительства, предоставив пожилым лидерам дополнительные рычаги влияния на переговорах. Как объясняла Жаркын:

Когда [премьер-министр Атамбаев и другие министры] приехали сюда, всё, что они могли сказать: они не ожидали, что всё так обернётся. Но мы сказали им: «Посмотрите, сколько людей погибло! Это означает, что вы несёте ответственность! Теперь, после всех ошибок, которые вы совершили, почему вы не вознаграждаете людей? Как вы можете быть настоящими лидерами страны?»

Жаркын считала, что временное правительство должно нести ответственность за произошедшее насилие и гибель людей в итоге и выплатить соответствующую компенсацию. После вышеупомянутой встречи Атамбаев, проводивший тогда президентскую кампанию, приказал местным властям немедленно найти и раздать землю под жильё малоимущим жителям. Он также поручил своим министрам произвести выплаты семьям, пострадавшим от насилия, и простить пострадавшим семьям их долги и плату за обучение (see Eurasianet, 2011).

Когда местные власти начали задерживать процесс распределения земли, пожилые лидерки мобилизовали около 1000 сельских мигрантов и захватили 80 гектаров принадлежащих этническим узбекам сельскохозяйственных угодий в Карасуйском районе, чтобы оказать давление на власти. Зейнеп, одна из старейших лидерок протеста, объясняла, что политическая элита опасалась повторения межэтнических столкновений, и ускорила выделение 500 гектаров земли из соседнего Карасуйского района примерно 45 000 претендентам. После президентских выборов власти распределили ещё 1124 га (see Ibrahimov, 2011). Несколько пожилых лидерок стали

членами комитета, регистрировавшего претендентов на получение земли. Они контролировали регистрацию около 45 000 заявителей, размещая их регистрационные данные на больших оконных панелях в мэрии для большей прозрачности процесса.

В Бишкеке жители неформальных и легализованных поселений также использовали восстание 2010 года как возможность добиться уступок для своих поселений и получить больше земли. Примерно через пару недель после восстания сотни неимущих этнических кыргызов двинулись в село Маевка, чтобы захватить земли, принадлежащие этническим туркам-месхетинцам, которые дали им отпор, защищая свои дома. В результате последовавшего насилия было сожжено много домов, несколько человек погибли. Новое временное правительство приказало армии остановить, в том числе с применением оружия, грабителей и «захватчиков земли» в попытке восстановить верховенство закона и общественный порядок, а также для того, чтобы завоевать доверие международного инвестиционного сообщества и местного бизнеса. Тем не менее, некоторые существующие неформальные поселения, такие как Ак-Ордо и Тынчтык, только расширились за счёт вновь прибывших семей мигрантов (Sanghera et al., 2012).

В период с 2010 по 2013 год внутренние мигранты организовали в Бишкеке более 2000 акций протеста, превратив город в очаг гражданской активности (see also Nasritdinov & Schroder, 2017). Пик активности пришелся на избирательный 2011 год, когда жители Ак Жара, Джумгал-Аты, Арча-Бешика, Ак-Ордо и других населенных пунктов вышли на демонстрации к государственным зданиям и перекрыли главные дороги. Они встречались с высокопоставленными государственными чиновниками и политиками, чтобы потребовать доступ к базовым коммунальным услугам и удобствам. В августе 2011 года жители Ак Жара второй раз за год перекрыли главную дорогу, заявив, что городская администрация не выполнила своё ранее обещание обеспечить электричество и воду. Атамбаев публично объявил выговор мэру Бишкека и губернатору области за их неудачи и приказал Бишкекскому городскому совету взять под контроль Ак Жар (Sanghera et al., 2012).

Администрация Бишкека попыталась улучшить инфраструктуру в населённых пунктах. Было построено несколько школ и детских садов, улучшено электро- и водоснабжение¹⁴. Несмотря на официальную риторику о включении новых жителей в общество, администрация Бишкека подчеркнула, что её бюджет ограничен, и призвала населённые пункты привлекать донорские средства и мобилизовывать собственные ресурсы. В одном случае НПО «Арыш» привлекла доноров для финансирования тренингов по самопомощи, юридическим правам и микрокредитному предпринимательству. С 2006 года в новостройках было создано 130 групп взаимопомощи с целью разработки дорожных карт по улучшению инфраструктуры. Деятельность «Арыш» и других подобных НПО отражала неолиберальную идеологию развития, которая перекадывала ответственность за социальное развитие на отдельных лиц и препятствовала политической активности и мобилизации. В нашем интервью с директором «Арыш», Талгатом, тот объяснил, что группы взаимопомощи пытались научить жителей «не перекрывать дороги и кричать», а разрабатывать собственные стратегии улучшения жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной главе было рассмотрено, каким образом постсоветское городское развитие в Казахстане и Кыргызстане породило низовое сопротивление неолиберальной коммодификации земли и недвижимости. Городские администрации и спекулятивный капитал предпринимали попытки лишить прав собственности и вытеснить из города немущие и мигрантские группы, гонясь за присвоением и цивилизованием городских пространств (Harvey, 2013). В нашем исследовании описан опыт противостояния неформальных поселенцев попыткам государственной и бизнес-элиты выселить их, а также их опыт утверждения своего права на город. Они выступили против неолиберальных земельных и

¹⁴По данным мэрии, из 47 поселков в 17 общая вместимость школ составляла 20 000 детей. В 2016 году в поселках насчитывалось 46 066 школьников. Имелось в наличии только семь детских садов общей вместимостью 2106 детей. Доклад Омбудсмана (2017) показал, что обеспечение питьевой водой в населенных пунктах Бишкека охватывало лишь около 67% жителей.

имущественных реформ, ставящих во главу угла интересы богатых и наделённых властью, и которые вели к неравенству, связанному с территориальным расположением и к социальным страданиям. Трактование земли и недвижимости велось ими с точки зрения социальных потребностей и человеческого благосостояния, а не как инструмент для приобретения богатства и власти (Sanghera & Satybaldieva, 2012).

Отношения между политическими режимами и контрдвижениями были сложны и многомерны (Goodwin, 2018). Постсоветские государства имели возможность по разному реагировать на требования движений о защите: принимать, размыывать или подавлять их. Низовые движения использовали традиционные и конфронтационные формы политических действий. Характер борьбы за жильё и землю отчасти определялся политическими структурами конкретной страны. Политические структуры Казахстана имели ограничивающий характер, они подавляли, кооптировали и устранили оппозиционных лидеров. Жилищные протесты ограничивались защитой ранее занятых городских участков, а не требованием новых уступок (Bayat, 2000). Относительно открытые политические структуры Кыргызстана позволяли сельским мигрантам проявлять инициативу и требовать новых уступок от государственных властей. Открытость политических структур создала определенные возможности для создания союзов между оппозиционными элитами и маргинализированными группами, что привело к расширению и улучшениям неформальных поселений.

Спекулятивный капитал в секторе недвижимости в Казахстане имел определенное влияние на отношение государства к неформальным поселениям. Класс рантье провел захват государства для продвижения городских и жилищных стратегий, облегчавших извлечение ренты. Иностранный и отечественный капитал подпитывал строительный бум в стране и спекуляции с недвижимостью. Общенациональные и местные власти проводили репрессивную и исключаящую городскую политику, включавшую лишение неформальных поселенцев полных прав на свои дома.

Планы городского развития предполагали снос неформальных поселений и строительство элитных жилых комплексов, торговых центров и бизнес-центров с тем, чтобы увеличить доходы государственного бюджета и отразить современный и глобальный имидж страны (Karrar, 2020). Потребности неимущих мигрантов в жилье имели для них второстепенный характер, а уступки со стороны государства были получены под сильным политическим давлением.

Быстрая легализация неформальных поселений в Кыргызстане и их официальное включение в состав города стали результатом низового сопротивления. Лидеры и активисты движения воспользовались происходившими тогда политическими волнениями, чтобы распределить и легализовать землю для групп неимущих и мигрантов. Государственная элита была вынуждена пойти им на уступки, после имевшего место временного политизирования бедности и отсутствия жилья. Массовых сносов домов и приказов о выселении не было. В некоторых случаях государственные администрации действовали от имени неформальных поселенцев против класса рантье, чтобы обеспечить свою политическую легитимность и власть. Несмотря на значительные успехи неформальных поселенцев, они не изменили природу прав собственности, которые продолжали благоприятствовать богатым в сравнении с бедными, а извлечение ренты по отношению к социальным нуждам (Sanghera & Satybaldieva, 2020).

Неолиберальный режим собственности доминировал в Казахстане и Кыргызстане, распределяя права, богатство и власть среди владельцев недвижимости и перекладывая ответственность за обеспечение общества жильём на частный сектор. Для решения проблемы нехватки жилья была принята модель доступного жилья на основе ипотеки, которая благоприятствовала семьям среднего класса (Sharipova, 2015). У многих семей из рабочего класса и неимущих мигрантов зачастую не было иного выхода, кроме как строить, покупать или арендовать жильё в неформальных или недавно легализованных поселениях. К таким поселениям

относились терпимо, поскольку те служили буфером для сдерживания общественного гнева и спроса на государственное жильё (Smart, 2001). Движения за жильё и неформальные поселения добивались обеспечения жильём со стороны государства или же высокорегулируемого рынка жилья, одновременно борясь с могущественным классовым союзом застройщиков, финансистов и плутократов.

ГЛАВА 8. ПРОТИВОСТОЯ ВЛАСТИ ДЕНЕГ: ДВИЖЕНИЯ ПРОТИВ ДОЛГОВ

В настоящей главе рассматривается возникновение и развитие анти-долговых движений в Казахстане и Кыргызстане. Представители данных движений выступали против пагубных последствий неолиберальной коммодификации денег, позволившей кредиторам присваивать доход за счёт взимания процентов. Их требования включали предоставление надёжных гарантий против неподъёмных процентных ставок, финансовых злоупотреблений и внесудебного изъятия имущества. Активисты данных движений также были заняты рефлексивным процессом интерпретации и оценки своего положения, а также вопросом установления причин возникших у них трудностей (Crossley, 2002a). С течением времени движения перешли от процессов индивидуализации и локализации долговых отношений к их политизации и интернационализации.

Антидолговые движения ослаблялись внутренними социальными и классовыми противоречиями, а также репрессивной реакцией государства на их требования (Goodwin, 2018). Различные группы заёмщиков предлагали противостоящие друг другу интерпретации долговых отношений, что вело к отсутствию классовой солидарности против мощного классового союза политической, финансовой и юридической элиты. В то время как городские заёмщики из среднего класса хотели ограниченного вмешательства государства, сельские заёмщики из рабочего класса выступали за радикальные решения. Государство применяло ряд дискурсивных, правовых, административных и принудительных тактик, чтобы всячески ослабить эти движения.

Данная глава состоит из пяти разделов. В разделе «Проблема долга» кратко рассматривается развитие долгового вопроса и его проблематика в Казахстане и Кыргызстане. Во втором разделе при опоре на наше первое тематическое исследование рассматривается вопрос того как заёмщики эмоционально переживали, интерпрети-

ровали и оценивали свою задолженность. В разделе «Антидолговая мобилизация в Казахстане» анализируется развитие анти-долгового сопротивления в Казахстане и имевшие место расхождения внутри него, а также сложное взаимодействие государства с лидерами движения. В четвёртом разделе анализируется борьба анти-долгового движения с государственной и финансовой элитой в Кыргызстане. Наконец, в заключении подводятся итоги главы, излагаются основные выводы и идеи.

ПРОБЛЕМА ДОЛГА

С обретением постсоветскими странами независимости в 1991 году, большинство населения было свободно от коммерческой задолженности (Hudson, 2015). В 1990-х и 2000-х годах кредитные учреждения Казахстана и Кыргызстана брали займы у американских и других западных финансовых институтов для финансирования быстрого расширения кредитования. Кредиты в тот период использовались главным образом для мелкой розничной торговли, недвижимости и потребления домохозяйств. Коммерческие банки и микрофинансовые организации Центральной Азии были интегрированы в глобальную цепочку капитала.

С момента обретения независимости казахстанские банки активно привлекали займы из-за рубежа, стимулируя внутренний кредитный бум. К настоящему дню более 80% экономически активного населения имеют задолженность (Panchenko, 2020). На банковский сектор приходилось 93% общего числа кредитов. Около 70% кредитов было связано с сектором недвижимости, что беспрецедентно быстро увеличивало цены на жильё (Seitz, 2020). К 2007 году 95% сделок с жильём финансировались по процентным ставкам в размере 15-20%¹⁵. Государственная ипотечная жилищная программа способствовала финансиализации рынка жилья (Yessenova, 2010). С 2004 по 2007 год было выдано 200 000 ипотечных кредитов на сумму 1,1 триллиона казахстанских тенге (Pchelyanskaya, 2016). Значи-

¹⁵Ипотечный кредит в размере 79 200 долларов США на приобретение небольшой студии под 15% процентную ставку в течение 30 лет составит 249 880 долларов США в виде процентных платежей в дополнение к основной сумме долга (Azattyk, 2014).

тельная доля ипотечных кредитов была деноминирована в долларах США, что отчасти отражало привлекательность более низких процентных ставок по кредитам, деноминированным в долларах США, по сравнению с кредитами, деноминированными в казахстанских тенге.

Финансовый сектор Кыргызстана также быстро развивался благодаря притоку иностранного капитала¹⁶. В частности, сектор микрофинансирования страны стремительно рос при поддержке западных доноров и финансовых институтов. Глобальные и региональные финансисты способствовали внедрению коммерциализации микрокредитования для получения более высокой прибыли на капитал. В 2014 году в Кыргызстане средняя процентная ставка по микрофинансовым займам составляла около 34%. В 2019 году Кыргызстан занимал пятое место в мире по размеру реальной процентной ставки по кредитам (The Global Economy, 2020). Высокие проценты являются регрессивной формой распределения доходов (Hudson, 2015). С 1995 по 2012 год микрокредитование позволило перевести до 125 миллиардов долларов США из бедных общин Глобального Юга в финансовые центры Глобального Севера (Mader, 2015).

Для Казахстана финансовый кризис 2007-2008 годов усугубился резким падением цен на нефть. Ситуация выявила зависимость отечественных коммерческих банков от западных кредитов, их соответствующее уязвимое положение. Банковский сектор столкнулся с нехваткой ликвидности, проблемными долгами и огромными убытками. Девальвация национальной валюты увеличила внутренний долг на 25-30% (Barisitz & Lahnsteiner, 2010). Есенбек Уктепбаев, лидер движения «Оставим народу жильё!» в Казахстане, утверждал, что финансовые элиты нарушили статью 282 Гражданского кодекса, выдавая кредиты в долларах США, поскольку закон запрещал операции в иностранной валюте внутри страны. Многие домохозяйства с трудом справлялись с высокими выплатами по ипотечным

¹⁶В 2015 году насчитывалось 24 коммерческих банка, в том числе 16 с иностранным уставным капиталом. В десяти из них доля иностранных акционеров составляла более 50% (International Finance Corporation, 2016). Государственных банка было всего два, на их долю приходилось 18% общего банковского сектора.

кредитам. Доля просроченных займов в общем объёме кредитов выросла с 7% в 2008 году до тревожных 38% в 2009 году (Barisitz & Lahnsteiner, 2010).

Кроме того, финансовый кризис заставил многие строительные компании в Казахстане закрыться, в результате чего около 450 проектов остались незавершёнными. Пострадали также более 62 889 дольщиков, взявших в банках кредиты для участия в жилищном строительстве. Из них около 16 000 дольщиков потеряли свои вклады в жилищных компаниях, покинувших страну, не завершив свои проекты. Многие дольщики были выселены из своих недостроенных квартир из-за невозможности вносить ежемесячные платежи (Rolnik, 2011).

В Кыргызстане проблема закредитованности имела значительные масштабы среди заёмщиков микрокредитов¹⁷, находящиеся в наиболее уязвимом социальном положении. Под предлогом расширения гендерных прав и возможностей женщины становились объектом продвижения микрокредитования (Bateman, 2010; Fedirici, 2014). Глобальная неолиберальная стратегия роста на основе долгов рассматривала маргинальные группы населения как предоставляющие высокодоходные инвестиционные возможности. Как объясняет Содерберг (Soederberg, 2014: 202), международные финансисты рассматривали женщин «как менее рискованный вариант инвестиций из-за врожденных гендерных характеристик, таких как обязательства воспитывать детей и больше работать». Исследование более 90 микрофинансовых организаций (МФО) в Центральной Азии показало, что ориентация на женщин улучшила финансовые показатели и прибыль данных МФО (Janda & Turbat, 2013). В Кыргызстане к 2015 году 62% заёмщиков составляли женщины, большинство из которых проживали в сельской местности (Sultakeev et al., 2018). В двух ведущих МФО страны, «Компаньон» и FINCA, доля женщин-заёмщиков была весьма высока — 85% и 67% соответствен-

¹⁷В Кыргызстане официальная оценка числа заёмщиков микрокредитов составляла 536 662 человек в 2016 году (Акчабар, 2016). В 2018 году количество людей с кредитными займами в Кыргызстане увеличилось на 64,7%. По прогнозам, Кыргызстан ожидает полномасштабный кризис чрезмерной задолженности, и он входит в число стран «группы риска» (Bateman, 2018).

но (Yale School of Management, 2011a). Как следствие, регрессивное распределение глобального богатства имело гендерные характеристики, поскольку женщины-заёмщики создавали большую часть прибавочной стоимости, частично перетекавшую к глобальным финансовым элитам (Fedirici, 2014; Keating et al., 2010).

Положения о финансовом регулировании в Казахстане и Кыргызстане свели к минимуму правовую защиту заёмщиков и сняли ограничения на процентные ставки, что способствовало становлению хищнического кредитования (Soederberg, 2014). Отсутствие финансового регулирования породило криминогенную среду в финансовом секторе (Black, 2011; Tombs, 2012). Под давлением необходимости расширения своих кредитных портфелей банки и МФО предлагали кредиты людям с низким уровнем дохода и плохой кредитной историей. В некоторых случаях субстандартное кредитование осуществлялось неофициально сотрудниками и менеджерами банков, которые присваивали себе выплаты заёмщиков. Субстандартное кредитование привело к большому количеству удержаний имущества. В нашем исследовании многие заёмщики сообщали, что банки значительно занижали стоимость их домов и другой недвижимости, используемой в качестве залога, и в короткие сроки продавали их инсайдерам по цене ниже рыночной.

Неолиберализация финансов усилила давление на социальных субъектов, заставляя их обходить нормативные акты в погоне за краткосрочной прибылью (Whyte & Wiegratz, 2016). Подобные злоупотребления были широко распространены в финансовом секторе (Parroski, 2016). У большинства заёмщиков не было иного выбора, кроме как вступать в неравные социальные отношения с кредиторами, часто навязывавшие первым свои условия. Хотя кредиторы оправдывали кредитные договоры как добровольные и равноправные, в действительности отношения вокруг долга предполагают дисбаланс власти и эксплуатацию, о чём говорилось в главе 3. В Центральной Азии заёмщики оказывались один на один с финансовыми учреждениями в отсутствие ощутимого уровня государственной защиты и прав, которые существовали и которыми пользовались заёмщики в развитых странах (Keating et al., 2010).

АФФЕКТЫ И ЭФФЕКТЫ ЗАДОЛЖЕННОСТИ

Кроссли (Crossley, 2002a) объясняет важность фактора напряжения для зарождения активности того или иного социального движения. Напряжение определяется здесь как эффект «негативного несоответствия между привычными ожиданиями, предположениями и способами существования в мире» (Crossley, 2002b: 679). Напряжение может вызвать протест, если оно способствует как аффективным элементам (например, гнев и стыд), так и когнитивным эффектам, выбивающим субъектов из рамок привычного для них взаимодействия с окружающим миром. В частности, связанный с долгом стыд является пагубной эмоцией, вызывающей целый ряд негативных психологических последствий, включая низкую самооценку, тревогу и депрессию (Engel, 2019).

В Кыргызстане напряжение, связанное с задолженностью по микрокредитам, усиливалось благодаря коллекторским технологиям, таким, например, как использование чувства стыда. МФО активно применяли технику пристыжения для того, чтобы максимально увеличить уровень возврата долгов (Karim, 2011). В нашем исследовании многие заёмщики отмечали, что испытывали сильное чувство стыда и гнева, когда кредитные коллекторы публично унижали их, угрожали судебным иском или нанесением физического вреда. Они находились в состоянии бесконечного страха и тревоги из-за постоянного притеснения со стороны коллекторов. Элиза, заёмщица из Кыргызстана, так описывала свою ситуацию:

Нужно быть каменным, чтобы выдержать их оскорбления и тактику террора. Как-то они пришли в школу, где я работаю, опозорили меня перед учениками и директором.

Элиза рассказывает о том, как на её рабочем месте был проведён процесс «пристыжения» для достижения существенного эффекта. В условиях, когда от заёмщиков ожидается проявление высоких моральных качеств и дисциплинированности при выплате кредитов, честность и добросовестность Элизы оказались поставлены ими под сомнение, что вызвало у неё чувство сильного стыда. Подоб-

ный уровень публичного унижения и запугивания был новым опытом для многих заёмщиков.

Федиричи (Fedirici, 2014) поясняет, что кредиторы и международные агентства изучали различные механизмы, с помощью которых различные сообщества культурно обеспечивают соблюдение присущих им социальных норм. Женщины намеренно делались целью пристыжения, поскольку гендерно окрашенные нормы социальной репутации и уважения делают их чувствительными к позору в патриархальной культуре (Engel, 2019). В Кыргызстане сотрудники местных МФО часто привлекали районных государственных чиновников (акимов) и суды старейшин (аксакалов), чтобы пристыдить женщин за то, что те не возвращают долги.

Внедрив практику выдачи групповых займов, МФО превратили внутриобщинные отношения в механизм давления на должников со стороны окружающих. Такая форма долга усиливала степень стыда и моральной придирчивости по сравнению с долговыми отношениями между индивидуальными кредиторами и заёмщиками (Engel, 2019). Когда члены семьи или социальной сети превращались в квазиколлекторов долгов, это персонифицировало долг и дисциплинарную ответственность, усиливая чувство стыда. Несколько заёмщиц сравнивали стыд от задолженности с тем, что были «съедаемы» или «пожиряемы» им. Абьюзивные механизмы пристыжения оказались весьма эффективны, что объясняет парадокс высокого уровня возврата долгов среди уязвимых групп женщин (Fedirici, 2014; Karim, 2011; Keating et al., 2010).

В дополнение к пристыжению финансовый сектор во внесудебном порядке прибегал к взысканию имущества заёмщиков (Kudryavtseva, 2016; Kushnareva, 2008). Просрочка платежа более чем на 60 дней позволяла банкам и МФО изъять залоговое имущество без решения суда¹⁸. Многие заёмщики не ожидали, что финансовые учреждения будут так агрессивно добиваться обращения взыскания, рассчитывая, что некоторые уступки по отношению к

¹⁸По словам юриста Рузели Транбаевой, в Кыргызстане банки и МФО заставляли заёмщиков подписывать соглашение о внесудебном изъятии имущества в качестве условия предоставления кредита (Kudryavtseva, 2016).

ним дадут им больше времени для погашения кредита. Вместо этого, как отмечала Айнагуль, региональная лидерка анти-долгового движения в Кыргызстане, «люди теряли дома только потому, что не могли выплатить кредит в 1000 долларов США».

Чувство стыда из-за выселения заставляло некоторых держателей ипотечных кредитов (ипотечников) сводить счёты с жизнью. В 2011 году 39-летний Марат Нуркенов спрыгнул с 9-этажного дома в Павлодаре, Казахстан, из-за того, что банк и суд выселили из квартиры его и его родителей. В том же году Кенжегуль Алинкулова, мать пятерых детей, подожгла себя во время принудительного выселения в Алматы (Bocharova, 2014). В Кыргызстане в 2011-2012 годах местные активисты зафиксировали самоубийства шести женщин в Таласе и одиннадцати — в Нарыне¹⁹. Всех их подтолкнуло к этому действию угроза конфискации имущества. Самоубийства в данном случае явились способом вернуть себе чувство контроля перед лицом непомерной боли и стыда (Engel, 2019).

Рохас и Стенберг (2016) изучили связь между выселениями и самоубийствами на примере 22 000 шведских домохозяйств. Было обнаружено, что вероятность самоубийства у людей, которые подверглись выселению, была в 9 раз выше. «Выселение можно понимать как чрезвычайно травматичный отказ, то есть как постыдный опыт, при котором человеку отказывают в удовлетворении его самых базовых человеческих потребностей. Предполагается, что одно только напряжение, связанное с угрозой выселения, может быть достаточно сильным, чтобы человек почувствовал невыносимость ситуации, и, следовательно, совершил суицидальный поступок» (Rojas & Stenberg, 2016: 411).

Процесс коммодификации денег оторвал рыночные отношения от традиционных ценностей, которые ранее защищали маргиналь-

¹⁹Случаи самоубийств, связанных с задолженностью, трудно задокументировать, так как они часто не регистрируются полицией как таковые. По словам гражданского активиста Шамиля Мурата, в Таласе покончили с собой шесть женщин, у которых было несколько маленьких детей. Ерланбек Омуралиев, руководитель общественного объединения «Кутман-Жол», зафиксировал одиннадцать самоубийств в Нарыне. Уголовных преследований не проводилось, так как не удавалось доказать ответственность финансовых учреждений, несмотря на наличие предсмертных записок с возложением на них вины (Vesti 2012).

ные группы от различных пагубных воздействий (Polanyi, 1944). Стыд и возмущение заёмщиц были более сильны в общинах, где присутствовало ожидание, что нормы и обычаи станут для них защитой от рыночных сил. Гульназ, лидерка национального движения в Бишкеке, объясняла это так:

Раньше кыргызы никогда не выставляли матерей с детьми на улицу. У нас даже слова «бомж» не было.

Гульназ отмечала, что исторически существовали гарантии того, что у людей будет кров, и их не бросят жить на улице. Большинство заёмщиков были шокированы тем, как традиционные ценности заботы друг о друге и человеческой общности были вытеснены рыночными нормами максимизации прибыли, «положив конец социальному миру, каким они его знали» (Crossley, 2002b). Неолиберальные финансы способны, как утверждает Грэбер (Graeber, 2011: 14), превратить «мораль в вопрос безличной арифметики» и в ходе этого процесса оправдать поведение, которое в ином случае «выглядело бы возмутительным и непристойным».

Местные жители также не могли понять, почему смерть заёмщика не аннулирует его долг. Долг переходил к оставшимся в живых членам его семьи. Элиза описала это следующими словами:

Больше всего нас возмущает то, что банки не идут на уступки, когда заёмщик умирает. Они перекладывают долг на других членов семьи, приходят на похороны и требуют выплат. У нас был такой случай в Токтогуле. Коллекторы пришли на похороны, отозвали в сторону плачущих членов семьи и сказали: «Не забудьте отдать нам деньги, которые люди принесли на похороны».

Кредиторы рассматривали выплату долга как главную юридическую и моральную обязанность членов семьи, имевшую больше значения, чем иные их заботы и обязательства. Их вопиющее пренебрежение к проявлению уважения, сочувствия и заботы о скорбящей семье, а также к соблюдению общественных обычаев на похоронах потрясло Элизу. Согласно действующему банковскому

и микрофинансовому законодательству, члены семьи несут ответственность за кредиты, обеспеченные залогом имущества, зарегистрированного на их имя. Практически все кредиты, включая групповые, обеспечивались имущественным залогом.

Самоубийства, связанные с долгами, стали серьёзной проблемой в армии Казахстана. Было обнаружено, что некоторые военнослужащие покончили с собой из-за невыплаченных кредитов. В 2014 году 27 задолжавших офицеров покончили жизнь самоубийством. Казахстан объявил 2015 год годом профилактики самоубийств в армии. Министерство обороны создало реестр военнослужащих, имевших крупные долги, которые затем были взяты под особую опеку (Prokopenko, 2015).

Еще одной трагической особенностью самоубийств, связанных с долгами, явилась ситуация, когда некоторые люди совершали самоубийство, взяв на своё имя кредит для члена своей семьи, коллеги или друга, у которых была плохая кредитная история. К примеру, в 2015 году уборщица школы в Туркестане совершила самоубийство во дворе школы из-за банковского кредита, взятого для коллеги по работе. В течение почти десяти лет уборщица с трудом выплачивала кредит, так как штрафные санкции увеличивали и без того крупный долг.

Неолиберальная финансовализация создала моральную экономику, прославляющую и поощряющую зарабатывание денег любыми средствами, нередко ценой пренебрежения человеческим достоинством и благополучием (Wiegatz, 2016). Чувства гнева, стыда и потрясения, порожденные угнетающей финансовой системой, ускорили зарождение анти-долговых протестов и соответствующую мобилизацию в Казахстане и Кыргызстане.

АНТИ-ДОЛГОВАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ В КАЗАХСТАНЕ

Сопротивление в Алматы

Кроссли (Crossley, 2002b) утверждает, что в вопросе восстановления гармонии между габитусом и средой обитания, напряжения могут вести либо к изменению привычных ожиданий и способов существования субъектов в мире, либо к изменению объективных условий их жизни. С одной стороны, субъекты могут возлагать вину

за имеющиеся проблемы на себя и/или определять свою ситуацию как неизбежную, тем самым нормализуя свои жизненные обстоятельства. С другой стороны, субъекты могут возлагать вину на структурные факторы и «чуждые группы» как на первопричины своих трудностей и страданий, рассматривая первые как способные к изменению. Для обозначения данного процесса интерпретации субъектами своей ситуации и атрибутирования вины Кроссли (Crossley, 2002b: 681) использует термин «ситуационное определение». В данном развивающемся процессе действующие субъекты дают рефлексивные и критические оценки вопросам ответственности, вины и возможных решений своих проблемных ситуации.

В начальный период в Алматы появилось множество низовых инициатив (таких как «Оставим народу жильё!», «Ел-Бирлиги», «За достойное жильё!»), направленных на облегчение тяжёлого положения ипотечных заёмщиков. Самое крупное среди них, — «Оставим народу жильё!», — было создано в 2008 году группой жителей Алматы, включавшей бывшего инженера Есенбека Укешбаева, риэлтора Эльмиру Искакову и бывшую учительницу Санию Ниязову. Как объясняла Эльмира на пресс-конференции (Aimbetova, 2008), они мобилизовали испытывающих трудности ипотечных заёмщиков после того, как банки отказались отсрочить им выплаты по ипотеке и пригрозили отобрать их дома:

Банк начал присылать уведомления о том, что выставит мою квартиру на аукцион, если я не погашу долг. Но мне нечем было платить. И тогда я сказала себе: «Не моя вина, что наступил этот кризис». Я поняла, что за своё право на жильё нужно бороться. Я увидела, что многие люди находятся в такой же ситуации. Поэтому мы и объединились.

На ранней стадии мобилизации имело место нечеткое представление о том, что с кризисом связаны внешние факторы, а банки ведут себя несправедливо. Вопросы о причинах кризиса практически не ставились. Цель заключалась в объединении как можно большего числа недовольных держателей ипотечных кредитов для коллективной борьбы за уступки со стороны банков. После пресс-конфе-

ренции данное низовое движение получило множество звонков из разных уголков Казахстана от желающих присоединиться. В течение нескольких недель «Оставим народу жильё!» мобилизовало тысячи неблагополучных ипотечников в Алматы, Астане, Шымкенте, Таразе, Уральске и Павлодаре.

Однако между членами движения существовала напряженность из-за различных интерпретаций проблемы задолженности. Представители среднего класса не выказывали желания политизировать данный вопрос или возлагать вину на кого-либо. Они искали «прагматичного решения» путем конструктивного диалога с представителями властями, отвечающими за сферу финансов. Они выступали за мораторий на отчуждение жилья, продление сроков погашения кредитов и реструктурирование ипотечных кредитов под более низкую процентную ставку. Эльмира Исакова, представлявшая «бизнес-класс» движения, хотела, чтобы движение не выдвигало радикальных требований, таких как списание долгов (Aimbetova, 2008):

Мы не просим списать наши долги. Все деньги мы вернем. До кризиса мы платили регулярно. Мы просто просим дать нам передышку. Ведь если банки сейчас начнут отбирать наши квартиры, целая армия людей станет бездомными. Для правительства это будет более серьезной проблемой, чем кризис неплатежей.

Заёмщики из среднего класса шли по пути индивидуализации и нормализации феномена долга, усвоив ранее рыночную этику отношений заёмщика и должника. Данная устоявшаяся банковская практика воспринималась как естественная, как «жизненный факт» (Sayer, 2015). Считая, что возвращать долги банкам — это морально верно, они избегали вопросов о природе финансового капитализма или о неравном положении кредитора и заёмщика. Они представляли себя честными и дисциплинированными клиентами и не стремились изменить существующие отношения господства и подчинения. Под руководством Исаковой движение отдало приоритет диалогу с Ассоциацией финансистов, Национальным банком Казахстана и Стабилизационным фондом с целью реструктуризации ипотечных долгов.

Семьи с низким доходом, включая крупные домохозяйства с нестабильным или неформальным доходом, составили около половины членов движения «Оставим народу жильё!». В 2009 году они потребовали полной или частичной амнистии долгов, возложив вину за своё положение на финансовый сектор. Лидер радикальной фракции, Эсенбек Уктешбаев, определял ипотеку как долговую кабалу, выступая за списание долгов (Kalashnikov, 2015):

У нас открылись глаза на многие вещи. Все соглашения, которые мы подписывали с банками, ставили нас в рабские условия. Банки брали кредиты у иностранных инвесторов по ставке от 1% до 3% годовых... Когда начался кризис, наши банки добились от государства и международных кредиторов списания 80% долгов и отсрочки выплат. Теперь мы просим наши банки списать нам долги. Тот же принцип должен применяться и к нам!

Эсенбек возлагал вину на отечественную финансовую элиту, бравшую дешёвые займы за рубежом, чтобы затем выдавать кредиты населению на ростовщических условиях. Он считал, что банки были обязаны предложить некоторые послабления заёмщикам, ведь те не являлись виновниками финансового кризиса. Банки воспринимались как жадные и бесчестные за отказ облегчить долговое бремя, существование которого было им выгодно. Казахстанское государство потратило около 18 миллиардов долларов США на спасение банков, чтобы обеспечить ликвидность и стабильность в финансовом секторе (Aliev, 2015). Радикальная фракция объясняла, что подобное спасение ухудшило состояние государственного бюджета и направило ресурсы частным коммерческим учреждениям, а не простым людям, которые в итоге задолжали ещё больше из-за девальвации национальной валюты.

Фракция провела множество голодовок и акций протеста перед банками и офисами правящей политической партии «Нур Отан», чтобы привлечь внимание к финансовой и политической несправедливости. Государство ответило арестами и штрафами членов радикальной фракции за организацию и участие в несанкционированных акциях протеста. Государство хотело подавить и устранить

любое инакомыслие в стране. В то время как государство терпимо относилось к членам движения из среднего класса, оно всячески стремилось ослабить радикальную фракцию (Goodwin, 2018).

Неудавшиеся союзы и раздробленность движений

В 2009 году неблагополучные дольщики организовались в различные движения после того, как им не удалось вернуть средства, вложенные в строительные компании (Korneeva, 2009). Зауреш Батталова, лидерка движения «За достойное жильё!» в Нур-Султане, объясняла, что множество дольщиков оказалось в безвыходной ситуации. На них оказывалось давление, чтобы они продолжали вносить ипотечные платежи за недостроенные дома. «Все эти годы они платили за “пустой воздух”», — говорила Батталова. После финансового кризиса большинство строительных компаний объявили себя банкротами и не предложили никаких компенсаций, даже несмотря на то, что дольщики имели решение суда в свою пользу.

Кроссли (Crossley, 2002b) утверждает, что новые ситуационные определения могут предлагаться группами или отдельными лицами, которые уже имеют дело с «проблемой», обладают собственными интерпретациями и пытаются работать с теми, кого она затронула. В 2009 году Айнур Курманов, лидер движения «Социалистическое сопротивление в Казахстане», содействовал организации испытывающих трудности ипотечников в единое движение «Казахстан-2012», поставившее себя задачу бросить вызов устоявшемуся политическому режиму на предстоящих парламентских выборах (Korneeva, 2009; Socialism.kz, 2016).

«Казахстан-2012» стал первым низовым движением, открыто преследующим политические цели под лозунгом «Меняйте свою политику или мы поменяем вас!». Курманов предложил членам движения структурную интерпретацию финансового кризиса и вопроса задолженности. Он возложил вину не только на отечественную финансовую элиту, но и на государство и международных кредиторов за создание и содействие приватизации и финансиализации рынка жилья. Содействие государства созданию жилищного/ипотечного кризиса он объяснял так (Regnum, 2010):

Поэтому государство несёт абсолютную ответственность за всё, что произошло. Хоть кто-нибудь контролировал ипотечное кредитование? Хоть кто-нибудь контролировал банки? А часть чиновников вообще была в сговоре с этими ФПГ. Государство несёт полную ответственность за произошедшее. И поэтому обязано достроить эти проекты... И наш расчёт состоит в том, чтобы создать массовые профсоюзы, общественные движения, социальные объединения. Важно сделать это «снизу», чтобы они представляли реальную политическую силу в перспективе... Мы можем, да, поддержать какое-то политическое движение в обмен на включение наших кандидатов в партийный список... Другой вариант — создавать собственную политическую партию.

Для Курманова государство являлось важным действующим лицом данного кризиса, играя роль посредника и регулятора рентных и долговых отношений (Andreucci et al., 2017; Parenti, 2015). Он рассматривал своё движение как вызов государству и статусу-кво. Движение вело кампанию за национализацию частных банков и строительных компаний, а также требовало льготного пакета для держателей ипотечных кредитов.

В 2008-2009 годах правительство не смогло адекватно решить проблему задолженности, ситуация усугубилась стремительным ростом цен на продовольствие, потерей рабочих мест и задержками зарплаты. Многие люди стали проявлять недовольство и политизироваться.

14 мая 2009 года «Казахстан-2012», «Оставим народу жильё!» и «Талмас» создали союз с целью консолидации низовых инициатив (Baitelova, 2009). Их союз открыто бросил вызов существующему политическому режиму и организовал множество протестов в конце 2000-х годов (see also Niyazbekov, 2018). Ими был также проведен форум оппозиционных сил с целью формирования единой оппозиционной партии, которой предполагалось принять участие в парламентских выборах 2012 года. В данном форуме приняли участие Демократическая партия Казахстана «Азат», Общенациональная социал-демократическая партия, Коммунистическая партия Казахстана и незарегистрированная партия «Алга!». На форуме было принято решение об объединении в единую партию.

Но единой партии не было суждено появиться, так как действующий политический режим быстро среагировал на социальные силы, угрожавшие его легитимности. В преддверии выборов государство начало ослаблять и подавлять оппозиционные движения. 22 сентября 2009 года Курманов получил несколько ударов металлическим прутком по голове от двух мужчин у входа в свой дом. В 2011 году против него и Уктешбаева было возбуждено уголовное дело по статье 327, часть 3 Уголовного кодекса, что заставило их скрыться в Москве (Yuricyn, 2011). Отсутствие этих, имевших большое влияние активистов, вызвало напряженность, раскол и разочарование в союзе²⁰ (see also Niyazbekov, 2018).

Тем не менее, политизация проблемы задолженности в преддверии парламентских выборов имела определенное влияние. Опасаясь консолидации оппозиционных сил, правительство выделило около 2,8 миллиарда долларов США на завершение жилищных проектов и предоставило некоторые льготы по ипотечным долгам (Rolnik, 2011). Государство стремилось добиться народного согласия на продолжение своего правления с помощью ряда точечных мер по умиротворению недовольных групп. Более того, оно демонстрировало свою готовность решать экономические проблемы, с учётом, что те не политизируются. Государственная поддержка представлялась как акт благотворительности. К примеру, мэр Нур-Султана Тасмагамбетов говорил, что государство следует похвалить за помощь дольщикам, потому что их контракты, заключенные со строительными компаниями, никогда не предусматривали государственных гарантий (Glushkova, 2011).

К 2012 году «Оставим народу жильё!» раскололось из-за желания лидеров движения дистанцироваться от оппозиционной политики, опасаясь за свою безопасность и полагая, что их цели будут достигнуты быстрее, если их требования будут деполитизированы. Искокова и её сторонники из среднего класса, выступающие на стороне бизнеса, покинули движение и присоединились к движению «Наш дом — Казахстан», созданное ранее Талгатом Акуовым. Другая ведущая активистка, Сулубика Жаксылыкова, покинула движение «Оста-

²⁰Особенно примечательно, что правоцентристские, поддерживающие бизнес оппозиционные партии, обладавшие большими экономическими ресурсами, не смогли отреагировать на социальное недовольство.

вим народу жильё!»), создав его копию под названием «Обеспечим народ жильём!» (Socialism.kz, 2009). Уктешбаев, вернувшийся в Казахстан в ноябре 2012 года, возглавил то, что осталось от «Оставим народу жильё!». Отколовшиеся движения отмежевались от политики, сосредоточившись на уговорах правящей элиты, в противовес тактике конфронтации.

Президентские выборы 2015 года предоставили ещё одну возможность договориться с государством о новых уступках по долгам. В преддверии выборов правительство широко разрекламировало свою программу рефинансирования ипотечных кредитов и пригласило общественные движения обсудить данную программу в Нур-Султане. По пути на дебаты Уктешбаев и другие радикальные активисты были арестованы. Санкционированное государством собрание состояло главным образом из представителей проправительственных движений и движений среднего класса, одобрявших и легитимизировавших государственную данную программу рефинансирования ипотечных кредитов. Получив место за столом переговоров, эти движения были кооптированы правительством (see Niyazbekov, 2018). Стратегия кооптации среднего класса являлась основой стабильности политического режима. Режим сумел сохранить свою власть в условиях существования оппозиции, выступающей за бизнес, и цветных революций в соседних странах в начале 2000-х годов (Ostrowski, 2009).

Правительство выделило 130 миллиардов тенге (345 миллионов долларов США) на рефинансирование ипотечных кредитов, однако для получения права на рефинансирование заявители должны были соответствовать строгим критериям, отдававшим предпочтение среднему классу. В рамках этой программы рефинансирования принимались заявки исключительно от лиц, способных продемонстрировать наличие регулярного дохода. Авторы программы также соглашались реструктурировать кредиты, выданные с 2004 по 2009 год. Процентная ставка опускалась до 3% со среднего уровня в 15%, срок ипотеки увеличивался до 20 лет. Лишь весьма немногочисленная категория социально уязвимых лиц получала право рефинансировать кредиты под 1% сроком на пять лет (Forbes, 2019). В рамках данной программы одобрение получили около 28 000 заявителей.

Вместе с тем, большинство заявителей получили отказ. Им не удалось снизить ставку по ипотеке или уменьшить размер долга. Большинство малообеспеченных групп населения сочли для себя недоступными условия рефинансирования. Процентная ставка в 3% за 20-летний период по-прежнему составляла значительную ежемесячную выплату относительно их ежемесячного дохода, пересмотренный же договор увеличивал общую сумму выплат по кредиту. Программа рефинансирования обходила стороной уязвимые группы заёмщиков, отдавая предпочтение заёмщикам из среднего класса. Джарлыгапова (Djarlygarova, 2017) указывает, что «под видом защиты граждан государство выручало избранные банки и более обеспеченных заёмщиков».

К 2016 году количество протестов по поводу ипотечных долгов показало значительное снижение. К некоторым протестам, организованным Жаксылыковой, лидеркой движения «Обеспечьте народ жильём!» присутствовало терпимое отношение со стороны политического режима. Если предыдущие митинги имели высокую степень политического наполнения и радикализма, то новые протесты были в основном перформативными, и направленными на то, чтобы пристыдить финансовую элиту. В одном случае протестующие организовали шествие с гробом, выставленным у входа в банк. Затем они побросали в гроб копии своих ипотечных договоров, громко оплакивая их. В другом случае они ворвались в здания нескольких банков, бросая нижнее белье в сотрудников банка и крича: «Заберите наши последние штаны!», подразумевая, что банки раздели их догола (Mun, 2016). На других митингах они стучали горшками и ходили с черными пластиковыми пакетами на голове. На одном из таких мероприятий они оделись в серые плащи, скандируя: «Мы не серая масса!», подразумевая, что к ним нужно относиться по-человечески (Eurasianet, 2016).

Отношения политического режима с анти-долговыми движениями не были нейтральными, напротив, он ставил в привилегированное положение финансовую элиту и общественные движения, поддерживающие бизнес (see also Jessop, 2002). Его возможности и ресурсы были более доступны для класса рантье и организаций

среднего класса, чем для радикальных движений и движений рабочего класса. Режим ослаблял и нейтрализовал оппозиционные силы и общественные движения, требовавшие надёжной защиты от рыночных сил. К 2018 году число протестов оказалось наиболее низким за многие годы в результате дальнейших ограничений на общественные собрания, демонстрации и митинги. Более того, классовая и социальная фрагментация серьёзно ограничили возможности радикальных движений в деле выставления требований, касающихся экономических преобразований (Goodwin, 2018).

Хотя стратегии и проекты государства носили откровенно классовый характер, вводились новые правила и меры для обеспечения некоторого уровня социальной стабильности и защищённости. В 2018 году центральный банк одобрил конвертацию долларовых ипотечных кредитов в тенге по курсу 188,35 тенге за доллар США (Forbes, 2019). Также было объявлено о схеме, предлагающей малообеспеченным заёмщикам возможность арендовать у банков изъятое у них жильё с возможностью последующего выкупа (Sputnik, 2020). Ограничив процентные ставки и штрафные санкции на уровне 60% и 10% годовых соответственно, государство заявило о внедрении более «гуманной» банковской практики.

Несмотря на риторику государства о борьбе с задолженностью, многие держатели ипотечных кредитов по-прежнему испытывали трудности с выплатами. В 2019 году уровень невозвратных кредитов держался на одном из самых высоких в мире — 14,1%. В 2020 году задолженность по ипотеке достигла 1,97 триллиона тенге (Panchenko, 2020). Президент Назарбаев предложил тем людям, что не справляются с долгами отказаться от предметов роскоши, таких, например, как лимоны.

Движение матерей в Нур-Султане

4 февраля 2019 года пять сестёр в возрасте от 3 месяцев до 13 лет погибли в пожаре, охватившем их летний деревянный дом («временку») суровой зимней ночью в микрорайоне Коктал-1, в Нур-Султане. Их родители работали в ночную смену, чтобы погасить три просроченных банковских кредита на сумму более 100 000 тенге

(236 долларов США). Ужасная смерть пяти невинных девочек вызвала спонтанную мобилизацию разгневанных матерей на местах, которые так же погрязли в долгах и были вынуждены снимать ветхие дома на окраине города. Государственные чиновники не присутствовали на похоронах и обвинили родителей в халатности. Подобные обвинения в адрес жертв ещё больше разозлили матерей.

Министр труда и социальной защиты населения Мадина Абылкасымова, окончившая Колумбийский и Гарвардский университеты и появившаяся на обложке Forbes на следующий день после трагедии, взяла больничный и избегала встреч с разгневанными и убитыми горем матерями. Трагедия продемонстрировала не только глубочайшую классовую пропасть, но и шокирующую степень презрения и отсутствия сочувствия к уязвимым и неимущим группам населения со стороны правящего класса.

Новая волна протестующих матерей потребовала предоставления жилья, списания долгов и увеличения социальной помощи для многодетных семей. Их призывы к списанию долгов пришлись как нельзя кстати, поскольку Назарбаев ушёл в отставку, а его нехаризматичный, непопулярный, собственноручно выбранный преемник Касым-Жомарт Токаев готовился победить на президентских выборах 9 июня 2019 года. 26 июня 2019 года, чтобы обеспечить свою политическую легитимность, президент Токаев подписал указ о списании долгов по потребительским кредитам, что позволяло правительству урегулировать долги «социально уязвимой категории граждан» (т.е. семей с четырьмя и более детьми, а также с детьми-инвалидами или детьми-сиротами).

Однако данная программа облегчения долгового бремени имела строгие критерии. Общая сумма семейного долга не должна была превышать 3 000 000 тенге (7900 долларов США), а каждый заёмщик имел право на аннулирование лишь 300 000 тенге (790 долларов США). По утверждению правительства, программой воспользовались около 500 000 человек, сумев списать долги на сумму около 276,3 млн долларов США (Eurasianet, 2019a). Кроме того, указ предписывал банкам и МФО списать все штрафы и пени, начисленные уязвимой категории заёмщиков по потребительским кредитам.

В целях ограничения хищнических практик кредитования указ президента Токаева также предписывал центральному банку запретить банкам начисление штрафов, комиссий и других платежей по необеспеченным потребительским кредитам, просроченным более чем на 90 дней. Банкам и МФО также было запрещено кредитовать людей с доходом ниже прожиточного минимума (78 долларов США) или уже имевших просроченные кредиты. Кроме того, центральному банку было поручено провести регистрацию и регулирование деятельности онлайн-кредиторов и ломбардов. В определенной степени именно движению матерей удалось заставить правительство ввести некоторые меры по контролю практик хищнического кредитования (BakerMckenzie, 2019).

Действия правительства в тот период мотивировались неолиберальными ценностями индивидуализма, личной ответственности и экономической независимости. Правительство представило меры, обозначенные выше как единовременный подарок финансово безответственным социальным группам. Вскоре после принятия указа об облегчении долгового бремени в СМИ началась кампания, обвиняющая матерей в зависимости от государства. Департамент по вопросам социального развития заказал 26-минутный документальный фильм о «социальном изживенчестве» и разместил его на официальном сайте администрации города Нур-Султан. Фильм демонизировал движение матерей и обвинял его членов в нежелании усердно работать и улучшать свои жизненные условия.

В сентябре 2019 года президент Токаев сократил социальную поддержку обедневших многодетных семей, обосновав эту меру как механизм стимулирования этики усердного труда. Также были внесены поправки в законодательство о социальном обеспечении. Согласно этим изменениям, получатели социальной помощи обязывались регулярно подтверждать своё право на получение социальной помощи, регистрироваться на бирже труда и участвовать в программах переобучения. Правительство озвучило неолиберальный моральный дискурс, в котором семьи рабочего класса обвинялись в праздности и невежестве (Lawler, 2004). Проводилось раз-

личие между «заслуживающими» и «незаслуживающими» помощи неимущими. Феномены бедности и задолженности индивидуализировались, побуждая группы с низким уровнем дохода нести за них личную ответственность.

Кроме того, ушедший в отставку глава государства Назарбаев выступил на публике отчитав «жадных матерей» за недостаток самостоятельности и посоветовал им «купить пару коров», чтоб самим заботиться о себе (Eurasianet, 2019b). Назарбаев делегитимизировал и дискредитировал движение матерей. Его выступление отразило классовые и гендерные моральные представления о том, что женщинам полагается не вмешиваться в политику, но заниматься домашним хозяйством. Вскоре после нападок Назарбаева на малообеспеченных матерей за отсутствие у них семейного планирования и предпринимательского духа появились новости о том, что его дочь Динара Кулибаева, которая вместе со своим мужем Тимуром Кулибаевым владеет крупнейшим в стране банком «Народный», приобрела замок XVII века под Женовой стоимостью 63 миллиона долларов США (Azattyq, 2019). По иронии судьбы, данной замок был частично оплачен за счёт выбитых с проблемных заёмщиков процентов. Кулибаевы имели возможность жить в роскоши за счёт тяжелого труда и прибавочной стоимости других людей, избегая общественного осуждения своего экономического иждивенчества.

АНТИ-ДОЛГОВОЕ ДВИЖЕНИЕ ПОД РУКОВОДСТВОМ ЖЕНЩИН В КЫРГЫЗСТАНЕ

Возникновение и развитие движения

26 мая 2016 года около 700 человек, в большинстве своём женщины из села, провели акцию протеста перед посольством США, требуя амнистии долгов со стороны банков и МВФ, которые были созданы и поддерживаемы USAID и Международной финансовой корпорацией Всемирного банка. На плакатах, которые они держали было написано: «Оссуру FINCA», «Долги убивают», «Спасите от банков наши дома» и «Люди важнее прибыли». То, что они сделали в тот день имело большое значение. Большинство

из них преодолели более 500 км, чтобы возложить вину за свою задолженность на финансовые институты, находящиеся под руководством США. Последние на протяжении последних тридцати лет продвигали стратегии накопления капитала, основанные на долге, или другими словами, модель развития «рост за счёт долга» (Soederberg, 2012, 2014). Протестующие привлекли внимание общественности к роли международных финансов в создании долговой кабалы, опровергнув миф о расширении прав и возможностей женщин через микрокредитование. Путь к этому событию был долгим и беспокойным.

История женской задолженности началась в 1995 году, когда USAID и Всемирный банк поддержали создание и развитие крупных МФО под лозунгом борьбы с бедностью и расширения прав и возможностей женщин²¹. Четыре крупнейших МФО (FINCA, «Компаньон», «Бай Тушум» и «Мол Булак») получили значительное финансирование от международных доноров, включая Международную финансовую корпорацию. К 2010 году они обслуживали 77% от всех микрокредитных заёмщиков и имели 52% микрокредитов в своем портфеле (Microfinance Centre, 2011).

Позднее данные МФО привлекли коммерческий капитал для увеличения масштабов и расширения своих финансовых операций. Международные доноры и инвесторы обязали МФО стать полностью коммерческими, что подразумевало взимание более высоких процентных ставок (до 44%) с заёмщиков (Bateman, 2010; Ruziev & Dow, 2013). Процесс коммерциализации привел к тому, что «Бай Тушум», FINCA и «Компаньон» стали полноценными банками,

²¹Работающее в стране подразделение FINCA начало свою деятельность по микрокредитованию в 1995 году, получив семилетний грант от USAID (Yale School of Management, 2011b). В 1996 году американская НПО Mercy Corps получила грант USAID на запуск программы микрофинансирования для поддержки предпринимательниц в сельской местности. Она основала четыре региональные организации микрокредитования, которые позже были реорганизованы и стали называться «Компаньон» (Yale School of Management, 2011c). В 2000 году небольшая местная НПО «Бай Тушум» заключила партнерство с американской НПО, получившей грант USAID для расширения микрокредитования в сельской местности.

хотя по-прежнему обслуживали значительное количество микрозаймов (Fitzgeorge-Parker, 2018). Подобный переход социальной миссии у микрокредитования к извлечению прибыли получил название «смещение миссии» (Bateman, 2010).

Спустя почти три десятилетия не существует убедительных доказательств того, что микрофинансирование способно значительно улучшить жизнь женщин в странах с переходной экономикой и в развивающихся странах (Bateman, 2018; Fedirici, 2014; Mader, 2015). Микрокредитование является эксплуататорским, непродуктивным и несправедливым механизмом, а микрозаймы вряд ли можно использовать для инновационного предпринимательства (Soederberg, 2014). В нашем интервью с директором Ассоциации микрофинансирования в Кыргызстане Максим признался, что не существует международных или внутренних показателей, свидетельствующих об улучшении жизни заёмщиков. Более того, он заметил, что 70% заёмщиков «очень дисциплинированно выплачивают кредиты... при этом они идут на жертвы в плане продовольствия, образования и здоровья», что «очевидно, причиняет им огромные страдания».

Многие из участвовавших в нашем исследовании заёмщиц изначально возлагали на себя вину за свои трудности, поскольку наиболее распространенные моральные дискурсы о финансах индивидуализировали данную проблему и демонизировали их как финансово неграмотных и недобросовестных, о чём говорилось в главе 3. Чтобы совладать с уплатой процентов, многие заёмщики также втягивали в долговую кабалу членов своей семьи и родственников. Как заметила Роза, региональный лидер движения против долгов: «Мы все стали рабами кредитов. Мы работали до смерти, но долг продолжал расти, пожирая нас!». Лишения и страдания заёмщиков не позволяли им жить как прежде. Испытывая гнев по поводу своего положения, они хотели перемен.

Большинство заёмщиков начали понимать и интерпретировать свою ситуацию, действуя на местном уровне. В 2008-2010 годах они спонтанно, интуитивно и локально реагировали на грозящие выселения и конфискацию имущества. Например, в селе Ат-Баши,

Нарынской области, несколько женщин-заёмщиц объединились, чтобы сжечь отделение МФО и уничтожить файлы и документы, касающиеся заёмщиков. В Джалал-Абаде группа женщин напала на судебных приставов, чтобы предотвратить выселение. В Оше многие женщины мобилизовались, чтобы подать в суд на банки и МФО за отказ признать конфликт в июне 2010 года форс-мажорным обстоятельством, что повлияло на торговлю женщин и их способность осуществлять платежи. В Бишкеке некоторые заёмщики коллективно требовали отсрочки выплат по кредитам из-за закрытия кыргызско-казахской границы в 2010 году.

На этом раннем этапе локализованной мобилизации активисты имели мало опыта и отдавали предпочтение решениям краткосрочных проблем. Как объясняла Айнаш, одна из лидеров анти-долгового движения в Оше, большинство женщин-заёмщиц были подавлены перспективой выселения и были ограничены в своих способностях оценить данные экономические практики и атрибутировать вину за сложившуюся ситуацию:

Мы даже не понимали тогда, что банки не принадлежат государству. Сначала мы начали вести переговоры [с банками] об уступках и продлении сроков выплат. Затем мы стали помогать женщинам защищать свои права в судах. Банки могли отобрать дома за 60 дней не имея на это судебных документов. Нашей главной целью было предотвратить конфискацию имущества и выселение семей на улицу.

Айнаш и другим женщинам не доставало знаний о банковской практике и своих правах. Вскоре они узнали, что суды и финансовые учреждения поддерживают неприкосновенность договора независимо от обстоятельств (see Sanghera, 2020). Женщины-активистки часто прибегали к сидячим забастовкам в местных отделениях банков и МФО, чтобы добиться от них уступок. В нашей фокус-группе несколько лидеров движения рассказали, что их «нападения» на кредиторов были настолько часты, что полиция перестала их арестовывать. Они вели переговоры от имени маргинализированных заёмщиков, чтобы продлить сроки погашения кредитов (see also

Satybaldieva, 2018). У руководителей филиалов не было иного выбора, кроме как прислушаться к их требованиям, и обычным ответом было продление графика погашения на 6 месяцев. При этом, они не отменяли штрафные санкции, не снижали процентные ставки и не списывали долги.

Но краткосрочные решения не помогли заёмщикам сократить или погасить долг. Их долги увеличивались после того, как к существующей задолженности прибавлялись штрафы и проценты. Кроме того, число заёмщиков значительно выросло, и стратегия активистов, заключающаяся в представлении интересов каждого заёмщика и индивидуальном посредничестве с кредиторами, оказалась непрактичной.

К 2012 году лидерки и активистки поняли, что для защиты прав заёмщиков необходимы законодательные изменения, и стали проводить политику, фокусирующуюся на юридических правах. Лидерки и активистки из Оша и Джалал-Абада приехали в Бишкек и провели серию акций протеста перед зданием президента и в бишкекском Парке Горького. Новость об их протестах быстро распространилась и привлекла внимание бишкекских активистов, которые присоединились к этим протестам и образовали с ними союзы. Как описывала Гульназ:

Поэтому в 2012 году многие задолжавшие женщины собрались протестовать в Парке Горького. Но никто не обратил на нас внимания и не помог. Тогда мы пригрозили сжечь себя, принесли канистры с бензином. После этих угроз вышли три парламентария и сказали: «Давайте создадим комитет и попробуем договориться с банками». В декабре 2012 года мы создали это движение, мобилизовав женщин по всем регионам, создав филиалы и назначив координаторов в дальних районах.

Активисты движения использовали угрозу нанесения себе вреда, чтобы получить доступ к политическим институтам, которые ранее их игнорировали. Впервые в стране был сформирован парламентский комитет для расследования банковской практики. Активистов попросили собрать доказательства имевшей место финансовой не-

добросовестности и мошенничества по всей стране. Это способствовало созданию в Кыргызстане общенационального движения, «Комитета по защите прав заёмщиков».

Проведенное активистами расследование финансовых злоупотреблений помогло им понять, что их задолженность по большей части не их вина. Тот факт, что тысячи людей страдают от закредитованности, указывал на то, что банки и МФО вели себя хищнически, пользуясь слабым регулированием. Именно в этот момент активисты движения начали критически осмыслять финансовую индустрию и её практики. Их «определение ситуации» перешло от индивидуализации долговых проблем к возложению вины на соответствующую отрасль и государство. Критические оценки движения, касающиеся ответственности и вины за сложившуюся ситуацию эволюционировали, что привело к появлению иных целей и стратегий (Crossley, 2002b; Porta & Diani, 2006).

Новая стратегия движения отразила переход от индивидуального посредничества, происходившего на уровне местных отделений к ориентации на правовые и структурные реформы на национальном уровне. Лидеры движения воспринимали государство как ключевой объект регулирования рентных отношений и стремились изменить законы, касающиеся банковского дела и микрофинансирования, дабы облегчить проблемы, возникающие из-за хищнического кредитования и отсутствия гарантий для заёмщиков. Получив доступ к парламентскому комитету по экономической и фискальной политике в 2013 году, лидеры движения представили обширные материалы о финансовых злоупотреблениях и мошенничестве и потребовали внесения изменений в финансовое законодательство. Их требования были следующими:

1. Запретить кредиторам изымать имущество, если это оставляет семьи бездомными.
2. Принять закон об индивидуальном банкротстве, включающий в себя постановление об облегчении долгового бремени.
3. Создать государственный фонд, предоставляющий доступные и долгосрочные кредиты.
4. Запретить передачу долговых обязательств другим членам семьи.

5. Запретить погашение долга за счёт пенсий и социальных выплат заёмщиков.
6. Запретить распространение ломбардов и пресечь деятельность нелегальных кредиторов.
7. Вернуть жильё заёмщикам, которое было отнято мошенническим путем.

Вышеуказанные требования стремились придать государству роль регулятора рынка. На тот момент активисты движения не требовали национализации банков, поскольку не были осведомлены о роли международного капитала в их закредитованности. Результатом расследования комитета стало несколько парламентских резолюций, в которых рекомендовалось внести изменения в банковское и микрофинансовое законодательство, в частности касающиеся имущественного залога, прав заёмщика и создания государственного фонда для рефинансирования долгов. Однако эти предложения встретили резкое сопротивление со стороны Национального банка Кыргызской Республики, финансовой отрасли и бизнес-лобби, включая Международный деловой совет и Инвестиционный совет. Центробанк отклонил предложение о создании государственного фонда, утверждая, что это внесет деформации в рыночную дисциплину и дорого обойдется государству.

После жарких переговоров президент Атамбаев подписал в 2013 году единственную поправку об ограничении ростовщических практик. Новая поправка ограничивала процентные ставки по кредитам 35%, а штрафы и комиссии — 20% от суммы кредита. Кроме того, для изъятия собственности требовалось решение суда, а заёмщикам запрещалось иметь несколько кредитов. В результате принятия антиростовщического закона центральный банк закрыл 99 МФО, повысил требования к стартовому капиталу и резервным фондам (Sabi, 2015). Однако поправки вызвали неприятие. Респондент Максим объяснял, что сектор микрофинансирования лоббирует отмену данного закона об ограничении процентных ставок.

Активисты анти-долгового движения считали, что новый закон не ограничивает возможности кредиторов по взиманию высоких процентных ставок и конфискации имущества. Кроме того, акти-

висты движения были недовольны тем, что государство отказалось создать государственный кредитный фонд, способный выдавать дешевые долгосрочные кредиты. Хотя взимание процентов как таковое стало устоявшейся практикой экономической ренты, и большинство заёмщиков в нашем исследовании не ставили под сомнение её обоснованность, поднимался вопрос об отсутствии альтернативных форм распределения кредитов. К примеру, Айнаш замечала: «Почему все средства уходят в частные и коммерческие структуры? Для нас, простых рабочих и фермеров, нет доступных кредитов». Активисты движения отмечали, что на кредитном рынке реальный выбор отсутствует, поскольку кредиторы являют собой ориентированные на прибыльность организации, не удовлетворяющие потребности малообеспеченных групп населения.

Не удовлетворившись результатами взаимодействия с парламентариями и достигнутым прогрессом, лидеры движения обратились с обвинениями против финансовой индустрии в Государственный центр судебной экспертизы, Управление омбудсмена и Верховный суд. Однако судебная система в подавляющем большинстве случаев вставала на сторону кредиторов. Так, рассмотрев около 8000 дел о финансовых злоупотреблениях в 2014 году и около 900 дел в 2015 году, Антикоррупционный деловой совет пришёл к выводу, что судебная система стоит на защите интересов кредиторов (Kudryavtseva, 2016). В случае неисполнения обязательств суды рассматривали кредит как собственность и актив кредиторов и обосновывали его возврат, указывая на верховенство закона и незыблемость договоров. Заёмщики, не выплатившие кредит, рассматривались как нарушители имущественных прав кредиторов на их деньги, а также как показавшие свою неспособность сдержать обязательство вернуть долг.

В ходе расследования, посвящённого вопросам изъятия имущества и его ареста, Комитет по экономической и фискальной политике установил, что судьи не принимали во внимание, что банковское и микрофинансовое законодательство нарушает статью 12 Конституции Кыргызской Республики, которая гласит, что частная собственность является неотъемлемым правом и люди не могут

быть принудительно лишены своего имущества. Судебные органы защищали права кредиторов и других владельцев собственности на владение, спекуляцию и распоряжение активами с прибылью, а не базовые человеческие потребности заёмщиков и других уязвимых групп населения, часто отдавая приоритет правам собственности богатых и влиятельных людей перед правами неимущих (Sanghera, 2020). Судебные органы и центральный банк санкционировали безответственное кредитование, расширяли «колониаторские структуры» долга, а также облегчали и нормализовывали вторичные формы эксплуатации, гарантируя исполнение соответствующих законов и методов регулирования (Soederberg, 2012).

Классовый союз политической, финансовой и юридической элиты создавал препятствия для лидеров движения. Реагируя на сложившуюся ситуацию активисты совершили поездки по стране для привлечения большего числа заёмщиков, испытывающих трудности, и призвали их присоединиться к движению в защиту своих прав. Как объясняла Гульназ, они организовали общественные форумы, чтобы проинформировать людей о вопросах задолженности:

В ходе организационных мероприятий мы узнали, что очень многие люди имели долги. Это было самым большим достижением движения. Мы показали общественности реальный масштаб проблемы... Всего несколько лет назад люди не признавались, что у них есть проблемы. Им было очень стыдно. Для некоторых чувство стыда было настолько велико, что они кончали жизнь самоубийством. Но сейчас люди начинают просыпаться! Мы рассказали людям, что у нас есть права и что их нельзя попирать. Пока это пробуждение слабое, но оно происходит... Мы не ожидали, что к нам присоединится так много людей. В нашем движении состоят тысячи. Без этой работы множество семей совсем бы пропали.

В ходе наших интервью многие заёмщики отдавали должное анти-долговому движению за то, что оно помогло им избавиться от чувства стыда. Они также осознали, что их тяжёлое положение было создано финансовой индустрией, а не является результатом их личной или моральной несостоятельности. Хотя движению с

трудом удалось ограничить власть финансового сектора, оно преуспело в распространении своих идей и требований. По словам лидеров, за период с 2008 по 2016 год движение выросло с нескольких сотен до примерно 40 000 членов, опровергая утверждения государственной и финансовой элиты о том, что лишь небольшая часть заёмщиков испытывает трудности с выплатами. Как отмечает Кроссли (Crossley, 2002b), общественные движения развиваются и растут, когда лидеры и участники приходят к новым ситуационным определениям, переносящим вину с личных на структурные факторы.

Недостаток поддержки у движения

В период с 2013 по 2015 год активисты анти-долгового движения предпринимали попытки заключить союзы с другими общественными силами, чтобы бросить вызов финансовой системе. Но им с трудом удавалось заручиться поддержкой интеллектуалов, молодёжных активистов из среднего класса, международных НПО и устоявшихся групп гражданского общества. Если в Казахстане ипотечники и дольщики квартир заручились поддержкой лидеров левой оппозиции, то в Кыргызстане активисты движения боролись в одиночку, имея мало точек соприкосновения с другими общественными силами. К примеру, активисты из среднего класса в Бишкеке нередко организовывали форумы, выставки и семинары, однако, по словам Мамедова, лидера левой интеллектуальной инициативы SHTAV, такая активность часто была некритичной, нерелексивной и «довольно ксенофобской по отношению к городской бедноте и внутренним мигрантам» (Nasritdinov & Schroder, 2017: 122). Его позиция, включающая продвижение интересов и нужд менее успешных групп общества оттолкнула активистов из среднего класса, которые ранее препятствовали расширению такого рода деятельности. Отсутствие левой политики и классовой солидарности значительно подорвало охват и результативность анти-долгового движения. Без поддержки образованной элиты и других социальных групп общественное движение застопорилось в своём развитии и не смогло провести эффективное политическое наступление.

Отсутствие поддержки со стороны организаций гражданского общества сделало анти-долговое движение уязвимым для коопта-

ции со стороны популистов и хищнических элит. Во время парламентских выборов 2015 года бывший депутат парламента Канатбек Исаев предложил лидерам движения сделку. В случае если лидеры успешно мобилизуют население для голосования за его новую партию «Кыргызстан», Исаев обещал продвинуть требования движения. Отчаявшись найти политических союзников, лидеры и активисты провели кампании по всей стране, чтобы мобилизовать избирателей для партии Исаева. Хотя Исаев добился успеха и был переизбран, он отказался выполнить свое обещание. Его невыполнение обязательств деморализовало членов движения и подорвало легитимность его лидеров.

Принимавшие участие в нашей фокус-группе лидерки движения рассказали, как корыстный и циничный политик «с типажом Остапа Бендера» обманул их. Они отметили, что переговоры с политическими элитами были утомительным и запутанным процессом, а возможности оказать на них давление появлялись только в исключительных обстоятельствах. В целом, предвыборные соглашения между элитой и маргинализируемыми группами часто оборачивались нарушением обещаний и горькими разочарованиями. Существующие теоретические рамки часто изображают бедных как оружие богатых (см. Radnitz, 2010). Но вернее было бы назвать их жертвами богатых. Политическая элита склонна использовать уязвимость общественных движений в своих интересах. Движение против долгов не получило большой популярности и успеха, отчасти потому, что политическая элита находилась в союзе с финансовой, а несколько высокопоставленных политиков частично владели банками и МФО, о чём говорилось в главе 1.

Новый манифест движения

В 2016 году финансовый кризис в России и повышение курса доллара США по отношению к национальной валюте Кыргызстана привели к тому, что всё больше людей (включая некоторые группы среднего класса) столкнулись с проблемой погашения своих кредитов. Кредиты, деноминированные в долларах США, привели к увеличению долгов более чем на 30%. Один из национальных телеканалов показал программу, в которой ведущие экономисты обсуждали разра-

зившийся кризис. Арсен, один из присутствующих там экономистов, подверг резкой критике монетарную политику центрального банка. На следующий день лидеры анти-долгового движения связались с Арсеном и попросили о встрече. Так он описал впечатление, которое на него произвела решимость лидеров движения бороться с задолженностью:

Даже не представляю, как они узнали номер моего мобильного. Меня поразило то, что эти женщины делали всю эту работу самостоятельно, без особого финансирования. Всё держалось на их энергии и энтузиазме... Моей целью было формирование национального дискурса. Я согласился записать своё видение решения долговой проблемы. Я вижу валютный комитет как механизм, который способен зафиксировать обменный курс и произвести дополнительные средства для государства, чтобы использовать их для спасения заёмщиков.

В течение нескольких лет Арсен выступал против монетарной политики центрального банка, стремясь привлечь внимание общественности к своим идеям и сформировать общественный дискурс. Арсен и лидеры движения нуждались друг в друге. Он написал свой манифест на кыргызском языке, напечатал 25 000 экземпляров на собственные средства, а затем распространил их среди сельских заёмщиков по всей стране. Активисты движения наконец-то нашли эксперта в качестве своего союзника, который уже имел дело с «проблемой» и предлагал её решение (Crossley, 2002b).

Однако новое ситуационное определение не сразу получило широкое признание, хотя лидеры и активисты движения интегрировали его в существующее понимание проблемы (Crossley, 2002b). Новая интерпретация проблемы, предложенная Арсеном, указывала на зависимость центрального банка от директив Международного валютного фонда. Значительную долю вины он возлагал на международные финансовые институты за их поддержание финансовой системы, укреплявшей доллар США по отношению к национальной валюте, что только усугубляло долговой кризис. Члены движения не до конца понимали экономическую теорию валютных комитетов. Но они приняли новое

атрибутирование вины, которое также находило свое подтверждение в их встречах с банковскими чиновниками. Как объяснял Жибек, один из лидеров движения на общенациональном уровне:

В наших проблемах виноваты эти международные банки. Они — главные виновники. Когда мы общались с чиновниками из центрального банка, они говорили: «Ты думаешь, мы здесь принимаем решения? Мы здесь абсолютно бессильны! Все проблемы решают люди по ту сторону океана». Мы поняли, что во всём виноваты все эти иностранные банки, такие как Всемирный банк. Мы думали сжечь их офисы дотла. Но потом Арсен сказал, что это не поможет. Поэтому мы пытаемся добиться изменений с помощью его манифеста.

Атрибутирование вины, данное Арсеном подтвердило подозрения лидеров движения о том, что центральный банк не обладает большой автономией и что именно международные финансовые институты определяют практику кредитования. Члены движения начали приходить к пониманию, что средства, поступающие от международных кредиторов в местные банки, предоставляются им на определенных условиях. Несмотря на отсутствие полного понимания ситуации, лидерки инстинктивно чувствовали, что реальная власть находится в руках международных институтов. Скрытый характер властных отношений коренился в классовой зависимости местных женщин и международной элиты. Классовая зависимость являлась в данном случае более изопренной, потому что «эксплуататоры [были] более скрыты, более отдалены», а механизмы эксплуатации не были ни очевидны, ни четко различимы (Fedirici, 2014: 235).

В 2016 году новое «определение ситуации» подтолкнуло лидеров движения к разработке новой стратегии, ориентированной на национальные и наднациональные институты. Была проведена кампания по всей стране для продвижения манифеста Арсена. Кроме этого, они призвали крупные международные агентства признать мошеннические финансовые практики нарушением прав человека и направить свои донорские средства и капитал в государственные бан-

ки, а не коммерческим кредиторам. Однако обращение движения к международным правозащитным и демократическим организациям было встречено молчанием. Активисты движения поняли, что их случай не вписывается в прорыночную либеральную повестку дня организаций-доноров. Их разочарование в западных агентствах по продвижению демократии разделяло большинство активистов в Казахстане. Они весьма цинично относились к западным организациям, считая их присутствие в регионе возможным исключительно из-за его природных ресурсов (Niyazbekov, 2018).

Популярность манифеста побудила лидеров движения организовать несколько крупных собраний в Бишкеке. На данных собраниях также присутствовали председатели центрального банка и Союза банков Кыргызстана, некоторые высокопоставленные парламентарии и ряд представителей государственных министерств. Это был первый случай, когда председатель центрального банка встретился с крупной аудиторией заёмщиков и ответил на их вопросы. На данных собраниях присутствовало по 3000-4000 человек из разных регионов страны. Они держали плакаты на кыргызском и русском языках с осуждением коммерческих банков и требованием реформ.

Арсен отмечал: «Такое громадное количество людей, приехавших сюда, повлияло на [председателя национального банка и других]. Мы дали людям возможность высказаться, и они не сдерживались». После собраний был создан Межведомственный комитет по обращениям заёмщиков для расследования случаев мошенничества в банковском и микрофинансовом секторах и оказания помощи семьям, столкнувшимся с трудностями по выплате долгов. Лидеры движения получили статус наблюдателей в этом комитете. Вскоре после этого движение против долгов организовало акцию протеста перед посольством США, чтобы возложить вину за создание и поддержку хищнического кредитования в стране на USAID и Всемирный банк. Они особо выделяли «Бай Тушум», FINCA, «Компаньон» и «Мол Булак» как главных виновников финансовых злоупотреблений и агентов глобального капитала, заманивших сельские семьи в свою долговую ловушку.

Подавление движения государством

Кыргызское государство являлось местом противостояния различных классовых интересов. Страны-экспортеры капитала, международные финансовые институты и иностранные инвесторы оказывали заметное влияние на государство через условия предоставления международных кредитов, потоки прямых иностранных инвестиций и угрозу экономических санкций, о чём говорится в главе 5 данной работы. Как и в Казахстане, отношения государства с анти-долговым движением не были нейтральными. Его становление как «долгового государства» отвечало интересам международного капитала (Soederberg, 2014).

Государственная и финансовая элита предприняла ряд мер, чтобы ослабить и подавить движение. Центральный банк запугивал его лидеров, возбуждая против них уголовные дела, которые впоследствии были закрыты. Помимо этого, государство пыталось создать расколы и напряженности внутри движения. Комитет по обращениям заёмщиков опирался на рекомендации центрального банка о «достойных заёмщиках», определяя тех, кто должен получить долговую помощь. Комитет предложил реструктурировать долг небольшой группе заёмщиков. Некоторые из них затем провели пресс-конференцию, призвав других заёмщиков оставить движение, и решать свои споры через комитет.

Рассмотрев более 3000 заявок на получение помощи по поводу задолженности в 2016 году, комитет выпустил технический отчет, где объяснялось, какие группы заёмщиков, согласно указанным строгим критериям, не имеют права на получение помощи. Более половины заявок было отклонено, поскольку у заявителей не было кредита, они погасили свой долг или не испытывали трудностей с выплатами. Считалось, что заявители урегулировали свои кредиты, если они были вовлечены в судебные разбирательства или если их жильё было возвращено им в собственность. Треть заявок была отклонена, поскольку заявители отказывались от выплат и хотели подать заявление о банкротстве. Технический подход комитета был направлен на дискредитацию утверждений анти-долгового движения о долговом кризисе в стране и на лишение легитимности его

лидеров. Отчет был широко распространен в национальных СМИ. Анти-долговое движение было представлено как недобросовестное и ненадежное, не заслуживающее общественной симпатии и поддержки.

Финансовая и государственная элиты также стремились лишить лидеров движения возможности влиять на ситуацию, кооптировав их в Комитет по обращениям заёмщиков. Предоставляя лидерам статус наблюдателей в комитете, они надеялись, что движение начнет демобилизацию. Вместе с тем, будучи кооптированными в государственные структуры, лидеры движения оказывались вынуждены пойти на компромиссы и удовлетворить требования государства. В ходе этого процесса они подвергались риску потерять свою легитимность среди низовых активистов и членов движения. Общественные комитеты и независимые комиссии как правило были символическими жестами доброй воли элит в адрес недовольного электората, а также средством отсрочки непопулярных решений и действий до наступления более спокойных времён или для ослабления оппозиционных сил путём кооптации (Porta & Diani, 2006).

Одновременно элита стремилась умиротворить и успокоить движение. Встречи с аудиториями, полными разгневанных заёмщиков побудили их рассмотреть закон об индивидуальном банкротстве для людей, не справляющихся с долгами. В течение последних трех лет центральный банк под контролем Всемирного банка проводил встречи с международными экспертами по индивидуальному банкротству для оценки возможных предложений и изменений в этом законе. Пока остается неясным, будет ли принят данной закон об индивидуальном банкротстве.

В ответ на попытку государства дискредитировать движение, лидеры начали судебные разбирательства против финансового сектора. Они подали иски против кредиторов за составление договоров в нарушение банковского и микрофинансового законодательства. Верховный суд постановил, что их иски могут быть рассмотрены в региональных судах. Это стало победой для движения, поскольку заёмщики имели возможность подавать иски против кредиторов, не прибегая к дорогостоящим и обременительным

поездам в Бишкек. Лидеры движения подготовили юридический шаблон документов, чтобы помочь заёмщикам осуществить подачу своих исков.

В период президентских выборов 2017 года несколько активистов движения появились в медиацентре «Акипресс», чтобы раскритиковать кандидатуру Омурбека Бабанова, владевшего одним из крупнейших коммерческих банков страны. Во время предвыборной агитации, Бабанов пообещал выдавать банковские кредиты под 7%. Движение поставило под сомнение его обещание, описало и раскритиковало недобросовестную работу его банка и объяснило, что банк отказался снизить процентные ставки своим текущим заёмщикам, испытывающим трудности. Выступив против него, лидеры движения способствовали низкому рейтингу и поражению Бабанова, который в начале кампании считался фаворитом.

В 2020 году пандемия «Ковид-19» увеличила безработицу, что побудило активистов движения потребовать кредитных каникул для населения. В марте 2020 года центральный банк издал временный указ, рекомендующий коммерческим банкам и МФО отсрочить выплаты по кредитам на три месяца и прекратить начисление штрафов, комиссий и пеней. Однако большинство кредиторов не предлагали отсрочку платежей и обязывали заёмщиков как и раньше выплачивать проценты по кредиту.

После третьего политического восстания в октябре 2020 года вопрос о начислении процентов в период пандемии был поднят во время предвыборной кампании Садыра Жапарова на пост президента. Желая получить поддержку избирателей, Жапаров объявил, что государство компенсирует проценты по кредитам до 100 000 сомов (1190 долларов США) в течение трех месяцев или выплатит часть основного долга. Министерство финансов объявило, что эта мера поможет почти 600 000 заёмщиков на сумму 1,2 миллиарда сомов (14,2 миллиона долларов США) (Azattyk, 2020).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной главе была рассмотрена борьба анти-долговых движений в Казахстане и Кыргызстане. Международные финансовые институты

и агентства по развитию способствовали созданию и развитию банковского и микрофинансового сектора в Центральной Азии. Коммодификация денег позволила кредиторам присваивать доход за счёт высоких процентных ставок (Jessor, 2015). Экономическое развитие, опирающееся на долговые обязательства, явилось формой накопления капитала посредством неравного включения в рынок и материального лишения, что обогатило финансовую элиту ценой страданий и отсутствия социальной защищённости большинства населения.

Аффекты напряжения (такие как гнев, стыд и моральное потрясение) и наличие мошенических действий были важны для активизации мобилизации (Crossley, 2002b). Именно в таком контексте зародилась борьба активистов против долгов, их попытки противостоять неолиберальной коммодификации денег. Исследование показало важность внимания к внутренним структурным конфликтам для лучшего понимания обоснованности и нормативности социальной борьбы. Как отмечает Бурдые (1998), действия тех или иных людей не возникают из ниоткуда.

Борьба анти-долговых движений против финансовой и государственной элиты осложнялась внутренними социальными противоречиями и действиями государства с его тактиками подавления и кооптации. В Казахстане заёмщики из среднего и рабочего класса поначалу были едины в своих требованиях социальной защиты. Но по мере развития анти-долгового движения возникали различные интерпретации существующей проблемы и отличное друг от друга атрибутирование вины по классовому признаку. Фракция, выступающая за бизнес и фракция среднего класса предпочли следовать по пути деполитизированного экономического протеста и требований ограниченного вмешательства со стороны государства. Рабочий класс же стремился радикализировать движение и преобразовать существующие экономические механизмы. В то время как государство терпело и кооптировало прорыночные группы, оно ослабляло радикальную фракцию.

В Кыргызстане основной организующей силой мобилизации на социальную борьбу стали неимущие женщины из села. Городские НПО, представляющие средний класс и уже ранее суще-

ствующие организации гражданского общества проявили мало классовой солидарности с сельскими активистами и активистами из рабочего класса. Не имея финансовых ресурсов и широкой социальной поддержки, движение не смогло подорвать влияние финансового сектора в обществе. Государство пыталось дискредитировать и делегитимизировать движение, используя средства массовой информации, и ставя под сомнение честность и порядочность его лидеров.

Тем не менее, анти-долговым движениям в обеих странах удалось добиться некоторых уступок со стороны государства, чаще в периоды экономического кризиса или во время проведения избирательных кампаний. В Казахстане объединённые низовые движения заставили государство выделить средства на завершение жилищных проектов, реструктуризацию кредитов и целевое списание долгов. В Кыргызстане государство приняло закон об ограничении ростовщических процентных ставок и запрете внесудебной конфискации имущества. Крайне важно то, что данные движения повысили осведомленность населения о долгах и финансовом мошенничестве, противодействуя моральному представлению о финансовой индустрии как о благотворной и расширяющей возможности общества силе. Как утверждает Соederберг (Soederberg, 2012), крайне важным является прервать представление долга как нейтрального контракта, на который работающие бедные соглашаются добровольно и стоят в равных условиях, и от которого они, как утверждается, получают выгоду.

Отношения между контрдвижениями и государствами имели сложный, комплексный характер (Goodwin, 2018). Уступки центральноазиатских политических режимов движениям были ограничены по своей природе и масштабам. Применялись неолиберальные моральные дискурсы для демонизации и стигматизации получателей помощи по долгам как «недостойных». Движения и активисты дискредитировались, лишались прав и возможностей влиять на ситуацию. Вместе с тем, для подавления оппозиции и лидеров движений использовались государственные меры, включая физические и юридические нападки.

Внедрив неолиберальную финансовую политику, государства Центральной Азии переписали общественный договор, породив тем самым новую классовую зависимость между финансовой элитой и заёмщиками. Появились долговые государства, которые облегчали, оправдывали и нормализовывали неравные классовые отношения для обеспечения накопления капитала за счёт долгов (Soederberg, 2014). Они свели к минимуму надзор за финансовым сектором и устранили действенную защиту общества от хищнического кредитования. Политическая элита узаконила неолиберальное представление о долге как о средстве, расширяющем возможности. Людей побуждали не полагаться более на государственные ресурсы и коллективные возможности (такие как модель «социального государства» и профсоюзы), которые исторически были важны для снижения уровня бедности на Глобальном Севере. Центральноазиатские долговые государства предлагали ограниченное перераспределение доходов и побуждали бедные группы выходить из бедности путем личной ответственности и предпринимательства.

Деятельность и достижения анти-долгового движения следует рассматривать в контексте огромного дисбаланса сил между классовым союзом государства, финансистов и судебной системы, и противоположной стороны, представленной преимущественно бедными и трудящимися заёмщиками. Движения противостояли различным проявлениям власти государства, в дискурсивной, юридическом и принудительном планах. Финансовые институты по всему миру показывали успешное противостояние попыткам жёсткого регулирования и контроля их практик кредитования. Неолиберализм способствовал финансиализации экономики, деполитизировал и легитимизировал модель развития «рост за счёт долга». Пассивность в отношении финансового регулирования отражает степень принятия и нормализации неолиберального морального порядка со стороны правительства и части общества (Hudson, 2015). Для противодействия такими мощным силам необходимы наднациональные институты и глобальные анти-корпоративные движения для регулирования финансового капитала (Crossley, 2002b).

ГЛАВА 9. БОРЬБА ПРОТИВ КОММОДИФИКАЦИИ ДОБЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ: РАБОЧИЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ

В данной главе рассматривается опыт низовой борьбы рабочих и экологических движений в Казахстане и Кыргызстане. Неолиберализм легитимизировал и способствовал утверждению режима извлечения ренты в секторе природных ресурсов, что также предполагало извлечение прибавочной стоимости из труда работников и создание негативных эффектов для местных сообществ. В ответ на неравенство в сфере труда, отсутствие гарантий занятости, экономические лишения и разрушение окружающей среды, возникло местное сопротивление, требующее социальной защиты и трансформации существующих экономических отношений (Burawoy, 2015). Лидеры и активисты движения смогли образовать союзы с другими общественными силами, поставив под угрозу легитимность политического режима в Казахстане и содействовав свержению режима в Кыргызстане.

Политизация движения сопротивления со стороны рабочих и местных жителей была встречена сочетанием тактик — от кооптации до подавления с применением насилия. Принимающие государства отдавали предпочтение интересам транснационального капитала в отличие от интересов своих граждан и сотрудничали с иностранными корпорациями, стремясь заглушить глас народа и ослабить сопротивление (Gill, 2008; Goodwin, 2018). Классовый союз государственных элит и транснациональных корпораций обладал значительными юридическими, экономическими и политическими преимуществами перед местными активистами. Несмотря на это, лидеры движения и их сторонники продолжали свою борьбу. Они оценивали влияние неолиберальной маркетизации на их жизнь как вредное и пагубное и хотели добиться создания честного и справедливого общества.

Настоящая глава разделена на три части. В разделе «Сопrotивление нефтяников в Казахстане» исследуется эксплуататорский и пагубный характер существующего режима нефтедобычи, а также частота забастовок в стране. Во втором разделе, на основе нашего четвертого тематического исследования природных ресурсов, рассматривается борьба местных сообществ в Кыргызстане против горнодобывающих компаний, их требования улучшенного регулирования и увеличения льгот. Наконец, в заключении подводятся итоги главы, излагаются основные выводы и идеи.

СОПРОТИВЛЕНИЕ НЕФТЯНИКОВ В КАЗАХСТАНЕ

Рабочие протесты

29 июня 2019 года в вахтовом поселке Тенгиз в Жылое, Атырауской области, произошел конфликт. Имела место стычка местных рабочих с иностранными сотрудниками компании Consolidated Contracting Engineering and Procurement (CCEP), одного из многочисленных субподрядчиков транснациональной корпорации «Тенгизшевройл» (ТШО) (Тоiken, 2019). В результате данного столкновения более сорока иностранных сотрудников обратились за медицинской помощью. Насилие не удивило никого, включая государственных чиновников. Этот и другие конфликты являлись проявлением насилия и неравенства, пронизывающего сферу нефтяной промышленности. Столкновение было спровоцировано фотографией иностранного работника, держащего рацию, антенна которой была направлена в рот молодой женщины казахской национальности. Фотография продемонстрировала существование иерархии труда, связанной с гендерными и расовыми характеристиками.

Государственные чиновники и субподрядчик спешно попытались списать конфликт на культурное недопонимание. Прокуратура провела трудовые инспекции в 33 из 17 000 субподрядных организаций в стране. Сообщалось, что субподрядчики допустили 300 нарушений, было выписано штрафов на сумму 9 миллионов тенге (21 200 долларов США) (Hairulina, 2019a).

Трудовые конфликты на нефтедобывающих объектах в большинстве случаев пресекались и скрывались. Но когда столкно-

вения выходили из-под контроля и становились достоянием общест­венности, работа с ними шла по сценарию, разработанному государством и транснациональными компаниями для обеспечения безопасности и стабильности отрасли. Нефтяные корпорации немедленно дистанцировались от случившихся столкнове­ний, заявляя, что не несут никакой ответственности за обращение субподрядчиков со своими рабочими. В действительности, однако, транснациональные корпорации ТНК контролировали общий про­изводственный процесс, включая контрактные обязательства, а также оффшорные и оншорные практики. Государство, обладавшее номинальными возможностями регулирования, также переклады­вало вину на иностранных субподрядчиков, выставляя себя защит­ником прав рабочих. Субподрядчики типичным образом приняли вину на себя и депортировали иностранных рабочих-нарушителей. Конфликт между трудом и нефтяным капиталом представал разре­шенным вплоть до следующего столкновения.

Несмотря на частые конфликты на нефтяных месторождениях, количество материалов с анализом взаимоотношений между тру­дом и нефтяным капиталом, порождающих столь много насилия, поразительно скудны. Несмотря на то, что инцидент в Жанаозене привлек определенное внимание (Evans & Sil, 2020; Human Rights Watch, 2012; Kolesova & Beisembayeva, 2017; Salmon, 2011; Satpayev & Umbetaliyeva, 2015), роль транснациональных нефтяных корпо­раций в формировании трудовых отношений и реакция на это го­сударства часто упускалась из виду. Вину за недовольства рабочих часто возлагают на авторитарное государство, не учитывая факт переплетения государства с транснациональными корпорациями. Большинство исследователей (например, Gulbrandsen & Moe, 2005; Kendall-Taylor, 2012; Ostrowski, 2010; Satpayev & Umbetaliyeva, 2015) склонны патологизировать государство и изображать нефтяные корпорации либо невинными свидетелями, либо благожелательны­ми субъектами происходящего.

Есенова (Yessenova, 2012, 2015) предлагает критический анализ роли транснациональных корпораций в формировании специфи­ки экономической и политической сфер в Казахстане. Воттс (Watts,

2012) отмечает, что ведомство по делам нефтяных корпораций (а также смежных обслуживающих отраслей и финансовых институтов) явно отсутствует в доминирующих представлениях о нефтедобыче. Аппель (Appel, 2019: 38) утверждает, что когда нефтяные корпорации появляются на сцене, они одобрительно отделяются от государства и рассматриваются как воплощение либерализма, поскольку продвигают «рыночную рациональность перед лицом коррупции, стандартизацию перед лицом нерегулярности и универсальные экологические стандарты перед лицом невежества».

Неслучайно то, что транснациональные нефтяные корпорации ускользают из привычных описаний социальных и политических конфликтов, которые они порождают. Нефтяная индустрия структурирует обязательства и ответственность таким образом, что предстает удалённой от локального социального и политического контекста (Appel 2019; Sawyer, 2012). Понимание сопротивления нефтяников в Казахстане требует изучения того, как функционирует глобальный нефтяной капитализм, или того, что Аппель (Appel, 2019) называет «модульностью» нефтяных проектов, включающих в себя мобильные технологии, инфраструктуру, рабочую силу и режимы избегания рисков. Нефтяная промышленность несет ответственность не только за трудовые конфликты, но и за целый ряд социальных проблем, включая низкий уровень местного развития, деградацию окружающей среды и политическое насилие (Appel, 2019; Ferguson, 2006; Sawyer, 2012; Watts, 2009; Yessenova, 2012).

Анклавы и субподряды

Митчелл (Mitchell, 2011) призывает исследователей проанализировать вопрос того, каким образом добывается, производится и распределяется ископаемое топливо, с целью понимания структурного бессилия рабочего класса в нефтяной промышленности. В период с 1950-е по 1990-е годы рабочие и профсоюзы сыграли свою роль в укреплении т.н. «нефтяного национализма» (Bini & Petrini, 2019), изменившего соотношение между нефтедобывающими и нефтепотребляющими странами. Однако в неолиберальную эпоху глобальной нефтедобычи рабочая сила оказалась слабой и раздро-

бленной. Неолиберальная коммодификация труда часто порождала прекарность, социальную незащищенность, эксплуатацию и злоупотребления в отношении наемного труда, особенно характерных для самого низа производственной цепочки (Standing, 2016).

Существенный характер нефтедобычи не подрывает права трудящихся, скорее дело в том способе, которым нефтяные корпорации разрабатывают и эксплуатируют её производство, минимизируя риски и максимизируя прибыль, что ослабляет возможности работников и препятствует их контролю над производственным процессом. Уоттс (Watts, 2012: 441) отмечает, что нефтяной комплекс — это глобальная производственная сеть «с определенными свойствами, действующими субъектами, подсетями, структурами управления, институтами и организациями, но, по сути, мы имеем здесь особый режим накопления и способ регулирования». Анклавы, субподрядные работы по добыче нефти и повседневная операционная деятельность повлияли на трудовые практики и отношения, которые оказались настолько радикализованы, что поставили под угрозу само функционирование отрасли (Appel, 2019; Watts, 2012).

В начале реализации первого проекта ТПО местные нефтяники возлагали большие надежды на американскую нефтяную корпорацию Chevron, обещавшую повысить квалификацию местных работников и модернизировать производство (Jager, 2014; Yessenova, 2012). Однако вскоре они разочаровались в западном подходе к нефтедобыче, который преобладал на крупных проектах, таких как Тенгиз, Кашаган и Карачаганак, на которые приходилась большая часть добываемой в стране нефти. Первые соглашения о разделе продукции (СРП), подписанные между государством и транснациональными корпорациями, предоставили нефтяным компаниям свободу выстраивать производство без государственного вмешательства и регулирования.

В 1993 году компания Chevron получила 2000 квадратных километров земли под производственные объекты и жилые помещения на Тенгизе (Yessenova, 2012). Сегодня Тенгизский проект представляет собой крупный оншорный производственный анклав, состоящий из более чем 60 вахтовых поселков, самый крупный из которых вмещает почти 10 000 рабочих. Другие анклавы существуют

на других крупных нефтедобывающих объектах. Оншорные и оффшорные производственные анклавы — это суверенные инфраструктурные пространства с сильным корпоративным контролем и слабым государственным регулированием и налогообложением (см. также Appel, 2019; Watts, 2009). Такие анклавы зачастую отделены от окружающего населения колючей проволокой, частными охраняемыми структурами и строгим режимом идентификации, также они «тесно интегрированы с головными офисами транснациональных корпораций» (Ferguson, 2006).

В подобных анклавах в Казахстане рабочие-нефтяники испытывали недостаток свободы, автономии и равенства. Отделённые от своих семей и общин, они были вынуждены трудиться в условиях расово окрашенной иерархии и жёсткого контроля (Yessenova, 2012). Они были лишены автономии благодаря интенсивному, регламентированному и контролируемому режиму работы. Закрытый режим микроменеджмента оправдывался как средство минимизации несчастных случаев. В действительности же подобный режим работы позволял нефтяным компаниям добиваться беспрепятственного и непрозрачного процесса производства, путем дистанцирования от общественных и трудовых прав (Appel, 2019).

Ущемление прав трудящихся и контроль над производством облегчались субподрядными соглашениями, которые пронизывали всю цепочку создания стоимости в данном случае. Закон о недрах 1995 года был разработан юристами нефтяных корпораций США и предоставлял «иностранным нефтяным компаниям свободу выбора компаний, с которыми они желали бы сотрудничать», возможность избежать работы с казахстанскими компаниями (Ostrowski, 2010: 71). Заключение субподрядных договоров являлось весьма сложным механизмом, позволявшим нефтяным корпорациям пользоваться налоговыми лазейками, облегчать трансфертное ценообразование, избегать ответственности и максимизировать прибыль (Appel, 2019; LeBaron, 2014).

Транснациональные нефтяные корпорации опирались на обширную систему контрактов с целью минимизировать затраты на рабочую силу и обеспечить организационную гибкость (Yessenova, 2012). ТПО, к примеру, наняла компанию PFD в качестве ведущего под-

рядчика для одного из своих крупных проектов. PFD в свою очередь создала сеть из примерно 60 независимых подрядчиков для поставки оборудования, проектирования и строительства. ТПО и PFD также передали на аутсорсинг свои неосновные виды деятельности, такие как обслуживание оборудования, управление транспортом и объектами. Более того, большинство независимых подрядчиков, таких как компания *Senimdi Kurylis*, имели аналогичные соглашения об аутсорсинге, передавая на субподряд менее масштабные и менее сложные виды деятельности. Субподрядные работы приносили прибыль ТПО и PFD, поскольку субподрядчикам и субсубподрядчикам приходилось соответствовать требованиям большей гибкости и меньшей нормы прибыли. Система наемного труда ограждала транснациональные нефтяные корпорации и ведущих подрядчиков от прямой ответственности за напряженность и конфликты в производственной цепочке с низкой добавленной стоимостью.

Помимо этого, субподрядные контракты работали как часть стратегии «разделяй и властвуй», которая приводит к расовому разделению и подчинению труда капитала. Сектор разведки и добычи (E&P) в нефтяной промышленности способствовал появлению расово окрашенного классового разделения среди субподрядчиков и работников. Казахстанские компании исключались из производственных работ на новых месторождениях, оперируя на низкорентабельном производственном уровне²². Нурлан Жумагулов, генеральный директор Союза нефтесервисных компаний, объяснял, что, несмотря на недавние усилия по увеличению присутствия местных компаний в производстве через совместные предприятия, казахстанские компании не смогли получить новые контракты на производство в секторе разведки и добычи (Suleimenova, 2013, 2015; Yessenova, 2012). Новые законы о местном присутствии не изменили ситуацию существенно, поскольку зафиксированные в СРП положения о стабильности

²²Доля казахстанских компаний на рынке геологических и геофизических услуг составляла всего 28% (Global Value Chains Center, 2017). Местное содержание в закупках ТПО составляло всего 3%. Хотя ведущие казахстанские сервисные компании работали в России, Туркменистане, Китае и Индии, демонстрируя тем самым свою международную конкурентоспособность, внутри страны они не могли пробиться в производственную цепочку с высокой добавленной стоимостью.

защищали транснациональные корпорации от любого негативного воздействия со стороны нового законодательного акта.

Подавляющее большинство казахстанских нефтяников было занято в обслуживании неосновных секторов или «жоричневых месторождений», переданных на субподряд многочисленным незападным иностранным компаниям, что позволяло нефтяным ТНК рассредоточить ответственность и снизить затраты на рабочую силу (Hairulina, 2019a, 2019b). В настоящее время в субподрядных компаниях занято около 150 000-180 000 местных работников (Hairulina, 2019b). Большинство из них заняты на низкоквалифицированных работах, получают низкую оплату и имеют нестабильную занятость (see Jager, 2014; Yessenova, 2012). Транснациональные нефтяные корпорации сохраняя у себя в штате небольшое количество высококвалифицированного и хорошо оплачиваемого персонала, перекадывают ответственность за управление низкоквалифицированной рабочей силой на субподрядные компании. В то время как ключевые сотрудники ТПО имели доступ к роскошному жилью, большинство контрактных рабочих жили в вахтовых поселках внутри анклавов, с отсутствием там надлежащих удобств.

С начала добычи нефти в конце 1990-х годов доминирующие экономические практики и отношения подорвали сознание собственных прав и чувство достоинства у рабочих-нефтяников. Помимо того, что местным рабочим в основном доставались низкоквалифицированные и трудоёмкие работы, им также выделялся график работы с длинными сменами и небольшими перерывами на отдых, что носило опасный и эксплуататорский характер. Менеджеры субподрядных компаний часто дискриминировали и плохо обращались с рабочими, требуя от них больших усилий и производительности. Ягер (Jager, 2014: 507) замечал, что «молодые люди, работающие в нефтяной промышленности, не склонны хвастаться своей работой». Их работа не имела привлекательного характера, поскольку не вела к квалифицированной или постоянной занятости.

Возмущение и забастовки нефтяников

Несмотря на то, что местные рабочие протестовали по поводу оплаты и условий труда, первоначально они не обвиняли транс-

национальные корпорации в установлении «нового режима накопления и способа регулирования» (Watts, 2012: 441). Их понимание и интерпретация ситуации эволюционировали со временем, как и атрибутирование ответственности и вины за свои трудности и страдания (Crossley, 2002).

Первые забастовки нефтяников начались в 1996 году, происходя с тех пор регулярно. Эванс и Сил (Evans and Sil, 2020) полагают, что трудовые протесты в Казахстане являются скорее исключением, нежели правилом. Но это неверное предположение, поскольку здесь не принимаются в расчёт столкновения и забастовки внутри оншорных и оффшорных производственных анклавов. Нефтяная промышленность не публикует данные о забастовках, несчастных случаях и гибели рабочих. Нефтяная промышленность окутана тайной: «это мир, в котором даже самые базовые статистические данные могут не иметь никакого значения» (Watts, 2009: 10).

Первая волна забастовок стала ответом на массовые увольнения, в отношении которых ТНК использовали эвфемизм «операции по реструктуризации». С 1998 по 2005 год компания Chevron сократила штат ТШО с 6000 до 2569 человек (Yessenova, 2012: 103). В Кызылординской области канадская компания Hurricane Hydrocarbons сократила штат с более чем 5100 до 1900 человек. В Актюбинске CNPC сократила 2000 казахстанских рабочих из AMG (Ostrowski, 2010: 85).

В период данной реструктуризации местные нефтяники, относящиеся к ТШО, выступили против несправедливости и неравенства в оплате труда, эксплуататорских условий и нарушений своих прав на организацию независимых профсоюзов (Yessenova, 2012). Работающие по контракту сотрудники требовали социальной защиты от рыночных сил, стремясь обрести чувство достоинства, безопасность, защищённость и благополучие (Burawoy, 2015). Их действия были направлены против неолиберализации труда с её низкими зарплатами, «гибкой» и контрактной работой.

В таблице 9.1 представлены данные о природе и масштабах забастовок нефтяников в Казахстане с 1996 по 2019 год. Причины забастовок и трудовых конфликтов были постоянны на протяжении

нии двух с половиной десятилетий. В таблицу включены только те забастовки, о которых сообщалось в местных СМИ, таких как «Ак Жайык», «Азаттык» и «Курсив». Вполне вероятно, что фактическое количество забастовок было намного выше, чем заявленное.

Таблица 9.1 Забастовки нефтяников в Казахстане с 1996 по 2019 гг.

<i>Год</i>	<i>Трудовые протесты</i>	<i>Причины спора</i>
1996–98	Местные нефтяники организовали серию забастовок и протестов на ТПО	Массовые увольнения, неравная зарплата, запрет на профсоюзы
2000	Около 100 этнических казахов рабочих объявили забастовку на турецкой компании Zafer Inshaat, заключившей контракт на строительство города в американском стиле для руководителей ТПО в Атырау	Неравная заработная плата, плохие условия труда, дискриминация
2001	Протесты в принадлежащей Турции компании Fintrak-Tere, строительном субподрядчике ТПО. Забастовка была вызвана увольнением нескольких рабочих из числа этнических казахов, заставивших турецкого начальника раздеться на улице на морозе, после того как тот запретил им пользоваться обогревателями в неотопляемых раздевалках	Неравная заработная плата, плохие условия труда, плохое обращение со стороны руководства компании

<i>Год</i>	<i>Трудовые протесты</i>	<i>Причины спора</i>
2004	Протесты в принадлежащей индийцам компании Punj Lloyd, привлеченной в качестве субподрядчика на завод второго поколения на «Тенгизе»	Неравная заработная плата, дискриминация
2005	Около 500 рабочих устроили бунт в турецкой компании Gate Inshaat, бывшей субподрядчиком для реконструкции Атырауского нефтеперерабатывающего завода, эксплуатируемого национальной нефтяной компанией Каражанбасмунай	Беспорядки начались после избития 19-летнего этнического казахского рабочего турецким начальником
Апрель 2005 г.	Около 3000 местных рабочих устроили беспорядки на принадлежащей туркам компании Senimdi Kurylyys в Тенгизе. Среди бастующих присутствовали женщины-работницы, бывшие одними из самых низкооплачиваемых и имеющих самые плохие условия труда, работников	Рабочие протестовали против увольнения коллег, требовавших справедливой заработной платы и равного обращения

<i>Год</i>	<i>Трудовые протесты</i>	<i>Причины спора</i>
Октябрь 2006 года	Массовое восстание местных рабочих в Senimdi Kurylys на «Тенгизе», в результате которого пострадали 339 турецких рабочих, 136 из которых получили тяжёлые травмы	Избиение местного рабочего спровоцировало бунт; неравная заработная плата, увольнения, дискриминация, запрет на профсоюзы
Октябрь 2006 г.	Протесты этнических казахских работников на предприятии Gate Inshaat, работавшем на оншорном перерабатывающем предприятии «Болашақ», на «Кашагане»	Нарушения трудовых прав, прав человека
Январь 2007 г.	Около 300 этнических казахов работников протестовали на предприятии Gate Inshaat, работавшем на Атырауском нефтеперерабатывающем заводе	Неравные зарплаты и несправедливое обращение
Август 2007 г.	Около 350 иностранных работников на предприятии Senimdi Kurylys устроили акцию протеста на строительной площадке ТШО на заводе второго поколения	Языковой барьер между казахстанскими и филиппинскими рабочими; неравная заработная плата

<i>Год</i>	<i>Трудовые протесты</i>	<i>Причины спора</i>
Декабрь 2008 г.	Протесты более 1000 местных рабочих (нанятых несколькими европейскими компаниями (Bonatti, IGS Sichim и SSS) на береговом перерабатывающем комплексе «Болашақ», на «Кашагане»	Требования об увеличении заработной платы и введения вахтового метода работы
2009	Двухнедельная забастовка 2000 буровиков «Бургылау» (бывшее дочернее предприятие «КазМунайГаза»)	Требование национализации предприятия
2010	Протест нескольких сотен местных работников в принадлежащей ОАЭ компании Consolidated Contractors Company, работавшей на морских буровых установках на «Кашагане»	Неравная заработная плата, дискриминация
Апрель-декабрь 2011 года	Протесты тысяч рабочих, нанятых казахстанской компании «Озенмунайгаз», «Каражанбасмунай» (совместное владение китайской компании СГПС), и итальянской компании Ersai Caspian Contractor (совладелец - ENI)	Неравная заработная плата, запрет на создание независимых профсоюзов

<i>Год</i>	<i>Трудовые протесты</i>	<i>Причины спора</i>
Сентябрь 2012 года	Массовая драка в столовой на искусственном острове D в Каспийском море между казахскими и индийскими рабочими	Дискриминация, расхождения в заработной плате
Июль 2013 года	Казахские рабочие из британские компании CAPE Industrial Services и Manpower Services провели забастовку на искусственном острове D на «Каппагане»	Рабочих принуждали написать заявления об увольнении, что позволило бы компаниям избежать выплаты компенсации
Июнь 2019 года	Бунт рабочих компании, принадлежащей Consolidated Contracting Engineering & Procurement (ОАЭ), одного из субподрядчиков ТШО на стройплощадке завода третьего поколения	Неравная заработная плата, плохие условия труда, дискриминация

Источники: адаптировано из сообщений СМИ Ак Жайык, Азаттык и Курсив

Из таблицы видно, что многие забастовки и протесты происходили в различных вахтовых поселках в анклаве ТШО. Забастовки нефтяников были в основном реакцией на какие-либо конкретные события, имели разрозненный и спонтанный характер. Гнев местных рабочих был направлен на субподрядные компании, а не на «элитный союз» ТНК и государства, поддерживающего подобный режим производства. Многие местные рабочие упоминали о расовых и классовых различиях, сопровождавший режим нефтедобычи, что порождало озлобление и недовольство.

Мы работаем вахтовым методом: 28 рабочих дней в море, 28 дней отдыха. Наша [официальная] зарплата составляет около 70-80 тысяч тенге, но по факту мы получаем 35-40 тысяч тенге [около 240-270 долларов США] в месяц. Иностранцы проявляют вопиющее неуважение к местным работникам. Например, сейчас мы работаем на море при жаре плюс 52 градуса. Дышать невозможно из-за высокой влажности и духоты. Наши комбинезоны буквально обливаются потом. Нам не разрешают пить холодную воду, но сами арабы не выходят из своих прохладных комнат с кондиционерами. Разве это справедливо? Мы также отправили письма [в компанию с просьбой] прекратить общение на английском языке, потому что местные работники не понимают, чего от них хотят.

*Аскар, рабочий компании Consolidated Contractors Company,
месторождение Кашаган (Maitanov, 2010).*

На прием пицци отводится всего 20 минут. Если вы опоздаете на секунду, вас уволят! Затем [турецкая компания] ввела громкую сирену для начала приёма пицци и для его окончания. Прямо как в фашистских концлагерях!.. Люди стали очень озлобленными. [Компания] обращалась с нами как со скотом... Турки смеются над нами... Наши рабочие не могут вынести такого обращения.

*Анонимный рабочий,
Senimdi Kurylyys (Maitanov & Guzikov, 2006)*

Двое рабочих описывают здесь чувство гнева и стыда, испытываемое ими и другими работниками. Существовавший режим работы подразумевал микроменеджмент в чрезвычайно унижительной форме. Нефтяная инфраструктура, которая контролировала все аспекты трудового процесса, включая перерывы на приём воды и пицци, не позволяла им осуществлять адекватный контроль (Mitchell, 2011). Напряжённый и разобщающий режим труда порождал спорадическое насилие, направленное на иностранных рабочих, общавшихся на английском языке и монополизировавших привилегированные управленческие должности. В 2005 и 2006 годах в анклав ТПО

произошли крупные и сопряженные с насилием столкновения между турецкими и местными рабочими, нанятыми компанией Senimdi Kurylys, крупнейшим субподрядчиком на Тенгизе (Yessenova, 2012). Субподрядчик предлагал тогда наихудшую оплату и условия труда. ТШО оставался в тени, предоставив государству и субподрядчику разрешение данного спора.

Таблица 9.1 показывает, что несправедливая и неравная заработная плата была постоянным источником недовольства. Местные рабочие возмущались расистской оценкой их труда, принижавшей их вклад в производственный процесс и ценность как сотрудников. Нефтяная промышленность поддерживала расистскую практику в нарушение Трудового кодекса страны. Нурлан Жумагулов, генеральный директор Союза нефтесервисных компаний, подсчитал, что в среднем казахстанские рабочие зарабатывали в восемнадцать раз меньше, чем иностранные (Murza, 2020)²³. Иностранные работники составляли около 10% от общего числа рабочей силы в нефтедобывающем секторе, занимая главным образом ключевые руководящие и высокооплачиваемые должности.

Апшель (Appel, 2019) утверждает, что оплата труда прямо зависит от паспорта человека, и что в случае нефтяной промышленности это имеет глубокие колониальные корни. Разделение труда по расовому признаку оправдывалось утверждениями о различиях в навыках и талантах. Американцы и европейские сотрудники считались квалифицированными и потому заслуживали высокого вознаграждения, в то время как граждане стран третьего мира считались менее талантливыми и потому получали меньшую оплату. Расистская оценка труда являлась стандартной практикой в транснациональной нефтяной промышленности.

Среди других жалоб местных рабочих — отсутствие компенсации за сверхурочные и вредные условия труда, а также задержки заработной платы. К примеру, на ТШО часто происходили технические сбои, а ежедневное вдыхание токсичных газов превышало максимально допустимую норму в 12 раз в главном вахтовом поселке Тенгиза и в 40 раз на производственной территории ТШО.

²³В ТШО средняя зарплата экспата составляла почти 12 миллионов тенге в месяц, тогда как у местного работника — около 739 тысяч тенге.

С 1993 по 2000 год на Тенгизе погибло 64 сотрудника. После 2000 года статистика смертности в ТШО тщательно скрывалась (Crude Accountability, 2013).

Несмотря на то, что у рабочих имелись некоторые рычаги для остановки производства посредством беспорядков, руководство могло с легкостью увольнять участников и вносить в чёрные списки, что подрывало их права и свободы. Рабочие, которые сопротивлялись существовавшему режиму нефтедобычи, исключались из отрасли. Более 1500 местных работников были внесены в чёрный список ТШО под кодами 400 и 500, что препятствовало их повторному трудоустройству на Тенгизе (Crude Accountability, 2013). База данных заблокированных лиц была доступна всем подрядчикам и субподрядчикам, дабы внесенные туда люди не могли быть приняты на работу на других объектах.

Более того, неоднократные попытки работников объединиться и расширить свои возможности с помощью независимых профсоюзов регулярно пресекались. Первый низовой профсоюз на ТШО был разгромлен в 2003 году, что лишило работников эффективного механизма разрешения трудовых споров (Yessenova, 2012). Компания отказалась признать низовой профсоюз, уволила его членов и лишила его лидеров доступа в помещения компании. Как отмечает Crude Accountability (2013: 20), ТШО «активно и открыто выступает против создания независимых профсоюзов во всех своих подрядных предприятиях, хотя и заявляет, что поддерживает коллективные переговоры и уважает права работников подрядных предприятий». Компания учредила профсоюз, дружественный руководству, и использовала его для подписания коллективных договоров.

Стратегия ТШО по подавлению независимых профсоюзов стала образцом для подрядчиков, субподрядчиков и других крупных нефтяных компаний. Устоявшиеся подрядчики и субподрядчики, работающие с «Тенгизшевройл» не имели профсоюзов. Отсутствие независимых профсоюзов было одним из ключевых условий для того, чтобы стать субподрядчиком этой компании. Эсет Утеулиев, председатель Атырауского областного комитета профсоюзов строительства и промстройматериалов, жаловался, что Senimdi Kurylys распустил

независимый профсоюз и уволил его председателя после первоначального согласия на создание профсоюза. В Senimdi Kurylys объяснили отмену своего решения тем, что «создание профсоюза на предприятии должно быть согласовано с генеральным подрядчиком» (Crude Accountability, 2013: 20). Солидарность нефтяников была ограничена режимом нефтедобычи, который не только обеспечивал эффективное извлечение ренты, но и защищал себя от критики. Аппель (Appel, 2019: 58) отмечает, что западные менеджеры нефтяных ТНК часто жаловались на местную коррупцию и всю сопутствующую грязь, но никак не рефлексировали по поводу негативного влияния нефтяной промышленности на трудовые права.

Политизация забастовки в Жанаозене

В мае 2011 года нефтяники трех предприятий («Каражанбазмунай», «Озенмунайгаз» и «Ерсай Каспиан Контрактор») в городе Жанаозене, Мангистауской области, объявили забастовку. Первоначально они протестовали независимо друг от друга, но затем выдвинули схожие требования, включая признание независимых профсоюзов и равную оплату труда. Сатпаев и Умбеталиева (Satpayev and Umbetalieva, 2015: 125) отмечают, что «особенностью Жанаозена стало то, что трудовой конфликт зародился не в иностранной компании, а в дочерних предприятиях местной, контролируемой государством нефтегазовой компании “КазМунайГаз” (КМГ), за что прямая ответственность лежит на государственном руководстве». Проводя такое различие между КМГ и нефтяными ТНК, авторы лишь ещё больше запутывают вопрос касательно того, как в действительности функционирует нефтедобывающий комплекс.

Корпорация КМГ является младшим партнером в нефтедобывающем комплексе и не действует вне логики нефтяного капитализма. КМГ котируется на Лондонской фондовой бирже, частные акционеры владеют 39% акций компании (Salmon, 2011). Компания стремится ставить во главу угла акционерную стоимость и прибыль, никак не трудовые права. Два других предприятия, «Озенмунайгаз» и «Ерсай Каспиан Контрактор», функционируют в тех же условиях

иностранный собственности и имеют такие же расистские производственные структуры, как и ТШО, «Карачаганак Петролеум Оперейтинг» (КПО) и «Норт Каспиан Оперейтинг Компани» (НКОК). Протесты рабочих на этих предприятиях были аналогичны протестам на других объектах. Реакция руководства на требования рабочих соответствовала стандартной схеме: отказ от переговоров с бастующими рабочими и их последующее увольнение.

Однако особенностью сопротивления нефтяников Жанаозена стало то, что за семимесячный период напряженного противостояния между рабочими и нефтяными компаниями оно политизировалось. Протесты, проходившие за пределами вахтовых поселков как ответ на массовые увольнения, были заметны многим и привлекли внимание местного населения и других нефтяников в регионе. Жёны, матери и дальние родственники бастующих нефтяников демонстрировали им свою поддержку, перекрывая дороги (International Partnership for Human Rights, 2011). Небастующие нефтяники проявили солидарность, пожертвовав часть своих зарплат в забастовочный фонд, что помогло бастующим выжить в течение семи месяцев. Жители Актау и железнодорожники станции Шетпе жертвовали продукты питания для бастующих. Летом 2011 года в забастовке приняли участие около 12 000-18 000 человек (Rysaliev, 2011).

К июню 2011 года данная забастовка рабочих получила поддержку различных оппозиционных сил, которые способствовали еще большей её политизации. В июне и июле лидеры «Социалистического сопротивления Казахстана» и профсоюза «Жанарту» участвовали в митингах в поддержку забастовки и способствовали установлению контактов между местными рабочими и международными объединениями трудящихся, такими как «Комитет за рабочий интернационал» (CWI). Пол Мёрфи, ирландский социалист из CWI, и Таня Нимайер, член организации «Европейские объединенные левые/Лево-зеленые Севера», приезжали в Жанаозен. Они помогли привлечь внимание к забастовке, организовали международную кампанию солидарности, учредили фонд поддержки семей рабочих (Maitanov, 2011).

Либеральные оппозиционные силы, такие как «Азат» и «Алга», которые ранее не откликнулись на трагедию в Шаныраке в 2005

году и финансовый кризис 2008 года, обратились к рабочим с предложением присоединиться к их оппозиционному движению под названием «Народный фронт» (Mukhametrakhimova, 2012). Центральный комитет Коммунистической партии и «Алга» инициировали создание этого движения для участия в парламентских выборах 2012 года (Reuters, 2011; Toguzbaev, 2011). Народный фронт призвал нефтяников принять участие в выборах, проголосовав за Коммунистическую партию, которая была единственной на тот момент зарегистрированной оппозиционной партией.

Политизация забастовки была встречена государственными репрессиями. Радикализация рабочих росла по мере того, как государство и нефтяные компании отказывались вести переговоры, увольняли тысячи бастующих рабочих и заключали в тюрьму ведущих профсоюзных лидеров и активистов, таких как Акжанат Аминов, Наталья Ажигалиева, Куаныш Сисенбаев и Наталья Соколова. Попытки освободить лидеров были пресечены, государство в союзе с нефтяными компаниями подавляло сопротивление. В августе 2011 года жестокое убийство Жаксылыка Турбаева, нефтяника и активиста, и Жансауле Карабалаевой, 17-летней дочери председателя профсоюзного комитета «Озенмунайгаза», стало поворотным моментом в забастовке (Human Rights Watch, 2012). Их смерть вызвала шок среди бастующих, протестующих и сочувствующих, что привело к массовому выходу из правящей политической партии «Нур Отан» и присоединению к Народному фронту.

В конце лета поднялась новая волна низовых лидеров, таких как Роза Тулетаева, Талгат Сактаганов, Амангельды Лукпанов, Мухтар Умбетов и Максат Досмагамбетов (Тоiken, 2011). Они организовывали голодовки и озвучивали проблемы нефтяников на международных площадках, предоставленных Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе, Европейским парламентом и Конгрессом трудящихся в Москве (Grishin, 2012; Тоiken, 2011). В октябре 2011 года суд Алматы запретил Центральному комитету Коммунистической партии участвовать в выборах 2012 года. После данного решения Народный фронт потерял интерес к мобилизации нефтяников в рамках своего участия в выборах. Роза Тулетаева обвинила

лидеров Народного фронта в невыполнении обещания поддержать бастующих рабочих и их семьи (Kazinform, 2012).

В ноябре 2011 года низовые лидеры реорганизовали нефтяников в новую организацию «Рабочий комитет», что стало значительным шагом в деле политизации рабочих. Рабочий комитет объявил, что существующим оппозиционным политическим партиям нельзя доверять, и призвал нефтяников по всей стране бойкотировать парламентские выборы 2012 года. Также существовали планы создать свою собственную политическую партию и призвать к национальной забастовке в секторе природных ресурсов (Kenesary, 2011; Kurmanov, 2016).

Ключевой составляющей политической программы Рабочего комитета явилось требование национализации нефтяной промышленности, направленное на обеспечение контроля рабочих над добычей нефти. Рабочий комитет запланировал на 16 декабря митинг с требованием отставки президента Назарбаева и его правительства, а также общепромышленную забастовку. Когда протестующие собрались на митинг, силы безопасности расстреляли безоружных нефтяников, активистов и жителей (Kurmanov, 2016). Движение нефтяников было подавлено до того, как оно успело разрастись и приобрести общенациональное значение.

В существующей литературе (such as Human Rights Watch, 2012; Satpayev & Umbetaliyeva, 2015) касающейся произошедшего в Жанаозене насилия не уделяется достаточно научного внимания попыткам нефтяников противостоять глобальному капиталу и бороться с мощным союзом государства и нефтяных ТНК. Ставя интересы транснационального капитала выше интересов трудящихся, государство подавило движение (Goodwin, 2018). Государство стояло на страже режима накопления капитала, от которого зависели в том числе и его доходы (Jessop, 2002).

Доминирующий нарратив всячески стремился преуменьшить классовую составляющую конфликта (Human Rights Watch, 2012; Satpayev & Umbetaliyeva, 2015). СМИ страны демонизировали нефтяников как террористов и преступников, помогая режиму сохранять власть и авторитет. Свидетельства же нефтяников до сих пор

остаются неслышанными. Борьба их по сути касалась вопроса о том, кто владеет и контролирует природные ресурсы. Как объяснял анонимный нефтяник после произошедшей в Жанаозене бойне: «Это не терроризм, не провокация, не погромы. Это настоящая классовая борьба! Борьба против капиталистических захватчиков и грабителей нефтяного богатства страны. Ленин бы гордился нами!» (Aslamova, 2011).

После трагедии в Жанаозене нефтедобывающий комплекс предпринял ряд мер для предотвращения рабочих беспорядков в будущем. Правительство внесло изменения в уголовное и трудовое законодательство, стремясь воспрепятствовать созданию независимых профсоюзов, а также ввело уголовное наказание за организацию или участие в несанкционированных забастовках (Human Rights Watch, 2016). Для обеспечения международной легитимности правительство при поддержке ряда западных компаний по связям с общественностью (таких как американская BGR Gabara, лондонская Portland Communications и Tony Blair Associates, консалтинговая группа, возглавляемая бывшим премьер-министром Великобритании) подготовило сочувственные отчёты о Казахстане для СМИ и аналитических центров (Lewis, 2016). Внутри страны правительство развернуло кампанию в СМИ по дискредитации нефтяников. Многие из лидеров рабочего движения и оппозиционных активистов, отправленные в заключение в 2012 году, позже были освобождены и оставили политику.

Погоня за прибылью ценой благосостояния рабочих привела к промышленным беспорядкам. Из-за структурного характера недовольства со стороны рабочих, имело место продолжение забастовок и протестов на нефтяных месторождениях и в анклавах. Местные профсоюзные активисты сообщают, что после трагедии в Жанаозене в период с 2012 по 2015 год в отрасли произошло около 80 забастовок (Human Rights Watch, 2016). Подавляя мирную организацию рабочих, нефтяной комплекс рискует породить насильственные мятежи, которые уже ранее происходили в других нефтедобывающих странах, например, в Нигерии (Watts, 2012).

ПРОТЕСТЫ ПРОТИВ ГОРНОДОБЫВАЮЩИХ КОМПАНИЙ В КЫРГЫЗСТАНЕ

Протесты против золотодобывающих компаний в стране и на местах

Примерно за два месяца до парламентских выборов в октябре 2020 года драматический фильм под названием «Мекен» появился на YouTube после наложения на него запрета к показу со стороны государственной комиссии по кинематографии. В данном фильме рассказывается о противостоянии местного населения и китайской горнодобывающей компании, и, возможно, авторы картины могли вдохновиться реальным инцидентом, произошедшим за год до того. В фильме показан эпизод с нападением сотни местных жителей на работников компании, в результате которого добыча полезных ископаемых была приостановлена. Несмотря на критику фильма со стороны политической элиты за плохое качество и разжигание антикитайских настроений, фильм пользовался большой популярностью. В первую неделю после выхода он набрал более миллиона просмотров и получил в основном положительные комментарии. Один комментарий, опубликованный в августе 2020 года, предвещал то, что должно было произойти позже в том же году (Solo, 2020):

Во время просмотра фильма постоянно сравнивал главного героя с Садыром Жапаровым. Кумтор гораздо вреднее, там можно найти ещё более страшные вещи. Садыр Жапаров до сих пор сидит в тюрьме за то, что говорил правду. Народ мой, проснись!!!

В ночь на 5 октября 2020 года в Кыргызстане произошло третье политическое восстание, спровоцированное махинациями с подсчётом голосов на парламентских выборах. Некоторые протестующие воспользовались этой возможностью, чтобы освободить находящегося в заключении экс-парламентария Садыра Жапарова. До своего заключения он выступал за национализацию крупнейшего золотого рудника Кумтор и по этой причине обладал значитель-

ным политическим капиталом. Многие протестующие также входили в здания иностранных горнодобывающих компаний, включая офис компании Centerra в Бишкеке, российское золотодобывающее предприятие «Жеруй», казахстанское медно-золотое месторождение «Бозумчак» и принадлежащее китайским владельцам месторождение «Иштамберды» в Джалал-Абадской области. В Таласе местные протестующие подожгли золотоизвлекательную фабрику «Жеруй», причинив ущерб, оцениваемый в 15-20 миллионов долларов США.

После окончания восстания началась борьба за власть между различными фракциями. Сельские протестующие энергично поддерживали кандидатуру Жапарова на пост премьер-министра. О нём отзывались как о патриоте Кыргызстана, способном защитить национальные интересы и интересы людей села. Путь Жапарова от тюрьмы до поста главы государства показал силу народного и националистического отпора неолиберальному капитализму и навязываемой им экстрактивистской экономической стратегии.

Народный гнев, направленный против сектора добычи природных ресурсов зародился в конце 1990-х годов. Конфликты вокруг золотого рудника «Кумтор» способствовали свержению двух первых президентов страны (Pomfret, 2018). Данный сектор превратился в площадку социального и политического противостояния, где пересекались местные, национальные и международные интересы (Fumagalli, 2015; Horrocks-Taylor, 2018). Государство стремилось поощрять иностранные инвестиции, одновременно провозглашая защиту национальных и местных интересов. На практике же оно вставало на сторону транснационального капитала. Сопротивление местных общин хищнической и экологически вредной добыче полезных ископаемых с трудом противостояло симбиозу государства и капитала (Vyambajav, 2012).

Почти каждый горнодобывающий проект в стране в той или иной степени сталкивался с сопротивлением местного населения. Горные работы неоднократно приостанавливались из-за блокирования дорог, налётов на офисы, сжигания и разграбления

оборудования, нападений на персонал компаний. Большинство предприятий принадлежало и разрабатывалось иностранными инвесторами. В Баткене ни один горнодобывающий проект не был полностью введен в эксплуатацию из-за протестов местного населения (Nogoibaeva, 2016). В некоторых случаях компании полностью прекращали свою деятельность из-за давления местных жителей. В 2012 году принадлежащая России компания A.Z. International приостановила производство на золотом месторождении «Апрельское» (Dzyubenko, 2012). В 2013 году зарегистрированная в Австралии компания Z-Explorer прекратила свою деятельность на золотом месторождении Шамбесай (Trilling, 2013).

Несмотря на такого рода трудности, многие иностранные инвесторы продолжали свою деятельность из-за весьма высокого потенциала извлечения ренты. Многие горнодобывающие компании приспособились к национальной и местной оппозиции по отношению к себе, выработав различные стратегии преодоления сопротивления. После политического восстания 2020 года некоторые компании выступили с заявлениями, заверяя своих акционеров, что политическая нестабильность в стране не повлияет на их работу. В Кыргызстане насчитывается около 49 золотоносных участков, 39 компаний занимаются добычей золота (Asanov, 2018).

Опасения местных сообществ по поводу экологии

Сопротивление шахтёров было менее значительным по сравнению с сопротивлением местных жителей. Количество трудоустроенных в горнодобывающем секторе держалось на относительно невысоком уровне. Рабочие протесты обычно вызывались расхождением в зарплатах у иностранных и местных работников и носили кратковременный характер²⁴. Местные жители, проживающие рядом с шахтами, принимали активное участие в противостоянии государству и горнодобывающим компаниям.

²⁴К примеру, на золотом руднике «Кумтор», где иностранному персоналу платили в 14 раз больше, чем местным работникам, волнения среди местного населения уменьшились после того, как ежемесячный заработок местных работников вырос примерно до 3000 долларов США (Manasov, 2019).

В присущем СМИ дискурсе протестующие часто изображались как варварская толпа, сопротивляющаяся неолиберальному экстрактивизму (Nogoibaeva, 2016). Причины для протеста местных жителей не рассматривались всерьёз и списывались на политические интересы, маскирующиеся под экологические проблемы. В академическом дискурсе протесты против добычи полезных ископаемых, как правило, объяснялись конкурирующим клиентелизмом. Однако критические исследования показывают, что протесты были мотивированы искренней озабоченностью по поводу существующих проблем (Horrocks-Taylor, 2018; Nogoibaeva, 2016; Oxus International, 2013; Wooden, 2013). В восьми затронутых горнодобывающей промышленностью населённых пунктах, — Таласе, Джумгале, Нарыне, Джети-Огузе, Чаткале, Ала-Буке, Чон-Алае и Кадамжае — местные жители были глубоко обеспокоены влиянием золотодобычи на водоснабжение из-за утечек цианида или разрушения плотин (Oxus International, 2013). Попытки защитить землю и воду носили характер культурной и моральной борьбы за человеческое и экологическое благополучие.

Неолиберальная коммодификация природы в значительной мере перекадывала издержки на добычу полезных ископаемых на местные сообщества, что минимизировало операционные расходы, обязательства и риски ТНК, увеличивало их прибыль и стоимость акций. Неолиберальный экстрактивизм также имел разрушительные последствия для природы, поскольку хищническая добыча полезных ископаемых часто не регулировалась. Национальная и международная нормативно-правовая база в области добычи полезных ископаемых благоприятствовали интересам иностранных инвесторов, а не интересам страны и местных сообществ. Как следствие, горнодобывающие компании действовали хищнически, как будто «не существовало ни людей, ни культуры» (Landen & Fotaki, 2018). Разработанное под руководством Международной финансовой корпорации законодательство о горнодобывающей промышленности не предусматривало наличия экологического надзора из-за опасения спугнуть иностранные инвестиции (International Institute of Sustainable Development, 2018).

Так, поправки к Водному кодексу 2017 года позволили канадской компании Centerra сбрасывать отработанную породу на вершины двух горных ледников, а также загрязнять крупные реки из-за использования хвостохранилищ (OpenDemocracy, 2018). Помимо этого, Centerra освобождалась от обязанности выплачивать компенсации за нанесенный окружающей среде ущерб. На протяжении многих лет финансирование регулирующих органов сокращалось, что ограничивало их возможности по мониторингу загрязнённости и перекладывало ответственность за регулирование на промышленность, о чём говорится в главе 5. Часто встречались случаи, когда компании подгоняли данные и содержания отчётов, чтобы соответствовать стандартам экологической безопасности.

Хотя жители Баткена и изображались невеждами и варварами, они понимали последствия и опасность добычи полезных ископаемых. В частности, они подвергались воздействию радиоактивных отходов, полученных в ходе добычи урана (Nogoibaeva, 2016). Они также испытывали раздражение от того, что не проводились процессы рекультивации, и опасались, что эрозия хвостохранилищ в результате селевых потоков или естественного разрушения загрязнит трансграничные реки, что приведет к возможным конфликтам с соседними странами.

Действующее законодательство о хвостохранилищах и отвалах не требует от горнодобывающих компаний проектирования, эксплуатации и поддержания структуры отходов в соответствии с международно признанными стандартами и практикой. Хотя законодательство требует от них создания восстановительного фонда, оно не содержит четко сформулированных рекомендаций по восстановительным мероприятиям. Махмудова и Матсуи (Makhmudova and Matsui, 2019) утверждают, что предписываемые меры, касающиеся восстановления после добычи устарели и не учитывают технологически передовые стандарты очистки. Существующая правовая база не позволяет выработать экологически устойчивые нормы добычи полезных ископаемых.

Экологические проблемы усугубляются отсутствием таких экономических выгод как трудоустройство местного населения и развитие инфраструктуры. В Законе о недрах отсутствует положение

о местном содержании, которое обязывало бы компании приобретать товары и услуги, предлагаемые принимающей страной. Более того, изменения в Налоговый кодекс, внесенные в 2014 году, установили всего лишь 10%-ый налог на прибыль для золотодобывающих компаний (International Institute of Sustainable Development, 2018). Средняя эффективная ставка налога для золотодобывающих компаний, по оценкам, составляла около 11% — ниже, чем в других странах региона. Золотодобывающая компания на «Кумторе» не платила большинство налогов до 2002 года и пользовалась рядом налоговых льгот (Kronenberg, 2014). Международный институт устойчивого развития (2018) делает вывод, что законы Кыргызстана о горнодобывающей промышленности благоприятствуют ТНК.

Несмотря на озвучивание со стороны горнодобывающих компаний целей и деятельности в области корпоративной социальной ответственности, отсутствие четких руководящих принципов касательно содержания и объема социального пакета позволяло им задавать себе низкие цели и вносить минимальный вклад (Doolotkeldieva, 2020; International Institute of Sustainable Development, 2018). Неолиберальный экстрактивизм принимал во внимание социальные требования в рамках корпоративной социальной ответственности, но ограничивал их попытками купить для себя одобрение и минимизировать риски (Doolotkeldieva, 2020; Watts, 2005). Такие рамки никак не соответствовали социальным инвестициям советского периода, который характеризовался значительными расходами на физическую и социальную инфраструктуру (Manasov, 2019).

Местные жители и иностранные компании: отношения неравенства

В целом, сопротивление на местах добывающей промышленности имело затяжной, несистематизированный и эпизодический характер. Хотя большинство протестующих имели опасения связанные с экологией, требования более эффективного перераспределения ресурсов и экономического развития также представляли для них важность. Местные общины часто обосновывали свои требования, ссылаясь на свои социальные и моральные права, касающиеся земли.

Отношения неравенства, существовавшие между местными сообществами и горнодобывающими компаниями ограничивали эффективность сопротивления со стороны первых. Ситуация усугублялась небольшими возможностями государства на местном и общенациональном уровне. Так, например, жители села Кок-Серек в Джалаал-Абадской области выступили против разработки хвостохранилища медно-золотого рудника Бозумчак вблизи реки, бывшей единственным источником питьевой воды. «Казахмыс Голд Кыргызстан», входящая в казахстанскую компанию KAZ Minerals, изменила расположение своих отходов, чтобы удовлетворить требования местных жителей, но данное изменение не получило одобрение специалистов по охране окружающей среды и инженеров-строителей (Manasov, 2019). Местные жители также не были уверены, что новое сооружение для отходов в полной мере соответствует техническим и инженерным стандартам безопасности. Жители не могли призвать компанию к ответу, поскольку не обладали достаточными знаниями о предмете. Отсутствие государственного регулирования порождало подозрительность и враждебность по отношению к компании.

Горнодобывающие ТНК научились реагировать на протесты местного населения с помощью кооптации элит. Однако кооптация местной и общенациональной элиты часто приводила к фрагментации местных сообществ, что вело к росту социальной напряженности. Например, в 2013 году «Казахмыс» столкнулся с волной протестов, вызванной назначением субподрядчиком китайской компании, нанимавшей исключительно китайских рабочих. В «Казахмыс» объясняли, что по закону они не обязаны нанимать местных работников, но пообещали увеличить местное содержание. Местные работники составляли лишь 20% сотрудников «Казахмыса» (Manasov, 2019). Компания нанимала местных сотрудников преимущественно из обеспеченных и влиятельных семей. Последние оказывали значительное влияние на местные органы власти, с целью обеспечить дальнейшее функционирование рудника.

В некоторых случаях попытки договориться с иностранными компаниями оканчивались неудачей. Например, упомянутая в нашем исследовании китайская компания, купившая угольный разрез в Кара-суу, столкнулась с противодействием жителей небольшого горного села Алай. Жители отказались предоставить компании в пользование главную дорогу, проходящую через село для перевозки угля в Китай. Компания начала вести переговоры с аксакалами (судом мужчин-старейшин). Аксакалы перечислили свои требования, включавшие содействие в обеспечении питьевой водой, асфальтирование главной дороги, ежегодные взносы в фонд села, бесплатное предоставление двух тонн угля в год каждой семье, компенсацию за любой возможный ущерб, нанесенный домам, расположенным вдоль главной дороги, а также меры по поддержке местной экологии. Компания согласилась выполнить три условия: водопровод, бесплатное предоставление угля и компенсация ущерба. Компания отклонила требования аксакалов о создании фонда села и асфальтировании дороги.

Когда переговоры сорвались, китайская компания изменила свою тактику и неофициальным образом наняла двух местных бизнесменов для заключения сделки. Два местных бизнесмена обратились к аксакалам с просьбой об использовании главной дороги. Группа молодых людей в деревне выступила против, считая, что бизнесмены действуют от имени китайской компании. Однако на деревенском собрании большинство участников согласились дать бизнесменам разрешение на менее жестких условиях. В процессе принятия решений доминировали аксакалы. Кооптация местной элиты позволила китайской компании использовать дорогу без предоставления первоначального компенсационного пакета. Подобная тактика ведения переговоров порождала враждебность и недоверие к китайским компаниям, которые, как правило, не предлагали социальных программ, а предпочитали вести переговоры исключительно с государственными элитами.

По всей стране местные жители испытывали разочарование результатами переговоров и начинали прибегать к насильственным стратегиям. В Баткене жители 36 раз обращались в государствен-

ные органы и горнодобывающие компании, прежде чем прибегнуть к поджогу шахтерских поселков (Nogoibaeva, 2016). В результате роста насилия в 2012 году были внесены законодательные изменения, согласно которым компании обязались отчислять 2% от продажи полезных ископаемых в Фонды регионального развития (ФРР), от чего в первую очередь выигрывали шахтерские поселки. С 2014 по 2017 год по всей стране было создано 40 ФРР (International Institute for Sustainable Development, 2018).

Однако ФРР не охватывали соседние общины, которым приходилось договариваться с горнодобывающими компаниями о собственном социальном пакете. Неудивительно, что в подобной ситуации компании предпочитали реализовывать наименее затратные социальные проекты. «Казахмыс» неоднократно отклонял требования одного из посёлков заасфальтировать главные дороги, приобретя вместо этого электрические кабели для нужд посёлка (Manasov, 2019).

В последние годы некоторые местные общины попытались принудить новые горнодобывающие компании взять на себя обязательства по инвестициям в производственный сектор и созданию рабочих мест, не связанных с добывающим сектором. В 2018 году горнодобывающий лагерь в Джалал-Абадской области был подожжен жителями деревни, владелец компании принял решение об уходе. Новый владелец, китайская Manson Group, выиграла тендер в 2019 году и подписалась под амбициозной программой экономического развития деревни. Новая компания согласилась построить завод по переработке меда, кирпичный завод, модульный молочный завод, тепличный комплекс из поликарбоната, торговый павильон, газозаправочную станцию, мини-рынок, кафе, трехэтажный отель и туристический комплекс. Пока, однако, неясно, будет ли компания в действительности выполнять условия данного соглашения (Sputnik, 2018).

Политизация движения против «Кумтора»

Локальная мобилизация против золотого рудника «Кумтор» стала единственным движением в стране, получившим общенациональную и международную известность. Осведомлённость о нём сохранялась на протяжении почти двух десятилетий. Движение вза-

имодествовало с широким рядом участников, отчасти потому, что местные активисты использовали целый ряд стратегий для привлечения внимания к своим проблемам на национальном и глобальном уровнях (Horrocks- Taylor, 2018). Отправной точкой для движения против «Кумтора» стала кампания за предоставление компенсаций после случившейся утечки цианида. Движение росло и ширилось, с его стороны звучали призывы к национализации рудника, всё это бросало вызов доминирующему неолиберальному порядку. Но борьба между местными жителями и канадской компанией Сатесо была неравна. Компания заручилась поддержкой государства и её успех казался гарантированным, но подобное лишь подстегнуло национальный популизм в Кыргызстане.

После произошедшего в 1998 году разлива цианида компания Сатесо стремилась всячески преуменьшить его воздействие на местное население, хотя более 2500 человек получили отравление, четыре человека погибли. Компания Сатесо не предложила адекватной компенсации местному населению, пострадавшему от «аварии», в результате которой в реку Барскоон вылилось почти две тонны цианида и гипохлорита натрия. Инцидент показал способность данной транснациональной корпорации безнаказанно наносить вред населению и окружающей среде. Эркингуль Иманкожоева, бывшая работница текстильной промышленности, проживающая на Иссык-Куле, создала НПО «Карек». Своими целями организация провозгласила борьбу за компенсации за утечку, стимулирование местного экономического развития, улучшение экологического мониторинга и мер безопасности (Horrocks-Taylor, 2018).

Группа местных женщин-активисток сыграла важную роль в НПО и движении, хотя нередко их вклад игнорируется. Иманкожоева сетовала, что упорная работа таких женщин-активисток, как Асия Сасыкбаева, Толейкан Исмаилова, Наталья Аблова и эколог Калия Молдогазиева, оставалась незаметной для общестственности. Женщины-активистки стояли в центре антикумторского движения и подвергались преследованиям со стороны государства. Бачева-Макграт и др. (Bacheva-McGrath et al., 2009) сообщают, что в Иссык-Кульской области более 54 местных ак-

тивисток были вынуждены бежать из страны из-за выписанных на их арест ордеров.

Инициированная «Карек» кампания за экологическую справедливость была эффективной в плане популяризации и политизации фактов о деятельности компании Camесо, ставшей Centerra в 2004 году. В период с 1998 по 2006 год «Карек» перекрывал главную дорогу от Бишкека до рудника по меньшей мере пять раз. Продолжавшиеся на протяжении многих лет протесты способствовали развитию политической активности жителей и критическому восприятию практик компании. Помимо всего прочего, «Карек» сотрудничал с бишкекскими НПО, такими как «Древо жизни», и международными организациями, включая голландскую НПО Milieukontakt, «Сеть солидарности с несправедливостью в горнодобывающей промышленности» и Bankwatch Network.

Союзнчество «Карек» с другими организациями помогло политизировать факты недобросовестной деятельности Centerra посредством встреч с прессой, критических отчетов, фотовыставок жертв аварии и публичных показов фильма «Золотая авария», рассказывающего о случившемся разливе цианида (Horrocks-Talor, 2018). «Карек» сумел пригласить независимых международных гидрогеологов для оценки экологического ущерба, нанесённого Centerra, что привело к дальнейшему международному давлению на компанию. Вместе с тем, «Карек» безуспешно вёл судебные тяжбы с Centerra из-за причинения ими вреда здоровью людей, в период которых скончались 12 истцов из 29. Судебные разбирательства, длившиеся более 15 лет, усилили политические разногласия вокруг «Кумтора».

Хоррокс-Тейлор (2018) объясняет, что блокада дорог местными жителями была самой эффективной стратегией. Пять дней блокады дорог в июле 2006 года привели к падению курса акций Centerra на 28%. После восьми лет отказов взять на себя ответственность, Centerra смирилась и согласилась выплатить компенсацию в размере 4,4 миллиона долларов США пяти местным деревням за ущерб сельскому хозяйству, нанесенный в результате утечки. Однако компенсация не дошла до местных жителей, будучи присвоена Мини-

стерством здравоохранения, различными государственными фондами, Фондом Президента и службами государственной безопасности (Bacheva-McGrath и др., 2009).

Движение против «Кумтора» стало ещё более политизированным после того, как в 2009 году компания Centerra перезаключила контракт на продолжение своей работы. По новому договору весь рудник переходил в собственность компании. После насильственного свержения президента Бакиева в 2010 году несколько правительств и оппозиционных партий пытались перезаключить соглашение 2009 года. Сделка Centerra с президентом Бакиевым в 2009 году была тогда «повсеместно воспринята как очередное ослабление контроля кыргызов над своей землёй» (Gullette & Kalybekova, 2014: 14).

Горячие споры и дискуссии разгорелись по поводу вопросов прав собственности на рудник, прибыли и дивидендов Centerra. Со стороны парламента было выдвинуто два предложения о национализации рудника: в 2012 году Садыром Жапаровым, одним из лидеров националистической партии «Ата-Журт», и в 2013 году Омурбеком Текебаевым, лидером партии «Ата-Мекен». После отклонения этих предложений по всей стране прокатилась волна протестов. В 2013 году протестующие против «Кумтора» отключили электричество на руднике и взяли в заложники губернатора Иссык-Куля.

Затяжные переговоры закончились после того, как Centerra пригрозила подать на государство в международный арбитраж и закрыть рудник. В 2017 году правительство сохранило соглашение 2009 года, а Centerra пообещала увеличить свой вклад в фонд охраны окружающей среды. Однако за это государству пришлось заплатить отказом от своего права преследовать Centerra за нанесение ущерба окружающей среде в будущем.

Поражение правительства в борьбе вокруг «Кумтора» вызвало ещё больший гнев и оппозицию по отношению к горнодобывающей деятельности в стране. Местные общины, проживающие рядом с рудниками, стали более несговорчивыми и воинственными. В апреле 2018 года жители Тогуз-Тороу подожгли золотоизвлекательную фабрику на руднике Макмал, эксплуатацией которого занималась китайская компания Ji El Makmal Development (Rahmankulov, 2018).

В том же году протестующие в Баткене закрыли золотой рудник Шамбесай, который разрабатывала китайская Tiandi (Djumashova, 2020). В августе 2019 года местные жители в Нарыне остановили производство на руднике Солтон-Сары, вскоре после нападения на сотрудников компании Zhong Ji Mining. В декабре 2019 года протесты в Бишкеке и Балыкчи привели к приостановке работы уранового рудника с российским участием в Таш-Булаке, Иссык-Кульская область. В октябре 2020 года в результате нападений с применением насилия была приостановлена деятельность восьми золотодобывающих компаний.

Давний спор с компанией Centerra принял новый оборот после восстания в октябре 2020 года. После своего назначения премьер-министром Садыр Жапаров совершил поездку по стране, в ходе которой призвал местных жителей воздержаться от насилия и позволить горнодобывающим компаниям возобновить свою деятельность. В условиях упадка экономики, усугубленного пандемией «Ковид-19» и ростом международных долгов, Жапаров отказался от своих прежних заявлений о желании национализировать Кумтор. Но после победы на президентских выборах в январе 2021 года Жапаров экспроприировал данный рудник, чтобы увеличить поток доходов в государственный бюджет. В ответ Centerra подала иск против правительства, и статус рудника «Кумтор» в настоящее время является предметом международного арбитража. В прошлом транснациональный капитал успешно препятствовал развивающимся странам в деле оспаривания базовых постулатов неолиберального экономического порядка и режима извлечения ренты (Gill, 2008).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этой главе рассматривается вопрос того как существующий режим добычи ресурсов порождает социальное неравенство, государственное насилие, трудовые конфликты и экологический ущерб в Казахстане и Кыргызстане. Неолиберальная коммодификация труда привела к тому, что большинство казахстанских нефтяников не имели адекватной защиты от травм, болезней, эксплуатации, нестабильности и расовой дискриминации. Транснациональные

нефтяные корпорации использовали субподрядные компании для извлечения прибавочной стоимости способами, принижающими и унижающими достоинство рабочих-нефтяников. Неолиберальный режим экстрактивизма в Кыргызстане привёл к коммодификации в отношении природы, нанося в процессе значительный ущерб местной окружающей среде. Транснациональные компании стремились переложить негативные внешние последствия своей горнодобывающей деятельности на местные сообщества, а также кооптировали местную и национальную элиту, чтобы преодолеть серьёзную оппозицию по отношению к себе.

Как и в других частях мира, ТНК, оперирующие в Центральной Азии становились причиной значительных социальных страданий и вреда. Чувства достоинства и собственной важности у нефтяников принижались, а благополучие и независимое мнение местных жителей приносились в жертву правам иностранных инвесторов и их стремлению обогащаться. В то время как государственное регулирование, направленное на поддержку трудящихся и местных жителей было минимальным в добывающем секторе, государство активно преследовало, калечило, а иногда и убивало активистов и протестующих, угрожавших существующему статус-кво и интересам транснационального капитала.

Власть транснационального капитала легитимизировалась идеологическими и медийными дискурсами, где местное сопротивление вышеописанному рассматривалось как действия мафии или преступников, как интриги оппозиции или терроризм. Подобные рамки препятствовали критическому изучению существующих практик ТНК и их роли в насильственных подавлениях и материальных лишениях. Более того, принимающие государства, международные финансовые институты и транснациональные корпорации использовали правовые, экономические и политические механизмы для насилия над населением, в рамках защиты неолиберальной идеологии «свободного рынка» (Gill, 2008; Hudson, 2015).

Общественные движения стали ответом на отказ от социальной защиты, на нарушения законов и кодексов, а также на отсутствие заботы о безопасности и благополучии жителей (Burawoy, 2015).

Большинство населения сочувствовало и разделяло представления активистов, поддерживало их забастовки и протесты. Существовало общераспространенное понимание того, что неолиберальная коммодификация зашла слишком далеко. Активисты движения и их сторонники политизировали свою борьбу против транснационального добывающего капитала.

В Казахстане нефтяники боролись за повышение заработной платы, улучшение условий труда и контроль над производством. Их требования эволюционировали от равенства в оплате и независимых профсоюзов до национализации отрасли. По мере того, как их движение становилось всё более политизированным, государство использовало всё более репрессивные инструменты для подавления инакомыслия и обеспечения порядка. Сталкиваясь с низовым рабочим движением, государство вставало на сторону иностранных нефтяных компаний против собственных граждан.

В Кыргызстане местному сопротивлению горнодобывающей промышленности удалось политизировать вопрос добычи ресурсов и воспрепятствовать деятельности иностранных компаний. Народный, националистически окрашенный отпор неолиберальному экстрактивизму достиг своего апогея в 2020 году, когда в стране разразилось третье политическое восстание. Однако попытки местных властей и государства изменить структуру собственности и ренты на природные ресурсы в целом не увенчались успехом, поскольку режим международных инвестиционных правил, стоял на страже прав и полномочий иностранных инвесторов (Schneiderman, 2008).

Неравные отношения между нефтяниками и нефтедобывающим комплексом, а также между местными сообществами и государственно-корпоративным союзом приводили к тому, что лидеры движений и активисты с трудом добивались социальной защищенности или преобразования экономических отношений. Принимающие государства использовали целый ряд тактик, от кооптации до насилия, для ослабления и подавления оппозиции неолиберальному экстрактивизму (Goodwin, 2018). В дополнение к этому, возможности местных органов власти по достижению перемен были ограничены из-за захвата транснациональными корпорациями государственных

и регулирующих органов (Gill, 2008). Существующие контракты на добычу нефти и полезных ископаемых обязывали принимающие государства защищать деятельность иностранных инвесторов, увеличивая вместе с тем доходы госбюджетов.

ГЛАВА 10. КРИТИЧЕСКАЯ ДИСКУССИЯ: НЕОЛИБЕРАЛИЗМ, СОЦИАЛЬНЫЕ СТРАДАНИЯ И СОПРОТИВЛЕНИЕ

Данная глава состоит из шести тематических разделов, каждый из которых предлагает критическое обсуждение вопросов, поднимаемых в ходе тематических исследований. В первом разделе рассматривается природа и сила воздействия неолиберального движения в Центральной Азии. Обозначаются основные экономические и политические силы, механизмы, противодействующие им силы, а также имеющиеся результаты данного процесса в Казахстане и Кыргызстане. Во втором разделе рассматривается феномены роста и разнообразия практик изыскания ренты, делается это с выходом за традиционные рамки анализа природных ресурсов и государственной коррупции в регионе. В третьем разделе исследуется природа стратегической избирательности со стороны государств в Центральной Азии. Подчеркивается привилегированный контроль и доступ капитала к государственными институтам и ресурсами.

В разделе «Моральное и политическое значение класса» обсуждается значимость социального класса в Казахстане и Кыргызстане. Демонстрируется часто встречающиеся у групп среднего и рабочего класса различия в интерпретации и реакции на социальное неравенство и страдания. В пятом разделе обсуждается то, каким образом контрдвижения в Казахстане и Кыргызстане стали ответом на пагубные последствия, вызванные неолиберальной коммодификацией денег, земли и труда. Также подвергаются рассмотрению антиплутократические восстания в Кыргызстане. В разделе «Моральные оценки рантьерства и его последствий» даются оценки последствиям рантьерства с точки зрения социальной справедливости

и материального процветания. В данном разделе показывается, что лидеры и активисты движений затрагивали фундаментальные морально-экономические вопросы.

НЕОЛИБЕРАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

В данной книге исследуется неолиберализм как политико-экономическое движение, стремящееся оправдать существование конституций, дружественных рынку, продвинуть своё понимание индивидуальной свободы, легитимизировать экономическое неравенство и защитить интересы рантье (Jessor, 2012; Sayer, 2015). С его стороны делалось предположение, что рынки с достаточной конкуренцией и с минимальным государственным регулированием способны лучше координировать экономическую активность, чем государственный сектор. Представители международных финансовых институтов утверждали, что для того, чтобы форма рынков была оптимальной, они должны быть защищены от государственного вмешательства, демократического принятия решений и мажоритарной политики. Инвестору, или обладателю значительных прав на частную собственность, отводилась роль доминирующего политического субъекта со стороны неолиберального конституционализма (Gill, 2002).

Хотя многие товары и услуги имеют как потребительскую, так и меновую стоимость, во II части данной работы было показано, что неолиберализм отдаёт приоритет именно последней. Финансовый сектор целенаправленно расширял использование денежных средств в форме легкодоступных кредитов для создания долгов по процентам. Банки и микрофинансовые организации не просто предоставляли финансовые услуги и способствовали совершению сделок, но предлагали кредиты под ростовщические проценты. Отрасль строительства частного жилья, как правило, фокусировалась на удовлетворении потребностей и желаний состоятельных покупателей в элитном жилье. Застройщики и владельцы недвижимости рассматривали квартиры в первую очередь как инвестиции для получения арендной платы и прироста капитала. Добывающая промышленность получила в своё владение огромное количество дефицитных природных ресурсов с целью извлечения экономиче-

ской ренты. Энергетические и ресурсодобывающие ТНК стремились к максимизации акционерной стоимости в ущерб местным экосистемам.

Неолиберализм внёс свой вклад в формирование экономической классовой структуры постсоветского периода. Власть и богатство не просто перешли к классу имущих, но также имело место смещение их внутри самого этого класса (Sayer, 2015). Рост класса рантье стал отражением его способности получать доход от владения существующими активами и контроля над ними, в противовес производству каких-либо товаров и услуг. Доходы рантье зависели от производства товаров и услуг другими людьми, что создавало излишек, который частично выкачивался ими через извлечение ренты. Неолиберализм переносил материальное богатство от бедных активами людей к тем, у кого они имелись в избытке, усугубляя экономическое неравенство и социальные страдания.

Ситуация в Казахстане и Кыргызстане была сродни неофеодализму, при котором на большинство населения падала ноша оплаты жилья, процентов, монопольной ренты, финансовых сборов и пр. влиятельным рантье, чьё владение и контроль над активами не способствовали созданию богатства, но они, тем не менее, обладали правами собственности на потоки доходов. В то время как Советский Союз осуждал и криминализировал ренту или так называемые непроизводственные доходы, за их непродуктивность и нанесение убытков обществу, неолиберализм оправдывал и поощрял её (Marcuse, 1996). В противоположность классическому идеалу освобождения общества от феодальных прав и ренты, неолиберализм представлял свободные рынки как рынки, где рантье позволялось бы присваивать доход в отсутствие государственного регулирования и налогообложения (Hudson, 2014).

Неолиберальная версия «свободного рынка» не просто способствовала развитию рантьерства, но также предполагала ослабление полномочий государства по регулированию и правоприменению. Создание преступлений, мошенничества, нарушений и ущерба в секторе финансов, недвижимости и природных ресурсов было рутинизировано и конвенционализировано (см. также Tombs &

Whyte, 2009). Неолиберальные правовые и судебные механизмы (к примеру, верховенство закона, режим инвестиционных правил и суды) как правило вставляли на защиту иностранных инвесторов, прав частной собственности и контрактов, с другой стороны сдерживая активность государства в борьбе с социальным неравенством и пагубными последствиями (Schneiderman, 2008). Захват регулирующих органов и государства, а также привилегированный статус для инвесторов накладывал ограничения на демократическое принятие решений (Gill, 2002).

Волна маркетизации в Казахстане и Кыргызстане породила низовые контрдвижения, — явление, ранее названное Поланьи (1944) «двойным движением». Коммодификация денег, земли и труда не только поставила в приоритетное положение меновую стоимость над потребительской, но и породила возмущение и гнев по поводу присвоения ренты и эксплуатации. В части III данной книги рассматривается возникновение общественных движений как реакция на социальные страдания и нужду, их стремление вести протестные кампании за утверждение человеческого достоинства, солидарности и справедливости.

Каждый фиктивный товар вызывал к жизни свою специфическую форму исключения и неравного включения, и служил основой для возникновения конкретных социальных движений (Burawoy, 2015). Отношения неравенства и задолженности, связанные с коммодификацией денег привели к организации движения против долгов. Отношения отчуждения и отсутствия собственности, связанные с коммодификацией земли и природы, привели к появлению неформальных поселений и стимулировали становление движений за землю, жильё и охрану окружающей среды. Отношения неравенства и социальной незащищенности, связанные с коммодификацией рабочей силы провоцировали забастовки.

Контрдвижения в Казахстане и Кыргызстане были направлены против наделённых значительной властью рантье и иностранных инвесторов, которые были способны применять идеологическую, материальную и структурную власть для продвижения и закрепления идей свободного рынка. Проводники интересов национального

и транснационального капитала имели привилегированный доступ и контроль над государственными ресурсами и возможностями, что приводило к тому, что государства содействовали и защищали деятельность рантье. Отношения между контрдвижениями и государством представляли сложным и многогранным процессом (Goodwin, 2018). Временами правительства поддерживали те или иные движения, чтобы приобрести некоторую политическую легитимность. Благодаря наличию определенного набора разночтений, контрдвижения добивались для себя некоторых значительных уступок. Однако в целом плутократические режимы обычно стремились ослабить и подавить движения, чтобы сохранить статус-кво.

РАЗНООБРАЗИЕ ПРАКТИК ИЗЫСКАНИЯ РЕНТЫ

Постсоветская экономическая трансформации в Центральной Азии в данной работе объясняется через призму рантьерства. Рантьерство — реляционный, разнородный, комплексный и имеющий много проявлений процесс. Класс рантье сумел наладить получение дохода посредством владения и контроля над существующими активами, желанными, но недоступными для других (Sayer, 2015). Могущественный класс собственников находился в зависимости от других субъектов. Последние создавали предметы, имеющие потребительскую ценность, производили материальное богатство и создавали прибавочную стоимость, часть которой выкачивалась через проценты, ренту, дивиденды, прирост капитала и другие выплаты. Сама по себе собственность не вела ни к какому производству, но служила источником непроизводственного дохода. Тогда как капиталисты вносили свой вклад в создание материального богатства, рантье извлекали доход исключительно в силу наличия прав собственности на существующие активы.

Присвоение доходов показало себя комплексным и разнородным феноменом (see also Christophers, 2019; 2020). К крупным рантье относились коммерческие банки, застройщики, энергетические корпорации, телекоммуникационные компании и крупные владельцы в секторе розничной торговли. Мелкие рантье состояли из обычных людей, получающих проценты по банковским вкладам, и

семей, сдающих в аренду свободные квартиры. Первые были менее пассивны, чем вторые, поскольку находились в активном поиске новых источников непроизводственных доходов, проявляя интерес, например, к рынку микрокредитования и ипотеки, строительству роскошных квартир и разработке нефтяных месторождений. Некоторые профессиональные группы, к примеру, корпоративные юристы, бухгалтеры и инженеры-геодезисты входили в среду рантье в качестве посредников, способствуя облегчению их активности.

Природа постсоветского рантьерства видоизменялась в зависимости от различных факторов: природных ресурсов страны, экономического развития, прямых иностранных инвестиций и интеграции в мировой рынок. Извлечение ренты через кредитные деньги, недвижимость и природу происходило в больших масштабах, чем через знания, цифровые платформы и торговлю акциями. Рента от природных ресурсов была выше в Казахстане, чем в Кыргызстане. Жилищный бум оказался сильнее в Нур-Султане и Алматы, чем в Бишкеке и Оше. Микрокредиты в Кыргызстане имели относительно более высокую важность именно для села. Вместе с этим, отношения между государством и контравижениями определяли порядок того какая экономическая рента присваивается и распределяется, и то каким образом это происходит (Andreucci et al., 2017; Goodwin, 2018). Союз государства с классом рантье приводил к тому, что попытки регулирования экономических и социальных прав в пользу неимущих и маргинализированных групп оказывались слабыми и недолговечными.

Часть II данной книги опирается на расширенное представление об изыскании ренты, отходящее от привычного фокуса на ренте природных ресурсов и незаконных государственных присвоениях (Engvall, 2014; Pomfret, 2019). Большинство форм присвоения доходов по факту являются обыденным явлением и имеет широкое распространение, базируясь на «узаконенной коррупции» (Sayer, 2015). В то время как общественность справедливо осуждала практику изыскания ренты со стороны государственных чиновников как злоупотребление властью, частные формы извлечения доходов широко принимались и прославлялись как часть системы «свобод-

ного рынка». И в мейнстримной экономической науке, и в массовом дискурсе рента обманчивым образом называли «инвесторами», а непроизводственный доход «прибылью», упуская из виду важнейшее различие между созданием материального богатства и присвоением дохода.

Неолиберальные исследователи, в особенности сторонники теории общественного выбора, такие как Бьюкенен (2008), утверждают, что изыскание ренты происходит исключительно в государственной сфере. Под изысканием ренты здесь понимается любое коллективное действие, побуждающее правительство изымать деньги у экономических производителей посредством налогов (Maclean, 2017). Утверждается, что будучи монополиями, изыскивающими ренту, государственные институты способны подавлять экономическое предпринимательство, свободу и рост, преследуя свои частные интересы. Более того, изыскание ренты в частном секторе не подпадает под критику, поскольку рента рассматривается здесь как несовершенство, устранимое на конкурентных рынках (Mazzucato, 2018).

Однако подход сторонников теории общественного выбора к вопросу изыскания ренты далек от совершенства (Sayer, 2020). Во-первых, существует важное моральное отличие между государственными трансфертами, которые могут опираться на признание нужды и благосостояние человека, и непроизводственными доходами, основанными на контроле собственников над существующими активами. В то время как последний феномен возникает в результате экономической власти и господства, первый имеет демократическое обоснование. Во-вторых, реально существующие рынки не функционируют в соответствии с идеализированной моделью совершенной конкуренции. Как показано в части II, квазимонопольная власть и непроизводственные доходы преобладают в основных секторах экономики.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВА

В настоящей работе рассматривается процесс того, как постсоветские политические режимы в Казахстане и Кыргызстане несли на себе печать предвзятости и привилегий, благодаря которым го-

сударственные институты, имеющиеся у государства возможности и ресурсы оказывались более доступны для одних политических и экономических интересов, сил, стратегий и пространственно-временных горизонтов, чем для других (Jessop, 2002). Власть, стратегические предпочтения и проекты этих режимов явились продуктом соотношения социальных сил, стоящих внутри и за пределами судебно-политического аппарата государства. Наличие основных классовых противоречий и социальной борьбы означали, что режимы были далеки от достижения стабильной и целостной политической системы, будучи по своей природе хрупкими, уязвимыми и зависимыми от социальных сил. Хотя режимы шли на уступки или же использовали насилие для обеспечения социальной сплочённости и собственной политической легитимности, они также были подвержены неудачам.

После распада Советского Союза переход к рыночной экономике расширил роль ренты в постсоциалистических странах (Mihalyi & Szelenyi, 2017). Действуя по указке международных финансовых институтов и доноров Казахстан и Кыргызстан поставили в приоритет интересы капитала и ренты или т.н. «захват стоимости» (Andreucci et al., 2017). Конституции и законодательство встали на защиту прав частной собственности и извлечения ренты, свободного от государственного контроля (Marcuse, 1996). Коммодификация денег, земли и труда привели к тому, что кредиторы, землевладельцы и работодатели получили больше прав на присвоение и эксплуатацию чужой прибавочной стоимости. Однако низовые движения бросили вызов подобным предпочтениям государства, вызвав с его стороны смешанные реакции в виде уступок и действий по подавлению.

Международные финансовые институты и агентства по развитию поспособствовали созданию правовой инфраструктуры для системы «свободного рынка» в Центральной Азии. Верховенство закона и экономическая свобода продвигались и ставились ими выше всех других идеалов, таких как демократия и права человека (Waldron, 2012). Судебная система в Казахстане и Кыргызстане являлась важной площадкой для защиты прав частной собственности. Исходящая с её стороны риторика беспристрастности, разумности

и объективности скрывала идеологический уклон в сторону неолиберализма и индивидуалистической морали (Bourdieu, 1987). В ходе этого процесса, судебная система интерпретировала существующую, пронизанную неравенством структуру владения собственностью как рациональную и справедливую, а связанные с ней права и последствия (включая непроизводственные доходы и социальный ущерб) — как законные и справедливые (Sanghera, 2020).

Захват государства бизнес-элитами и захват рынка элитами государственными являлся отличительной чертой постсоветской политики (Mihalyi & Szelenyi, 2017). Экономический капитал конвертировался в политический и наоборот. Входя в политику, представители имущих стремились определять государственную линию согласно своим интересам. Действуя в угоду плутократии, Казахстан и Кыргызстан установили слабые режимы регулирования, что позволяло не только накапливать обширные богатства, но и нормализовать корпоративные преступления и социальный вред (Tombs, 2012). В Центральной Азии многие плутократы полностью или частично владели компаниями, которые прямо или косвенно занимались извлечением ренты. Данные политические агенты занимались законной, но приносящей социальный вред практикой изыскания ренты как в рамках государства, так и за его пределами, а также незаконным перекачиванием государственных средств на зарубежные счета и в налоговые гавани (Cooley & Heathershaw, 2017).

Страны-экспортеры капитала использовали правовые и юридические механизмы, чтобы приучить государства Центральной Азии к силам и ценностям «свободного рынка». Международные инвестиционные договоры, арбитражные суды и соглашения о разделе продукции не были нейтральны относительно имеющейся расстановки классовых сил в обществе (Schneiderman, 2008). Поддерживая верховенство закона и режим инвестиционных правил, государства отдавали предпочтение правам и представительству иностранных инвесторов, ограничивая при этом демократические права и активность своих граждан (Gill, 2008). Более того, имея совместные акционерные проекты по добыче природных ресурсов, интересы государств и транснациональных корпораций сливались воедино,

отдавая предпочтение рантьерству перед устойчивым развитием. Неолиберальный конституционализм не просто закреплял функционирование транснационального капитала, он также санкционировал опасные экстрактивные практики и их последствия.

Представители интересов национального и транснационального капитала имели привилегированный доступ к институтам и возможностями политических режимов Казахстана и Кыргызстана, обладая значительными возможностями по контролю над ними. Контраввижения стремились сделать данные режимы более податливыми в отношении своих интересов и нужд, но изменение стратегической избирательности, заложенной ранее в принимающих государствах оказалась трудной задачей (см. также Fischer & Langthaler, 2019). У данных режимов имелось мало возможностей для политических маневров, из-за своей зависимости от крупного бизнеса, производящего доход и налоги для госбюджетов и способствующего экономическому росту. Режимы часто выхолащивали требования населения о регулировании и национализации хищнических секторов, извлекающих ренту. Политика в качестве «искусства возможного» была ограничена, поскольку потребности накопления капитала неизменно ставились выше человеческого процветания и достоинства.

МОРАЛЬНОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КЛАССА

В данной книге исследуется значение постсоветской классово-структурной, реляционной, антагонистической и эмотивной по своей природе. Неолиберализм не породил самодостаточных и автономных индивидов, в большей степени поспособствовал созданию новых форм экономической зависимости (Sayer, 2015). Стремясь освободить население от советской формы зависимости от социального обеспечения, архитекторы неолиберализма дали жизнь новым паразитическим и эксплуататорским формам рыночной зависимости, при которых могущественный класс собственников присваивал и эксплуатировал прибавочную стоимость, создаваемую другими. Богатые активами собственники и транснациональные корпорации становились богаче, присваивая

средства собственников скудных активов и рабочего класса посредством взимания процентов, ренты, прироста капитала и заниженной заработной платы. В результате массового перемещения богатств большая часть населения оказалась в ситуации задолженности, бедности, страданий и бедствий.

На постсоветском пространстве различия в экономическом капитале населения (включая средства производства, активы, профессии и доходы) явились существенным источником экономической власти, социальной защищенности и неравенства. Представители высшего, среднего и рабочего классов обладали отличающимися объемами экономического капитала, имея тем самым неравный доступ к экономическим возможностям и товарам, по-разному субъективно переживая классовое неравенство, используя отличные друг от друга экономические стратегии для получения дохода и выживания (Satybaldieva, 2015, 2018b).

Статусные, гендерные и этнические различия вносили свой вклад в экономическое неравенство, что достигалось множеством особых путей, которыми приобретались богатства, распределялись дефицитные активы, создавались рабочие места и распределялись доходы. В данной книге исследуется приватизация и приобретения ценных активов через nepoтизм; намеренный выбор женщин из сельских общин для предоставления микрокредитов; занижение стоимости рабочей силы через гендерно и расово окрашенное разделение труда со стороны субподрядчиков нефтедобывающих ТНК.

В части III данной книги показано, каким образом различия в жизненном опыте и представлениях людей становились основным препятствием для установления социальной солидарности и межпартийных альянсов против класса рантье. Общественные движения с трудом преодолевали классовые и другие различия в деле успешной мобилизации и коллективных действий. Помимо этого, неолиберальный капитализм поощрял индивидуалистические и своекорыстные реакции на экономические трудности, к примеру, мелкую торговлю, негласное занятие земли и трудовую миграцию.

Общества переходного периода могут попытаться защитить себя от разрушительного воздействия неограниченных рыночных сил (Polanyi, 1944). Но процесс этот не является неизбежным. Некоторые общества могут яростно сопротивляться неолиберальной реструктуризации, в то время как другие остаются покорны даже перед лицом тяжких социальных страданий (Kim, 2010). В части III было рассмотрено, как в Казахстане и Кыргызстане в ответ на неолиберальную волну маркетизации возникли низовые инициативы и общественные движения, различающиеся по своим устремлениям и стратегиям. Оборонительные контрдвижения стремились в большей мере изменить форму неолиберального режима коммодификации (Goodwin, 2018), чем повернуть его вспять. Движение против долгов в Казахстане включало в себя значительный компонент в виде среднего класса, который стремился реформировать, а не преобразовать финансовые практики. Анти-долговое в Кыргызстане было в основном наступательным по своей природе и выдвигало требования, выходящие далеко за рамки ограничения размера процентных ставок.

Для объяснения динамики общественного сопротивления, важно понимать жизненный опыт людей определенного класса и соответствующие эмотивные и нормативные реакции. Без учёта повседневного опыта социальной незащищенности и несправедливости, порождаемого неолиберализмом на практике (Whyte & Wiegartz, 2016), описание активности людей и политической реальности в постсоветских обществах рискует предстать редуционистским и искажённым. Мейнстримные объяснения патронажа и клиентелизма дают отстраненно-наблюдательский взгляд на происходящее, при котором политические практики субъектов из рабочего класса объясняются в инструментальных и пассивных терминах, сводятся к простому «орудию богатых» (Radnitz, 2010). Подобные объяснения основаны на рациональном выборе и культурных нормах, отдающих приоритет элитам как ключевым субъектам и отесняющих на второй план непосредственные свидетельства и оценки простых людей. Таким образом, мейнстрим не просто игнорирует чувства, опасения, борьбу и стремления народа, но и скрывает вред, причиняемый неолиберальным движением.

Контрдвижения на постсоветском пространстве организовывались и поддерживались главным образом не имеющим собственности рабочим классом, столкнувшимся с проблемами задолженности, выселений, увольнений и экоцида, а также проявлявшим сочувствие к другим людям, оказавшимся в сходной ситуации. Такая реакция с их стороны была вызвана социальными страданиями и несоответствием между их классовым габитусом и неолиберальной средой обитания. Они испытывали гнев, стыд и шок от негативных последствий коммодификации денег, земли и труда. Их классовые моральные чувства определяли их мысли и действия, нередко приводя к сопротивлению и коллективным выступлениям. Изначально они стремились положить конец различным проявлениям социального вреда, связанного с рынком, таким как самоубийства из-за долгов, выселения с земельных участков и из жилья, а также стигматизацию неимущих. Их моральные действия формировались не только посредством традиционных норм и культурных дискурсов, они также основывались на субъективном и эмоциональном опыте классового неравенства, находящим себя в виде гордости, стыда, страха, зависти, сострадания и негодования. Подобные эмоциональные и моральные реакции являлись воплощёнными оценочными суждениями о социальном мире, сподвигали и мотивировали рабочий класс и маргинализируемые группы к политическим действиям (Sayer, 2005).

Постсоветские низовые мобилизации возникали независимо от политических элит, и поэтому те и другие были условно, совсем не обязательно, связаны между собой. В Кыргызстане краткосрочные альянсы некоторых контрдвижений с оппозиционными элитами привели к смене политических элит, но не к изменению характера политического режима. Раскол внутри элиты не являлся достаточным условием для демократизации политики (see Junisbai & Junisbai, 2005), поскольку интересы элиты не воплотились в освободительную политику. Оппозиционные элиты руководствовались не решением социальных проблем, а желанием получить доступ к ограниченным ресурсам без открытой конфронтации с правящей элитой и государственными органами. В Казахстане представители

оппозиционных элит, такие как «Алга» и «Азат», неоднократно проявляли бездействие в ответ на недовольства рабочего класса.

В части III рассматривался опыт пожилых женщин, возглавивших сопротивление против задолженности, финансиализации жилья, выселений и ущерба окружающей среде со стороны корпораций. Они мобилизовали сопротивление и наладили коллективные действия, находясь в маргинализируемой социальной позиции, структурированной патриархатом, капитализмом и эйджизмом, и сделали это без поддержки международного класса доноров. Их сопротивление капитализму рантье имело отчасти гендерный окрас, поскольку именно женщины непропорциональным образом страдали от присущих ему практик исключения и неравного включения. Более того, пожилые женщины были в большей степени чем другие социальные группы мотивированы справедливостью, связанной с политикой перераспределения, и рассматривали государство как важный субъект в деле коррекции рыночного фундаментализма (Satybaldieva, 2018a).

В Кыргызстане пожилые женщины сумели эффективным образом образовать союзы с чувствующей себя ущемлённой молодежью, которая проявляла сильные этнонационалистические настроения и рассматривала западный либерализм как угрозу национальному суверенитету и местной морали. Стигматизированный рабочий класс отвергал неолиберальную субъективность и опирался на традиционные моральные и исламские дискурсы, самоопределяясь через не связанные с рынком ценности (Satybaldieva, 2018b). Самоопределение большинства представителей рабочего класса протекало через семейные узы и общинные роли, принятие ортодоксального ислама из-за его эгалитарного дискурса. Гнев был частой реакцией на доминирование в общественной жизни экономических ценностей, нередко встречались ссылки на нерыночные нормы и ностальгия по советским временам с их отношением к труду, солидарности и равенству.

Джунисбай (Junisbai, 2010: 1697) отмечает, что в Кыргызстане «молодые люди и люди среднего возраста в той же степени поддерживают эгалитарные принципы экономической справедливости,

как и те, кто большую часть своей жизни проработал в Советском Союзе и уже вышел на пенсию». Согласно его исследованию более 70% населения решительно поддерживали ценности эгалитаризма и перераспределения. Рабочий класс часто вступал в конфликт с представителями среднего класса, которые вели комфортный образ жизни в городе и придерживались менее эгалитарных ценностей. В Казахстане поддержка идеи перераспределения богатств была меньше: только 48% населения выступали за данный принцип. Джунисбай (Junisbai, 2010) объясняет такое отсутствие поддержки «эффектом американской мечты», из-за того, что большинство людей придерживается неолиберальных моральных убеждений и ценностей. Неолиберальные моральные обоснования и дискурсы имели особое распространение среди богатых и влиятельных людей, о чём говорилось в части II.

Казахстанская молодежь часто мирилась с материальным неравенством и nepотизмом и была в меньшей степени вовлечена в политические, социальные и гражданские инициативы. Особенно характерно это было для молодежи, получившей западное образование, для так называемого поколения «Болашак» (see Marinin, 2020). Кадров, получившие западное образование, искали для себя возможности развития в рамках установленного политического порядка, не желая противостоять влиятельным элитам. Исследование показало, что только 1% молодежи участвовал в санкционированных митингах, при этом никто не принимал участия в несанкционированных протестах (Kilybayeva et al., 2017). Несмотря на свою активность в сети, около 62% из них считали, что их действия не способны повлиять на политическую власть, и воспринимали себя как простых наблюдателей.

Джунисбай и Джунисбай (2019) утверждают, что менее 35% населения (так называемые «ярые демократы») в Казахстане и Кыргызстане демонстрировали сильную поддержку либеральной демократии. Однако наше исследование контрдвижений в этих странах показывает, что «ярые демократы» не были заинтересованы в том, чтобы бросить вызов политическим режимам. В большей степени эту роль выполняли лидеры и активисты движения, которые высту-

пали против неолиберальных рыночных ценностей свойственных этим режимам, отстаивая принципы справедливого перераспределения, эгалитаризма, государства всеобщего благосостояния, а также традиционные ценности.

Ценностные различия классов нарушали социальную солидарность и препятствовали коллективным действиям, внося свою лепту в неудачи движений. К примеру, нефтяники Жанаозеня в Казахстане перешли от оборонительного контрдвижения, требовавшего равной оплаты труда и независимых профсоюзов, к наступательному, призвав к национализации нефтяной промышленности. Однако они не получили широкой поддержки в стране, что позволило политическому режиму жестоко подавить их.

ОТНОШЕНИЯ НЕРАВЕНСТВА: ГОСУДАРСТВО И КОНТРАВЖЕНИЯ

В данной книге исследуются контрдвижения Казахстана и Кыргызстана, возникшие как реакция на политику исключения, неравного включения и социального вреда, порожденных неолиберальной коммодификацией денег, земли и труда и связанными с этим практиками извлечения ренты. Отношение членов движений к окружающему миру было пропитано опаской, они отслеживали и оценивали, как обстоят дела с тем, что их волнует. Их эмоции не просто давали оценку социальным страданиям и несправедливости от непосредственно вовлечённых лиц, они также выполняли информационную функцию и мотивировали их к исправлению ситуации (Sayer, 2011). Понимание ситуации лидерами и активистами движения, анализ вопросов ответственности со временем улучшались, поскольку имел место перенос вины с личных на структурные факторы (Crossley, 2002).

Контрдвижения не приводили автоматически к введению защитных мер (Goodwin, 2018). Обычными действиями центральноазиатских политических режимов было их ослабление, кооптация и нейтрализация. Отходя от обычного представления государства как слабого или хрупкого, в части II и III показываются факты относительно того как государственные институты и возможности благо-

волили транснациональному и внутреннему капиталу, в то время как социальные движения имели к ним ограниченный доступ. В Казахстане государство удовлетворило часть требований анти-долгового движения, от чего в первую очередь выиграли заёмщики из среднего класса. В большинстве случаев столкновений с общественными движениями государство прибегало к запугиванию, подавлению и насилию, к примеру, угрозам и фактическому выселению с земель, нападениям на нефтяников и лидеров оппозиции, а также к криминализации забастовок и протестов. Аналогичным образом, государство в Кыргызстане применяло меры принуждения против лидеров и активистов анти-долговых и экологических движений.

Ставя в приоритетное положение права инвесторов, политические режимы Центральной Азии ограничивали демократические силы и сопротивление низов, направленные против транснационального и национального капитала (Gill, 2008). Стратегическая избирательность режимов была обусловлена их глубокой зависимостью от экспорта природных ресурсов и иностранного капитала. Фискальная и материальная основа определяла их политическое маневрирование. В Кыргызстане конституционные реформы, направленные на усиление демократизации, не изменили характер власти транснационального капитала над государством. Несмотря на то, что после политического восстания в октябре 2020 года Садыр Жапаров экспроприировал рудник «Кумтор», национализация горнодобывающего сектора не входила в его планы. Когда в ходе бурных протестов были разрушены некоторые горнодобывающие предприятия, что создало угрозу поступлениям в государственный бюджет, он объехал всю страну, призывая своих сторонников позволить ТНК беспрепятственно вести свою работу.

Итоги активности контрдвижений в Центральной Азии были схожи с аналогичными результатами в Латинской Америке, где прогрессивным правительствам не удалось диверсифицировать экономику и отойти от ресурсодобывающей политики, и где приоритет отдавался накоплению капитала, а не социальным расходам (Fischer & Langthaler, 2019). Господство капитала объясняет некоторые ключевые сходства в политической сфере в Казахстане и Кыргызстане.

Несмотря на их контрастирующее положение в спектре демократии-авторитаризма, в обоих государствах господство принадлежало классу рантье и транснациональному капиталу.

Описание политики Центральной Азии в терминах, вращающихся вокруг феномена патронажа (Junisbai & Junisbai, 2019), игнорирует господство капитала и плутократии в Казахстане и Кыргызстане. В деле формирования политических структур класс рантье опирался на правовые и судебные механизмы, а не на неформальные связи. Более того, как утверждает Айзекс (Isaacs, 2014), концепция патронажа часто используется неверно и в чрезмерно широком смысле. Она обычно предполагает ложную дихотомию между формальным и неформальным, а также преобладание неформальных практик, связанных с коррупцией. Внутренняя нормативность в виде неопатримониализма/авторитаризма/иллиберализма эссенциализирует Центральную Азию как девиантного «другого», с дальнейшим предложением траектории в сторону либеральной демократии.

Преступления сильных мира сего, включая экономическое мошенничество и политическую коррупцию, были характерны для неолиберальной политики, с её дерегулированием отраслей и содействием хищническому извлечению доходов и ресурсов, злоупотреблениям в сфере труда и экоцидам, происходящим в погоне за прибылью. Согласно Вайту и Вигратцу (Whyte and Wiegatz, 2016) мейнстримовая западная наука не способна усмотреть взаимосвязь между неолиберализмом и мошенническими действиями. Предположение о том, что коррупция и мошенничество являются преимущественно проблемой Глобального Юга и что Глобальный Север устанавливает международные стандарты экономической и политической прозрачности, является частью неолиберального политического проекта, навязанного международными финансовыми институтами для легитимации разного рода вмешательств в интересах капитала. Подобное представление по типу «либерально-нелиберально» служит для определения «делинквентных» регионов для неолиберального вмешательства (Koch, 2019).

Сосредоточив внимание на стратегической избирательности и плутократических тенденциях государств Центральной Азии, данная работа

предлагает альтернативную точку зрения — в противовес часто цитируемым дихотомиям, используемым для описания политических режимов Глобального Юга и Глобального Севера. Государства Центральной Азии имеют много общих черт с западными странами: рантьефикация экономики, растущая задолженность, неприличный уровень экономического неравенства, снижение социальной защищенности и захват государства и регулирующих органов со стороны богатых элит. Более того, как и на Западе, центральноазиатская плутократическая структура закрепила привилегии и права капитала, вместе с тем обвинив неимущее население в том, что то подвержено культуре иждивенчества.

Классовая динамика низового сопротивления не может быть понята через призму концепций, в основе которых лежит представление о патронаже, и которые игнорируют оценку вреда и несправедливостей от непосредственно вовлеченных лиц, социальную борьбу против коммодификации и классовую политическую активность. В Кыргызстане три политических восстания являлись анти-олигархическими по своей природе. Большинство населения периодически выступало против господства богатых элит или, другими словами, плутократов. Восстание в марте 2005 года, так называемая «Тюльпановая революция», было вызвано общественным гневом из-за попытки семьи президента Акаева удержаться у власти. Недовольство народа подпитывалось наличием у президентской семьи значительных богатств, накопленных за годы независимости страны.

Второе восстание в апреле 2010 года произошло из-за повышения цен со стороны коммунальных и телекоммуникационных компаний, частично принадлежащих сыну президента Бакиева, Максиму. Его ненасытное желание обогащаться усилило гнев и недовольство населения по отношению к режиму Бакиева. Случившаяся в октябре 2020 года третья революция получила название «Октябрьская народная». Множество людей выступило против богатства и власти трех «олигархических» политических партий, состоящих из видных рантье. В результате выступлений против них пострадало более 600 человек, один молодой человек погиб.

В Кыргызстане выборы 2020 года отчасти определялись анти-истеблишментскими и анти-олигархическими дискурсами. Некоторые

популистские партии, такие как «Чон Казат» («Война за справедливое дело»), возникли всего за несколько месяцев до выборов и стремились завоевать популярность среди сельской и городской бедноты через соцсети. Сыймык Жапыкеев, лидер «Чон Казат», утверждая, что всего тридцать олигархов способны погасить государственный долг, призвал своих сторонников прийти к ним домой и заставить отказаться от имевшейся у них собственности в пользу народа.

Такого рода «раскулачивание» (лишение богатства) предположительно должно было начаться с Кубанычбека Жумалиева, владевшего предполагаемым состоянием в 2,5 миллиарда долларов США. Когда олигархические партии «Биримдик», «Мекеним Кыргызстан» и «Кыргызстан» стали победителями в результате фальсификации результатов голосования, большинство населения отказалось мириться с таким вопиющим доминированием богатых. После восстания раздавались призывы осушить политическое болото в Бишкеке и привести к власти честные, ничем не запятнавшие себя патриотические силы.

Данные о протестной активности в Кыргызстане свидетельствуют о том, что акции против экономической несправедливости происходили регулярно в течение длительного периода времени. В таблице 10.1 показано количество протестов с 2010 по 2018 год. Протесты касались политических вопросов (политические свободы и свободы СМИ, гендерные и сексуальные права) и социально-экономических вопросов (права на землю и жильё, трудовые споры, выплату долгов и экологический ущерб). Имеющиеся данные показывают, что средняя доля социально-экономических протестов составила 41%. Среднее число протестующих в год составляло 67 000 человек. В среднем половина всех протестов проходила в Бишкеке.

Таблица 10.1 Количество протестов в Кыргызстане в период с 2010 по 2018 год

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Число протестов	685	1193	128	849	544	434	596	823	552

Источник: адаптировано из Насритдинов и Шредер (2017) и Клоор (2017)

Таблица 10.2 Количество протестов в Казахстане в период с 2010 по 2018 год

	2010	2011-2012	2012-2013	2014	2015	2016	2017	2018
Число протестов	64	162	119	114	71	52	36	32

Источник: Гришин и Дуванов (2018)

Казахстан имел более низкий уровень протестной активности, демонстрируя, однако, больший фокус на социально-экономических вопросах. В таблице 10.2 указаны данные о количестве протестов с 2010 по 2018 год. Цифры показывают, что средняя доля социально-экономических протестов составила около 86%. Среднегодовое число протестующих составляло около 3890 человек. Количество протестов имело значительное снижение из-за криминализации несанкционированных мирных собраний (Grishin & Duvanov, 2018). В 2018 году 69% от общего числа всех мирных протестующих подверглись арестам. Нейтрализация ключевых фигур оппозиции и лидеров контрдвижений привела к снижению уровня мобилизации населения. Из-за жёсткого подавления протестов со стороны государства многие люди ощущали отношении себя угрозу и воздерживались от публичных демонстраций из-за риска задержания и штрафов.

Плутократические режимы успешно сдерживали низовое сопротивление и демократические силы в Казахстане и Кыргызстане. Уровень экономического неравенства был несовместим с демократией, по причине захвата представителями зажиточного класса государственных институтов и получения доступа к его возможностям, что в свою очередь давало привилегированный доступ к ним классу рантье. В условиях неравенства возможностей класса и государства, контрдвижения с трудом добивались своих целей. Демократия была обречена на изъяны и несовершенство из-за наличия столь огромного экономического неравенства. Экономическое равенство — необходимое условие полноценной демократии, из чего вытекает, что неолиберальное движение и его защитники должны нести ответственность за развитие рантьерства, происходившего за счёт урезания демократии.

МОРАЛЬНЫЕ ОЦЕНКИ РАНТЬЕРСТВА И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЙ

В данной книге даётся анализ и оценка оправданности и справедливости постсоветских экономических отношений и практик, связанных главным образом с извлечением ренты. Проводится не только лишь описание и объяснение моральных, правовых и политических факторов, формирующих экономику рантье, но и оценка последствий рантьерства для окружающей среды и благосостояния народа. Если при описании экономик отсутствует понимание, какие вещи заставляют людей процветать или страдать, то мы имеем дело с совершенно недостаточными описаниями человеческого существования (Sayer, 2017). Оценочные суждения о хорошем или плохом были в данном случае необходимы для адекватного понимания последствий рантьерства для человеческого процветания и реакций на них людей.

В современной экономике люди зависят от рыночных и нерыночных отношений в деле обеспечения себя товарами и услугами, и в большинстве случаев это включает в себя социальные отношения между людьми. Некоторые формы зависимости оправданы с точки зрения человеческого достоинства и процветания (Sayer, 2015). Другие формы не поддаются оправданию, то есть в случае, если имеют место злоупотребления, насилие, эксплуатация, страдания и несправедливость. В части II было рассмотрено рантьерство как неравное социальное отношение между теми, кто владеет и контролирует существующие активы, и теми, кто нуждаясь в них, их не имеет. В отношениях между кредиторами и заёмщиками, землевладельцами и арендаторами, спекулятивными продавцами и покупателями, монополиями и клиентами, акционерными и рабочими, лицензиарами и лицензиатами одна из сторон неизменно получала оправдание и возможность получать непроизводственный доход.

В Казахстане и Кыргызстане извлечение ренты прославлялось и защищалось ссылками на свободу личности, экономическую свободу, права частной собственности, рыночный выбор, верховенство закона, идеологию «свободного рынка» и экономическое процветание. Государственное регулирование или нарушение неолиберального режима прав собственности рассматривалось как нечестное и

несправедливое по отношению к классу собственников и инвесторам, а также как коррупционное и аморальное поведение со стороны политического и не имеющего собственности класса. Помимо этого, рыночные отношения оправдывались и пропагандировались как наилучшая альтернатива государственному капитализму и социальному иждивенчеству, подавляющих трудолюбие, предприимчивость, творческие инновации и развитие.

Однако как было показано в части II, реально существующие рынки не функционировали в соответствии с неолиберальными предположениями и идеалами. Извлечение ренты в постсоветский период стояло далеко от идеализированной картины предприимчивого класса инвесторов или общества равноправных собственников. Более того, неолиберальный подход не учитывал другие проблемы, которые перевешивали аргументы в пользу рантьества.

Мотивы, нормы, дискурсы, механизмы и последствия деятельности рантье оценивались через призму справедливости, равенства, демократии, закона, блага окружающей среды и материального процветания. Форма зависимости, связанная с рентными отношениями была признана неоправданной по целому ряду причин.

Во-первых, рантьество подразумевало несправедливость в отношении лично вносимого вклада. Хотя взрослые трудоспособные рантье были способны работать и производить полезные обществу товары и услуги, они предпочли не вносить практически никакого вклада в создание материального богатства. Они получали непроизводственный доход на основании власти и прав собственности, а не какого-либо вклада или выполнения функций для общества (Tawney, 1921). Они необоснованно пользовались свободой доступа к материальным благам и паразитировали на чужом труде, выкачивая из него свою часть прибавочной стоимости. Если государственные трансферты обычно могли иметь какую-либо обоснованность, то непроизводственный доход его не имел.

Во-вторых, извлечение ренты порождало несправедливость в области распределения. Рантье извлекали выгоду из незаслуженного раздела доходов, не связанного с потребностями, признанием заслуг, талантами или приложенными усилиями. Необоснован-

ное экономическое неравенство возникало в результате получения непроизводственного дохода от бедных активами людей теми, у кого активы имелись в избытке, а также посредством накопления активов в виде ненадлежащей собственности, которая использовалась не как средство производства или труда, а как инструмент получения дохода и власти (Hobson, 1937). В то время как класс рантье обладал значительным богатством и властью в Казахстане и Кыргызстане, большинство населения в этих странах испытывало трудности касающиеся выплаты кредитов, наличия надлежащего жилья и достойной работы, чистой и безопасной окружающей среды.

В-третьих, изыскание ренты было тесно связано с плутократическим правлением. Класс постсоветских рантье сумел произвести захват государственных и регулирующих органов (Mihalyi & Szelenyi, 2017). Рантье нередко занимали высокие политические позиции на множестве уровней в Казахстане и Кыргызстане. Зависимость политических режимов от экспорта природных ресурсов предоставляло также и транснациональному капиталу привилегированный доступ и контроль над государственными институтами. Одновременно с этим, неолиберальный конституционализм обеспечивал иностранным инвесторам привилегированный статус в ущерб нуждам и интересам местного населения (Gill, 2002). Прорыночные структуры правительства стояли на защите интересов богатых, углубляя социальное неравенство, ограничивая демократические силы и сдерживая контравжения.

В-четвертых, деятельность рантье способствовала созданию криминогенной обстановки в ключевых секторах экономики. Стремление к быстрой прибыли, крупным доходам от инвестиций и максимальной стоимости акций способствовали распространению и рутинизации недобросовестных практик, коррупции и мошенничества в Казахстане и Кыргызстане. Среди таковых встречались: внесудебное взыскание долгов, хищническое кредитование, подкуп государственных чиновников, незаконное приобретение земли, фальсификация данных, нарушение правил техники безопасности и охраны труда. Более того, неолиберализм подрывал возможности

государственного регулирования и правоприменения, представляя регулирование как «бюрократическое», а государственное вмешательство как «изыскание ренты». Дерегулирование, отмена надзора и фактическая декриминализация способствовали производству корпоративных преступлений и социального вреда (Black, 2011; Tombs & Whyte, 2009).

В-пятых, рантьеерство способствовало экоциду (Sayer, 2015). Политические режимы остановили свой выбор на конкретной пространственно-временной перспективе, отдававшей приоритет скорейшему получению доходов, а не долгосрочному экономическому развитию. Транснациональные корпорации занимались грабежом природных Центральной Азии со всевозрастающей скоростью, накапливая доходы и прибыль. Такая чрезмерная добыча с их стороны нанесла ущерб биоразнообразию и хрупкой экосистеме региона. Вопросам экономической устойчивости и здоровью людей обычно уделялось мало внимания, а компенсации за экологический ущерб и средства на восстановление окружающей среды имели незначительные размеры. Экологические проблемы в малонаселенных районах близ «Тенгиза», «Капагана» и «Кумтора» были бесконечно далеки от космополитического и экстравагантного образа жизни политической элиты и транснациональных инвесторов.

В-шестых, извлечение ренты порождало социальные страдания. Большинство населения оказалось в ловушке отношений неравенства с классом рантье, не имея практически никаких альтернативных средств обеспечения себя необходимыми товарами и услугами для выживания и материального благополучия. Класс рантье эксплуатировал и наживался на имевшей место экономической зависимости людей. Неолиберальное движение создало неограниченные рынки денег, земли и труда, сделав людей уязвимыми для ростовщичества, ренты, спекуляций и эксплуатации (Marcuse, 1996). В то время как Советский Союз проводил важные моральные различия между производственными и непроизводственными доходами, собственностью и ненадлежащей собственностью, производительным и непроизводительным ка-

питалом, то неолиберализм устранил подобные деления, нанеся ущерб обществу.

Развитие рантьерства сопровождалось призывами к созданию альтернативных экономических механизмов и институтов. Отношение людей к социальному миру не заключалось исключительно в приспособлении к господствующим отношениям и практикам, но сопровождалось оценочными суждениями о касавшихся их проблемах и ситуациях (Sayer, 2017). Благосостояние людей зависело от того, каким образом обстояли дела с их проблемами, привязанностями и обязательствами в окружающем мире. Они отслеживали и оценивали ситуацию в которой они находились, чтобы определить свои дальнейшие шаги. Лидеры и активисты движения были людьми оценивающими, интерпретирующими мир через отношение к вещам, имевшим для них значение. Они перемещались между состояниями нужды и отчаяния, надежды и тоски, между тем, что имелось в настоящий момент, и тем, что могло бы быть, между тем, что было, и тем, что должно.

В дополнение к этому, вторая составляющая двойного движения ставила фундаментальные и критические вопросы касательно целей экономической активности, а также природы экономических обязанностей и прав (Sayer, 2000). Лидеры и активисты общественных движений поднимали важные моральные вопросы, касающиеся экономики: какие вещи должны или не должны быть предметом торговли? какие наборы прав и обязанностей надлежит иметь кредитору и арендодателю? какой должна быть степень ответственности транснациональных корпораций перед своими работниками и местными сообществами? какие обязательства имеет государство перед своими гражданами? и, наконец, в какой степени допустимы непроизводственные доходы?

ГЛАВА 11. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей главе рассматривается ряд более широких вопросов, возникающих в связи с ранее написанным. В разделе «Экономика для народа» ставится фундаментальный вопрос «для чего вообще нужна экономика?». Приводятся аргументы в пользу того, что экономика должна обеспечивать устойчивое развитие и процветание для всех, и что капитализм рантье такой цели не соответствует. Во втором разделе рассматривается вопрос политических мер и социальных союзов которые должны иметь место для преобразования существующей экономической системы, с тем чтобы та лучше служила людям и сохраняла планету. В третьем разделе приводится краткое обсуждение вызванного пандемией COVID-19 кризиса. В нём рассматривается вопрос о том, каким образом меры, принимаемые странами в ответ на пандемию, способствовали дальнейшему продвижению интересов и деятельности рантье. Опыт данного кризиса даёт возможность извлечь ценные уроки касательно того, как бороться с угрозой, которую несет рантьерство для всего человечества.

ЭКОНОМИКА ДЛЯ НАРОДА

Задаться вопросом «какую пользу приносит экономика?» важно для понимания экономических институтов, отношений и деятельности (Booth, 1994). Согласно Аристотелю, богатство и собственность — это инструменты или орудия для достижения целей жизни, и оцениваются они в соответствии с внешними по отношению к ним целям или задачам. Богатство не является благом для человека, если оно не служит таким целям. Бесконечное стремление к богатству лишь травмирует личность и вызывает социальные страдания. Собственность, которая используется владельцами не как средство производства, не как «средство труда, а как инструмент для получения выгоды или осуществления власти», не выполняет позитивной или конструктивной функции (Tawney, 1921: 65-66).

Любое экономическое исследование неизбежно предстает как исследование этическое, дающее тот или иной ответ на вопрос «во имя чего?» (Booth, 1994). Подобный вопрос проблематизирует об-

суждение экономических явлений, со свойственным им отделением человека от присущих ему социальных отношений и контекстов или же не дающих оценку явлениям в плане их полезности для человеческого развития, с учётом, что люди экономически, социально и психологически зависят от других людей в вопросах выживания и развития (Sayer, 2018). Современная экономика представляет собой сложное переплетение социальных отношений (продавец - покупатель, работодатель - работник, кредитор - заёмщик, арендодатель - арендатор, учитель - ученик, врач - пациент, государство - гражданин, родитель - ребенок и так далее). В то время как некоторые формы зависимости могут быть взаимовыгодными и улучшающими бытие их участников, другие предстают паразитическими, эксплуататорскими и угнетательскими.

Кроме того, люди — это нуждающиеся и уязвимые существа, которым требуется множество вещей и занятий, чтобы вести приемлемую для себя жизнь. Нуссбаум (Nussbaum, 2006) и Сен (Sen, 1999) предлагают свой подход, фокусирующийся на возможностях, как способе суждений о человеческом и экономическом развитии. Помимо богатства и собственности в качестве полезных инструментов для достойной жизни, люди должны иметь достаточное питание, жильё, медицинское обслуживание и образование; иметь возможность участвовать в принятии экономических и политических решений, влияющих на их жизнь; иметь свободу идейного самовыражения; взаимодействовать с другими людьми, не подвергаясь запугиванию и стигматизации; иметь уважительные и равные отношения, свободные от господства и эксплуатации; обладать возможностью заботиться о других и получать от других заботу; пользоваться безопасной и устойчивой окружающей средой, не подвергая риску свое здоровье, местные сообщества и хрупкие экосистемы.

Целью экономической деятельности является обеспечение всеобщего человеческого процветания честным, справедливым и устойчивым образом (Sayer, 2015). Взаимовыгодные формы зависимости, основанные на равенстве, свободе и уважении, повышают возможности и благосостояние людей. Пагубные формы зависимо-

сти, возникающие в результате господства, неравенства и неверной оценки, являются необоснованными. Несмотря на слабую защиту и возможность устранения или сведения к минимуму, они сохраняются и рассматриваются как жизненный факт и то, чего люди заслуживают, как если бы это была «вера в справедливый мир» (Lerner, 1980). Люди способны нормализовывать социальные отношения угнетения, особенно в условиях отсутствия альтернатив. Они также могут воспринимать нужду как добродетель.

Однако люди не просто детерминируются своим положением в обществе, они процветают и страдают в зависимости от характера присущей им деятельности, явлений и отношений. Люди — существа оценочные, они неполным образом, но осознают и различают вещи, которые оказывают на них благотворное или пагубное воздействие (Sayer, 2011). Их отношение к миру — это отношение беспокойности, они привыкают беспокоиться об одних вещах и не беспокоиться о других. Их оценочные суждения не только пассивно описывают мир, но и сообщают, каким он должен быть. Оценка социальных страданий с их стороны способна привести к социальной критике, мотивации и побуждению к социальным изменениям, по мере политизации и потери образа естественности у социального устройства.

Неолиберализм не в состоянии адекватно ответить на вопрос «Какова цель экономики?». Богатство, прибыль и зарабатывание денег прославляются как самоцель. Корысть, жадность, предприимчивость и конкуренция рассматриваются как желательные качества в потребительском обществе. В дополнение к этому, собственность приобретается ради её способности извлекать доход, а не как инструмент труда или средство производства (Tawney, 1921). Меновая стоимость преобладает над потребительской, непроективные инвестиции — над производительными. Неолиберализм поощряет неограниченное обогащение, непроективный доход и необоснованную собственность.

В дополнение к этому, неолиберализм поддерживает несправедливые и пагубные формы экономической зависимости, позволяющие богатым пользоваться преимуществами в отношении более

бедных. Неoliberalизм смещает баланс сил в социальных отношениях в сторону класса собственников: кредиторов, арендодателей, инвесторов, работодателей, международных доноров и так далее. Те, кто владеет и контролирует существующие дефицитные активы, присваивают доход тех, кто испытывает в них недостаток (Sayer, 2015). Класс рантие зависит от других субъектов в плане производства товаров и услуг. Последние создают излишек, часть которого выкачивается ими через ренту, проценты, дивиденды и прирост капитала. В дополнение к этому, капиталисты эксплуатируют работников, не имеющих правовой возможности вести коллективные переговоры или пользоваться государственным регулированием для обеспечения достойной оплаты и условий труда. Немногочисленное число богатых получает власть и возможность обогащаться в ущерб большинству. Неoliberalизм являет собой наступление одного класса на другой.

Усилия низовых движений по противодействию neoliberalной маркетизации показали свой неравномерный, фрагментарный и частичный характер (Burawoy, 2015; Fraser, 2013; Goodwin, 2018). Транснациональный капитал, государство, международные финансовые институты и страны-экспортеры капитала представляют собой могущественный союз, противостоящий локальным социальным движениям, раздробленным и имеющим плохую ресурсную обеспеченность. Однако наличие значительной власти и возможностей не всегда гарантирует успех. Контраввижения способны изменять, блокировать, перекрывать и обходить интересы рынка и власть капитала посредством борьбы за облегчение долгового бремени, ограничение арендной платы и процентов, признание коллективных переговоров; с помощью забастовок, судебных исков, захватов земель, промышленного саботажа и политических протестов.

ЧТО ДЕЛАТЬ?

В данной работе отстаивается мнение, что neoliberalизм порождает ничем не оправданные паразитические и эксплуататорские социальные отношения, в частности, те, что связаны с фиктивными

товарами. Ниже приводятся некоторые идеи касающиеся того, как морально-экономическая критика неолиберализма и рантье способна обратиться в конкретные политические меры и практики, направленные на предоставление товаров и услуг, обеспечивающих общее человеческое процветание. Очевидную важность здесь представляет борьба с основными источниками непроизводственного дохода.

Первый комплекс возможных мер не предполагает радикальных изменений в отношении прав частной собственности. Государство может начать регулировать цены на активы, дабы устранить или минимизировать экономическую ренту, а также предлагать товары и услуги первой необходимости по себестоимости или близкой к этому цене. Ещё одной мерой здесь могло бы стать ограничение процентных ставок, арендной платы за жильё и тарифов на коммунальные услуги, сдерживающих чрезмерные платежи и сборы. Соответствующие цены и предельные уровни платежей определялись бы демократическим путем и варьировались в зависимости от регионального и сезонного спроса, что позволило бы более эффективно предоставлять населению товары и услуги (Sayer, 2015).

Второе предложение предполагает налогообложение непроизводственного дохода путём введения ряда повышенных налогов — на стоимость земли, на прирост капитала, на дивиденды. Подобные налоги будут способствовать снижению стимулов к спекуляции и обладанию необоснованной собственностью. Вместе с тем, это уменьшит «пузыри» на финансовых, жилищных и фондовых рынках, обеспечив тем самым большую экономическую стабильность. Крайне важная задача — обратить вспять десятилетия государственной политики налогового фаворитизма в сфере недвижимости, банков, финансов, ресурсодобыче, в отношении промышленных и платформенных монополий (Hudson, 2021; Christophers, 2020).

Третий набор мер по контролю предусматривает строгие ограничения на владение дефицитными активами. Здесь могут быть установлены те или иные конкретные ограничения для каждой семьи на финансовые, имущественные и земельные владения. По-

добные ограничения будут определяться демократическим путем и варьироваться в зависимости от размера и потребностей семьи. Данные ограничения позволят свести к минимуму концентрацию богатств и неоправданное владение собственностью, обеспечивая более равномерное распределение последней. Помимо этого, кредитование может регулироваться таким образом, чтобы стимулировать продуктивные инвестиции и проекты, тем самым способствуя созданию материального богатства и экономическому развитию, а не присвоению доходов и дефляции долга (Hudson, 2014). Потребительское кредитование и кредитование активов будет ограничено с целью нераздувания финансовых пузырей.

Четвертый набор политических мер предполагает более радикальные изменения в области предоставления товаров и услуг. Государство могло бы национализировать ключевые организации, такие как банки, жилищно-коммунальные и ресурсодобывающие компании, поставив дефицитные активы под демократический контроль и обратив их на нужды экономики в целом, вместо служения интересам частнособственнической элиты. Другое возможное предложение включает достаточное представительство в правлениях компаний работников, потребителей и других ключевых заинтересованных сторон. Это способствовало бы развитию экономической демократии путём ограничения прав заочных акционеров. Ассоциации взаимопомощи и компании, контролируемые потребителями/работниками (к примеру, жилищные ассоциации и кредитные союзы), могут расширить своё присутствие, предоставляя больше возможностей потребителям и работникам, и ограничивая присвоение и эксплуатацию.

Подобные меры по ограничению непроизводительных доходов не только минимизируют экономическое неравенство и расширят права собственности и контроля над дефицитными активами для населения, но и обеспечат устойчивое и равноправное развитие. Однако анти-рантьерство должно сочетаться с антикапиталистической и «зелёной» политикой с целью сохранения планеты (Sayer, 2015). Для борьбы с глобальным потеплением и истощением ресурсов необходимо уменьшить глобальную добычу ископаемого

топлива и сократить потребление в богатых странах. Уровень потребления на Глобальном Севере не может иметь долговременный устойчивый характер, его невозможно воссоздать на Глобальном Юге. Равноправное глобальное развитие предполагает политику его снижения в развитых странах и ограниченного роста в других. В странах Центральной Азии уровень потребления умеренно возрастет, хотя и в меньшей степени, чем в случае более бедных частей Африки.

Задача состоит в том, чтобы выработать глобальный и скоординированный ответ, соответствующий масштабам имеющегося кризиса. Мировые контрдвижения многочисленны и разнообразны, начиная от анти-долговых движений в Центральной Азии и движений сквоттеров в Африке до экологических кампаний в Латинской Америке и рабочего сопротивления в Европе и Северной Америке. Иногда их рассматривают как не связанные друг с другом партикуляризмы или характерные для региона формы мобилизации (к примеру, соответствующие политике «патрон-клиент» в Центральной Азии, клановой/племенной политике в Африке). Однако данные контрдвижения не стоит понимать как разрозненную борьбу, более точным было бы их восприятие как частей общего глобального контрдвижения с его стремлением к противодействию и ограничению пагубного и разрушительного режима накопления капитала (Burawoy, 2015; Walker, 2017). Это не подразумевает проецирование ложного универсализма в западном каноне, но требует признания важности рассмотрения регионов в терминах мирового рынка, мирового государства и мирового общества (Jessop, 2018).

Построение контррегемонистского проекта, способного вдохнуть новую жизнь в оппозицию неолиберализму, требует инклюзивного по своему характеру союза интересов, выходящих за рамки интересов тех, кто непосредственно страдает от процесса коммодификации. Социальные движения, больше ориентированные на признание, чем на перераспределение, требуют для себя большей доступности и возможностей, а не защиты (Fraser, 2013). Движения, связанные с феминизмом, мультикультурализмом, освобождением ЛГБТ и активизмом за права лиц с ограниченными возможностями

нередко выступают с критикой угнетающего характера социальной защиты. Меры социальной защиты часто основываются на неоплачиваемом или маргинализированном женском труде, исключении или неравном включении сообществ иммигрантов и этнических меньшинств, гетеронормативном понимании семьи, а также эйблистских взглядах на мобильность и возможности людей.

Общественные движения, критикующие меры социальной защиты, с высокой вероятностью объединятся с неолиберализмом в деле поддержки маркетизации (Fraser, 2013). Гибкость рынка, разнообразие и инклюзивность могут взять верх над озабоченностью по поводу экономического неравенства, эксплуатации и угнетения. В результате существующие связи солидарности рискуют ослабеть или разрушиться. Однако социальные движения, основанные на требовании общественного признания, также способны и объединиться с движениями, основанными на требованиях перераспределения, изменяя этическую основу социальной защиты, с тем, чтобы контраввижения не занимались простой защитой текущего иерархического, исключающего и коммунитарного понимания социальной защиты. Подобный широкий союз наступательных социальных движений не просто перестроит экономику, но радикально преобразует общество (Goodwin, 2018).

РАНТЬЕРСТВО И КРИЗИС COVID-19

Кризис, связанный с пандемией COVID-19 явился упущенной возможностью перестроить экономические отношения и институты, преодолеть рэнт-капитализм. В целом, региональные и национальные ответные меры лишь сильнее закрепили практику извлечения ренты, из-за стремления правительств минимизировать потрясения и сохранить статус-кво. В период данного глобального кризиса источники производственных доходов и трансфертов оказались в гораздо худшем положении, чем источники доходов непродовственных. Из-за введения ограничений со стороны ряда стран для сдерживания распространения коронавируса, произошло резкое сокращение производства товаров и услуг. Число наёмных и самозанятых работников сократилось, многие потеряли работу или

были уволены. Низкооплачиваемые, полуквалифицированные работники и трудящиеся-мигранты неизменно испытывали большие трудности, чем представители иных социальных групп.

Государственные и добровольные трансферты были недостаточны для восполнения потерь в производственном доходе или же удовлетворения базовых потребностей населения. Социальная помощь была скудна, имела ограниченный характер и сопровождалась проверками нуждаемости, и в целом предназначалась для помощи лишь небольшому числу бедных семей. Те, кто имел доходы выше официальной черты бедности, но с трудом сводил концы с концами, а также неграждане, отсекались от государственной поддержки. Благотворительные организации оказывали частичную и узконаправленную помощь наиболее уязвимым слоям. В дополнение ко всему, наблюдаемое в странах с низким уровнем дохода сокращение денежных переводов ещё больше усугубляло положение бедных домохозяйств.

В противоположность этому, непроизводственные доходы имели в целом бесконтрольный характер и были защищены от сокращений. Для рантье, которые продолжали получать доходы от процентов, ренты дивидендов и прироста капитала, всё шло как обычно. Присвоение доходов не запрещалось и не отменялось. Правительства лишь призывали кредиторов и арендодателей отложить требование выплат на небольшой срок, с последующим их пересчётом и увеличением. Многие испытывающие трудности домохозяйства и предприятия были вынуждены продолжать выплачивать арендную плату, проценты, страховые, ипотечные и коммунальные платежи, иначе им грозило возможное выселение или судебное разбирательство. Люди обязаны были выполнять свои обязательства перед рантье, имея при этом значительно сократившийся доход.

Правительства и международные финансовые институты предлагали кредиты испытывающим трудности семьям и предприятиям, предполагая смягчить их тяжелое экономическое положение. Кредиты выдавались по льготным ставкам и предоставлялись через коммерческие банки и микрофинансовые организации. Подобные меры отражали неолиберальную стратегию индивидуализации,

приватизации и финансиализации социальных и экономических проблем. Неимущих и людей со средним уровнем дохода поощряли брать на себя ещё больше долгов для стимулирования экономики, что одновременно обогащало зажиточную финансовую элиту, расширяло её возможности. Крауч (Crouch, 2009) называл подобное явление «приватизированным кейнсианством».

После десятилетий делегитимизации правительств как слишком разросшихся, коррумпированных и диктаторских, большинство граждан не доверяли им, вкладывая больше веры в рынки и гражданское общество. От рынков, филантропии и благотворительных организаций требовали большего, оправдывая это расширением свободы, выбора, сострадания и заботы. Кризис COVID-19, казалось, подтвердил веру людей в то, что рыночный договор и благотворительные настроения важнее общественного договора и обязанностей государства. Во многих странах банки и микрофинансовые организации предлагали временные послабления, предоставляя кредиты или перенося сроки их погашения; арендодатели проявляли жесты доброй воли, позволяя отложить выплаты по аренде.

Однако пандемия COVID-19 показала также и то, на какие экстраординарные меры способны пойти правительства для обеспечения благополучия людей. В целом, люди выражали широкую политическую поддержку данным мерам, направленным на сохранение здоровья и безопасности в обществе. Для политических и социальных сил не является невозможным объединение для борьбы с опасностями, которые неолиберализм и рантьерство представляют для благополучия людей и будущего планеты. Несомненно, задача здесь стоит колоссальная. Некоторые читатели вероятно смотрят на всё это пессимистически, придерживаясь мнения, что легче представить конец света, чем конец неолиберализма или капитализма рантье. Но это лишь «пессимизм разума», не отражающий существующие надежды и чаяния народа на лучшее завтра.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ:

24 Kg. (2019, October 15). Building by the rules, or attempting to seize property. https://24.kg/obschestvo/132225_stroitelstvo_ponbsppravilam_ili_pop_yitka_izyuyat_sobstvennost_/.

24 Kg. (2020, February 12). The building lobby of the Bishkek City Council in the faces. They took the RAP. https://24.kg/obschestvo/143277_stroitelnoe_lobbi_bishkekского_gorkenesha_vlitsab_oni_prinimali_pdp/.

Aalbers, M. (2008). The financialization of home and the mortgage market crisis. *Competition and Change*, 12(2).

Abdoubaetova, A. (2020). Secondary schools and inequality: Navigating the fragmented landscape of educational choices in Bishkek. In M. Laruelle (Ed.), *New voices from Central Asia: Societal transformations*. The George Washington University.

Adkins, L., Cooper, M., & Konings, M. (2019). Class in the 21st century: Asset inflation and the new logic of inequality. *Environment and Planning A: Economy and Space*. <https://doi.org/10.1177/0308518X19873673>.

Aidar, S. (2018, October 22). What we know about alleged elite corruption under former Kyrgyz President Almazbek Atambayev. *openDemocracy*.

Aimbetova, M. (2008). Ostavim Narodu Zhil'e: Chernyj den' uzhe nastupil. <https://www.kn.kg/article/2016/>.

Akchabar. (2016). Obzor rynka kreditovania v Kyrgyzstane za 2015 god. <https://www.akchabar.kg/article/loans/loan-market-review-2015/>.

Akipress. (2016). 94 construction incidents including 46 deaths recorded in Kyrgyzstan in 9 months — State Technical Safety Inspection. <https://akipress.com/news:585654/>.

Aldashev, A. (2011). Determinants of internal migration in Kazakhstan (Working Papers 301). Osteuropa-Institut Regensburg.

Aliev, T. (2015a). Kazakhstan: Resource curse or Dutch disease? *Problems of Economic Transition*, 57 (10).

Aliev, T. (2015b). Bednost' v Kazakhstane. *Mirovaya Ekonomika i*

Mezhdunarodnye Otnosheniya, 59 (12).

Andreucci, D., García-Lamarca, M., Wedekind, J., & Swyngedouw, E. (2017). 'Value grabbing': A political ecology of rent. *Capitalism Nature Socialism*, 28 (3).

Andrusz, G. (1990a). A note on the financing of housing in the Soviet Union. *Soviet Studies*, 42(3).

Andrusz, G. (1990b). Housing policy in the Soviet Union. In J. A. A. Sillince (Ed.), *Housing policies in Eastern Europe and the Soviet Union*. Routledge.

Angioloni, S., Kudabaev, Z., Ames, G., & Wetzstein, M. (2018). Household allocation of microfinance credit in Kyrgyzstan. *Post-Communist Economies*, 30 (1).

Appadurai, A. (2012). The spirit of calculation. *Cambridge Anthropology*, 30 (1), 3–17.

Appel, H. (2019). *The licit life of capitalism: US oil in Equatorial Guinea*. Duke University Press.

Appel, H., & Orenstein, M. (2018). *From triumph to crisis: Neoliberal economic reforms in postcommunist countries*. Cambridge University Press.

Asanov, B. (2018). Kyrgyzstan: zolotorudnye mestorojdeniya obrastaushie konfliktami. *Azattyk*. https://rus.azattyk.org/a/kyrgyzstan_gold_mines/29576512.html.

Asian Development Bank. (2011). Sector assessment (Summary): private sector and finance. Bishkek: Asian Development Bank Report. <https://www.adb.org/sites/default/files/linked-documents/41544-082-kgz-ssa.pdf>. Accessed July 2020.

Asian Development Bank Institute. (2014). Connecting Central Asia with economic centers. Asian Development Bank Institute. <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/159307/adbi-connecting-central-asia-economic-centers-final-report.pdf>. Accessed July 2020.

Aslamova, D. (2011). Участник митинга в поддержку казахских нефтяников, разгромивших Жанаозен: Ленин бы нами гордился! Комсомольская правда <https://www.irk.kp.ru/daily/25806.5/2786926/>.

Auyezkhanuly, A., Manap, A., Akranov, A., & Karshalova, A. (2019). The study of the residential real estate market in the Republic of

Kazakhstan. Journal of Real Estate Literature, 27 (1).

Azattyk. (2014a, August 28). Bishkek. 13 floors of lawlessness. <https://rus.azattyk.org/a/26554594.html>.

Azattyk. (2014b, February 14). Ipoteka: sem' raz otmer, potom beri. <https://rus.azattyk.org/a/kazakhstan-mortgage-after-devaluation/25263767.html>.

Azattyk. (2019a, August 29). Strategic agreement between Kyrgyzstan and Centerra: What did the parties agree on. https://rus.azattyk.org/a/kyrgyzstan_kumtor_strategic_agreement/30134766.html.

Azattyq. (2019b, August 24). 'Korovy' Nazarbayeva i 'shveitsarskii zamok' ego docheri. <https://rus.azattyq.org/a/press-review-kazakhstan-nazarbayev-castles-and-cows/30126599.html>.

Azattyk. (2020, December 2). Pomosh ot gosudarstva? Politicheskii aspekt podderzhki zaemshikov. <https://rus.azattyk.org/a/30979450.html>.

Azattyq Ryhy. (2020a, December 2). What kind of business do the communists own? <https://rus.azattyq-ruhy.kz/politics/5350-kakim-biznesom-vladeint-kommunisty>.

Azattyq Ryhy. (2020b, February 6). What kind of business do the defenders of businessmen — MPs from the Ak Zhol party own? <https://rus.azattyq-ruhy.kz/politics/5098-kakim-biznesom-vladeint-zashchitniki-biznesmenov-deputaty-ot-partii-ak-zhol>.

Bacheva-McGrath, F., Popov, D., Zarafian, I., & Imankozhova, E. (2009). Between a rock and a hard place. CEE Bankwatch Network. https://bankwatch.org/wp-content/uploads/2011/08/btw_a_rock_and_a_hard_place_web.pdf.

Baitelova, Z. (2009). Zhilishnyj vopros stal politicheskim. Kn.kz. <https://www.kn.kz/article/3253/>.

BakerMckenzie. (2019). Kazakhstan president announces consumer debt loan relief . <https://www.bakermckenzie.com/en/insight/publications/2019/07/kazakhstan-president-announces-consumer>.

Bankwatch Network. (2013). Kyrgyzstan and the conflict over natural resources. <https://bankwatch.org/wp-content/uploads/2014/04/Kutmor-Kyrgyzstan-Jul2013.pdf>. Accessed Sept 2020.

Bankwatch Network. (2016, April 20). Mining company shirks blame for glacier damage in Kyrgyzstan. https://bankwatch.org/bw_in_media/

mining-company-shirks-blame-for-glacier-damage-in-kyrgyzstan. Accessed Sept 2020.

Barisitz, S., & Lahnsteiner, M. (2010). From stormy expansion to riding out the storm: Banking development in Kazakhstan (Financial Stability Report 19). Oesterreichische National Bank (Austrian Central Bank). [https:// ideas.repec.org/a/onb/oenbfs/y2010i19b1.html](https://ideas.repec.org/a/onb/oenbfs/y2010i19b1.html).

Bastiat, F. (1996). Economic sophisms (A. Goddard, Trans.). Foundation for Economic Education.

Bateman, M. (2010). Why doesn't microfinance work? The destructive rise of local neoliberalism. Zed Books.

Bateman, M. (2018). Small loans, big problems: The rise and fall of micro-credit as development policy. In H. Fagan & R. Munck (Eds.), *Handbook on development and social change*. Edward Elgar Publishing.

Bayat, A. (2000). From 'dangerous classes' to 'quiet rebels': Politics of the urban subaltern in the global south. *International Sociology*, 15 (3),.

Bini, E., & Petrini, F. (2019). Labor politics in the oil industry: New historical perspectives. *Labor History*, 60 (1). <https://doi.org/10.1080/0023656x.2019.1536497>.

Bizhanova, M. (2018). Can the Silk Road revive agriculture? Kazakhstan's challenges in attaining economic diversification. In M. Laruelle (Ed.), *China's Belt and Road initiative and its impact in Central Asia*. The George Washington University.

Black, W. (2010, May). Neo-classical economic theories, methodology and praxis optimize criminogenic environments and produce recurrent, intensifying crises. *Creighton Law Review*.

Black, W. (2011, May 25). The two documents everyone should read to better understand the crisis. HuffPost. https://www.huffpost.com/entry/the-two-documents-everyon_b_169813. Accessed July 2020.

Block, F. (2008). Polanyi's double movement and the reconstruction of critical theory. *Revue Interventions économiques*, 38. <https://doi.org/10.4000/interventionseconomiques.274>.

Bocharova, M. (2014). 'Von iz doma!': hronika prinuditelnyh vyselenij. *Vlast.kz*. https://vlast.kz/obsshestvo/_von_iz_doma_bronika_

prinudite lnyh_vyselenij-6903.html.

Booth, W. (1994). On the idea of the moral economy. *American Political Science Review*, 88 (3).

Botoeva, A. (2018). Islam and the spirits of capitalism: Competing articulations of the Islamic economy. *Politics and Society*, 46(2).

Bourdieu, P. (1987). The force of law: Toward a sociology of the juridical field. *Hastings Law Journal*, 38 (5).

Bourdieu, P. (1998). *Practical reason: On the theory of action.* Polity Press. Bourdieu, P. (2000). *Pascalian mediations.* Polity.

Braguinsky, S. (2009). Postcommunist oligarchs in Russia: Quantitative analysis. *Journal of Law and Economics*, 52(2), 307–350.

Bryman, A. (2012). *Social research methods* (4th ed.). Oxford University Press. Buchanan, J. (1990). The domain of constitutional economics. *Constitutional Political Economy*, 1(1).

Buchanan, J. (2008). Same players, different game: How better rules make better politics. *Constitutional Political Economy*, 19 (3).

Burawoy, M. (2015). Facing an unequal world. *Current Sociology*, 63(1).

Byambajav, D. (2012). Mobilizing against dispossession: Gold mining and a local resistance movement in Mongolia. *Journal of the Center for Northern Humanities*, 5.

Cabar. (2020, May 14). Some residential construction projects may fail due to COVID-19 in Kyrgyzstan. <https://cabar.asia/en/some-residential-construction-projects-may-fail-due-to-covid-19-in-kyrgyzstan/>.

Central Asia and Caspian Intelligence. (2008, February 25). The Salymbekov Clan and the Dordoy Bazaar. No. 28. https://wikileaks.org/gifiles/attach/177/177775_CACLA27.pdf. Accessed July 2020.

Central Asian News Service. (2016, February 12). Commercial banks to quit from mortgage, consumer lending markets over National Bank's restrictions — Expert. https://akipress.com/news:572629:Commercial_banks_to_quit_from_mortgage_consumer_lending_markets_over_National_Bank_s_restrictions_-_expert/.

Central Asian News Service. (2017, March 2). Nearly 25,000 teachers in Kyrgyzstan need housing — State mortgage company. https://24.kg/english/46362_25000_teachers_in_Kyrgyzstan_badly_need_housing/.

Charman, K. (2007). Kazakhstan: A state-led liberalized market economy? In D. Lane & M. Myant (Eds.), *Varieties of capitalism in post-Communist countries*. Palgrave Macmillan.

Christophers, B. (2019). The rentierization of the United Kingdom economy. *Environment and Planning A: Economy and Space*. <https://doi.org/10.1177/0308518X19873007>.

Christophers, B. (2020). *Rentier capitalism: Who owns the economy, and who pays for it?* Verso.

CIS Arbitration Forum. (2013, December 16). Metal-Tech v Uzbekistan: No jurisdiction because of corruption. <http://www.cisarbitration.com/2013/12/16/metal-tech-v-uzbekistan-no-jurisdiction-because-of-corruption>.

Clark, T. D. (2014). Reclaiming Karl Polanyi, socialist intellectual. *Studies in Political Economy*, 94 (1).

Cooley, A., & Heathershaw, J. (2017). *Dictators without borders: Power and money in Central Asia*. Yale University Press.

Cooley, A., & Sharman, J. C. (2015). Blurring the line between licit and illicit: Transnational corruption networks in Central Asia and beyond. *Central Asian Survey*, 34 (1).

Crossley, N. (2002a). Making sense of social movements. Open University Press. Crossley, N. (2002b). Global anti-corporate struggle: A preliminary analysis. *British Journal of Sociology*, 35 (4).

Crouch, C. (2009). Privatised Keynesianism: An unacknowledged policy regime. *British Journal of Politics and International Relations*, 11(3).

Crude Accountability (2013). Republic of Chevron: 20 years in Kazakhstan. <https://crudeaccountability.org/wp-content/uploads/2013/06/20130604-Chevron20YrsInKazakhstan-en.pdf.pdf>. Accessed Sept 2020.

Danilovich, N. (2010). Growing inequalities and reproductive health in transitional countries: Kazakhstan and Belarus. *Journal of Public Health Policy*, 31(1).

Davis, M. (2004, March–April). Planet of slums. *New Left Review*, 26.

Djarlygapova, D. (2017). *Zaemshiki za bortom: Komu pomogla*

programma refinasirovaniya zaimov? Vlast.kz. <https://vlast.kz/amp/jekonomika/21893-zaemsiki-za-bortom-komu-pomogla-programma-refinansirovania-ipotecnyh-zajmov.html>.

Djumashova, A. (2020). Sem'akcij potesta, posle kotoryh investory prekratili rabotu v Kyrgyzstane. 24.kg. https://24.kg/obschestvo/144008_sem_aktsiy_protesta_posle_kotoryih_investoryi_prekratili_rabotu_vkyrgyzstane/.

Doolot, A., & Heathershaw, J. (2015). State as resource, mediator and performer: Understanding the local and global politics of gold mining in Kyrgyzstan. *Central Asian Survey*, 34 (1).

Doolotkeldieva, A. (2020). Regulating corporate social responsibility (CSR) in the large-scale mining sector of Kyrgyzstan. OSCE Academy Policy Briefs.

Dzyubenko, O. (2012). Kyrgyz villagers attack Russian-owned mining camp. Reuters. <https://uk.reuters.com/article/us-kyrgyzstan-mining/kyrgyz-villagers-attack-russian-owned-mining-camp-idINBRE8AS0YA20121129>.

El-Hodiri, M., Kudasheva, T., & Kunitsa, S. (2015). Methods of measurement of socio-geographical inequality in Kazakhstan, a consequence to the distribution of oil development? *Journal of Economic Sociology*, 3(1).

Engel, S. (2019). Microfinance as poverty-shame debt. *Emotions and Society*, 1(2).

Engvall, J. (2014). Why are public offices sold in Kyrgyzstan? *Post-Soviet Affairs*, 30 (1).

Equal Times. (2017, October 12). Kyrgyz trade unions vow to protect labour rights ahead of Sunday's elections. <https://www.equaltimes.org/kyrgyz-trade-unions-vow-to-protect?lang=en#.X0AUri2ZPBI>.

Erturk, I., Froud, J., Johal, S., Leaver, A., & Williams, K. (2007). The democratization of finance? Promises, outcomes and conditions. *Review of International Political Economy*, 14 (4).

Eurasianet. (2011, May 14). Kyrgyzstan to pay Osh victims' families: Can it be done fairly? <https://eurasianet.org/kyrgyzstan-to-pay-osh-victims-families-can-it-be-done-fairly>.

Eurasianet. (2014, July 22). Kyrgyzstan: After the revolution came

- the cranes. <https://eurasianet.org/kyrgyzstan-after-the-revolution-came-the-cranes>.
- Eurasianet. (2016, February 4). Kazakhstan: Economic woes prompting pot-bangers to target banks. <https://www.refworld.org/docid/56b45ac04.html>.
- Eurasianet. (2019a, August 24). Dolgovaya amnistiya v Kazakhstane reshit ili otlozhit problemu? <https://russian.eurasianet.org/dolgovaya-amnistiya-v-казaxstane-pxcit-ili-otlozhit-ppoblemu>.
- Eurasianet. (2019b, August 23). Kazakhstan: Castles, cows and a grumpy old man. <https://eurasianet.org/kazakhstan-castles-cows-and-a-grumpy-old-man>.
- Evans, A., & Sil, R. (2020). The dynamics of labor militancy in the extractive sector: Kazakhstan's oilfields and South Africa's platinum mines in comparative perspective. *Comparative Political Studies*, 53(6).
- Fairclough, I., & Fairclough, N. (2012). *Political discourse analysis: A method for advanced students*. Routledge.
- Fatyanova, U. (2017). Eksperty poschitali skol'ko Kazakhstan potratil na EKSP0-2017. <https://the-steppe.com/novosti/eksperty-podschitali-skolko-kazakhstan-potratil-na-ekspo-2017>.
- Fedirici, S. (2014). From commoning to debt: Financialization, microcredit, and the changing architecture of capital accumulation. *The South Atlantic Quarterly*, 113(2).
- Ferguson, J. (2006). Seeing like an oil company: Space, security, and global capital in neoliberal Africa. *American Anthropologist*, 107 (3).
- Ferguson, J. (2009). The uses of neoliberalism. *Antipode*, 41(S1).
- Fischer, K., & Langthaler, E. (2019). Soy expansion and countermovements in the Global South: A Polanyian perspective. In A. Roland, B. Aulenbacher, U. Brand, F. Decieux, K. Fischer, & S. Birgit (Eds.), *Capitalism in transformation: Movements and countermovements in the 21st century*. Edward Elgar Publishing.
- Fitzgeorge-Parker, L. (2018). Impact banking: Microfinance comes of age in Kyrgyzstan. *Euromoney*. <https://www.euromoney.com/article/b1b0967cr mxs3m/impact-banking-microfinance-comes-of-age-in-kyrgyzstan>.
- Fletcher, A. (2017). Applying critical realism in qualitative research: Methodology meets method. *International Journal of Social Research Methodology*, 20 (2).

Forbes. (2019, March 6). Vremya refinansirovatsya. Shans est': srok istekaet 15 iyulya. https://forbes.kz/finances/finance/vremya_refinansirovatsya_sha_nsyi_est_srok_istekaet_15_iyulya/.

Franke, A., Gawrich, A., & Alakbarov, G. (2009). Kazakhstan and Azerbaijan as post-Soviet rentier states: Resource incomes and autocracy as a double 'curse' in post-Soviet regimes. *Europe-Asia Studies*, 61(1).

Fraser, N. (2013, May–June). A triple movement? Parsing the politics of crisis after Polanyi. *New Left Review*, 81.

Friends of the Earth Europe. (2007). Kashagan oil field development. https://www.foeeurope.org/sites/default/files/publications/foee_kashagan_oil_field_development_1207.pdf. Accessed Sept 2020.

Frohlich, C. (2020). Urban citizenship under post-Soviet conditions: Grassroots struggles of residents in contemporary Moscow. *Journal of Urban Affairs*, 42(2).

Fryer, P., Nasritdinov, E., & Satybaldieva, E. (2014). Moving toward the brink? Migration in the Kyrgyz Republic. *Central Asian Affairs*, 1(2).

Fumagalli, M. (2015). The Kumtor gold mine and the rise of resource nationalism in Kyrgyzstan (Central Asia Economic Papers No. 16). George Washington University.

Gawecki, M. (2013). New urbanization of the steppe. Astana: A capital called the capital. *Studia Historiae Oeconomicae*, 31(1).

Gentile, M., & Sjoberg, O. (2013). Housing allocation under socialism: The Soviet case revisited. *Post-Soviet Affairs*, 29 (2).

Gentile, M., & Tammaru, T. (2006). Housing and ethnicity in the post-Soviet city: Ust'-Kamenogorsk, Kazakhstan. *Urban Studies*, 43(10).

Gill, S. (2002). Constitutionalising inequality and the clash of globalisations. *International Studies Review*, 4 (2).

Gill, S. (2008). *Power and resistance in the new world order* (2nd ed.). Palgrave. Global Value Chains Center. (2017, October 17). The oil and gas services value chain in Kazakhstan. <https://gvcc.duke.edu/cggclisting/the-oil-and-gas-services-value-chain-in-kazakhstan/>.

Glushkova, S. (2011). Tasmaganbetov otvetil "golodovshikam"

razoblacheniyami. Azzattyq. https://rus.azattyq.org/a/housing_crisis_astana/2312480.html.

Glushkova, S. (2013). Protest na krane prodoljaetsya vtorye sutki. Azzattyq. <https://rus.azattyq.org/a/protest-na-krane-vyselenie-nazarbayev-universitet/25165763.html>.

Go, J. (2016). Postcolonial thought and social theory. Oxford University Press.

Goodwin, G. (2018). Rethinking the double movement: Expanding the frontiers of Polanyian analysis in the Global South. *Development and Change*, 49 (5).

Graeber, D. (2011). Debt: The first 5,000 years. Melville House Publishing.

Grassmann, F. (2011). Protecting vulnerable families in Central Asia: Poverty, vulnerability and the impact of the economic crisis (Innocenti Working Papers No. 2011-05). <https://www.unicef-irc.org/publications/639-protecting-vulnerable-families-in-central-asia-poverty-vulnerability-and-the-impact.html>.

Graziani, A. (1989). The theory of the monetary circuit. Thames Papers in Political Economy, Thames Polytechnic.

Green, J. E. (2016). Liberalism and the problem of plutocracy. *Constellations*, 23(1).

Grishin, A. (2012). После Жанаозена; 37-й год в ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОМ РЕГИОНЕ. Fergana News. <https://www.fergananews.com/articles/7236>.

Grishin, A., & Duvanov, S. (2018). Otchet o rezultatah monitoringa realizatsii prava kazakhstantsev na mirnye sobraniya v 2018 godu. Kazakhtanskoe mezhdunarodnoe byuro po pravam cheloveka i soblideniya zakonnosti. <https://bureau.kz/files/bureau/Docs/Reports/2018/Report%20MS%202018%20RUS.pdf>.

Gulbrandsen, L., & Moe, A. (2005, Winter). Oil company CSR collaboration in 'new' petro-states. *Journal of Corporate Citizenship*, 20.

Gullette, D., & Kalybekova, A. (2014). Agreement under pressure: Gold mining and protests in the Kyrgyz Republic. Friedrich Ebert Stiftung.

Guseva, A. (2005). Building new markets: A comparison of the Russian and American credit card markets. *Socio-Economic Review*, 3(3).

Habibov, N. (2014, May). Does reform in Kazakhstan improve access to child-care? Evidence from nationally-representative surveys. *Children and Youth Services Review*, 40.

Hairulina, N. (2019a). 7-го Tengiza: qto vuyasnila inspekciya truda? Ak Zhaiyk. <https://m.azh.kz/ru/news/view/61392>.

Hairulina, N. (2019b). Операторы должны взрастить конкурентноспособные казахские компании. Ak Zhaiyk. <https://azh.kz/ru/news/view/61349>.

Hann, C. (2016). Cucumbers and courgettes: Rural workfare and the new double movement in Hungary. *Intersections. East Europe Journal Society and Politics*, 2(2).

Harvey, D. (2005). *A brief history of neoliberalism*. Oxford University Press. Harvey, D. (2013). *Rebel cities. From the right to the city to the urban revolution*. Verso.

Hasanova, S. (2018a). Income inequality in Kyrgyzstan: The redistributive effect of social benefits. In M. Laruelle (Ed.), *New voices from Central Asia: Political, economic, and societal challenges and opportunities*. The George Washington University.

Hasanova, S. (2018b). Financial inclusion, financial regulation, financial literacy, and financial education in the Kyrgyz Republic (ADB Working Paper Series No. 850). Asian Development Bank Institute.

Hatcher, C. (2015a). Illegal geographies of the state: The legalisation of a 'squatter' settlement in Bishkek, Kyrgyzstan. *International Journal of Law in Built Environment*, 7 (1).

Hatcher, C. (2015b). Globalising homeownership: Housing privatisation schemes and the private rental sector in post-socialist Bishkek Kyrgyzstan. *International Development Planning Review*, 37 (4).

Hatcher, C. (2017). Making property in Kyrgyzstan: Bishkek's urban periphery as redistributive space. *Central Asian Affairs*, 4 (2).

Hayek, F. (1944). *The road to serfdom*. Routledge.

Hirschman, A. (1982). Rival interpretations of market society: Civilising, destructive or feeble? *Journal of Economic Literature*, 20 (4).

Ho, K. (2012). Finance. In D. Fassin (Ed.), *A companion to moral anthropology*. Wiley.

Hobson, J. (1937). Property and impropriety. Victor Gollancz Ltd.

Hoggarth, D. (2016). The rise of Islamic finance: Post-colonial market-building in central Asia and Russia. *International Affairs*, 92(1).

Horrocks-Taylor, J. (2018). Dirty water, muddied politics: hybridisation of local and national opposition to Kumtor mine, Kyrgyzstan. *Land*, 7 (2).

Hudson, M. (2014). *The bubble and beyond* (New). ISLET.

Hudson, M. (2015). *Killing the host: How financial parasites and debt bondage destroy the global economy*. CounterPunch Books.

Hudson, M. (2017). *J is for junk economics: A guide to reality in an age of deception*. ISLET.

Hudson, M. (2018)...and forgive them their debts: Lending, Foreclosures and redemption from bronze age finance to the jubilee year. ISLET.

Hudson, M. (2021). Finance capitalism versus industrial capitalism: The Rentier resurgence and takeover. *Review of Radical Political Economics*. <https://doi.org/10.1177/04866134211011770>.

Human Rights Watch. (2012). Striking oil, striking workers: violations of labor rights in Kazakhstan's oil sector. https://www.hrw.org/sites/default/files/rep_orts/kazakhstan0912ForUpload_0.pdf. Accessed July 2020.

Human Rights Watch. (2016). We are not the enemy: Violations of workers' rights in Kazakhstan. <https://www.hrw.org/report/2016/11/23/we-are-not-enemy/violations-workers-rights-kazakhstan>. Accessed July 2020.

Ibraimov, B. (2011). Kyrgyz plan grants land in South. http://centralasiaonline.com/en_GB/articles/caii/features/main/2011/04/27/feature-01?mobile=true.

Inform Buro. (2017, January 22). One seat in two chairs: *When parliamentary business is not an obstacle to lawmaking*. <https://old.informburo.kz/stati/odnim-mestom-na-dvub-kreslah-kogda-deputatskiy-biznes-zakonotvorchestvu-ne-pomeba.html>.

International Institute of Sustainable Development. (2018). IGF mining policy framework assessment. Kyrgyzstan. <https://www.iisd.org/publications/igf-mining-policy-framework-assessment-kyrgyzstan>. Accessed July 2020.

International Crisis Group. (2005). Kyrgyzstan: A faltering state (Asia Report No. 109). <https://www.crisisgroup.org/europe-central-asia/central-asia/kyrgyzstan/kyrgyzstan-faltering-state>.

International Finance Corporation. (2013). In the Kyrgyz Republic: Cutting red tape. https://www.ifc.org/wps/wcm/connect/news_ext_content/ifc_ext_ernal_corporate_site/news+and+events/news/kyrgyz+ipackage.

International Finance Corporation. (2016). Islamic banking and finance: Opportunities across micro, small and medium enterprises in Kyrgyz Republic. International Finance Corporation.

International Institute for Environment and Development. (2012). How to scrutinise a production sharing agreement: A guide for the oil and gas sector based on experience from the Caspian region. <https://pubs.iied.org/pdfs/16031IIED.pdf>. Accessed Sept 2020.

International Monetary Fund. (2010). Republic of Kazakhstan: 2010 Article IV Consultation (IMF Country Report No. 10/241). International Monetary Fund.

International Partnership for Human Rights. (2011, October 3). Podavlenie pprotectov paboqix v Kazaxctane. https://iphronline.org/wp-content/uploads/2011/10/rus_labor_protests_briefing_paper_oct_2011.pdf.

Isaacs, R. (2014). Neopatrimonialism and beyond: Reassessing the formal and informal in the study of Central Asian politics. *Contemporary Politics*, 20 (2).

Jager, P. (2014). Flows of oil, flows of people: Resource-extraction industry, labour market and migration in western Kazakhstan. *Central Asian Survey*, 33(4).

Janda, K., & Turba, B. (2013). Determinants of the financial performance of microfinance institutions in Central Asia. *Post-Communist Economies*, 25 (4).

Jessop, B. (2002). The future of the capitalist state. *Polity*.

Jessop, B. (2012). Neoliberalism. In G. Ritzer (Ed.), *The Wiley-Blackwell encyclopaedia of globalization* (Vol. 3). Wiley-Blackwell.

Jessop, B. (2015). Hard cash, easy credit, fictitious capital: Critical reflections on money as a fetishised social relation. *Finance and Society*, 1(1).

Jessop, B. (2018). The world market, 'North-South' relations and neoliberalism.

Alternate Routes: A Journal of Critical Social Research, 29.

Jumagulov, M., & Li, A. (2019). Osobnyaki vmesto derev'ev. Kak vlasti Bishkeka unichtojili bol'she treti parka Ata Turk. Kloop. <https://kloop.kg/t/park-ata-turk/osobnyaki-vmesto-derevyev/>.

Junisbai, A. (2010). Understanding economic justice attitudes in two countries: Kazakhstan and Kyrgyzstan. *Social Forces*, 88 (4).

Junisbai, B., & Junisbai, A. (2005). The democratic choice of Kazakhstan: A case study in economic liberalization, intra-elite cleavage and political opposition. *Demokratizatsiya*, 13(2).

Junisbai, B., & Junisbai, A. (2019). Regime type versus patronal politics: A comparison of 'ardent democrats' in Kazakhstan and Kyrgyzstan. *Post-Soviet Affairs*, 35 (3).

Kalashnikova, A. (2015). Chego dobivaetsa Esenbek Ukteshbaev? *Ratel*. https://ratel.kz/raw/21_aprelya.

Karim, L. (2011). *Microfinance and its discontents*. University of Minnesota Press. Karrar, H. (2020). The bazaar in ruins: Rent and fire in Barakholka Almaty. *Central Asian Survey*, 39 (1).

Kazakhstan Today. (2008, November 24). Proceeds from illegal monopoly activities of 'Almatyher' should be collected into the city budget — Human rights activist. https://www.kt.kz/rus/economy/dobodi_ot_nezakonnoj_monopol_jnoj_deyatelnosti_almatyher_sleduet_vziskatj_v_bjudzhet_goroda_prazvoshtitnik_1153469649.html.

Kazinform. (2012, September 20). Из показаний Р.Тулетаевой на суде в г.Актау: «Народный фронт» разыграл у нефтянников ненависть к власти. https://www.inform.kz/ru/iz-pokazaniy-r-tuletaevoy-na-sude-v-g-aktau-narodnyy-front-razzhygal-u-nefnyanikov-nenavist-k-vlasti_a2496122.

Kaztag. (2020). Nereal'nymi nazval deputat protsenty po kreditam v Kazakhstane. <https://kaztag.kz/ru/news/nerealnymi-nazval-deputat-protsenty-po-kreditam-v-kazakhstane>.

Keat, R. (2000). Cultural goods and the limits of the market. Macmillan. Keating, C., Rasmussen, C., & Rishi, P. (2010). The rationality of empowerment: Microcredit, accumulation by dispossession, and the gendered economy. *Signs*, 36(1).

Keen, S. (2011). Debunking macroeconomics. *Economic Analysis and Policy*, 41(3).

Kendall-Taylor, A. (2012). Purchasing power: Oil, elections and regime durability in Azerbaijan and Kazakhstan. *Europe-Asia Studies*, 64 (4). <https://doi.org/10.1080/09668136.2012.671567>.

Kenesary, B. (2011). Komu vugodno sohranat' ochag nyaprazheniya v Zhanaozene? Nomad. <https://nomad.su/?a=3-201107280016>.

Kennedy, M. (1995). Interest and inflation free money. Seva International. Kerimray, A., De Miglio, R., Rojas-Solórzano, L., & Ó Gallachóir, B. (2017). Household energy consumption and energy poverty in Kazakhstan. *IAEE Energy Forum*, 26.

Kilybayeva, S., Nassimova, G., & Masslimova, A. (2017). The Kazakhstani youth's engagement in politics. *Studies of Transition States and Societies*, 9 (1).

Kim, W. (2010). Polanyi's double movement and neoliberalization in Korea and Japan. *Social Movement Studies*, 9 (4). <https://doi.org/10.1080/14742837.2010.522306>.

Kloop. (2017). Кыргызстан: Анатомия митингов. <https://kloop.kg/blog/2017/04/19/kyrgyzstan-anatomiya-mitingov>, <https://kloop.kg/blog/2017/04/19/kyrgyzstan-anatomiya-mitingov/>.

Kloop (2019a, October 23). The park that was lost. <https://www.occrp.org/en/public-land-private-hands/the-park-that-was-lost>. Accessed July 2020.

Kloop. (2019b, October 23). The officials who gave it away. <https://www.occrp.org/en/public-land-private-hands/the-officials-who-gave-it-away>. Accessed July 2020.

Kloop. (2019c). How mayors of Bishkek and officials distributed land in Ataturk Park. <https://kloop.kg/t/park-ataturk/kak-chinovniki-razdavali-zemelnyye-uchastki-v-parke-ataturk/> Accessed July 2020.

Kn.kz (2008, April 8). Interview of lawyer Sergei Utkin to the agency Kazakhstan Today. <https://www.kn.kz/article/1201/>.

Koch, N. (2012). Urban 'utopias': The Disney stigma and discourses

of 'false modernity.' *Environment and Planning a: Economy and Space*, 44 (10). <https://doi.org/10.1068/a44647>.

Koch, N. (2014). Bordering on the modern: Power, practice and exclusion in Astana. *Transactions of the Institute of British Geographers*, 39 (3). <https://doi.org/10.1111/tran.12031>.

Koch, N. (2019). Post-triumphalist geopolitics: Liberal selves, authoritarian others. *ACME: An International Journal for Critical Geographies*, 18 (4).

Kohl, S. (2018). More mortgages, more homes? The effect of housing financialization on homeownership in historical perspective. *Politics and Society*, 46(2). <https://doi.org/10.1177/0032329218755750>.

Kolesova, E., & Beisembayeva, D. (2017). Understanding the Zhanaozen crisis through the intercultural lenses of Eurasianism in Kazakhstan. In A. M. George & K. Kwansah-Aidoo (Eds.), *Culture and crisis communication: Transboundary cases from Nonwestern perspectives*. Wiley.

Kopeyeva, A. (2020). Factors behind regional inequality in education in Kazakhstan. In M. Laruelle (Ed.), *New voices from Central Asia: Societal transformations*. The George Washington University.

Korneeva, O. (2009). Dolshiki i ipotechniki Kazakhtana sozdajut narodnoe dvizenie. *DW*. <https://www.dw.com/ru/dolshiki-i-ipotechniki-v-kazaxstane-cozdarot-napodnoe-dvizhenie/a-4269221>.

KPMG. (2019). Private equity market in Kazakhstan. <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/ez/pdf/2019/09/KPMG-Private-Equity-Market-in-Kazakhstan-ENG-2019.pdf>. Accessed Sept 2020.

Kronenberg, J. (2014). Viable alternatives for large-scale unsustainable projects in developing countries: The case of the Kumtor gold mine in Kyrgyzstan. *Sustainable Development*, 22(4). <https://doi.org/10.1002/sd.1529>.

Kudryavtseva, T. (2016). Bolee polumillionov Kyrgyzstantsev zashchityat ot proizvola kreditorov. 24.kg. https://24.kg/finansy/40325_bolee_polumilli_ona_kyrgyzstantsevzaschityat_ot_proizvola_kreditorov/.

Kuehnast, K., & Dudwick, N. (2002). Better a hundred friends than a hundred rubles? Social networks in transition — The Kyrgyz Republic. *World Bank Economists' Forum*, 2.

Kurmanov, A. (2016). Pyat' let s momenta rasstrela rabochih Zhanaozena. *Socialnoe Deistvie*. <http://socdeistvie.info/analytic/1724-pyat-let-s-momenta-rasstrela-rabochih-zhanaozena.html>.

Kushnareva, P. (2008). Obmanutyte dol'shiki Astany donesli svoi pretenzii Sergeju Horoshunu lichno. *Azzattyq*. <https://rus.azattyq.org/a/1328230.html>.

Kussainov, D. (2018). Inequality in secondary education and Kazakhstan's risk of becoming a fragmented society. In M. Laruelle (Ed.), *New voices from Central Asia: Political, economic, and societal challenges and opportunities*. The George Washington University.

Landen, A., & Fotaki, M. (2018). Gender and struggles for equality in mining resistance movements: Performing critique against neoliberal capitalism in Sweden and Greece. *Social Inclusion*, 6(4).

Laszczkowski, M. (2011). Building the future: Construction, temporality, and politics in Astana. *Focaal—Journal of Global and Historical Anthropology*, 60 (June). <https://doi.org/10.3167/fcl.2011.600107>.

Lawler, S. (2004). Rules of engagement: Habitus, power and resistance. *The Sociological Review*, 52(2).

LeBaron, G. (2014). Subcontracting is not illegal, but is it unethical? Business ethics, forced labor, and economic success. *Brown Journal of World Affairs*, 20 (2).

Lefebvre, H. (1996). *Writing on cities*. Blackwell.

Lerner, M. (1980). *The belief in a just world: A fundamental delusion*. Plenum Press.

Lewis, M. (2007). Comparing Islamic and Christian attitudes to usury. In M. Hassan & M. Lewis (Eds.), *Handbook of Islamic banking* (pp. 64–81). Edward Elgar.

Lewis, D. (2016). Blogging Zhanaozen: Hegemonic discourse and authoritarian resilience in Kazakhstan. *Central Asian Survey*, 35 (3).

Lexology. (2014, January 27). Tribunal dismisses the ICSID case *KT Asia v Kazakhstan* for absence of an investment. <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=cb52457a-df49-4708-94fc-5c8cd4b1c8c7>.

Lister, R. (2015). "To count for nothing?": Poverty beyond the statistics. *Journal of the British Academy*, 3.

Liu, M., & Pistorious, T. (2012). Coping with the energy crisis: Impact assessment and potentials of non-traditional renewable energy in rural Kyrgyzstan. *Energy Policy*, 44 (C). <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2012.01.025>.

Lottholtz, P., Heathershaw, J., Ismailbekova, A., Moldaliev, J., McGlinchey, E., & Owen, C. (2020). Governance and order-making in Central Asia: From illiberalism to post-liberalism? *Central Asian Survey*, 39 (3). <https://doi.org/10.1080/02634937.2020.1803794>.

Lukes, S. (2005). *Power: A radical view* (2nd ed.). Palgrave Macmillan.

Maclean, N. (2017). *Democracy in chains: The deep history of the Radical Right's Stealth Plan for America*. Viking Press.

Mader, P. (2015). *The financialisation of poverty*. Palgrave Macmillan.

Maggs, P. (1961). The security of individually-owned property under Soviet law. *Duke Law Journal*, 1961(4), 525–537.

Mahon, R. (1979). Regulatory agencies: Captive agents or hegemonic apparatuses! *Studies in Political Economy*, 1(1).

Maitanov, A. (2010). Казахские рабочие на Кахагане требуют прекратить их дискриминацию. *Azattyq*. https://rus.azattyq.org/a/kashagan_workers_s_strike/2117559.html.

Maitanov, A. (2011). С бастующими нефтяниками встретился депутат Европарламента. *Azattyq*. https://rus.azattyq.org/a/strike_kazakh_oil_workers_europarliament_member_visit/24269311.html

Maitanov, A., & Guzikov, L. (2006). S chego nachalas draka na Tengize: Svidetel'stva ochevidtsev i fotokamer. https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30074592#pos=7;-22.

Makhmudova, G., & Matsui, K. (2019). The remediation policy after mining works in the Kyrgyz Republic. *Resources Policy*, 61(C).

Manasov, Z. (2019). *The theory and the practice of neoliberal transformation in Kyrgyzstan: The case study of gold extraction in the Bozumchakmining field*. Unpublished PhD Thesis, Graduate School of Social Sciences of Middle East Technical University.

Marcuse, P. (1996). Privatization and its discontents: Property rights in land and housing in the transition in Eastern Europe. In G. Andrusz,

M. Harloe, & I. Szelenyi (Eds.), *Cities after socialism: Urban and regional change and conflict in post-socialist societies*. Blackwell.

Marinin, S. (2020). Agents of change? Civic engagement of Western-educated youth in Kazakhstan. In M. Laruelle (Ed.), *New voices from Central Asia: Societal transformations*. The George Washington University.

Mazzucato, M. (2018). *The value of everything: Making and taking in the global economy*. Penguin.

McGlinchey, E. (2011). *Chaos, violence, dynasty: politics and Islam in Central Asia*. University of Pittsburgh Press.

Microfinance Centre. (2011). *Research on the Level of Indebtedness and Repayment Performance of Individual Borrowers in Kyrgyzstan*. <https://mfc.org.pl/kyrgyzstan-research-on-indebtedness-and-repayment-performance/>. Accessed July 2020.

Mihailova, E. (2017). Ona torgovala svojim telom, chtoby vyplatit kredit banku,- yurist iz KR. Sputnik. <https://ru.sputnik.kg/society/20170122/1031388624/yurist-sulajman-usenov-o-dolgah-kyrgyzstancen.html>.

Mikhalev, V., & Heinrich, G. (1999). *Kyrgyzstan: A case study of social stratification* (World Institute for Development Economic Research Working Paper 164). http://www.wider.unu.edu/publications/working-papers/previous/en_GB/wp164/_files/82530858910950029/default/wp164.pdf. Accessed Sept 2020.

Mihalyi, P., & Szelenyi, I. (2017). The role of rents in the transition from socialist redistributive economies to market capitalism. *Comparative Sociology*, 16(1).

Mihalyi, P., & Szelenyi, I. (2019). *Rent-seekers, profits, wages and inequality: The top 20%*. Palgrave Macmillan.

Millar, J. (2016). Inside Astana, Kazakhstan: The 40 billion dollar city. GQ. <https://www.gq.com.au/lifestyle/travel/inside-astana-kazakhstan-the-40-billion-dollar-city/news-story/1a3b7b9ac1c751efb23f827e456385d8>.

Minsky, H. (1978). *The financial instability hypothesis: A restatement*. Thames Papers in Political Economy: Thames Polytechnic.

Mitchell, D. (2003). *The right to the city. Social justice and the fight for public space*. The Guildford Press.

Mitchell, T. (2011). Carbon democracy: Political power in the age of oil. Verso. Mogilevskii, R., Abdrazakova, N., Bolotbekova, A., Chalbasova, S., Dzhumaeva, S., & Tilekeyev, K. (2017). The outcomes of 25 years of agricultural reforms in Kyrgyzstan (Discussion Paper, No. 162). Leibniz Institute of Agricultural Development in Transition Economies, Halle. <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:gbv:3:2-69129>.

Morton, H. (1980). Who gets what, when and how? Housing in the Soviet Union. *Soviet Studies*, 32(2).

Moskovka, I. (2010). Esenbek Ukteshbaev, lider dvijeniya 'Ostavim narodu jil'e': My ne halyavshiki! *Time*. <https://time.kz/news/archive/2010/10/16/18354>.

Mukhametrakhimova, S. (2012). Казахстан: протестные группы ищут поддержки у профсоюзов *Institute for War & Peace Reporting*. <https://wpr.net/ru/global-voices/kazakhstan-pprotestnye-gruppy-issyut-poddepzski-y-profsoyuzov>.

Muminov, F. (2019). Protection of foreign investment in Central Asia. *Russian Law Journal*, 7 (4).

Mun, N. (2016). V Almaty ipotechniki postavili grob u vhoda v bank i shvyrali v sotrudnikov nizhnim bel'em. *Nur.kz*. <https://www.nur.kz/1010816-v-alm-aty-ipotechniki-postavili-grob-u-v.html>.

Murza, J. (2020). Исследование: нефтянники-экспаты зарабатывают в 20 раз больше местных специалистов. *Azattyq Ryhy*. <https://rus.azattyq-ruhy.kz/analytics/11169-ekspaty-i-kazakhstantsy-inostrantsy-neftianiki-zaraba-tyvaint-v-20-raz-bolshe-mestnykh-spetsialistov>.

Myant, M., & Drahoukoupil, J. (2011). Transition economies: Political economy in Russia, Eastern Europe, and Central Asia. Wiley.

Nasritdinov, E., & Schroder, P. (2017). Reclaiming Bishkek: Contestation and activism in the city of two revolutions. *Central Asian Affairs*, 4 (2).

National Bank of the Kyrgyz Republic. (2014). The financial sector stability report of the Kyrgyz Republic. The National Bank of the Kyrgyz Republic.

National Bank of the Kyrgyz Republic. (2016). The financial sector stability report of the Kyrgyz Republic. The National Bank of the Kyrgyz Republic.

Niyazbekov, N. (2018). Is Kazakhstan immune to color revolutions? The social movements perspective. *Demokratizatsiya*, 26(3).

Nogoibaeva, E. (2016). The Gold of Batken. Socio-cultural aspects of relationships between local communities and investors in Kyrgyz Republic: Based on field- work research in Batken province in the sphere of natural resources extraction. Bishkek.

Nunnally, S. (2017). Eight facts about water quality in Kyrgyzstan. The Borgen Project. <https://borgenproject.org/eight-facts-about-water-quality-in-kyrgyzstan/>.

Nussbaum, M. (2006). *Frontiers of justice: Disability, nationality and species membership*. Belknap.

Ombudsmen Report. (2017). *Novostroiki g. Bishkek: pravo na dostatochnoe jil'e, i inye socialnye, ekonomicheskie i kulturnye prava*. https://ombudsman.kg/index.php?option=com_content&view=article&id=101&catid=52&Itemid=364&lang=ru. Accessed July 2020.

O'Neill, J. (1998). *The market: Ethics, knowledge and politics*. Routledge. openDemocracy. (2018, April 3). Gold and water. <https://www.opendemocracy.net/ru/kumtor/>. Accessed Sept 2020.

Orazalin, N. (2019). Corporate governance and corporate social responsibility (CSR) disclosure in an emerging economy: Evidence from commercial banks of Kazakhstan. *Corporate Governance*, 19 (3).

Orazgaliyev, S. (2018). State intervention in Kazakhstan's energy sector: Nation- alisation or participation? *Journal of Eurasian Studies*, 9 (2).

Osenov, S. (2011). *Real estate and construction: Market analysis in Bishkek and Kyrgyzstan*. Aki Press. <http://parfenon39.ru/novosti/novosti-20/novost-71>.

Osmonova, K. (2016). Experiencing liminality: Housing, renting and informal tenants in Astana. *Central Asian Survey*, 35 (2). <https://doi.org/10.1080/02634937.2016.1146010>.

Ost, D. (2015). Class after communism: Introduction to the special issue. *East European Politics and Societies and Cultures*, 9 (3).

Ostrowski, W. (2009). The legacy of the 'colored revolutions': The case of Kazakhstan. *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, 25 (2–3).

Ostrowski, W. (2010). *Politics and oil in Kazakhstan*. Routledge.

Oxus International. (2013). Extracting sentiments: The effect of mining exploration and extraction on eight communities in the Kyrgyz Republic. Bishkek.

Palazuelos, E., & Fernandez, R. (2012). Kazakhstan: Oil endowment and oil empowerment? *Communist and Post-Communist Studies*, 45 (1–2).

Panchenko, T. (2020). Voronka kreditnoj aktivnosti. Bolee 80% ekonomicheskij aktivnyh kazakhstanstsev imejut kredity. Forbes.kz. https://forbes.kz/stats/bole_80_ekonomicheskij_aktivnyih_kazakhstanstsev_imeyut_kredityi/?

Paprocki, K. (2016). ‘Selling our own skin’: Social dispossession through microcredit in rural Bangladesh. *Geoforum*, 74.

Parenti, C. (2015). The environment making state: Territory, nature and value. *Antipode*, 47 (4).

Pchelyanskaya, I. (2016). How much did housing cost 25 years ago? Krishna. <https://krisha.kz/content/articles/2016/skol-ko-stoilo-zhil-yo-25-let-nazad>.

Pelkmans, M., & Umetbaeva, D. (2018). Moneylending and moral reasoning on the capitalist frontier in Kyrgyzstan. *Anthropological Quarterly*, 91(3).

Pettifor, A. (2017). The production of money: How to break the power of bankers. Verso.

Peyrouse, S. (2012). The Kazakh neopatrimonial regime: Balancing uncertainties among the ‘family’, oligarchs and technocrats. *Demokratizatsiya*, 20 (4).

Polanyi, K. (1944). The great transformation: Economic and political origins of our time. Rinehart.

Pomfret, R. (2011). Exploiting energy and mineral resources in Central Asia, Azerbaijan and Mongolia. *Comparative Economic Studies*, 53(1).

Pomfret, R. (2018). Exploiting a natural resource in a poor country: The good, the bad and the ugly sides of the Kyrgyz Republic’s gold mine (IOS Working Papers, No. 372). Leibniz Institute for East and Southeast European Studies.

Pomfret, R. (2019). The Central Asia economies in the twenty-first

century: Paving a New Silk Road. Cambridge University Press.

Porta, D., & Diani, M. (2006). *Social movements: An introduction*. Blackwell Publishing.

Proactive Investors. (2009, December 9). Cameco sells 48.5% stake in Centerra Gold for C\$872 million. <https://www.proactiveinvestors.co.uk/companies/news/71660/cameco-sells-485-stake-in-centerra-gold-for-c872-million-3205.html>.

Prokopenko, V. (2015). К resheniyu problemy suicyda v armii privilekut banki?. Tengri News. https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/resheniyu-problemyi-suitsida-armii-iz-za-kreditov-privilekut-269637/.

Rahmankulov, K. (2018). Судьба Джи Эл Макман Девелопинг остается под вопросом. Azattyk. <https://rus.azattyk.org/a/kyrgyzstan-djalal-abad-makmal-toguz-toro/29537425.html>.

Radio Free Europe/Radio Liberty. (1998, May 9). Kyrgyzstan: Kumtor spill signals further disasters. <https://www.rferl.org/a/1088758.html>. Accessed Sept 2020.

Radnitz, S. (2010). *Weapons of the wealthy: Predatory regimes and elite-led protests in Central Asia*. Cornell University Press.

Reeves, M. (2010). The latest revolution. *London Review of Books*, 32, 9. Regnum (2010, September 15). V Kazakhstane destabilizatsiya idet sverhu: interview. <https://regnum.ru/news/polit/1325747.html>.

Reuters. (2011, October 5). Компартия Казахстана увидела в запрете сигнал к досрочным выборам. <https://fr.reuters.com/article/orutp-kazakh-stan-party-suspended-idRURXE79411120111005>.

Roelen, K., & Gassmann, F. (2014). Beyond averages: Child well-being in Kazakhstan. *Journal of Children and Poverty*, 20(2). <https://doi.org/10.1080/10796126.2014.979139>.

Rojas, Y., & Stenberg, S. (2016). Evictions and suicide: A follow up study of almost 22,000 Swedish households in the wake of the global financial crisis. *Journal of Epidemiology Community Health*, 70 (4). <https://doi.org/10.1136/jech-2015-206419>.

Rolnik, R. (2011). Report of the Special Rapporteur on adequate housing as a component of the right to an adequate standard of living, and on the right to non-discrimination in this context. UN Human Rights Council. <https://www.ohchr.org/EN/HRBodies/HRC/RegularSe>

ssions/Session25/Documents/A_HRC_25_54_Add.2_ENG.DOC.

Accessed July 2020.

Rothe, D., & Kauzlarich, D. (2016). *Crimes of the powerful: An introduction*. Routledge.

Russian-Kyrgyz Development Fund (2015). *Annual report*. Russian-Kyrgyz Development Fund.

Ruziev, K., & Dow, S. (2013). *A review of banking sector reforms in transition economies (Working Paper 03/13)*. Centre for Global Finance, University of the West of England.

Ruziev, K., & Majidov, T. (2013). *Differing effects of the global financial crisis on the Central Asian countries: Kazakhstan, the Kyrgyz Republic and Uzbekistan*. *Europe-Asia Studies*, 65 (4).

Ruziev, K., & Midmore, P. (2014). *Informal credit institutions in transition countries: A study of urban money lenders in post-communist Uzbekistan*. *Post-Communist Economies*, 26(3).

Rysaliev, A. (2011). *Nedovol'stvo rabochih neftyannogo sektora Kazakhstana*. Institute for War & Peace Reporting. <https://inpr.net/ru/global-voices/ned-ovolstvo-rabochikh-neftyannogo-sektora-kazakhstana>.

Sabi, M. (2015). *Supply of Islamic microfinance in Central Asia: The case study of Tajikistan and Kyrgyzstan*. *International Journal of Islamic Finance*, 7 (2).

Sakal, H. B. (2015). *Natural resource policies and standard of living in Kaza- khstan*. *Central Asian Survey*, 34 (2). <https://doi.org/10.1080/02634937.2014.987970>.

Salmon, P. (2011). *Repression intensifies against Kazakh oil workers*. *Journal of Contemporary Central and Eastern Europe*, 19 (1–2). <https://doi.org/10.1080/0965156X.2011.632556>.

Samruk Kazyna. (2018). *Overview of investment attractiveness of Central Asian countries*. <https://www.sk.kz/upload/iblock/05c/05cd94b6368a1aadd76795e999b7745d.pdf>. Accessed Sept 2020.

Sandbrook, R. (2011). *Polanyi and post-neoliberalism in the Global South: Dilemmas of re-embedding the economy*. *New Political Economy*, 16(4). <https://doi.org/10.1080/13563467.2010.504300>.

Sandbrook, R. (2014). *Reinventing the left in the global south: The politics of the possible*. Cambridge University Press.

Sandel, M. (1984). The procedural republic and the unencumbered self. *Political Theory*, 12(1).

Sanghera, B. (2020). Justice, power and informal settlements: Understanding the juridical view of property rights in Central Asia. *International Sociology*, 35 (1).

Sanghera, B., & Satybaldieva, E. (2012). Ethics of property, illegal settlements and the right to subsistence. *International Journal of Sociology and Social Policy*, 32(1/2).

Sanghera, B., Satybaldieva, E., Rodionov, A., Serikzhanova, S., Choibekov, N., & Sultanmuratova, K. (2012). *Illegal settlements and city registration in Kyrgyzstan and Kazakhstan: Implications for legal empowerment*. Open Society Foundations.

Satgar, V., & Williams, M. (2019). Polanyi, nature and the international: The missing dimension of imperial ecocide. In A. Roland, B. Aulenbacher, U. Brand, F. Decieux, K. Fischer, & S. Birgit (Eds.), *Capitalism in transformation: Movements and countermovements in the 21st century*. Edward Elgar Publishing.

Satpayev, D., & Umbetaliyeva, T. (2015). The protests in Zhanaozen and the Kazakh oil sector: Conflicting interests in a rentier state. *Journal of Eurasian Studies*, 6(2).

Satybaldieva, E. (2011). *The nature of local politics in rural Kyrgyzstan: A study of social inequalities, everyday politics and neoliberalism*. Unpublished PhD Thesis, School of Politics and International Relations, University of Kent.

Satybaldieva, E. (2015). Why class matters in Kyrgyzstan: Everyday experiences, moral sentiments, and the politics of the poor. In M. Laruelle & J. Engvall (Eds.), *Kyrgyzstan beyond 'Democracy Island' and 'Failing State': Social and political changes in a post-Soviet society* (pp. 99–123). Lexington Books.

Satybaldieva, E. (2018a). A mob for hire? Unpacking older women's political activism in Kyrgyzstan. *Central Asian Survey*, 37 (2).

Satybaldieva, E. (2018b). Working class subjectivities and neoliberalisation in Kyrgyzstan: Developing alternative moral selves. *International Journal of Politics, Culture, and Society*, 31(1). <https://doi.org/10.1007/s10767-016-9251-5>.

Sawyer, S. (2012). The corporation, oil, and the financialization of risk. *American Ethnologist*, 39 (4).

Sayer, A. (1992). *Method in social science: A realist approach* (2nd ed.). Routledge.

Sayer, A. (2000). *Realism and social science*. Sage.

Sayer, A. (2000). Moral economy and political economy. *Studies in Political Economy*, 61(1).

Sayer, A. (2005). *The moral significance of class*. Cambridge University Press. Sayer, A. (2007). Moral economy as critique. *New Political Economy*, 12(2).

Sayer, A. (2011). *Why things matter to people: Social science, values and ethical life*. Cambridge University Press.

Sayer, A. (2015a). *Why we can't afford the rich*. Policy Press.

Sayer, A. (2015b). Time for moral economy? *Geoforum*, 65.

Sayer, A. (2016). Moral economy, unearned income and legalized corruption. In D. Whyte & J. Wiegratz (Eds.), *Neoliberalism and the moral economy of fraud*. Routledge.

Sayer, A. (2017). Values within reason. *Canadian Review of Sociology*, 54 (4).

Sayer, A. (2018). Welfare and moral economy. *Ethics and Social Welfare*, 12(1),

Sayer, A. (2020). Rentiership, 'improperty' and moral economy. *Environment and Planning A: Economy and Space*. <https://doi.org/10.1177/2F0308518 X20908287>.

Schneiderman, D. (2000). Investment rules and the new constitutionalism. *Law and Social Inquiry*, 25 (3).

Schneiderman, D. (2001). Constitutional approaches to privatisation: An inquiry into the magnitude of neo-liberal constitutionalism. *Law and Contemporary Problems*, 63(4).

Schneiderman, D. (2008). *Constitutionalising economic globalisation: Investment rules and democracy's promise*. Cambridge University Press.

Schneiderman, D. (2014). The global regime of investor rights: Return to the standards of civilised justice? *Transnational Legal Theory*, 5 (1).

Schneiderman, D. (2015). Constitutional property rights and elision

of the transnational: Foucauldian misgivings. *Social and Legal Studies*, 24 (1), 65–87. Schroder, P. (2010). ‘Urbanizing’ Bishkek: Interrelations of boundaries, migration, group size and opportunity structure. *Central Asian Survey*, 29 (4).

Seitz, W. (2020). Urbanization in Kazakhstan: Desirable cities, unaffordable housing, and the missing rental market. *International Journal of Urban Sciences*. <https://doi.org/10.1080/12265934.2019.1709534>.

Sen, A. (1999). *Development as freedom*. Oxford University Press.

Sharipova, D. (2015). Who gets what, when and how? Housing and informal institutions in the Soviet Union and post-Soviet Kazakhstan. *Central Asian Affairs*, 2(2).

Shaxson, N., & Christensen, J. (2013). The finance curse: How oversized financial sectors attack democracy and corrupt economies. Tax Justice Network. http://www.taxjustice.net/cms/upload/pdf/Finance_Curse_Final.pdf. Accessed July 2020.

Shedenova, N., & Beimisheva, A. (2013). Social and economic status of urban and rural households in Kazakhstan. *Procedia—Social and Behavioral Sciences*, 82. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2013.06.314>.

Shmatenko, L. (2013). An overview of Kazakhstan’s investment laws and its investor-state arbitral awards. *The International Law Quarterly*, 30 (4). Silva, E. (2012). Exchange rising? Karl Polanyi and contentious politics in contemporary Latin America. *Latin American Politics and Society*, 54 (3) <https://doi.org/10.1111/j.1548-2456.2012.00163.x>.

Silverman, D. (2011). *Interpreting qualitative data: A guide to the principles of qualitative research*. Sage.

Smart, A. (2001). Unruly places: Urban governance and the persistence of illegality in Hong Kong’s urban squatter areas. *American Anthropologist*, 103(1).

Smith, A. (1776). An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. <https://www.econlib.org/library/Smith/smWN.html>. Accessed Nov 2019.

Smith, A. (1976 [1759]). *The theory of moral sentiments*. Liberty Fund.

Snider, L. (2009). Accommodating power: The ‘common sense’ of

regulators. *Social & Legal Studies*, 18 (2).

Socialism.kz (2009). Aktsiya ipotechnikov priostanovlena. <http://socialismkz.info/?p=1040>.

Socialism.kz. (2016). Ipotechniki kak orudie informatsionnoj vojny akordy. <http://socialismkz.info/?p=16191>.

Soederberg, S. (2012). The Mexican debtfare state: Dispossession, micro-lending, and the surplus population. *Globalizations*, 9 (4).

Soederberg, S. (2014). *Debtfare states and the poverty industry*. Routledge.

Solidarity Center. (2019, March 8). Kyrgyz unions find unreported worker death and injuries. <https://www.solidaritycenter.org/kyrgyz-unions-find-unreported-worker-deaths-and-injuries/>.

Solo. (2020). Meken toluk metrajduu korkom tasmasy. https://www.youtube.com/watch?v=63_sxMT2eM&lc=Ugzf7WvH/C3-U3z1-494AaABAq.

Spector, R. (2006). Who governs the marketplace? The politics of bazaars in Kyrgyzstan. Institute of Public Policy.

Spector, R. (2008). Bazaar politics: The fate of marketplaces in Kazakhstan. *Problems of Post-Communism*, 55 (6).

Spector, R. (2017). *Order at the bazaar: Power and trade in Central Asia*. Cornell University Press.

Spector, R., & Botoeva, A. (2017). New shop owners in old buildings: Spatial buildings of the apparel industry in Kyrgyzstan. *Post-Soviet Affairs*, 33(3).

Sputnik. (2018a, August 8). How not to turn from a mayor into a prisoner— Learning from the mistakes of ex-mayors. <https://ru.sputnik.kg/politics/20180808/1040543325/bishkek-mehr-ugolovnoe-delo.html>.

Sputnik. (2018b, December 19). Nazvan pobeditel tendera po razrabotke rudnika Makmal. <https://ru.sputnik.kg/economy/20181219/1042510374/mak-mal-tender-pobeditel-manson-grupp.html>.

Sputnik. (2019, November 21). Surakmatov has 11 apartments, one of 318 square meters. <https://ru.sputnik.kg/politics/20191121/1046305365/kyrgyzstan-surakmatov-11-kvartir.html>.

Sputnik. (2020, January 15). Bepnytb ilbe, otobpannoe bankami za dolgi po ipoteke, mo et bydet po ppopgamme

рефинансирования ипотечных илiвных заёмов. <https://ru.sputniknews.kz/economy/20200115/12549755/gosudarstvo-banki-kvartiry.html>.

Standing, G. (2016). *The corruption of capitalism: Why Rentiers thrive and work does not pay*. Biteback Publishing.

Steimann, B. (2011). *Making a living in uncertainty: Agro-pastoral livelihoods and institutional transformations in post-socialist rural Kyrgyzstan*. University of Zurich.

Stenning, P., Shearing, C., Addario, S., & Condon, M. (1990). Controlling interests: Two conceptions of order in regulating a financial market. In M. Friedland (Ed.), *Securing compliance* (pp. 88–119). University of Toronto Press.

Stiglitz, J. (1994). The role of the state in financial markets. The World Bank. <http://documents.worldbank.org/curated/en/239281468741290885/pdf/multi-page.pdf>.

Stone, L. (2012). Central Asian studies. *Journal of Third World Studies*, 29 (1).

Suleimenova, L. (2013). Казсодержание: Казахская народная сказка про белого бычка. *Ак Zhaiyk*. <https://azb.kz/ru/news/view/17397>.

Suleimenova, L. (2015). Крошки от нефтяного пирога. *Ак Zhaiyk*. <https://azb.kz/ru/news/view/27168>.

Sultakeev, K., Karymshakov, K., & Sulaimanova, B. (2018). The impact of micro-finance on entrepreneurship in Kyrgyzstan. *Acta Oeconomica Pragensia*, 26(2).

Szelenyi, I. (1987). Housing inequalities and occupational segregation in state socialist cities: Commentary to the special issue of IJURR on east European cities. *International Journal of Urban and Regional Research*, 11(1).

Tag El-Din, S., & Hassan, M. (2007). Islam and speculation in the stock exchange. In M. Hassan & M. Lewis (Eds.), *Handbook of Islamic banking*. Edward Elgar.

Tawney, R. H. (1921). *The acquisitive society*. G. Bell and Sons.

Tazabek. (2019, June 3). Blacklist of construction companies: Who are they? <http://www.tazabek.kg/news:1549840>.

The Diplomat. (2018, August 9). Unopposed but protested: Bishkek

gets a new mayor. <https://thedi diplomat.com/2018/08/unopposed-but-protested-bishkek-gets-a-new-mayor/>.

The Global Economy. (2020). Real interest rate — Country ranking. https://www.theglobaleconomy.com/rankings/Real_interest_rate/.

The Guardian. (2019, October 17). Life in limbo: Inside Bishkek's illegal 'new buildings'. <https://www.theguardian.com/cities/2017/oct/17/life-limbo-inside-bishkek-illegal-new-builds-kyrgyzstan>.

The Times of Central Asia. (2016, January 16). State mortgage company starts operating in Kyrgyzstan. <https://www.timesca.com/index.php/news/16215-state-mortgage-company-starts-operating-in-kyrgyzstan>.

The Times of Central Asia. (2017, February 27). 'Affordable housing' unaffordable for most public sector employees in Kyrgyzstan. <https://www.timesca.com/index.php/news/17730-affordable-housing-unaffordable-for-most-public-sector-employees-in-kyrgyzstan>.

Today. (2009, July 7). Shareholders ask the president for help. <http://today.kz/news/kazakhstan/2009-07-07/15961-sert/>.

Toguzbaev, K. (2011). Часть оппозиции создает очередной «Народный фронт». Azattyq. https://rus.azattyq.org/a/opposition_parliament_election_/24249814.html.

Toiken, S. (2011). Мангистауцы в Брюсселе. Ak Zhaiyk. <https://azb.kz/ru/news/view/7551>.

Toiken, S. (2019). Конфликт на месторождении Тенгиз и его вероятные причины. Azattyq. <https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-aterau-tengiz-voz-mozhnye-prichiny/30036348.html>.

Toktomushev, K. (2015). Regime security, base politics and rent-seeking: The local and global political economies of the American air base in Kyrgyzstan, 2001–2010. *Central Asian Survey*, 34 (1).

Tombs, S. (2012). State-corporate symbiosis in the production of crime and harm. *State Crime Journal*, 1(2).

Tombs, S., & Whyte, D. (2009). State and corporate crimes. In R. Coleman, J. Sim, S. Tombs, & D. Whyte (Eds.), *State, power, crime*. Sage.

Tombs, S., & Whyte, D. (2020). The shifting imaginaries of corporate crime. *Journal of White Collar and Corporate Crime*, 1(1).

Torebaeva, M., & Ivanov, A. (2006). Imangali Tasmagambetov: Davaite vmeste rassmatrivat' etu problem. *Nomad*. <https://nomad>.

su/?a=10-200607250314.

Transnational Institute. (2017). Kyrgyz Republic's experience with investment treaties and arbitration cases. https://www.tni.org/files/publication-downloads/tni_pb_kyrgyz_republic_online_210717.pdf. Accessed Sept 2020.

Transparency International. (2013, January 9). Overview of corruption and anti- corruption in Kyrgyzstan. Number 363. https://www.transparency.org/files/content/corruptionqas/363_Overview_of_Corruption_in_Kyrgyzstan.pdf.

Tsenkova, S. (2014). The housing policy nexus and people's responses to housing challenges in post-communist cities. *Urbani Izziv*, 25 (2).

Trilling, D. (2013). Kyrgyzstan: Another gold mine attacked as Kumtor protests continue. *Eurasianet*. <https://eurasianet.org/kyrgyzstan-another-gold-mine-attacked-as-kumtor-protests-continue>.

Turganbayev, Y., & Diener, A. (2018). Kazakhstan's evolving regional economic policy: Assessing strategies of post-socialist development. *Eurasian Geography and Economics*, 59 (5–6). <https://doi.org/10.1080/15387216.2019.1586559>.

UNCTAD. (2020a). International investment agreements navigator: Kazakhstan. <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/countries/107/kazakhstan>. Accessed Sept 2020.

UNCTAD. (2020b). Investment dispute settlement navigator: Kazakhstan. <https://investmentpolicy.unctad.org/investment-dispute-settlement/country/107/kazakhstan>. Accessed Sept 2020.

UNDP. (2010). Kyrgyzstan: The second progress report on the millennium development goals. <http://www.undp.org/content/dam/undp/library/MDG/english/MDG%20Country%20Reports/Kyrgyzstan/2010.pdf>. Accessed Sept 2020.

Ursulenko, K. (2010). Regional development in Kazakhstan. *Kurzanalysen und Informationen*, No 47. <https://www.dokumente.iis-regensburg.de/publikationen/info/info-47.pdf>.

Vesti. (2012, March 12). V Kyrgyzstane rastet chislo samoubijstv sredi dolzhsnikov po kreditam. <https://vesti.kg/proissbestviya/item/10996-v-kyrgyzstane-ras-tet-chislo-samoubijstv-sredi-dolzhsnikov-po-kreditam.html>.

Waldron, J. (2012). *The rule of law and the measure of property*. Cambridge University Press.

Walker, R. (2017). Value and nature: Rethinking capitalist exploitation and expansion. *Capitalism Nature Socialism*, 28 (1).

Watts, M. (2005). Righteous oil? Human rights, the oil complex, and corporate social responsibility. *Annual Review of Environment and Resources*, 30.

Watts, M. (2009). *Crude politics: Life and death on the Nigerian oil fields*. Institute of International Studies, University of Berkeley, USA. <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.518.4318&rep=rep1&type=pdf>.

Watts, M. (2012). A tale of two gulfs: Life, death and dispossession along two oil frontiers. *American Quarterly*, 64 (3).

Weinrib, E. (2002). Corrective justice in a nutshell. *University of Toronto Law Journal*, 52.

Whyte, D., & Wiegratz, J. (2016). *Neoliberalism and the moral economy of fraud*. Routledge.

Wiegratz, J. (2016). *Neoliberal moral economy: Capitalism, socio-cultural change and fraud in Uganda*. Rowman and Littlefield.

Wolters, A. (2016). Islamic finance and the state in Central Asia. *Central Asian Affairs*, 3(4).

Wooden, A. (2013). Another way of saying enough: Environmental concern and popular mobilization in Kyrgyzstan. *Post-Soviet Affairs*, 29 (4).

Wooden, A. (2014). Kyrgyzstan's dark ages: Framing and the 2010 hydroelectric revolution. *Central Asian Survey*, 33(4).

World Bank. (2009). *Doing business 2010: Kyrgyz Republic*. The World Bank. World Bank. (2014). *Doing business 2015: Kyrgyz Republic*. The World Bank. World Bank. (2020a). Total natural resources rent (% of GDP) — Kazakhstan and Kyrgyz Republic. <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.TOTL.RT.ZS?locations=KZ-KG>.

World Bank. (2020b). Personal remittances, received (% of GDP)—Kyrgyz Republic and Kazakhstan. <https://data.worldbank.org/indicator/BX.TRF.PWKR.DT.GD.ZS?locations=KG-KZ>.

Yale School of Management. (2011a). Kyrgyz MFI Comparison in 2010. https://vol11.cases.som.yale.edu/sites/default/files/cases/kompanion_financial_group/Picture%2043.png.

Yale School of Management. (2011b). Microfinance in Kyrgyzstan: Growth and competition. <https://vol11.cases.som.yale.edu/kompanion-financial-group/kyrgyzstan/microfinance-kyrgyzstan-growth-and-competition>.

Yale School of Management. (2011c). Mercy Corps and Kompanion. <https://vol11.cases.som.yale.edu/kompanion-financial-group/introduction/mercy-corps-and-kompanion>.

Yessenova, S. (2010). Borrowed places: Eviction wars and property rights formalization in Kazakhstan. In *Economic action in theory and practice: Anthropological investigations, research in economic anthropology* (30).

Yessenova, S. (2012). The Tengiz Oil enclave: Labor, business and the state. *Political and Legal Anthropology Review*, 35 (1).

Yessenova, S. (2015). The political economy of oil privatisation in post-Soviet Kazakhstan. In H. Appel, A. Mason, & M. Watts (Eds.), *Subterranean estates: Life worlds of oil and gas*. Cornell University Press.

Yuricyн, V. (2011). Represii protiv “ONZ”, “SDK” i Zhanartu. <https://zonakz.net/2011/09/06/peppeccii-ppotiv-onz-ckk-i-жа/>.

Zavisca, J. (2008). Property without markets: Housing policy and politics in post-Soviet Russia, 1992–2007. *Comparative European Politics*, 6(3).

КАПИТАЛИЗМ РАНТЬЕ И КОНТРДВИЖЕНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

«Смелый анализ паразитического капитализма рантье, применительно к обычно игнорируемой части глобальной экономики. Начало ему было положено безрассудной доктриной шоковой терапии, навязанной региону в 1990-е годы Западом. Сегодняшняя ненасытная олигархия — прямой потомок неолиберальной догмы».

— Профессор Гай Стэндинг, SOAS, Лондонский университет

«Сочетая качественную эмпирику с пронизательными теоретическими выводами, Сангера и Сатыбалдиева показывают роль неолиберализма в возрастании богатства класса рантье за счет бедных слоев населения в Казахстане и Кыргызстане. Даваемый ими анализ обязателен для ознакомления всем тем, кто интересуется природой и путями развития современного капитализма, в приложении к Центральной Азии, в особенности».

— Профессор Сьюзан Содерберг, Университет Квинс

«В этой превосходно написанной, но оставляющей тягостное впечатление книге описывается трагедия, вызванная постсоветским неолиберальным переделом Казахстана и Кыргызстана. Вняв советам американских чиновников, Всемирного банка и МВФ, и передав местной клептократии приватизированные государственные активы, эти страны оказались вынуждены действовать в большей степени в интересах иностранных финансовых институтов и корпораций, чем в интересах собственного населения. Обещанное "верховенство закона" оказалось на деле верховенством судов по рассмотрению инвестиционных споров, отклоняющих всякие попытки государства взыскать с иностранных инвесторов плату за причиненный ими экологический и социальный ущерб. Внутри же страны закон "свободного рынка", касающийся т.н. "прав собственности" продолжает поддерживать привилегии кредиторов, оставляющих на своем пути экспроприированное население: влезавших в долги, теряющих свои дома и оказывающихся в ситуации социального отчуждения заемщиков».

— Профессор Майкл Хадсон, Университет Миссури

«В этой поистине исключительной книге Бакихар Сангера и Эльмира Сатыбалдиева подвергаются тщательному анализу формы капиталистических общественных отношений в постсоветской Центральной Азии — в частности, извлечение ренты и непроизводственных доходов. Они оживляют теоретические категории "моральной экономики" и живописуют контрдвижения, противостоящие капиталу, с помощью интервью с людьми, чьи отношения друг с другом находятся в процессе непрерывной трансформации: кредиторы и заемщики, городские чиновники и жители неформальных поселений, профсоюзные деятелями и общественные активисты. Блестящий и разительный контраст в сравнении с массой исследований, рассматривающих Центральную Азию через призму геополитики других стран».

— Профессор Саймон Пирани, Даремский университет